

Министерство образования и науки Российской Федерации
Научно-координационный совет «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». Секция философии, политологии, социологии, психологии, права
Отделения общественных наук РАН
Институт философии РАН
Центр изучения социокультурных изменений
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОЕКТИРОВАНИЯ
МОДЕРНИЗАЦИИ В РЕГИОНАХ И
МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ
РОССИИ**

**Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции по программе
«Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов»**

Самара-Тольятти, 26-29 сентября 2016 г.

**Самара
2016**

УДК 330.34
ББК 60.524
С69

Редакционная коллегия:

Н.И. Лапин, член-корреспондент РАН (председатель)
Л.А. Беляева, доктор социологических наук
Н.А. Касавина, кандидат философских наук
С.А. Мартышкин, доктор исторических наук
Д.В. Прохоров, кандидат социологических наук
В.М. Цлаф, кандидат технических наук
Д.М. Шабунин, кандидат социологических наук
А.М. Исупов, кандидат экономических наук

Проблемы социокультурных исследований и проектирования модернизации в регионах и муниципальных образованиях России: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», 26-29 сентября 2016 г. Самара-Тольятти – Самара: Самарский университет, 2016 – 308 с.

В сборнике представлены доклады участников XII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» на тему «Социокультурное исследование и проектирование этапов модернизации российских регионов и муниципалитетов», проведенной в Самаре – Тольятти с 26 по 29 сентября 2016 года. Доклады посвящены различным аспектам социокультурной модернизации российского общества и методам ее исследования и проектирования.

Сборник предназначен для исследователей – социологов, экономистов, культурологов, специалистов по управлению, лиц, замещающих государственные должности РФ и регионов РФ, должности государственной и муниципальной службы, а также для студентов, обучающихся по социологическим, экономическим, культурологическим и управленческим направлениям.

Проведение конференции и издание сборника ее материалов осуществлены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-03-14041z)

УДК 330.34
ББК 60.524

ISBN 978-5-600-01556-2

© Российский гуманитарный научный фонд, 2016
© Самарский университет
© Коллектив авторов

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Часть 1. Социокультурные реалии модернизации в регионах и федеральных округах, методология ее исследований и проектирования	8
Лапин Н.И. Проблемное поле российской модернизации и воспитание субъектов ее регулирования.....	9
Беляева Л.А. Качество жизни и социальный капитал в федеральных округах России. Методология и методика анализа, эмпирическая верификация.....	17
Мартышкин С.А., Прохоров Д.В. Социокультурная модернизация России: исторический ракурс и современные задачи.....	26
Шабунин Д.М. Циклы российской модернизации	32
Ромашкина Г.Ф. Модернизационный проект: на примере Тюменской области.....	37
Когай Е.А. Социокультурное проектирование модернизационных процессов в Центральном Черноземье.....	43
Балезина Е.А. Оценка текущего состояния модернизационных процессов в Пермском крае.....	49
Лавренюк Н.М. Стратегическое управление развитием человеческого потенциала в Республике Башкортостан.....	53
Цлаф В.М. Модернизация как процесс: онтологическое и методологическое обоснование проектного подхода.....	58
Тарасов В.Т. Системный подход к анализу основных компонент модернизации: проблемы методологии.....	65
Плотникова Е.Б., Маркова Ю.С. Опыт использования качественного, количественного подходов в исследовании модернизационного потенциала в структуре ценностей российских регионов (на примере Пермского края).....	72
Пасовец Ю.М. Адаптационный потенциал в структуре социокультурного потенциала модернизационных преобразований российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья).....	78
Булатова Т.А. Социокультурные изменения в контексте модернизационных процессов региона (на материалах Томской области).....	84
Дулина Н.В., Каргаполова Е.В. Трансформация жизненного мира астраханцев в условиях финансово-экономического кризиса (по итогам прикладного социологического исследования).....	90
Мостовая Е.Б. Природа и двойственность субъекта вторичной модернизации.....	96
Крупчатникова В.В. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: проблема соответствия теоретических основ интеграции и степени согласованности главных компонент ее эффективности.....	102
Часть 2. Человеческое развитие, социальный капитал, труд, бизнес и процессы модернизации в местных сообществах (муниципальных образованиях).....	108
Дергунова Н.В. Проблемы согласования приоритетов экономической политики региона и развития человеческого потенциала (Ульяновская область 2010-2015 гг.).....	109
Семедова-Полупан Н.Г. К вопросу об оценке потенциала и возможностей модернизации муниципальных образований Чувашской республики.....	114
Кубикова Н.В. Базисные механизмы управления модернизацией бизнеса в российских регионах.....	121
Винокуров А.И. Взаимодействие культур приграничья в фокусе социокультурного портрета региона (на материалах Смоленской области).....	127
Дьячкова Ю.А. Качество человеческого капитала и уровень модернизированности хозяйства региона.....	134

Исупов А.М. Динамика экономической активности населения регионов Приволжского федерального округа	139
Каргаполова Е.В., Ануфриев Д.П. Жилищный вопрос в иерархии актуальных проблем районных центров Астраханской области	144
Коломенская А.С., Корчагина А.П., Соловьева А.Д. Особенности формирования и функционирования местной элиты в представлениях жителей муниципального образования (на примере города Новосибирск)	150
Королева Е.Н. Социокультурные факторы в стратегическом планировании развития муниципальных образований	156
Соловьев С.С. Уровень социального капитала жителей Пермского края	160
Тарасова А.Н. Доверие в трудовых отношениях как социокультурный фактор модернизации	165
Хорошилова А.В. Роль малого бизнеса в развитии регионов Центрального Черноземья	170
Часть 3. Жизненные миры населения, здоровье, экология и процессы модернизации в местных сообществах (муниципальных образованиях)	176
Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф. Антропологическая парадигма «жизненных миров», «первичных территориальных общностей», «поселенческих идентичностей» и «радиусов доверия»: философские и социологические аспекты	177
Андреанова Е.В. Проблемы занятости населения как социокультурный фактор модернизации	185
Баранов А.В. Сравнительный анализ жизненных миров региональных сообществ (на материалах Краснодарского края и Республики Крым)	190
Касавина Н.А., Кулибаба С.И. Местное сообщество и творческие социокультурные процессы	196
Арбитайло И.Я. Система здравоохранения в оценках населения жителей юга Тюменской области	201
Кадничанская М.И., Галкина Е.П. Проблемы реформирования сферы здравоохранения в контексте модернизации региона (на примере Ульяновской области)	206
Мосин В.И. Социокультурные факторы вовлечения населения муниципальных образований Тульской области в улучшение экологической ситуации в процессе модернизации региона	211
Гордеев Ю.А., Кулагин А.А. Влияние зеленых насаждений на шумовую характеристику урбанизированных территорий	216
Кудинова Г.Э., Розенберг А.Г., Розенберг Г.С. Становление, современное состояние и перспективы развития экологической модернизации при обеспечении устойчивого развития	222
Лазарева Н.В. Особенности состояния здоровья населения в зависимости от влияния антропогенной нагрузки	228
Хабирова Л.М., Кулагин А.А. Восстановление растительного покрова естественным путем на неэксплуатируемых карьерах по добыче глины на территории Республики Башкортостан	233
Хусаинова Л.Р., Кулагин А.А. Оценка экологических последствий деятельности горно-обогатительных комбинатов Южного Урала на травянистую, древесно-кустарниковую и древесную растительность	238
Юрина В.С. Экологическая экономика как основа устойчивого развития с применением экологических основ модернизации в результате социокультурной эволюции	243
Часть 4. «Возмутители спокойствия» в регионах и местных сообществах: молодежь, ценности, образование, наука	246
Бойко И.И., Долгова А.П., Харитоновна В.Г. Базовые ценности населения Чувашии: общие тенденции и этнические особенности	247
Ласточкина М.А. Динамика жизненных позиций молодежи: региональный аспект	252

Юсупов М.М. Справедливость в контексте социокультурной модернизации региона	258
Прокочук Т.Л. Традиции и новации в системе ценностей молодежи Центрального Черноземья	262
Воронова К.А. Роль государства в модернизации высшего образования в современной России: применение западных концепций государственного управления.....	267
Галкина Е.П., Власова Н.В. Некоторые проблемы реформирования института образования как компонента когнитивного уровня модернизации региона (на примере Ульяновской области).....	272
Скворцова О.В. Особенности профессиональной мотивации молодежи в условиях модернизации образования	277
Климович Л.В. Государственная социальная поддержка молодых специалистов сферы образования (на примере Ульяновской области)	285
Гордеева С.С. Роль государства в решении алкоголизации молодежи	290
Нахимова Я.Н. Деформации профилактики наркотизма на муниципальном уровне: несоответствие ожиданий и реальности	294
Сироткин П.Ф. Ценность ИВЕНТ (EVENT)-деятельности религиозных организаций в процессе модернизации российских регионов	301
Сведения об авторах	304

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник включает материалы, подготовленные в качестве докладов участниками XII Всероссийской научно-практической конференции в рамках программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Конференция пройдет с 26 по 29 сентября 2016 года в двух городах Самарской области – Самаре и Тольятти. Тема конференции: «Социокультурное исследование и проектирование этапов модернизации российских регионов и муниципалитетов».

Программа «Социокультурная эволюция России и ее регионов» была инициирована Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН (ЦИСИ ИФ РАН, руководитель – член-корреспондент РАН д.ф.н. профессор Н.И. Лапин) в 2005 г. в нескольких субъектах Российской Федерации. К настоящему времени к программе присоединились исследовательские коллективы более чем 30 регионов страны.

В 2005 г. были разработаны типовая методика и инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (ЦИСИ ИФ РАН, авторы – Н.И. Лапин и Л.А. Беляева), на основе которой научными коллективами в субъектах Российской Федерации стали создаваться социокультурные портреты регионов России. В некоторых регионах уже прошли повторные исследования, что позволяет не только сравнивать регионы между собой, но и рассматривать регион в динамике. Своеобразным итогом этой работы за первые 5 лет ее выполнения стала коллективная монография «Регионы России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте» (2009, 50 п.л.).

В 2011 г. по инициативе руководителя программы Н.И. Лапина типовая методика была дополнена методикой получения индексов модернизации, разработанной Центром исследований модернизации Академии наук Китая (ЦИМ АНК, руководитель – профессор Хэ Чунаньци), и применена к российским регионам, что позволило оценить достигнутый уровень модернизации в каждом регионе.

Результаты исследований процессов модернизации регионов России позволили Н.И. Лапину сделать вывод, что в современной России осуществляются одновременно две стадии модернизации: индустриальная (первичная) и информационная (вторичная). Россия в целом находится в подготовительной фазе вторичной, информационной стадии. Около 60 регионов России из 85 еще остаются на первичной, индустриальной стадии модернизации, многие регионы нуждаются в новой индустриализации, а некоторые вообще находятся в начале индустриализации. Эти стадии осуществляются в разных территориях России, как и в других странах, неравномерно и не сбалансировано по уровню социально-экономических и культурно-когнитивных составляющих: качества экономики, качества жизни, инноваций в знаниях и трансляции знаний. Процессы модернизации осуществляются спонтанно и фрагментарно, с помощью точечного управления в ручном режиме, при отсутствии долгосрочной стратегии оптимального сопряжения федеральной вертикали и регионально-муниципальной горизонтали. (см.: Н.И. Лапин. Проблемное поле российской модернизации и воспитание субъектов ее регулирования. // В наст. сб.)

В числе важных итогов изучения проблем модернизации – информационно-аналитическая система «Модернизация», созданная в Институте социально-экономического развития территорий РАН (г. Вологда) и включающая базы эмпирических данных процессов модернизации в регионах России 2000-2012 гг., и подготовленная к публикации рукопись проблемно-аналитического «Атласа модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы» (25 п.л.).

В рамках программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», ежегодно осенью при поддержке Российского гуманитарного научного фонда проводятся Всероссийские научно-практические конференции. Их материалы опубликованы в 11 сборниках. XII Всероссийская научно-практическая конференция в Самаре и Тольятти является новым этапом в социокультурном изучении регионов в двух аспектах. Во-первых, значительно усиливается внимание к процессам модернизации на уровне муниципальных образований, где в

переплетении пространственно-географических, природных, исторических, этнических, конфессиональных и иных особенностей с современными социально-экономическими и политическими реалиями зарождаются, транслируются и распространяются на регионы и страну в целом социокультурные нормы нашей жизни. Для понимания процессов модернизации плодотворно привлекаются исторические исследования. Во-вторых, в замысле и в подготовленных материалах XII конференции явственно просматривается курс на проектирование социокультурного развития и процессов модернизации в регионах. По сути, программа выходит на следующий этап: от изучения и описания модернизации к проектированию и управлению.

Сборник материалов конференции включает четыре раздела:

1. Социокультурные реалии модернизации в регионах и федеральных округах, методология ее исследований и проектирования;
2. Человеческое развитие, социальный капитал, бизнес и процессы модернизации в местных сообществах (муниципальных образованиях);
3. Жизненные миры населения, здоровье, экология и процессы модернизации в местных сообществах (муниципальных образованиях);
4. «Возмутители спокойствия» в регионах и местных сообществах: молодежь, ценности, образование, наука.

Все материалы включены в сборник в авторской редакции.

Надеемся, что материалы сборника будут полезны специалистам и студентам, вызовут интерес у общественности, бизнеса, органов государственной власти и местного самоуправления и привлекут внимание к столь важной и непростой проблеме развития российского общества – исследованию, проектированию и, в конечном итоге, управлению процессами социокультурной модернизации страны с учетом специфики каждого из ее регионов.

Благодарим организаторов конференции: Правительство Самарской области, руководство Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева, Поволжского Православного института им. Святого Алексея, Института экологии Волжского бассейна РАН, мэрию г.о. Тольятти, руководство ОАО «АвтоВАЗ» и Особой экономической зоны «Тольятти» – за возможность ознакомиться с состоянием инновационных процессов и социально-экономическим положением региона, участников конференции – за представленные материалы. Особая благодарность Российскому гуманитарному научному фонду, предоставившему грант для проведения данной конференции.

Часть 1.
Социокультурные реалии модернизации
в регионах и федеральных округах,
методология ее исследований и проектирования

**ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
И ВОСПИТАНИЕ СУБЪЕКТОВ ЕЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ¹**

**THE PROBLEMATIC FIELD OF RUSSIAN MODERNIZATION
AND EDUCATION ENTITIES REGULATE IT**

Н.И.Лапин
Nikolay Lapin

Институт философии РАН, Москва, Россия
Institute of Philosophy of RAS, Moscow, Russia

Резюмированы основные теоретико-методологические выводы, ранее полученные участниками межрегиональной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». Предложен новый, гипотетический круг проблем российской модернизации, нуждающихся в комплексном исследовании. Также показана целесообразность разработки проблем воспитания субъектов регулирования процессов модернизации в России и формирования/укрепления правового социального государства как ближнего ценностного ориентира для таких субъектов.

Summarizes the basic theoretical and methodological findings previously received the participants of the interregional programme «Problems of sociocultural evolution of Russia and its regions». A new, hypothetical circle problems Russian modernization in need of complex research. The expediency of developing problems the education of regulatees modernization processes in Russia and the formation/strengthening of the rule-of-law social State as the near value orientation for such subjects.

Ключевые слова: *Проблемное поле российской модернизации, базовые гипотезы исследований, правовое социальное государство, воспитание субъектов регулирования модернизации.*

Keywords: *Upgrade problem field of the Russian modernisation, basic research hypothesis, the rule-of-law social State, education of regulatees modernization processes.*

В 2005-2015 гг. участники инициативной программы «Проблемы социокультурной эволюции России, ее регионов и муниципальных образований», используя программу и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (ЦИСИ Института философии РАН, авторы: Н.И.Лапин, Л.А.Беляева), по результатам десятков социологических исследований, создали региональные базы данных и портреты почти трети субъектов Российской Федерации, в том числе на основе повторных исследований.

С 2011 г. исследования сфокусированы на социокультурных факторах процессов **модернизации** России и ее регионов. Ниже дано резюме их результатов.

Резюме результатов исследований проблем социокультурной модернизации

(1) В 2011-2016 гг. на основе комплексного инструментария, который включает «Социокультурный портрет региона России» ЦИСИ Института философии РАН и методы получения индексов модернизации, разработанные Центром исследований модернизации Академии наук Китая (ЦИМ АНК, руководитель – профессор Чуаньци Хэ), выполнены социологические исследования и преобразованы данные российской статистики. Впервые получены и проанализированы индексы социальноэкономических и социокультурных процессов модерни-

¹ Статья подготовлена по тематике гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10178).

зации во всех регионах России. В Институте социально-экономического развития территорий РАН (г. Вологда), согласно методическим разработкам ЦИСИ (Н.И.Лапин), создана и запатентована информационно-аналитическая система «Модернизация». Она включает базы эмпирических данных процессов модернизации в регионах России в 2000-2012 гг.

(2) Детально проанализированы социокультурные факторы модернизации почти в трети российских регионов. По результатам этих исследований опубликованы несколько монографий, десятки статей [1]. Социально-экономические и социокультурные процессы и проблемы модернизации всех регионов России пространственно систематизированы по федеральным округам РФ, результаты опубликованы в цикле статей в журнале «Социологические исследования» [2]. Подготовлена к публикации рукопись проблемно-аналитического «Атласа модернизации России и ее регионов: социально-экономические и социокультурные тенденции и проблемы» (25 п.л.).

(3) В результате междисциплинарного анализа данных получен ряд **теоретико-методологических выводов:**

(3.1) Вопреки распространенному скептицизму, процессы модернизации в современной России осуществляются.

(3.2) Как и в большинстве стран мира, в России одновременно осуществляются две стадии модернизации: индустриальная (первая, первичная, first) и информационная (вторая, вторичная, second).

(3.3) Эти стадии осуществляются в разных территориях России, как и в других странах, неравномерно и несбалансированно по уровню социально-экономических и культурно-когнитивных *составляющих* – качества экономики, качества жизни, инноваций в знаниях и трансляции знаний.

(3.4) Анализ индексов, предоставленных ЦИМ АНК, позволил фиксировать факт вступления России (в целом) к 2010-2012 гг. в подготовительную фазу вторичной, информационной стадии модернизации. Тем не менее, около 60 регионов России из 85 еще остаются на первичной, индустриальной стадии модернизации, многие регионы нуждаются в новой индустриализации, а некоторые вообще находятся в начале индустриализации. Имеются рискованные дистанции между состояниями модернизированности макрорегионов – федеральных округов Российской Федерации.

(3.5) В целом процессы модернизации осуществляются спонтанно и фрагментарно, с помощью точечного управления в ручном режиме, при отсутствии долгосрочной стратегии оптимального сопряжения федеральной вертикали и регионально-муниципальной горизонтальной.

(3.6) Заслуживает поддержки концепция профессора Чуаньци Хэ о модернизации как цивилизационном процессе.

(4) Однако, выполненные исследования и их результаты *недостаточно комплексны:*

(4.1) Получены лишь косвенные оценки состояния двух из четырех главных компонент модернизации: технико-технологической и институционально-регулятивной. Отсутствует целостное понимание соотношения всех главных компонент, роли объективных и субъективных факторов, влияющих на их соотношение.

(4.2) Сохраняется неопределенность оценок соотношения регулируемых и спонтанных факторов модернизации.

(4.3) Недостает практически значимых рекомендаций о способах формирования субъектов регулирования процессов модернизации в России.

(4.4) **Вывод:** необходимо дальнейшее развитие исследований, направленное на повышение комплексности понимания процессов российской модернизации и ее перспектив.

К комплексному пониманию проблемного поля российской модернизации, его своеобразия и новизны

На основе полипарадигмального подхода к анализу ранее полученных эмпирических данных и теоретико-методологических выводов сформирована совокупность гипотез о но-

вом круге проблем, по-новому структурирующих российскую модернизацию как предмет исследования и объект регулирования:

1. Процессы российской модернизации как предмет изучения представляют собой **эпистемологически своеобразное проблемное поле – объективно-субъективное**; это латентная сеть рефлексивных взаимодействий между субъектами, в которой возникают как стабилизирующие, так и взрывоопасные узлы. Для исследования такого поля необходимы: полипарадигмальность методологических подходов, разработка специализированных инструментов получения и анализа эмпирических данных, на основе сочетания количественных и качественных методов.

2. Имеется не только несбалансированность отдельных составляющих двух главных компонент модернизации (социоэкономической и социокультурной), но и **рассогласованность всех ее главных компонент** как комплексного изменения основных сфер общества – технико-технологической, социоэкономической, социокультурной, институционно-регулятивной. Это создает значительные риски для целостности общества и цивилизационной идентичности России, конкурентоспособности ее экономики, независимости государства и эффективности его социальных функций.

3. Рассогласованность главных компонент модернизации сопряжена с **низким взаимопониманием** между субъектами ее процессов – индивидами, социальными и социокультурными стратами (не только на федеральном и региональном, но и на местном, муниципальном уровне), **высоким взаимным недоверием между населением и чиновниками многих органов власти**, кроме Президента страны. Это повышает риски целостности российского общества, государства.

4. В качестве **комплексной проблемы** российской модернизации и ключевой гипотезы ее исследований рассматривается **противоречивая сопряженность полюсов проблемного поля модернизации**: с одной стороны, полюс рассогласованности ее главных компонент, а с другой - полюс низкого взаимного понимания между индивидами, социокультурными стратами общества, недоверия между населением и институтами власти, прежде всего в контексте процессов модернизации.

5. Сохранение названных проблем препятствует решению масштабных задач в сфере безопасности и социального развития, о которых сказано в Послании Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 3 декабря 2015 года и в **новой Стратегии** национальной безопасности Российской Федерации, которую Президент России утвердил Указом 31 декабря 2015 года. Предполагается, что снижение остроты существующих противоречий и опасных рисков может быть достигнуто путем формирования **гуманистически ориентированной стратегии поэтапного регулирования государством процессов модернизации и ее проблемного поля**, которая будет осуществляться *через систему стратегического планирования*, прежде всего – *через целевые программы*, обеспечивающие *вариативное сочетание* воздействий федеральных органов на объективные и субъективные ее факторы с поддержкой инициативы регионов и муниципальных образований.

Исследования основной проблемы проекта могут быть структурированы по трем направлениям: 1) измерение/оценка степени рассогласованности главных компонент российской модернизации как фактора ее эффективности; 2) определение уровня взаимопонимания между участниками модернизационных процессов в контексте их жизненных миров; 3) выявление характера сопряженности между этими полюсами объективно-субъективного проблемного поля и возможностей снижения опасных рисков путем частичного регулирования процессов модернизации. Предстоит значительная работа по созданию специального инструментария эмпирических исследований, который должен включать широкий спектр не только количественных, но и качественных методов (нарративные интервью, фокус-группы и др.).

Исследование охарактеризованных проблем (подробнее см. [3]) будет означать новый этап реализации нашей программы. Учитывая высокую сложность его задач, для их решения инициирован проект Российского научного фонда «Опасная рассогласованность главных

компонент модернизации и проблемы взаимопонимания в российском обществе» (грант № 16-18-10178, руководитель Н.И.Лапин). Его авторы – 10 специалистов, в том числе участники нашей Программы, опытные и молодые. Они работают в 5 организациях (академических и университетских), которые находятся в 5 городах и четырех федеральных округах: Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Уральском. Надеюсь, осуществление проекта будет содействовать развитию всей нашей Программы.

Развитие Программы может способствовать решению еще двух групп проблем, которые имеют практическое значение. Это, во-первых, проблема воспитания субъектов регулирования процессов модернизации в России и, во-вторых, проблема формирования и укрепления правового социального государства как ближнего ценностного ориентира для новых субъектов.

Проблема воспитания субъектов регулирования процессов модернизации

Сама по себе проблема субъектов регулирования социальных изменений отнюдь не новая. Ее летоисчисление можно вести с возникновения философии – не только античной, но и индийской, китайской и иных. В Новое время ее носителями стали просветители.

Русские просветители и демократы в XVIII-XIX в. также достаточно четко ее поставили и предлагали разные варианты решения. Вспомним одного из идеологов народничества, участника Парижской коммуны, философа и социолога Петра Лаврова, автора знаменитых «Исторических писем». Движущей силой истории он считал критически мыслящую личность, проникнутую рациональными убеждениями. С пробуждением критической мысли, в противовес господству обычая, герои, мудрецы, законодатели выступают из массы, подчиненной обычной жизни, вырабатывают себе идеал нравственной жизни и становятся субъектами революционных изменений, направленных на создание таких форм общественного строя, в которых слиты истина и справедливость.

К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте коммунистической партии» и других трудах подвергли критике подобные взгляды за их субъективистский утопизм и материалистически обосновали историческую миссию пролетариата как главного субъекта упразднения частной собственности и созидания подлинно справедливого общества – коммунизма в масштабе всего человечества. В.И. Ленин разработал учение о коммунистической партии как организационном рычаге такого переустройства, воплощающем диктатуру пролетариата. На деле это привело к тоталитарному подавлению личности. Но были и относительно удачные, социал-демократические концепции и опыты, поныне сохраняющие актуальность.

В постсоветском обществоведении проблема субъекта социальных реформ постоянно обсуждается как неоднозначная, но пока дискуссии не привели к практически значимым успехам. Тем не менее, постепенно выявляются новые аргументы в пользу такого субъекта как средний класс. **Философия социального реформирования**, включая проблему его субъектов, вообще может стать мейнстримом современной социальной философии. Ее развитие особенно актуально для России.

Исследователи постепенно нащупывают конструктивные подходы к поиску субъектов развития. В наиболее общем виде их поиски проявились прежде всего как философские, системно-методологические. «Кто субъекты инновационного развития России?» – вопрошал Клуб инновационного развития (инициатор и председатель клуба – В.Е. Лепский, доктор психологических наук, главный научный сотрудник Института философии РАН) и предложил проект молодежного инкубатора инновационной элиты на основе субъектно-ориентированного подхода [4]. Далее этот подход был применен к разработке проблем организации рефлексивно-активных сред инновационного развития. К настоящему времени его эволюция привела к обоснованию трансдисциплинарного подхода при исследовании проблем управления развитием. Это требует подготовки *интеграторов* как новой профессии, включающей овладение такими конструктами как «кибернетика третьего порядка» [5].

На междисциплинарном, но более конкретном уровне (социолого-психолого-политологическом) продолжают исследоваться исследования роли *политической элиты* в реформирова-

нии постсоветской России, оценки ее качества и соответствия своим функциям. Подытоживая результаты двух крупных исследований, профессор Е.Б. Шестопал заключила: «Главная особенность нынешнего состояния общества в том, что сформировался серьезный запрос на морально-политические ценности, в частности, на идеи социальной справедливости... В то же время, отмечая позитивные тенденции в изменении политического сознания общества, мы видим: сознание элит трансформируется слишком медленно. Его ценностная разбалансированность и отсутствие стратегического, рефлексивного мышления, не позволяет рассчитывать на эффективное исполнение элитами миссии национального лидера. Сегодня у элиты как никогда ощущается дефицит высоких целей и ценностей, не сводимых лишь к обогащению, что ведет к духовной опустошенности и утрате ориентиров общенационального развития. Украинский кризис наглядно показал, к каким трагическим последствиям приведет подобный ценностный вакуум и правление олигархов.

Анализ пути, пройденного нашим обществом за последние четверть века, показывает со всей очевидностью: обрести новый моральный климат в стране нельзя ни с помощью декретов, ни простой заменой одних политических институтов на другие. Это долгий путь преобразования общества и его сознания, путь воспитания и образования качественно иной политической элиты» [6].

Итак, предстоит долгий путь воспитания... Это не очень радостный вывод. Но отнюдь не безнадежный и, возможно, реалистичный.

Продолжая дискуссию по этой тематике, я поддерживаю участников нашей Программы, которые стремятся акцентировать внимание на конкретном ее ракурсе – на *поиске субъекта (субъектов) модернизации*, которая стала или становится для всего человечества основным способом эволюционных изменений не только его собственно социальных, или социокультурных образований (обществ, государств), но и цивилизаций как способов жизнеустройства больших сообществ людей, позволяя им повысить качество своей жизни.

Проблема субъектов модернизации рассматривается в ряде публикаций Л.А. Беляевой. Представлена она и в материалах нашей конференции. Один из ее участников, кандидат технических наук, доцент Самарского государственного университета, директор частного учреждения В.М.Цлаф, затронул эту проблему в недавней публикации. Опираясь на эмпирические данные об инновационной активности промышленных и других организаций Самарской области, а также на рефлексивный анализ событий и текстов, в том числе фольклорных, он предпринял небезуспешную попытку развенчать псевдореалистичные (на деле элементарно прагматичные) мифы о зависимости инноваций лишь от инвестиций и компетенций. Реалии же России требуют комплексного осмысления инноваций как *социокультурного феномена*. Автор напоминает, что для генерирования новаторских идей может использоваться «наложение» различных национальных культур. Не меньшее значение имеет освоение и синтез культур разных профессиональных сообществ. Социокультурные характеристики России, ее регионов и местных сообществ противоречивы, порождает как создателей и проводников инноваций, так и их активных противников. «Тем не менее, – считает автор, – возможность появления генерации активных инноваторов порождает определенный оптимизм». В заключение он акцентирует «роль молодых специалистов и особое место вузов в интенсификации инновационных процессов... Надежда на то, что кто-нибудь когда-нибудь сломает «сонное царство» в инновационно пассивных организациях, может быть возложена только на молодое поколение. Оно должно выбрать для себя роль «возмутителя спокойствия», одновременно умудряясь не потерять рабочее место. Это большое искусство. Но этому искусству можно научить... Эта проблема – основная проблема для вузов, желающих *воспитывать* (а не только обучать!) кадры для активизации инновационных процессов. Готовы ли вузы к ее решению – вопрос для отдельного обсуждения» [7].

Предлагаю начать такое обсуждение на нашей конференции.

Вообще мы мало обсуждаем результаты своих коллег по нашей исследовательской Программе. Да, есть несколько региональных проектов, участники которых активно осуществляют вторичный анализ результатов других проектов. Это коллективы, работающие в Во-

логде, Курске, Перми, Тюмени, Чебоксарах... Недавно группа авторов из Пермского государственного национального исследовательского университета (Е.Б. Плотникова, И.А. Германов, Н.В. Борисова) выполнила конструктивное сопоставление структур ценностей 18 регионов по результатам их социокультурных портретов. Используя кластерный анализ, дополненный процедурой центрирования значений индексов, авторы получили три кластера регионов (особняком оказалась Новосибирская область), различающихся по влиянию структур ценностей населения на состояние модернизированности регионов. По оценке авторов, «полученные результаты позволяют расширить представления о социокультурных ресурсах модернизационных процессов в регионах РФ» [8].

О роли наших исследований в развитии самосознания населения

Всем нам, участникам Программы, желательно также лучше осознать, что получаемые нами результаты имеют не только научное, но и общественное значение. В Институте философии РАН имеются две региональные программы: одна из них – наша, а другая посвящена теме «Проблемы российского самосознания». Она также проводится ежегодно, перемещаясь по регионам. Последняя конференция по этой программе состоялась в начале июня с.г. в Ярославле, представители которого пока не участвуют в нашей Программе. В докладе «Социокультурные портреты регионов как способ развития российского самосознания» я старался показать, что наши исследования, создаваемые на их основе портреты, более 1100 публикаций повышают качество самосознания населения о состоянии, проблемах и путях развития своих регионов и всей России. Это важная функция нашей деятельности как компоненты публичной социологии, которая вносит свой вклад в становление гражданского общества в России. Но я не знаю ни одного исследования участников программы на эту тему. Нам следует шире использовать получаемые результаты в лекциях и семинарах, рекомендовать их как материалы для подготовки курсовых и дипломных, магистерских и диссертационных работ, публиковать их в СМИ. А также участвовать в подготовке предложений для проектов документов стратегического планирования – от муниципального до федерального их уровня.

Это предполагает разработку не только отдаленных, но и ближних ориентиров социокультурных изменений, практически значимых для воспитания субъектов регулирования модернизации. Далее я кратко остановлюсь на проблеме правового социального государства в России как возможном таком ориентире.

Проблема формирования и укрепления правового социального государства

Седьмая волна (2015 г.) Всероссийского мониторинга ЦИСИ «Ценности и интересы населения России» показала, что в России многие *актуальные проблемы не решаются, а воспроизводятся* более 10 лет; более того, появились *симптомы социогуманитарной рецессии, снижения гуманитарных качеств социума*. Побойше на Хованском кладбище 14 мая с.г. – одно из проявлений такой рецессии. **Вывод:** актуализировались задачи формирования/укрепления российского государства как социального. Выдвижение этой задачи может стать ориентиром для нравственной части политической и деловой элиты, но с большей вероятностью – для молодых «возмутителей спокойствия», а также для участников Общероссийского народного фронта.

Термин **социальное государство** имеет три основных значения: 1) как идея или идеал; 2) как один из принципов построения современного государства; 3) как практическая реализация этого принципа. Такое различие необходимо для преодоления скептицизма относительно *реалистичности* задачи социального государства в России.

В XX веке, в условиях мировых войн и революций, **накоплен значительный опыт** формирования и развития социального государства - в Европе и Северной Америке, в Австралии и некоторых странах Азии и Латинской Америки. В наиболее развитых странах доля государственных расходов на социальные нужды составляет от трети до половины национального дохода, который создается с использованием прогрессивного налога с доходов. Однако в настоящее время, в условиях нового кризиса нарастают требования правых сил

уменьшить социальные обязательства государства. Но результаты научных исследований, например, фундаментальный труд французского экономиста Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке», показывают: необходимо «**модернизировать социальное государство, а не демонтировать его**» [9].

В современной России речь идет о социальном государстве прежде всего как о **конституционном принципе** (статья 7 Конституции Российской Федерации), об этапах и проблемах реализации его *социально-гуманистического содержания*. Осуществление этого принципа требует теоретического обоснования подходов и *определения* современного социального государства, его *функций, условий, предпосылок осуществления, этапов* формирования и эволюции в России, учитывая ее своеобразие как цивилизации и социокультурное разнообразие ее регионов. Исследования ученых Института государства и права РАН и других специалистов показали фундаментальность концепции социального государства в России и важность ее осуществления [10].

Это комплексная, прежде всего, социально-философская и социокультурная, а в целом – *междисциплинарная задача*, решение которой предполагает взаимодополняющее сотрудничество философов, историков, правоведов, экономистов, социологов, политологов, культурологов, психологов. Необходим также поэтапный *общественный дискурс* вокруг основных положений, конкретизирующих принцип социального государства в России, направления и способы его воплощения. Наконец, необходима федеральная *целевая программа* укрепления социального государства в России как способа повышения ее статуса цивилизованной суверенной державы и демократической консолидации ее граждан, всего населения.

В рамках седьмой волны Мониторинга ЦИСИ *экспериментально* были включены вопросы по двум актуальным проблемам формирования (укрепления) социального государства в России: 1) об отношении населения к введению прогрессивной шкалы налога на доходы физических лиц и 2) о пропорциях перераспределения налогов от бизнеса между федеральным, региональными и муниципальными бюджетами. Результаты опроса показали, что большинство населения поддерживает введение умеренно прогрессивной шкалы налога на доходы физических лиц и перераспределение налогов от бизнеса в пользу региональных и муниципальных бюджетов [подробнее см. 11].

Эти результаты согласуются с национальными приоритетами, которые заявлены в **новой Стратегии национальной безопасности** Российской Федерации (Указ Президента России В.В. Путина от 31 декабря 2015 г.). Перед законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти стоят задачи воплощения этих приоритетов в жизнь, укрепления социального государства в России. А от обществоведов, включая и нас, исследующих проблемы социокультурной компаративистики и, на основе ее методологии, проблемы модернизации, требуется решение соответствующих теоретико-методологических и прикладных задач.

Список литературы

1. Социологические исследования и публикации участников программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов. Отв. ред.-сост. Н.И.Лапин, Л.А.Беляева. М., «Канон+», 2014. – 137 с.
2. Социоэкономическая и социокультурная модернизация регионов России [Цикл статей] // Социологические исследования». М., 2015: № 1, с. 5-34; № 2, с. 41-55; № 3, с. 22-55.
3. Лапин Н.И. Эпистемологические характеристики проблемного поля модернизации в России, подходы к его изучению // Философские науки. М., 2016, № 4, с. 46-57.
4. Лепский В. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М. «Когито-Центр, 2009.
5. Лепский В. От монодисциплинарного к трансдисциплинарному подходу в развитии научного знания (проблематика управления) // Рефлексивные процессы и управление. Сб. материалов X Международного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление». 15-16 октября 2015 г., Москва. «Когито-Центр», 2015. С. 7-13.

6. Шестопал Е.Б. Элиты и общество как политические акторы в постсоветской России // Социологические исследования. М., 2016, № 5. С. 42.
7. Цдаф В.М.. Инновации: мифы и реальность // Философские науки. М., 2016, № 4, с. 87-88.
8. Плотникова Е.Б., Германов И., Борисова Н.В. Структура ценностей населения и модернизационный статус регионов России // «Философские науки». М., 2016, № 4, с. 75.
9. Пикетти Томас. Капитал в XXI веке. М., Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 494, 472-474, 480. (*Thomas Piketti. Le Capital au XXI sie`cle.*, E'ditions du Seuil, 2013; англ. пер., 2014).
10. Права человека и правовое социальное государство. Отв. Ред. Е.А.Лукашева. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2014. – 400 с.
11. Лапин Н. Как остановить социогуманитарную рецессию // Независимая газета. НГ-Наука. 10 февраля 2016 г., с. 13.

**КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГАХ
РОССИИ. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА АНАЛИЗА,
ЭМПИРИЧЕСКАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ**

**QUALITY OF LIFE AND SOCIAL CAPITAL IN RUSSIAN FEDERAL DISTRICTS.
METHODOLOGY AND METHODS OF ANALYSIS, EMPIRICAL VERIFICATION**

Л.А. Беляева
Lyudmila A. Belyaeva

Институт философии РАН, Москва, Россия
Institute of Philosophy of RAS, Moscow, Russia

Предлагается методология и методика измерения качества жизни и социального капитала, проверена гипотеза их взаимосвязи с использованием big data (больших данных) на примере федеральных округов России.

It proposed methodology and methods of measuring the quality of life and social capital. To test the hypothesis of their relationship with big data on the example of Russian federal districts.

Ключевые слова: *Качество жизни, социальный капитал, большие данные, индексы качества жизни и социального капитала, региональные различия.*

Keywords: *Quality of life, social capital, big data, indexes, regional differences.*

Проблема исследования

При изучении проблем модернизации российского общества нельзя выпускать из внимания стратегическую цель, на которую должны быть направлены преобразования - повышение уровня и качества жизни в стране, в регионах и на каждой отдельной территории. Без достижения этой цели не имеет смысла исследование и проектирование этапов модернизации российских регионов и муниципалитетов. За индексами и показателями модернизации необходимо видеть, как повлияло их изменение на качество жизни населения. Улучшение качества жизни способствует более успешному человеческому развитию, повышению уровня благополучия населения и его удовлетворенности своей жизнью. **Качество жизни можно определить как комплексную характеристику условий жизнедеятельности населения, которая выражается в объективных показателях и субъективных оценках удовлетворения материальных, социальных и культурных потребностей и связана с восприятием людьми своего положения в зависимости от культурных особенностей, системы ценностей и социальных стандартов, существующих в обществе.** Существенный пробел статистических показателей в измерении качества жизни заключается в том, что они измеряют, в основном, уровень жизни, не учитывают другие важнейшие параметры жизнедеятельности человека. Кроме того не учитывается мнение самого населения. Между тем, объем благ и условий жизни, которыми располагают жители страны или отдельных регионов, по-разному распределен между категориями населения и по-разному ими оценивается. Субъективные характеристики качества жизни отражают оценки, которые респонденты дают в сравнении с существующими в обществе и в ближайшей социальной среде стандартами.

Влияние модернизации на качество жизни не непосредственное, оно опосредовано теми процессами, которые протекают в социальных отношениях, в институциональных преобразованиях, в человеческом развитии, в образовательных, культурных, экологических и других сферах жизнедеятельности. Среди этих сфер все более актуализируется функционирование социального капитала, как такого нематериального долгосрочного ресурса развития общества, который воплощен в системе отношений между индивидами, между индивидами и

институтами, в том числе государственными. Простейшее определение *социального капитала – система отношений между людьми, группами, организациями, институтами, которая дает выгоды от сотрудничества, увеличивает результативность прилагаемых усилий*. В исследованиях зарубежных авторов были выявлены связи социального капитала, эффективного экономического развития, человеческого развития и демократии в различных регионах мира [1]. Социальный капитал стал важным фактором, обуславливающим особенности и темпы модернизации России и ее регионов, его неразвитость составляет существенный барьер для полноценного развития страны [2]. Социальный капитал имеет тройственную структуру: нормы, доверие, сети. Все эти компоненты связаны друг с другом: сети необходимы для передачи информации, налаживания контактов, они способствуют распространению норм взаимодействия, нормы и доверие укрепляют и содействуют расширению сетей и контактов и снижению транзакционных издержек при взаимодействии. Многие компоненты социального капитала оказывают влияние на качество жизни населения, одни содействуют его улучшению, другие, наоборот, способны его ухудшить. Но какие компоненты, или их составляющие, оказывают влияние на качество жизни, каково направление этого влияния, что можно сделать в российских условиях, чтобы нейтрализовать негативное влияние и усилить позитивное влияние социального капитала на качество жизни? Такая постановка проблемы позволила сформулировать основную гипотезу исследования.

Базовая гипотеза

Качество жизни населения зависит от характера и величины социального капитала и его компонентов, при этом воздействие социального капитала, его основных компонентов на качество жизни не монотонно, имеет место как положительная, так и отрицательная зависимость.

Данные

Анализ глобальных социальных процессов в регионах России и федеральных округах невозможно проводить без учета больших данных - big data. Выявление источников таких данных и их использование становится обязательным элементом достоверного анализа о положении в регионах. К счастью, в статистике и в социологии уже имеется определенный запас таких источников, которые в течение нескольких десятилетий накапливали социальную информацию и продолжают это делать в настоящем. И хотя эта информация определенным образом структурирована разработчиками исследований, как правило, под свои задачи, имеются возможности ее адекватного использования и для изучения других процессов, а характер информации и ее накопление позволяют отнести ее в «большим данным». Я имею в виду официальные статистические данные российского статкомитета, данные всемирного банка, который обобщает статистику по странам мира, а также специальные общемировые и европейские социальные исследования, которые проводят Всемирный банк, Всемирное исследование ценностей (World Values Survey, WVS) и Европейское социальное исследование (ESS). К такого рода данным можно отнести и данные длительных общестрановых и региональных мониторингов. Я бы здесь упомянула мониторинг Левады-центра, Фонда общественного мнения (ФОМ) и конечно всероссийский мониторинг, который проводит ЦИСИ ИФ РАН с 1990 г. Последняя волна опроса прошла в 2015 г. В анализе проблемы я использую нескольких подобных исследований, видя в них возможность сравнительного анализа качества жизни и социального капитала в России и ее регионах. Последний вариант инструментария для региональных исследований содержит большинство используемых в мониторинге вопросов по этим проблемам. Поэтому я могу рекомендовать использование предлагаемой методики для анализа ситуации в регионах.

Методика формирования частных, общих и сводных индексов качества жизни и социального капитала

В табл. 1 отражена система субъективных показателей качества жизни, сведенная в 4 компонента: 1. Уровень жизни (благополучие); 2. Качество социальной среды; 3. Качество природной среды; 4. Социальное самочувствие населения. Из анализа был исключен один компонент качества жизни - политическая стабильность и демократия. Дело в том, что для оценки влияния этого компонента на качество жизни нужно, чтобы он воспринимался самим населением как лично актуальный и оно видело прямую зависимость политических институтов от мнений и интересов всех социальных групп общества. Этого нельзя отметить по имеющимся сейчас социологическим исследованиям, что не позволяют учитывать влияние этого компонента на оценки населением качества своей жизни.

Таблица 1

Субъективные показатели качества жизни населения

Компоненты качества жизни	Частные индексы
I. Уровень жизни (благополучие)	<i>Индекс состояния здоровья</i>
	<i>2. Индекс материального уровня жизни</i>
	<i>3. Индекс удовлетворенности жильем</i>
	<i>4. Индекс доступности хорошей медицинской помощи</i>
	<i>5. Индекс доступности образования</i>
Общий индекс уровня жизни: среднее арифметическое 5-ти частных индексов	
II. Качество ближайшей социальной среды	<i>Индекс самоидентификации с жителями своего поселения</i>
	<i>Индекс защищенности от бедности</i>
	<i>Индекс защищенности от произвола чиновников</i>
	<i>Индекс защищенности от произвола правоохранительных органов</i>
Общий индекс качества социальной среды: среднее арифметическое 4-х частных индексов	
III. Качество экологии	<i>1. Индекс защищенности от экологической угрозы</i>
	<i>2. Индекс чистоты воздуха</i>
	<i>3. Индекс чистоты воды</i>
Общий индекс качества экологии: среднее арифметическое 3-х частных индексов	
IV. Социальное самочувствие	<i>1. Индекс уверенности в будущем</i>
	<i>2. Индекс удовлетворенности жизнью</i>
	<i>3. Индекс самостоятельности</i>
Общий индекс социального самочувствия: среднее арифметическое 3-х частных индексов	
Интегральный индекс качества жизни: среднее арифметическое 4-х общих индексов	

По данным всероссийского мониторинга были рассчитаны 15 частных индексов качества жизни и на их основе сформированы 4 общих индекса, соответствующих четырем компонентам качества жизни. Далее 4 общих индекса сводятся в один **интегральный индекс качества жизни**. Возникает принципиальная возможность сравнить качество жизни различных социальных групп и слоев, качество жизни в регионах на основании того, как сами жители оценивают различные стороны своей жизни. Проведенный ранее анализ данных мониторинга 2006 г. показал высокую результативность этого метода и выявил зависимость оценок качества жизни от социального статуса респондентов и типа поселений [3].

В табл. 2 отражена система субъективных показателей социального капитала, включающая 4 компонента: 1. Доверие институтам общества. 2. Доверие СМИ. 3. Личная безопасность в повседневной жизни. 4. Доверие к людям, общение.

Таблица 2

Показатели социального капитала

Компоненты социального капитала	Частные индексы
I. Доверие институтам общества	<i>1. Индексы доверия организациям правопорядка:</i>
	<i>Судам</i>
	<i>Прокуратуре</i>
	<i>Полиции</i>

	2. <i>Индексы доверия высшему руководству страны:</i> Президенту Правительству Парламенту
	3. <i>Индексы доверия местным организациям правопорядка:</i> Судам Прокуратуре Полиции
	4. <i>Индексы доверия руководству области, республики</i> Президенту, губернатору Правительству региона Законодательному собранию, думе региона
Общий индекс доверия институтам общества: среднее арифметическое 12 частных индексов	
II. Доверие СМИ	5. <i>Индексы доверия СМИ</i> Общероссийским Региональным
Общий индекс доверия СМИ: среднее арифметическое 2 частных индексов	
III. Личная безопасность в повседневной жизни	<i>Индексы личной безопасности</i> Защищенность от преступности Случаи грабежа, нападения Безопасность перемещения в районе проживания в темное время суток
Общий индекс личной безопасности: среднее арифметическое 3 частных индексов	
IV. Доверие людям, общение	<i>Индексы доверия людям, общению</i> Защищенность от одиночества Доверие людям Есть ли друг, подруга Как часто общаетесь с друзьями
Общий индекс доверия: среднее арифметическое 4 частных индексов	
Интегральный индекс качества жизни: среднее арифметическое 4 общих индексов, включающих 20 частных индексов	

Представленные в табл. 1 и 2 показатели используются для расчета частных, общих и интегральных индексов. Разработанная формула подсчета этих индексов [4], была применена для оценки качества жизни и социального капитала в ФО на основе материалов всероссийского мониторинга 2015 г. Эта методика аналогична той, которая применяется для расчета индекса экономических ожиданий в странах Европы и индексов потребительских настроений в Левада-Центре. Суть методики состоит в следующем. По каждому вопросу анкеты, характеризующему качество жизни, из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных ответов и к этой разнице прибавляется 100, чтобы исключить появление отрицательных величин. Значения частного индекса могут меняться в пределах от 0 до 200. Индекс равен 200, когда все население положительно оценивает определенную сторону жизни. Индекс равен 100, когда доля положительных и отрицательных оценок одинакова. Снижение индекса ниже 100 означает преобладание негативных ответов. Общий и интегральный индексы рассчитываются как среднее арифметическое частных индексов и также могут принимать значения от 0 до 200.

Следует оговорить, что данные всероссийского мониторинга не позволяют выдержать репрезентативность по ФО из-за ограниченного объема выборки. В силу этого обстоятельства я не настаиваю на безупречности полученных сравнений, моя задача состоит в том, чтобы показать методологию и методику исследования зависимости качества жизни населения от объема и характера социального капитала. Применение этой методики на других объемах репрезентативной выборки в разрезе ФО или регионов может продемонстрировать тесную связь этих показателей.

Результаты анализа

Как показано на рис. 1, индексы качества жизни в ФО демонстрируют более высокие показатели социального самочувствия жителей округов по сравнению с другими общими индексами, особенно с индексом качества экологии, где лидерами с плохими оценками являются Уральский и Дальневосточный федеральные округа. Среди всех федеральных округов самый большой интегральный индекс качества жизни у Южного федерального округа, который лидирует по индексу социального самочувствия, занимает второе место по качеству социальной среды и по уровню жизни, третье место по качеству экологии. Следует учесть, что практически половину этого округа по численности населения составляют два региона – Ростовская область и Краснодарский край, территории с максимально благоприятными климатическими условиями для жизни. Обращу внимание на то, что Уральский ФО, имея низкий интегральный индекс качества жизни, тем не менее, по качеству социальной среды занимает третье место. В Центральном ФО на фоне других округов заметно выше оценивается качество экологии. Это, очевидно, хорошие последствия деиндустриализации экономики.

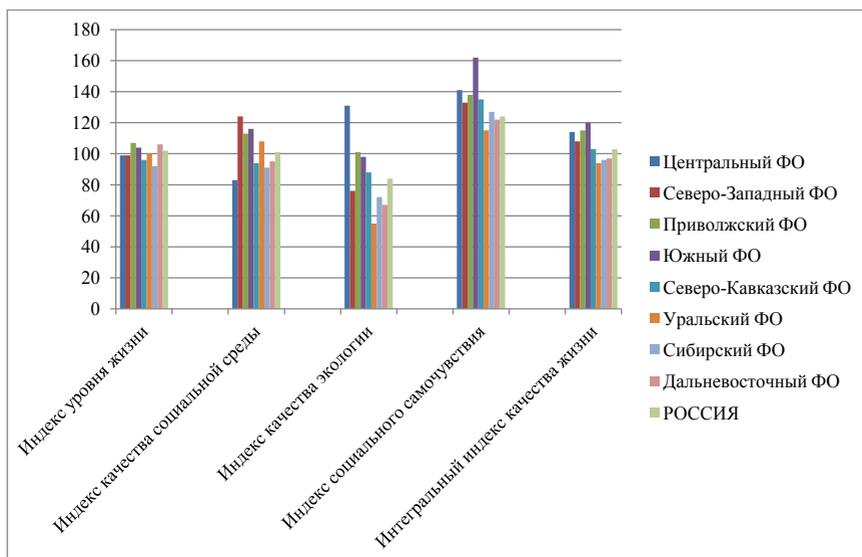

Рисунок 1. Индексы качества жизни в ФО России (мониторинг ЦИСИ ИФ РАН 2015 г.)
Figure 1. Indices of the quality of life in Russia FD (CSSK monitoring IPH RAS 2015)

Социальный капитал, представленный в 20 показателях, обобщенных в 7 общих индексах, также демонстрирует довольно значительную дифференциацию по округам (Рис. 2). Низкие и самые низкие показатели социального капитала имеет Северо-Кавказский ФО. Здесь СМИ, местные и центральные органы правопорядка, местные органы власти оцениваются ниже, чем во всех других округах. Оценки высшего руководства страны и безопасности проживания находятся на предпоследнем месте среди ФО. А в доверии людям, активности общения СК ФО уступает только Южному ФО. Очевидно, что так называемый этнический социальный капитал имеет высокие показатели в этом округе.

Обращает на себя внимание самый низкий индекс безопасности проживания, который показывает Уральский ФО, по сравнению с другими округами. Значение индекса обусловлено низкой удовлетворенностью защитой от преступности – на уровне Северо-Кавказского ФО (частный индекс -10) и личным ощущением опасности, когда респондент идет по своему

району в темноте, а также третьим местом среди округов по случаям нападения, грабежа и насилия, которым подверглись респонденты или члены их семей.

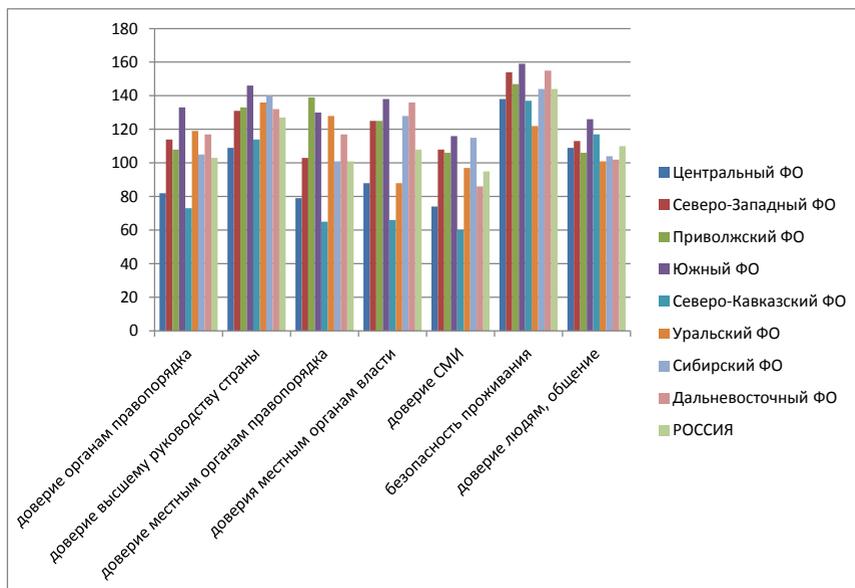

Рисунок 2. Индексы социального капитала в ФО России (мониторинг ЦИСИ ИФ РАН 2015)

Figure 2. Indices of social capital in Russia FD (CSSK monitoring IPH RAS 2015)

На рис. 3 можно видеть соотношение двух интегральных индексов – качества жизни и социального капитала. Во всех округах кроме Центрального показатели используемого нами интегрального индекса социального капитала выше, чем показатели интегрального индекса качества жизни. Но возникает закономерный вопрос, который и был предметом анализа – влияет ли социальный капитал на качество жизни населения региона и по каким компонентам социального капитала можно отметить это влияние.

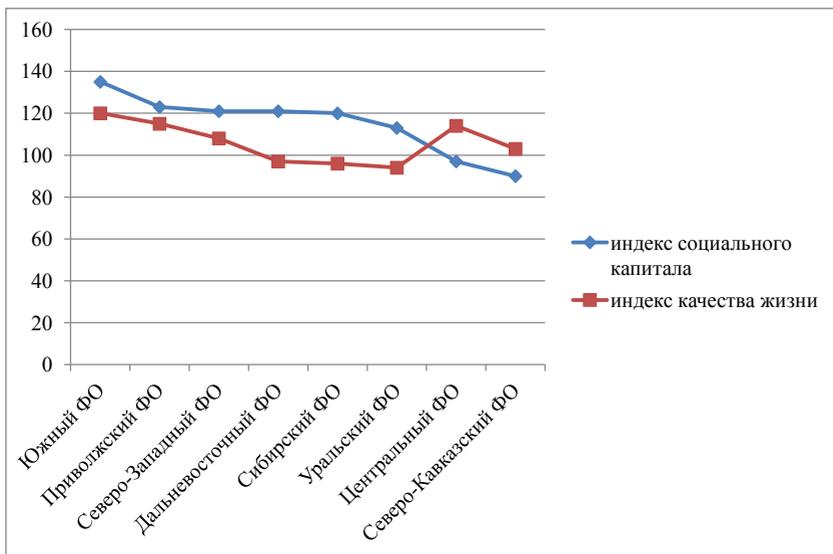

Рисунок 3 Интегральные индексы качества жизни и социального капитала в ФО России (Всероссийский мониторинг ЦИСИ ИФ РАН 2015 г.)

Figure 3 Integral indices of quality of life and social capital in the Russian Federal District (Russian monitoring CSSK monitoring IPH RAS 2015)

Сформулированная общая гипотеза о влиянии социального капитала на оценки населением качества жизни была проверена при анализе корреляции общих индексов по всем федеральным округам с использованием коэффициента Спирмена. Корреляция обнаружена по двум переменным: индексы уровня жизни и доверия органам правопорядка, индексы социального самочувствия и доверие людям, интенсивность общения. Отмечается ожидаемая корреляция интегрального индекса качества жизни и общего индекса в составе социального капитала – доверие людям и интенсивность общения. Уровень значимости корреляции остальных индексов больше 0,05. Важно, что доверие людям показало свою главную роль в составе социального капитала в контексте его влияния на качество жизни населения. Хочу отметить, что сравнение уровня доверия людям, которое было зафиксировано в Европейском социальном исследовании 2012 г. и данные мониторинга-2015 по индексу доверия очень близки по рангам, которые занимают все федеральные округа РФ. Исключение составляет только Уральский ФО, который по индексу доверия людям по мониторингу занимает последнее место, а по ESS – третье среди федеральных округов. Попутно замечу, что по данным ESS, Москва – самый модернизированный регион России, заняла по доверию между людьми предпоследнее место, как и весь Центральный ФО, в который она входит.

В качестве итога проведенного предварительного исследования проблемы взаимосвязи социального капитала и качества жизни населения федеральных округов России, представлю результаты кластерного анализа. На Рис. 4 федеральные округа образуют 3 кластера по характеру связи качества жизни и социального капитала. Кластер, включающий СКФО и ЦФО характеризуется слабым социальным капиталом, а разрыв в качестве жизни этих округов довольно значительный. Второй кластер с низкими индексами качества жизни имеет не столь большие различия в социальном капитале населения округов и близкие показатели качества жизни. Третий кластер отличают высокие показатели качества жизни с довольно высоким индексом социального капитала. Один ФО, а именно Южный, занимает лучшую позицию на

поле взаимосвязи социального капитала и качества жизни населения: Южный ФО, второе место с большим отрывом у Приволжского ФО.

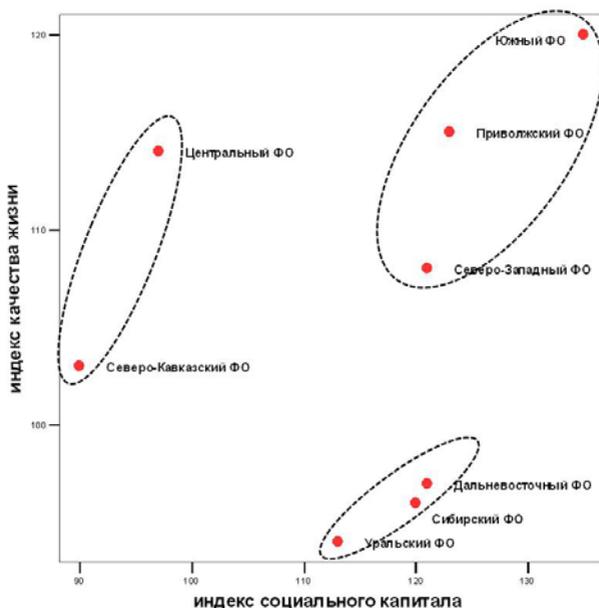

Рисунок 4. Кластерный анализ ФО по индексам социального капитала и качества жизни.

Figure 4. Cluster analysis Federal District in the indices of social capital and quality of life.

Использование предложенной методики в дополнение к объективным показателям уровня благосостояния открывает возможности для учета субъективного мнения жителей страны о существенных сторонах их жизни с учетом культурного и социального капитала различных групп общества и существующих в разных социальных средах стандартов качества жизни.

Предложенная схема анализа влияния социального капитала на качество жизни населения может получить свое дальнейшее развитие по нескольким направлениям. Во-первых, возможно ее применение в масштабе регионов с тем чтобы выделить те компоненты социального капитала, которые препятствуют улучшению качества жизни в регионах. Во-вторых, возможно совершенствование перечня компонентов качества жизни и компонентов социального капитала, которые участвуют в анализе. Для этого необходимо разработать специальные процедуры отбора показателей. В-третьих, попытаться соединить в анализе субъективные компоненты и объективные показатели качества жизни и социального капитала. Но это задачи на будущее, если участники нашего проекта заинтересуются этой проблемой.

Список литературы

1. См., например: Inglehart R., Welzel Ch. Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. /. — М.: 2004. Bourdieu, P. The forms of capital // Handbook of theory and research for sociology of Education. Ed. by J. Richardson New York: Greenwood Press, 1986; Коулман Дж. Капитал социальный и челове-

ческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3; Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии». 1996; Olson M. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.

2. Беляева Л.А. Региональный социальный капитал и множественная модернизации в России. К постановке проблемы // *Экономические и социальные перемены*. Вологда, ИСЭРТ РАН, 2014, № 1. С. 84-97.

3. См.: Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // *Социологические исследования*. 2009. № 1. С. 33 – 42.

4. Формула расчета частных индексов:

$I_{\text{частн.}} = (X - Y) + 100$, где X – доля положительных ответов (оценок), Y – доля отрицательных ответов (оценок). Общие индексы по каждому компоненту рассчитываются как среднее арифметическое частных индексов: $I_{\text{комп.}} = (I_{\text{частн.1}} + I_{\text{частн.2}} + \dots + I_{\text{частн.N}}) : N$. Интегральный индекс рассчитывается как среднее арифметическое общих индексов.

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС И СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ²**

**RUSSIAN SOCIO-CULTURAL MODERNIZATION:
HISTORICAL RACURS AND CONTEMPORARY CHALLENGES**

С.А. Мартышкин, Д.В. Прохоров
Sergey A. Martyshkin, Denis V. Prokhorov

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева
Samara National Research University named after academician Sergey P. Korolev

Данная статья посвящена проблеме модернизационных процессов как в России, так и в мире в целом. Авторы обсуждали несколько актуальных вопросов, таких как социокультурные аспекты модернизации в некоторых странах и исторический подход к данным исследованиям. В статье исследованы работы ряда российских и зарубежных авторов. Основными исследователями данной темы, работы которых использованы в данной статье, являются Чуаньци Хэ, Макс Вебер, Н.И. Лапин. Авторы статьи сконцентрировали свое внимание на проблеме модернизационных моделей. Одной из таких моделей служит модернизация, инициированная правительством таких государств, как Япония и Россия в эпоху Мэйдзи и до Октябрьской революции. Также представлен китайский опыт в современный исторический период. Сравнение посвящено традиционализму и инновациям, консерватизму и либеральной модернизации.

This article deals with the problem of modernization processes both in Russia and the world. Authors discussed some actual questions such as sociocultural aspects of the modernization in some countries and historical approach to the researches. In the article some works of Russian and foreign authors were issued. The main scientists who wrote some articles and monographs about sociocultural modernization in the world are Chuang Tszе, Maks Weber, Nikolai Lapin etc. Prohorov D.V. and Martyshkin S.A. had concentrated attention on the problem of modernization models. One of them was the model of modernization initiated by governments of some states such as Japan in the Meiji era and Russia before October Revolution, Chinese experience in the Modern period of history was issued by the authors too. Comparative issues devoted to both traditionalism and innovations, conservatism and liberal modernization in the world were discussed in this article.

Ключевые слова: модернизация, цивилизация, глобальные процессы, традиционализм, вестернизация, регион, теория.

Keywords: modernization, civilization, global processes, traditionalism, westernization, region, theory.

Исторический ракурс рассмотрения феномена модернизации представляется необходимым для лучшего ответа на вопрос о возможных и эффективных механизмах управления данным процессом (или процессами) в России.

Как отмечает профессор Чуаньци Хэ, понятие модернизации в целом имеет «четыре слоя теоретических выводов»: 1) это один из видов важнейших изменений человеческой цивилизации со времен промышленной революции XVIII века, включающий изменения в деятельности, поведении, процессе, содержании, структуре, системе и самой идее человеческой цивилизации; 2) это комплексный исторический процесс образования, развития, изменения и международного взаимодействия современных цивилизаций, комплексный процесс иннова-

² Выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант №15-13-63004.

ций, отбора, рассеивания и рецессии элементов цивилизации;3)это часть процесса международной конкуренции и поэтому 4) модернизацию можно рассматривать как с абсолютной, так и с относительной точек зрения – изменения и рост в рамках одной страны являются абсолютной модернизацией, в то время как при сравнении разных стран мы получим картину относительной модернизации [1, с. 46].

Следовательно, несмотря на глобальный характер модернизации, существенное значение имеют национальные особенности ее осуществления. Причем, причины успехов и/или неудач различных стран в конкурентной модернизационной борьбе лежат не только (и даже не столько) в настоящем, сколько в их истории.

Как отмечают Д. Травин и О. Маргания, различные общества в обязательном порядке переходят от традиционного состояния к современному, приобретая «набор» современных качеств. Однако они могут это делать быстрее или медленнее, мягче или жестче, с большими издержками или меньшими. Порой формы перехода у двух соседей совсем не похожи друг на друга. Но тем не менее этот переход обязательно должен иметь место. Несмотря на очевидность многочисленных аналогий, несмотря на то, что различные страны шли к современности бок о бок, перенимая опыт соседей, в реальной исторической практике термин «модернизация» долгое время не использовался. Хотя модернизационный процесс уже шел довольно быстрыми темпами, у человечества просто не сформировалось еще представление о единстве этого процесса [2, с. 26-27].

Когда же позитивный результат преобразований где-либо все более отчетливо проявляется, то здесь и происходит разделение государств на «лидеров» и «догоняющих», «развитых» и «развивающихся».

О модернизации как об общемировой тенденции и одном из видов коренных изменений в человеческой цивилизации со времени промышленной революции XVIII века говорит и Чуаньци Хэ [1, с. 32].

Данные изменения приводят к появлению и развитию передовых индустриальных технологий, а также соответствующих политических, культурных, социальных механизмов, позволяющих указанные технологии поддерживать, использовать и управлять ими.

Можно выделить страны со «спонтанной» модернизацией, которая происходит во всех сферах общественной жизни естественным путем, без рынков и давления со стороны государства (США, страны Западной Европы); и страны с «догоняющей» («форсированной») модернизацией, которые вынуждены отвечать на модернизационный вызов со стороны стран «спонтанной» модернизации внедрением (нередко насильственными методами) новых технологий, установок, стратегий и образов жизни, прилагая при этом значительные усилия со стороны государства. При этом успеха на пути «догоняющей модернизации» достигали лишь те страны, которые не ограничивались простой «гонкой за лидером», а пытались осуществить синтез эндогенных и экзогенных факторов.

Наиболее ярким примером страны, удачно осуществившей такого рода модернизацию, является Япония, которая удачно осуществила в последней трети XIX века «революцию Мэйдзи», органично сочетавшую «японский дух» и европейское знание (импортные технологии). Можно найти более ранние глубокие процессы, которые предопределили ход модернизации в Японии, складывание своеобразной модели японской модернизации. В первые годы самозащиты страны от внешнего мира произошло вызревание условий такой модернизации. Специалист по философии и культуре Японии Накамура Хадзимэ нашел соответствие западным ценностям индустриализма и модернизма в учении о трудовой этике монаха буддистской секты дзэн Судзуки Сёсана, жившего в конце XVI–середине XVII в. Сёсан учил, что торговец должен целиком отдавать свои силы достижению цели. Так как в его представлении размеры богатства торговца предопределены кармой, следует работать на благо людей, пренебрегая личными интересами. Только усердная работа, трудолюбие и аскетизм заслуживают награду, и действительно получают награду Неба. Так веберинское видение проблемы модернизации является предпосылкой переноса западных ценностей и форм развития культуры на японскую почву. При этом не до конца учитывается своеобразие япон-

ской модернизационной модели и возможности использования альтернативных путей и средств такой модернизации, отождествляемой с модернизацией вообще. Хочется напомнить, что сам М. Вебер никогда не признавал за буддистской сектой «Дзёдо синсю» модернизаторской роли для Японии.

В противоположность Веберу, японский исследователь Огаксава Син видел в лице упомянутой секты движение, напрямую влиявшее на ход модернизации Японии, подобно протестантизму для модернизации западных стран. В целом, японская религиозность не столь глубока и догматична, как на Западе, поэтому не могла оказывать основополагающего воздействия на модернизационную теорию и практику. Поиски связей между религиозной традицией и экономическими и политическими процессами представляются не вполне корректными. Как замечает американский японовед М. Дзё, японские качества характера, такие как трудолюбие, дисциплина, бережливость, имеют истоки не только в религиозной, но и в светской культуре населения Японии.

Японоведы сходятся в мнении о том, что специфические условия Японии стали теми причинами, которые в конце концов привели к успешной модели модернизации страны. К таким условиям следует отнести геополитические параметры развития японской цивилизации, отсутствие внешних завоеваний на протяжении ряда столетий, складывание однородной цивилизации. Модернисты одержали победу над традиционалистами в Японии в 1868 г.

О достаточно успешном в последние десятилетия опыте китайской модернизационной политики, основанной на поддержании баланса «традиционной и современной» составляющих говорит в многочисленных публикациях В.Г. Федотова [См., например: 3, с. 107]. Этот же автор указывает также на одно примечательное обстоятельство научного сопровождения модернизационной политики в Китае: здесь в научно-гуманитарной среде распространен взгляд на модернизацию как «усовершенствование, полезное для людей», а также отмечается неизбежная «связь модернизации с повседневным сознанием и ее зависимость от повседневного сознания людей» [3, с. 106].

Приоритетной задачей для России в XXI веке, как отмечает Н.И. Лапин, является построение стратегии опережающей и в то же время социокультурно сбалансированной модернизации: «Но для этого нужны совсем иные темпы движения, чем наблюдаемые ныне и ожидаемые в ближайшее время. Ясно, что речь идет не о разовом опережении-рывке или прорыве, а о длительном, поэтапном процессе остро конкурентной борьбы с другими странами за успехи модернизации как жизненно важного для каждой страны цивилизационного процесса» [4, с. 22].

И, конечно, нельзя забывать о российской региональной специфике, о необходимости учитывать и регулировать межрегиональную конкуренцию, в том числе с учетом модернизационных кластеров регионов. В большой многоэтничной стране, такой как Россия, существуют цивилизационно разнотипные регионы или их цивилизационные кластеры, векторы и темпы модернизации которых обладают значительными особенностями [4, с. 22].

Что касается России, активно начавшей модернизационные преобразования в период петровских реформ (здесь, правда, необходимо напомнить, что масштабная военная реформа, т.е. по сути вестернизация российской армии, с созданием полков «нового строя» – рейтарских, солдатских, драгунских и гусарского – относится еще ко времени правления Алексея Михайловича), то модернизационный процесс в нашей стране имеет следующие особенности:

1) модернизационные преобразования проводились «сверху» при неготовности «низов», при незрелости и несформированности поддерживающих эти преобразования институтов;

2) модернизация в России осуществлялась под воздействием внешних факторов (необходимость реванша после военного поражения, необходимость повышения конкурентоспособности национальной экономики в системе мировой экономики при экономической экспансии более развитых соседей и др.);

3) имперская модель модернизации (выборочное заимствование некоторых элементов и институтов, главным образом, в военной и военно-промышленной сферах при сохранении архаичности остальных сфер жизни общества, сверхэксплуатации населения и высокой степени централизации и бюрократизации модернизационного процесса);

4) узкая социальная база (кроме социалистического этапа модернизации);

5) нелинейность модернизационных процессов (циклическая смена реформ-контрреформ), хотя и ведущая к значительным изменениям в экономике и политике, но приводящая к широкомасштабным социальным конфликтам вместо достижения согласия (консенсуса) между основными субъектами социальных действий о формировании эффективных для всего общества институтов;

6) реформы проводились «послойно» (в XVIII – начале XIX веков они затронули лишь дворянство, приобщив его к западной – более модернизированной культуре и цивилизации; начиная с реформ Александра II, стали формироваться основы гражданского общества и российского конституционализма, способствуя институционализации буржуазно-капиталистических отношений, однако серьезные социально-экономические и социально-политические противоречия, существующие в стране на рубеже XIX-XX веков, привели к победе революции 1917 года, направившей модернизационный процесс курсом на социалистическую модернизацию, в период которой, несмотря на подавление ряда демократических свобод, страна достигла значительных успехов в экономическом и социальном развитии);

7) реформы имели целью не только ускоренное развитие страны, но и самосохранение власти под воздействием вызовов извне;

8) циклы политической и экономической модернизаций не совпадали [5].

Указанная нелинейность, цикличность административного, имперского, насильственного осуществления отечественной модернизации не позволяет перейти самому же российскому государству к реализации целенаправленной стратегии сбалансированного социокультурного развития, на основе которого наиболее реально выиграть в конкурентной модернизационной войне. Пока же и на современном этапе, как свидетельствуют материалы социокультурных региональных портретов, реальностью является низкая социокультурная, человеческая эффективность модернизационных процессов в регионах, хотя статистически фиксируется рост ее формально объективных индексов [4, с. 17].

Изменить данное удручающее положение возможно только на основе социокультурных норм населения и, в первую очередь, базовых ценностей россиян.

На предыдущей конференции участников программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» в Омске нами уже отмечалось, что население российского региона распределено по муниципальным образованиям, входящим в состав того или иного субъекта РФ. Кроме регионального разреза структуру ценностей необходимо исследовать в муниципальном плане, так как именно на этом уровне такие базовые ценности как жизнь, семья, порядок, независимость, благополучие, работа и другие наиболее отчетливо проявляют себя в деятельности, связанной с развитием территории своего проживания. Главным субъектом и ресурсом развития той или иной территории (региона, муниципального образования) является сообщество людей, живущих на данной территории. Было показано, что местное сообщество (понимаемое именно как территориальное сообщество), как и вообще общество, как целое неоднородно. Требуется осуществить декомпозицию этого целого, представляя его в виде совокупности однородных элементов. В качестве таких элементов можно рассматривать естественные организационности, сложившиеся по самоопределению их членов – *местные сообщества*. [6].

Такой подход существенно дополняет методологию выявления субъектов российской модернизации, разрабатываемую Л.А. Беляевой, Н.Е. Тихоновой, М.К. Горшковым [7; 8], так как позволяет осуществлять не только исследовательскую, но и управленческую деятельность, рассматривая проблемную ситуацию не только «со стороны», но и находясь внутри нее.

В 80-х гг. XX в. произошел срыв модернизационных процессов в результате экономических спадов и геополитических потрясений. В итоге наступило усиление исламского фундаментализма, эпоха «Исламского Возрождения». Ученые разных стран обратили внимание на то, что взрыв традиционализма на рубеже XX и XXI вв. не был исторически первым. Появились теории «обратных волн» если не модернизации, то инновационных процессов [9, с. 146-147]. Оказалось, что в мировой истории подобных «обратных волн» существовало немало, от «темных веков» в древнеегипетской истории до «тьмы европейского средневековья». Возник образ «антимодерна» в истории.

В российской и советской истории тоже нашлись периоды «отката к традиционализму». Большевизм и сталинизм признаны рядом исследователей «обратными волнами» в отечественном варианте. Это – реакция на неудавшуюся либерализацию России. Парламент и конституция сами по себе не могли быть гарантией модернизации. Участники конференции по вопросам инноваций и модернизации культуры, кризиса культурного развития в 2011 г. в России признали, что «обратные волны» накатываются на нашу страну до сих пор, потому что Россия позже западных стран восприняла идею традиционализма, как в более ранний исторический период позже некоторых других стран обратилась к модернизации. Дискуссии о модернизации в нашей стране ведутся на протяжении 120-130 лет, тогда как западные страны прошли путь модернизации за 80-100 лет. Причиной такого растянутого, длительного модернизационного процесса признается тяжелое историческое наследие России – революции и мировые войны, через которые она прошла. Модернизация экономическая и технологическая идет в России в отрыве от модернизации социальной [9, с. 149-151].

Традиционализм изжит в модернизированных, передовых странах мира. Но в условиях глобальных процессов в современном мире, традиционализм приносится в них извне: за счет открытости рынка товаров, капиталов и рабочей силы. Не случайно мы являемся свидетелями острейшего миграционного кризиса в странах Европы. Не так давно по историческим меркам – в начале и первой половине XX столетия, – с серьезной проблемой восточной иммиграции столкнулись США, в которых возник традиционалистский миф о «желтой опасности», исходившей от стран Восточной Азии. Теперь острота проблемы миграций сместилась с Дальнего на Ближний Восток. Противостояние различных цивилизационных традиций затрагивает Восток и Запад, зарубежный мир и Россию.

Представляется, что тот стратегический характер, который приобрела наша совместная исследовательская программа и ориентирующий участников Программы на выявление возможностей и разработку механизмов решения проблем социокультурного развития российских регионов, предполагает не только сосредоточение на критериальном поиске определенных социальных групп либо их сегментов, которые имеют потенциал деятельности в направлении экономической, политической и культурной модернизации (наряду с ограничениями его реализации), но и регулиющую, в определенной степени социотехническую работу по отношению к выявленным субъектам развития.

Работа с такими субъектами развития – местными сообществами – должна опираться на принцип проведения ненасильственных социокультурных изменений; осуществляя процесс управляемого развития. Для этого необходимо выделить ключевые сообщества в муниципальном образовании, воздействие на которые вызовет мультипликативный эффект в других сообществах. Основной плюс данного способа в том, что члены сообществ сами хотят развиваться. Посредством социотехнического регулирования создаются условия, при которых они меняются исходя из уже имеющихся у них ценностей и возможностей.

Ориентация сообществ на стратегические цели развития своего муниципального образования, взаимосвязанные с региональными и федеральными стратегиями, может состоять, в том числе, в активизации деятельности составляющей сообществ, существующих, возможно, пока только в коммуникации, и влиянии на выбираемые ими цели деятельности.

Эта задача конкретнее, чем работа с населением как с совокупностью индивидов, так как здесь уже совершено естественное объединение людей, причем объединение на такой

основе, которая, как можно предположить, снижает вероятность деструктивных конфликтов, неизбежных при попытках объединить людей искусственно.

Список литературы

1. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010): пер. с англ. / под общ. ред. Н.И. Лапина; предислов. Н.И Лапин, Г.А. Тосунян. М.: Весь мир, 2011. 256 с.
2. Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация: в 2-х кн. Кн.1. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: TerraFantastica, 2004. 665 с.
3. Федотова В.Г. Модернизация Китая и ее уроки для России // Вопросы философии. 2015. №1. С. 99-115.
4. Лапин Н.И. О стратегии опережающей социокультурно сбалансированной модернизации // Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации: материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. по прогр. «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Вологда, 23 – 26 октября 2013 г. : в 3-х частях. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. Ч. I. С. 14-38.
5. Сальников В.И. Модернизация России и российский цивилизационный проект: попытка культурологического анализа. URL:culturalnet.ru>main/getfile/1795
6. Маргышкин С.А., Прохоров Д.В., Цлаф В.М. Местные сообщества как фактор социокультурного развития территории (на примере г.о. Самара) // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. №3. С. 45-50.
7. Беляева Л.А. Субъекты модернизации в России: практики постсоветского периода и современные проблемы // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. №3. С. 51-58.
8. Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2010. 179 с.
9. Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов/Под ред. И.М. Клямкина. М.: Новое издательство, 2011. – 538 с.

ЦИКЛЫ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ³
THE CYCLES OF RUSSIAN MODERNIZATION

Д.М. Шабунин
Dmitry M. Shabunin

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, Тольяттинский филиал, Россия
Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, Togliatti branch,
Russia

*Жаль, что наши бедные славяне
прогуляли третье отделение.
П. Чаадаев*

В статье рассматриваются циклы российской модернизации, начиная с XVII в. по настоящее время. Выделяются четыре цикла, которые имеют одинаковую логику развития: инициатором модернизации выступает элита, формирующая модернизационный проект как ответ на внешние вызовы, определяет основные ее направления, обеспечивает организационное и материальное сопровождение, копирование и заимствование готовых образцов. После периода форсированной модернизации начинается угасание цикла, элита «успокаивается» и «просыпает» новые модернизационные вызовы со стороны наиболее развитых стран. В результате такого типа модернизации не возникает социокультурная среда для внутренней потребности модернизации.

Важно понять, почему институты российского общества на всех циклах модернизации, в основном, были готовы копировать и даже усовершенствовать, но не запускали механизмы саморазвития. Почему отсутствует внутренняя потребность модернизации, совершенствования институтов, процессов и всех сторон жизни.

Это главный вопрос, на который необходимо дать ответ, чтобы заложить основы для формирования потребности общества в модернизации.

The article deals with the cycles of Russian modernization since the XVII century. for modern times. There are four cycles, which have the same logic of development: modernization initiated elite acts forming the modernization project as a response to external challenges; define its main directions; provides organizational and financial support; copying and borrowing ready-made samples. After a period of accelerated modernization of the fading cycle begins, the elite "calms down" and "wakes" the new challenges posed by the modernization of the most developed countries. As a result, this type of modernization does not occur sociocultural medium for upgrading the internal needs. It is important to understand why the institutions of Russian society in all cycles of modernization were mostly ready to copy and even improve, but do not run the mechanisms of self-development. Why is there no inner need of modernization, improving the institutions, processes and all aspects of life? This is the main question that we have to answer, at least to lay the foundations for the formation of the society needs in modernization.

Ключевые слова: Циклы модернизации, заимствованная модернизация, элита, потребность в модернизации

Keywords: Cycles modernization, borrowed modernization, the elite, the need for modernization.

³ Выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант №15-13-63004.

Россия в конце XX в. завершила очередной цикл своей истории и стоит перед новым вызовом, ответ на который определит ее будущее на длительное время. Вызов связан с необходимостью осуществления системной модернизации социума: человека с его миропониманием и повседневностью, общества с его системой ценностей и культурой, государства с функционированием его институтов и понимания своей геополитической и национальной роли, производства и экономики на современной технологической основе.

На наших глазах начинается новый цикл российской истории, который содержит в себе историческое наследие. Оно задает возможности и варианты российского пути или судьбы. Рассуждая о модернизации, мы исходим из сегодняшних реалий и состояния общества, забываем о прошлом, а прошлое всегда говорит свое слово и присутствует в настоящем.

Процесс и состояние модернизации Европы являются эталоном для оценки состояния модернизации других стран. Сама же модернизация в Европе осуществлялась в процессе формирования капитализма и овладения техникой, что привело в Европе к первой промышленной революции (XI-XIII вв.), промышленному росту (XVI-XVIII вв.) и второй промышленной революции (XIX в.). Перестройка шла не по линии техники и технических новшеств (производительных сил), [1], а по линии всего общества в целом, включая экономическое развитие и рост, политическую жизнь, социальную структуру, повседневную жизнь и мировоззрение человека [2], то, что современным языком можно назвать социокультурными факторами. На модернизацию Европы влияние оказывали и геополитические факторы: колонизация не-европейского пространства и приспособление его под потребности Европы. Современная модернизация западного мира осуществляется в рамках уже глобального капитализма, продолжая 500-летнюю традицию с сформированными структурами общества модерн.

Россия в этом процессе была одним из немногих объектов, а иногда и конкурентом для тех стран, которые доминировали на Европейском пространстве в различное время и втягивали Россию, а точнее использовали ее военный и экономический потенциал в своих интересах.

В сферу европейского влияния Россия вошла в XVII в. в форме специфического феодализма и «желая того или нет, выбрала скорее Восток, чем Запад» [3]. Модернизация России зависела от Европы и ею определялась. Для Европы Россия поставляла сырье и была «сырьевой кладовой» в силу слабости ее технологии, экономики и денежной системы. Из Европы получала готовые изделия, товары роскоши и кредиты. На Восток, прежде всего Турцию, Иран, Среднюю Азию и Китай поставляла свои промышленные товары или товары из Европы.

Широко распространено убеждение, что начало модернизации было положено реформами Петра I. По мнению Л.Н. Гумилева, это очередной миф, поскольку «все петровские реформы были, по существу, логическим продолжением реформаторской деятельности его предшественников: Алексея Михайловича и Ордин-Нащокина, Софьи и Василия Голицына» [4]. Петр I смог осуществить реформы постольку, поскольку элита к ним уже была готова и очарована Европой: роскошь, наряды, культура. Стало модным подражать и копировать Европу. Начинается то, что В. Цимбурский назвал похищением Европы [5]. Осуществление модернизации в России без модернизационной элиты было бы невозможно. Она и стала инициатором модернизации в обществе, к нему не готовому. Поэтому для модернизации различных сфер общества элита широко привлекала иностранных специалистов.

Это своеобразие России сохранится и в дальнейшем. Модернизацию инициирует новый тип элиты, которая «заражается» идеей модернизации не в силу внутренней необходимости, а под влиянием внешних факторов, угрожающих ее существованию. Ради самосохранения в глобальном мире элита начинает модернизацию страны и навязывает модернизационный проект обществу, всем его сословиям и классам, слабо понимающим ее необходимость, а порой и оказывающим им сопротивление.

Реформы XVIII в. привели к развитию мануфактурного и промышленного производства, формированию национального рынка, изменению государственного аппарата, развитию науки и образования, усилению государства и крепостной зависимости, последствия которой

не так однозначны, как это принято считать. Несмотря на крепостную зависимость, крестьяне имели возможность выхода на рынок, что привело к формированию гигантского кустарного рынка и тем фантазмагориям, которые переживали некоторые крепостные предприниматели, когда хотели получить вольную. Отдельные крепостные создавали гигантские состояния, которые вкладывали в торговлю и мануфактурное производство. С 1750 по 1850 г фантастическим образом развилась старинная традиция деревенских ремесленников, работавших на рынок – кустарей [6], рядом с которым формировалось мануфактурное производство по инициативе государства.

С середины XVII в. начинается первый цикл модернизации России, который начался с модернизации элиты, вызванного стремлением России войти в Европу и стать силой в Европе. Петр I сумел осуществить это стремление и войти в Европу политически. Высшая точка цикла приходится ближе к концу XVIII в., когда Россия стала доминировать в первую очередь политически [7] а русское промышленное развитие было равным развитию остальной Европы, а порой и превосходило его» [8], но «когда пришла промышленная революция XIX в. Россия останется на месте и отстанет» [9].

Первый цикл охватывает период середины XVII - середина XIX вв. В этот период модернизационный проект развивался в рамках феодальной крепостной экономики и абсолютистской политической системы. Для него характерно подражание и копирование Европы: культуры, стиля потребления, техники и технологии. В результате не были сформированы структуры модернизации или ее социокультурная среда, не были созданы механизмы саморазвития. В начале XIX в. Россия оказалась в ситуации отставания и необходимости смены вектора модернизационного развития, а точнее самой среды. Общее настроение и понимание этого в первой половине XIX в. выразил П.Я. Чаадаев, может быть слишком пессимистично, но в целом верно: «У нас совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса...мы воспринимаем всегда лишь готовые идеи...мы растем, но не созреваем; движемся вперед, но по кривой линии, то есть по такой, которая не ведет к цели» [10].

Следующий цикл начинается с середины XIX в. (реформы Александра II.) и длится до начала I Мировой войны. Начинается цикл не с технологической, а социальной модернизации. Отмена крепостного права и остальные реформы подготовили промышленный подъем конца XIX в. и сформировали элементы капиталистического общества под сильным патронажем государства. Инициатором модернизационного проекта была элита. Нехватка ресурсов заставляет государство привлекать иностранный капитал. Социальная модернизация общества, государственная поддержка развития промышленности, привлечение иностранного капитала привели к промышленному подъему 1893-1899 гг., после которого начался затяжной финансово-экономический кризис, в который Россия была втянута мировым экономическим кризисом.

Острота проблемы в начале XX в. определялась внешним фактором (необходимостью «догнать» страны первого эшелона, не отстать от других стран второго эшелона и, таким образом, не выпасть из обоймы великих государств), нежели внутренним (т.е. органически, идущим изнутри общества осознанием необходимости модернизации и постепенным её осуществлением, как это было в странах первого эшелона).

Особенность «догоняющего типа модернизации» определялась высокими темпами промышленного развития, выборочным заимствованием и внедрением организационных, экономических и технических достижений Запада, напряжением внутренних сил страны, государственным регулированием перестроечных процессов. Большая территориальная протяженность страны, разнообразие ландшафтно-климатических условий, пестрый этнографический состав населения, отличающийся не только менталитетом, религией, но и социально-экономическим укладом, осложняли радикальные преобразования российского общества.

Россия во втором цикле представляла собой страну переходного периода от традиционного к индустриальному обществу. Данный цикл модернизации был прерван в результате военного, экономического, социального и политического перенапряжения и не прошел своего полного развития, поэтому сложно судить о его последствиях и результатах.

Третий цикл – модернизация советского общества, основанное на полном доминировании государства и его инициативе, подчинении модернизации целям и задачам государства. В результате было преодолено традиционное и построено индустриальное общество коммунистического образца: государственная собственность, плановое управление всеми процессами и сферами.

Инициатором модернизации выступила элита коммунистического типа. Советская элита сформировалась как модернизационная элита, стремящаяся к модернизации всех сторон общества и государства и сумевшая создать оригинальный вариант модернизированного общества, что привело на Западе к появлению теории конвергенции (1950-60-х гг. – Джон Гэлбрейт, Раймон Арон). Данные авторы считали, что Запад и советское общество представляют собой две версии современного индустриального общества, что было достаточно поверхностным пониманием сути советской модернизации, которая кардинально отличалась от европейской.

Советский вариант модернизации, начавшийся в середине 20-х гг. XX в., достигает своего пика в 50–60 г. XX в. (неслучайно возникает теория конвергенции). Как и в конце XVIII в., модернизационный проект остается в рамках подражания и копирования Европы, не создает механизмов саморазвития индустриального общества. Советский Союз так же оставался сырьевым ресурсом для Запада и поставщиком своей продукции в третий мир, частично находящийся под его протекторатом, совершив прорывы в отдельных направлениях при всей мощи государства, в ущерб и игнорирование других.

Справившись в целом с индустриализацией, в тоже время данный тип общества, как и все предыдущие, опоздал с новой модернизацией, которая началась в европейском капитализме: внедрение информационных технологий во все сферы общества. Однако в целом общество вышло на ступень модерна и нуждалось в осмыслении достигнутого и выбора пути дальнейшей модернизации на сложившейся социокультурной основе. Попытка провести одновременно социальную, политическую и экономическую модернизацию привела к полному крушению советского типа общества, а радикальная политическая и экономическая реформа начала 90-х гг. XX в. не просто к деиндустриализации, но и к демодернизации общества во всех его базовых составляющих: экономических, социальных, культурных, политических, административно-государственных. Изменилось положение человека в обществе и государстве, который из социального «винтика», интегрированного в коллектив превратился в свободный «блуждающий атом», предоставленный сам себе.

При такой сильнейшей деградации заявления и намерения государственных и политических деятелей о модернизации и новой индустриализации может постичь судьба концепции социально-экономического ускорения в период перестройки.

Четвертый цикл модернизации – начало XXI в., когда произошла мобилизация элиты. Это дало возможность поставить вопрос об инновационной модернизации экономики и общества. При Президенте России была создана специальная комиссия по модернизации, ориентирами деятельности которой стали обозначенные в Послании Федеральному Собранию пять приоритетных направлений: внедрение новейших медицинских, энергетических и информационных технологий, развитие космических и телекоммуникационных систем, радикальное повышение энергоэффективности. Были созданы госкорпорации, которые должны были взять на себя задачу инновационного развития отраслей, где бизнес не видел привлекательности для инвестирования своих средств. Однако декларируемые задачи так и не были выполнены, а в деятельности госкорпораций по развитию инноваций все больше стали проявляться имитация и формализм [11].

Российская элита понимает модернизацию как технологическое развитие, которое является приоритетной общественной и государственной задачей, поскольку научно-технический прогресс неразрывно связан с прогрессом политических систем [12].

По сути, повторяется логика всех циклов российской модернизации: государство инициирует процесс, из-за скудности ресурсов выбирает приоритетные направления и обеспечивает их материальное и организационное сопровождение.

Все это важно, но главная проблема российской модернизации, по нашему мнению, заключается в том, чтобы сформировать структуры модернизации, которые стали бы ее источниками развития и саморазвития, порождая потребность в модернизации, расширить круг субъектов модернизации, наряду с элитой.

Потребность в модернизации является социокультурной проблемой. Важно понять, почему институты российского общества на всех циклах модернизации в основном были готовы копировать и даже усовершенствовать, но не запускали механизмы саморазвития? Почему отсутствует внутренняя потребность модернизации, совершенствования институтов, процессов и всех сторон жизни?

По нашему мнению, это главный вопрос, на который мы должны дать ответ, чтобы заложить основы для формирования потребности общества в модернизации.

В противном случае, опять совершив копирование, затратив огромные ресурсы и усилия, мы «прогуляем очередное» отделение может быть уже глобальной модернизации.

Список литературы

1. См. К. Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс., Ф. Энгельс. Соч. изд. 2, Т. 13.
2. См. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденоко. – М.: Прогресс, 1990.
3. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т.3, М. Прогресс 1992. С. 456.
4. Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. / Послесл. С.Б. Лаврова. – М.: Экспрос, 1992. С. 287.
5. См. В.Цимбурский. Циклы «похищения Европы» / <http://www.archipelag.ru>.
6. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII. Т.3, М. Прогресс 1992. С. 462.
7. Как говорил екатерининский канцлер А.А. Безбородко «при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела» Цит. по. Ключевский В.О. Императрица Екатерина Вторая (1729-1796) / Ключевский В.О. Исторические портреты. М. 1990. С.313.
8. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII. Т.3, М. Прогресс 1992. С. 478.
9. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII. Т.3, М. Прогресс 1992. С. 478.
10. Чаадаев П.Я. Статьи и письма / Сост., вступ. Статья и коммент. Б.Н. Тарасова. – 2-е изд., доп. – М.: Современник, 1989. С. 44.
11. Беляева Л.А. Социокультурные вызовы российской модернизации // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России: материалы X Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» г. Пермь, 14-17 окт. 2014 г. С. 12-24.
12. Медведев Д. Россия, вперед!

Г.Ф. Ромашкина
Gulnara F. Romashkina

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия
Tyumen State University, Tyumen, Russia

Модернизационные проекты на уровне регионов были запущены в России в конце 20 века. Эти проекты имеют различные результаты, и по-разному оформлены институционально. Тюменская область выступает в числе лидеров модернизационных проектов в информационном пространстве. Регион реализовал ряд проектов, значимо отразившихся на институциональном пространстве всей России, как поле апробации институциональных модернизаций. В реальности региональный модернизационный проект затронул социальную и частично экономическую компоненты. Отставание знаниевой (инновационной) и институциональной компонент привело к существенному отставанию региона в пространстве модернизационных изменений.

Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект №16-03-00500.

Введение

Объектом исследования выступает Тюменская область, как объект управления в терминах модернизационного проекта. Современная экономика Тюменского региона в значительной степени является результатом уникальной инвестиционной программы, реализованной главным образом в 1970-80-е гг. В этот период были созданы крупнейшие мощности не только в нефтегазовом секторе, но и в электроэнергетике, строительстве, транспортной системе, производстве строительных материалов и оборудования, в широких масштабах осуществлялось социальное строительство. Достаточно отметить, что, например, в 1987 г. в области были введены в эксплуатацию жилые дома общей площадью 3,3 млн. кв. м, для сравнения: в 2010 г. этот показатель составил только 1,9 млн. кв. м. В указанный период ежегодно вводилось в эксплуатацию автомобильных дорог с твердым покрытием более тысячи километров в год, то есть в 2-3 раза больше, чем в последние годы. Долгое время считалось, что эксплуатация месторождений углеводородного сырья в Тюменской области обладает большим запасом прочности, экономичности и по существу находится как бы вне какой-либо конкуренции. Однако при определении стратегических путей развития регионов России в учёт берётся такой параметр, как истощение крупнейших нефтяных месторождений, снижение производительности скважин. На мировом рынке ощущается конкуренция со стороны поставок из других источников. Задача модернизации в нефтегазовом комплексе Тюменского региона является комплексной, охватывающей различные стороны общественной жизни и не сводится к отдельным техническим усовершенствованиям. Как отметил академик РАН Н. Петраков, «в основе проблемы лежат не электронные игрушки, а условия реальной интеграции в мирохозяйственную систему» [1]. В Тюменском регионе наблюдаются элементы общей дезинтеграции – информационной, социальной, культурной, старых советских ценностей и норм, регулирующих поведение жителей региона и принятие решений региональными элитами.

Обзор литературы

Методически исследование опирается на всероссийский исследовательский проект «Социокультурные портреты регионов России» [2]. Модернизационные опроцессы описаны в концептуальной канве ЦИМ КАН, разработанной китайским ученым Чуанци Хе [3] и адап-

тированном Н.И. Лапиным. Социокультурный контекст опирается на продолжающийся уже более 10 лет мониторинг, [4, 5]. Сделан базовый вывод, что сформировалась рискоопасная рассогласованность компонент модернизации, которая выступает главным препятствием дальнейшей модернизации в целом для России и ее регионов в частности [6].

Базовая гипотеза исследования

Сложившиеся сегодня политические механизмы и сопряженные с ними социокультурные контексты задают доминирующие смыслы, содержания и направления действий акторов. С точки зрения социальной теории, социокультурное пространство России дрейфует в направлении ценностно-рациональной и аффективной архаизации. Модернизационный проект, реализуемый в настоящее время, артикулирован действующими макро- и мезоакторами (по Т.И.Заславской), но его содержание и заявленные цели не соответствуют мировым трендам. До сих пор остается неясным, является ли это противоречие преодолимым, или отражает сущность самого процесса. Если последнее верно, тогда требуется рассматривать иные способы артикуляции российского модернизационного процесса.

Методы исследования

Привлекаются результаты многолетнего социокультурного мониторинга (2006, 2009, 2011, 206 гг.), экспертных опросов и числовые ряды. Социологические результаты интерпретируются на основе классификационных методик. Данные, предоставленные в ИС «Модернизация» были подвергнуты кластерному и факторному анализу. В анализ были включены данные, полученные по методике ЦИМ КАН по всем регионам России и Россией в целом за 2000, 2010, 2012 гг. (всего 3 группы по 12 индикаторов) - индексы и субиндексы первичной, вторичной и интегрированной модернизации.

Результаты исследования

По итогам кластерного анализа методом К-средних были получены всего 2 кластера, т.е. все российские регионы разбились на 2 неравные группы. В первом кластере находится 75 регионов, а во втором - 9 регионов, рис.1.

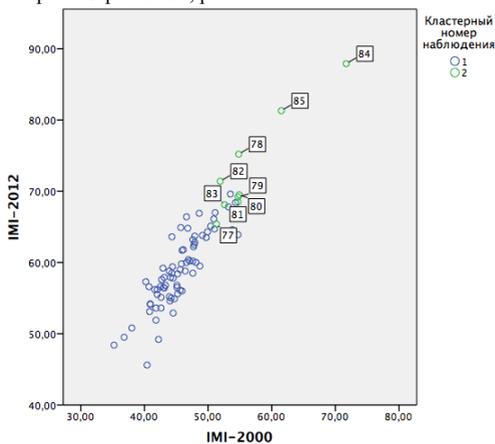

Рис.1. Диаграмма рассеяния российских регионов по динамике IMI 2010-2012 гг.

Примечание: Номера наблюдений в проранжированном файле были приведены только для регионов 2 кластера. Данные построены с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).

Наиболее близок к центру первого кластера Краснодарский край (расстояние от центра 15,3 балла, при диапазоне разброса от 15,3 до 103,5). Наиболее близка к центру второго кластера Московская область (расстояние от центра 20). Состав второго кластера: г. Москва (номер наблюдения 84, расстояние от центра кластера 131), г. Санкт-Петербург (85), Калужская (77), Московская (78), Нижегородская (79), Новосибирская (80), Самарская (81), Томская (82) и Ульяновская (83) области. Номер наблюдения демонстрирует место региона в иерархии группы по рангу совокупной кластерной переменной, высроенной для исследуемых регионов по 48 рассматриваемым значениям. На рис.1 эти регионы отражены в верхнем правом углу, показана нумерация наблюдения в массиве SPSS при ранжировании по совокупному положению в кластерах. Заметим, что разброс первой группы, включающей 75 регионов (максимальное расстояние от центра кластера 103,5), ниже разброса второй группы (9 регионов) (максимальное расстояние от центра кластера 131). То есть рассогласованность модернизации наблюдается в верхней части- среди самых развитых регионов, тогда как в нижней части модернизационного пространства России практически ничего не происходит.

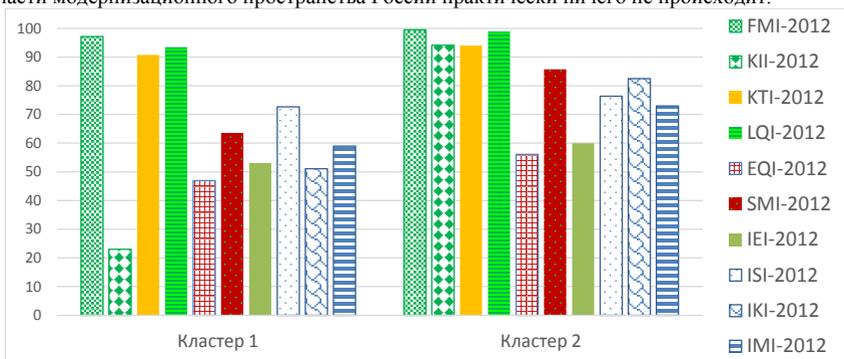

Рис.2. Центры кластеров (по данным 2012 года)

Еще значительное выглядит разброс данных по центрам полученных кластеров, см. рис.2. Центры кластеров по индексам КII, IKI ниже остальных индексов более чем в 4 раза в первой группе , а во второй группе приближается к максимуму. Разброс данных по этим индексам столь существенный, что существенно превышает превышает диапазон значения, табл.1. По значению F статистики четко видно видно, что наиболее существенны различия между кластерами – это переменные KII, IKI, табл.1.

Таблица 1.

Некоторые характеристики кластерного анализа*

Индекс	Средний квадрат разностей значения переменной	Средний квадрат разностей ошибки кластеризации	F- статистика
KII-2000	30841,5	238,5	129,3
IKI-2000	4683,1	42,9	109,1
KII-2005	32852,1	213,0	154,3
IKI-2005	5946,5	50,4	117,9
KII-2010	34757,9	227,8	152,6
KII-2012	40647,1	208,6	194,9
IKI-2012	7894,2	70,5	112,1
IMI-2012	1570,3	28,5	55,0
ISI-2012	107,9	11,7	9,2

Примечание: Показаны только те переменные, по которым F-статистика превышает 100. Отметим, что согласно теории дисперсионного анализа значимыми являются различия,

для которых F-статистика превышает 8; в случаях, когда F-статистика превышает 20, различия считаются максимально значимыми.

Для сравнения приведены значения для индекса вторичной модернизации (IMI-2012) и интегрированного индекса модернизации (IMI-2012) в 2012 г.

Таким образом, индекс инновации в знаниях и индекс трансляции в знаниях являются главными дифференцирующими факторами модернизации в России. Экономический и социальные индексы дифференцирующими не являются. То есть, девять регионов, вырвавшиеся в лидеры модернизации по итогам 2012 года, отличаются от среднего только динамикой зна- ниевых индексов. При этом разброс между ними более значителен, чем разброс между от- ставшими регионами.

Тюменская область (в целом) принадлежит к 1 кластеру, но отстоит далеко от центра (расстояние от центра 87), ХМАО-Югра отстоит от центра 1 кластера на 103, а ЯНАО на 100 баллов. Эти три региона отстоят от центра первого кластера на самое большое расстояние для 1 кластера. Главное отличие этих регионов- сдвиг социального и экономического индексов ко второму кластеру при значении КП (индекс трансляции знаний) на нижнем уровне для 1 кластера. Юг Тюменской области находится в нижнем среднем уровне первого кластера, и не соответствует по своим характеристикам вторичной модернизации. Однако юг Тюменской области характеризуется самыми высокими в России значениями сбалансированности модернизации.

Особенностью юга Тюменской области является то, что этот регион не является тем, чем его воспринимают «извне». Особенностью северных территорий Тюменской области является высокая степень нефтегазовой зависимости и практически полная автономия от губернатора юга региона. Таким образом, есть до 1995 года Тюменская область выступала как единый регион, то последние 20 лет – это три самостоятельных региона. Необходимо отметить, что губернатор Тюменской области и его Правительство управляют только на сравнительно небольшой территории, называемой ранее юг Тюменской области. В настоящее время все более установилась коннотация Тюменская область, как не включающая в себя северные территории. Анализ СМИ, анализ общественного и экспертного мнения демонстрирует крайне противоречивый образ региона, не соответствующий реальности. С одной стороны, часто указывают, что Тюменская область – это «кладовая России»⁴, нефтегазовая провинция и т.д.⁵. С другой стороны, г.Тюмень и Тюменская область лидирует во всероссийских рейтингах (Чечню и Москву не будем принимать в рассмотрение как не валидные случаи) как один из наиболее эффективно управляемых регионов, как город (Тюмень) с наиболее высоким качеством жизни (12 янв. 2016 г. – Лучшим российским городом по качеству жизни в 2015 году вновь стала Тюмень. За ней следуют Москва, Казань, Краснодар. Доступ: rg.ru/2016/01/13/raiting.html).

Особенности разработки и реализации программы модернизации экономики Тюменской области обуславливаются действием ряда объективных и субъективных факторов. Прежде всего, отсутствие на территории всей области, с учетом автономных округов, единых органов регулирования социально-экономического развития. Конституция РФ установила наличие в качестве субъектов как Тюменской области в целом, так и самостоятельных ХМАО – Югры и ЯНАО. Это определяет различия на отдельных частях территории области единой социально-экономической политики, в том числе стандартов финансирования социальной сферы, требований к развитию инфраструктуры и пр. По результатам экспертного опроса сформулированы выводы. Институтами и механизмами, которые существенно мешают полноценному функционированию публичной сферы являются неэффективность механизма противодействия коррупции; неработоспособность механизмов публичного контроля за деятельностью органов власти; отсутствие «обратной связи» - открытого диалога населе-

⁴ tyumedia.ru/57725.html 12 авг. 2011 г. –«Кладовая России ... Тюменская область...»

⁵ www.annpz.ru/pressa 13 22.html @ «В 2004 году Сергей Собянин, будучи губернатором Тюменской области, ... ИПЗ, в первую очередь потому, что новый завод - это дополнительные рабочие ... что Тюменская область - признанная во всем мире кладовая российской экономики...»

ния и власти в обсуждении значимых вопросов». Существуют значимые отличия в характеристике сложившегося состояния между представителями власти и другими выделенными акторами регионального сообщества. Можно утверждать, что власть в своем видении ситуации дистанцируется от других активных субъектов. Их оценки смещены в сторону желаемого, близки к позиции «удовлетворения» реальными условиями и возможностями для развития гражданского общества. В то время как представители других региональных сообществ скорее недовольны ситуацией, сложившейся в регионе для развития своей гражданской и деловой инициативы. Бизнес-сообщество – самая критичная группа экспертов. Они демонстрируют значительную степень недовольства реальными условиями для своей реализации в публичном пространстве.

В целом, нельзя утверждать, что в Тюменской области существуют работоспособные механизмы воздействия на власть, на процесс принятия социально значимых решений. Еще не сложилась полноценная среда, которая позволила бы поставить процесс взаимодействия на эффективные рельсы. Все предложенные для оценки показатели качества управления развитием региона были охарактеризованы экспертами как значимые. В пятерку самых важных критериев эффективности управления регионом вошли показатели качества жизни, уровня развития социальной сферы и безопасности населения. В своих оценках значимости показателей качества управления регионом экспертов можно условно разделить на две группы – первые делают упор на создание условий для развития бизнеса как гаранта развития региона, в том числе и его социальной сферы (это, как правило, представители бизнеса и власти); вторые, в большей степени оценивают успешность управления через выполнение социальных обязательств власти (эксперты из НКО-сообщества и сотрудники государственных и муниципальных учреждений).

Экономика Тюменской области ещё достаточно длительное время (порядка минимум 50 лет) будет иметь преимущественно нефтегазовый характер по двум причинам. Во-первых, для этого имеется достаточная сырьевая база в виде разведанных запасов и перспективных ресурсов углеводородов. Во-вторых, у Тюменской области отсутствуют другие объективные преимущества для развития принципиально иных видов экономической деятельности. Проблема модернизации экономики Тюменского региона заключается прежде всего в повышении эффективности нефтегазового комплекса, снижении удельных затрат на добычу углеводородов, поддержании их достаточно высоко конкурентоспособности на мировом рынке. Одной из серьезных проблем Тюменской области является недостаточно последовательное осуществление политики по совершенствованию структуры экономики региона. В принятой в 2005 г. «Стратегии развития Тюменской области до 2020 г.» справедливо утверждается, что активный сценарий развития региона предусматривает формирование новых высокотехнологичных сегментов хозяйственной деятельности, охватывающих информационное и финансовое обслуживание, исследования и разработки, проектирование, логистику, подготовку высококвалифицированных кадров, высокоразвитые социальные услуги. На практике данные установки не подкрепляются реальными действиями.

Важнейшей особенностью Тюменской области является перераспределение больших объемов бюджетных средств между территориями, то есть их поступление из автономных округов в областной бюджет. За счет этих средств финансируется программа «Сотрудничество», мероприятия которой реализуются на территории всей Тюменской области. Однако анализ механизмов реализации бюджета программы демонстрирует разрастание строительного «пузыря» на территории юга региона, явный перекося в сторону социальных проектов в ущерб развитию инновационных и новых производств.

Заключение

В России провозглашена реализация множества программ, стратегий, имеющих в том числе и самую высокую властно-управленческую поддержку. Однако эти программы слишком часто не работают, или достигнутые результаты находятся где-то «в стороне» от заявленных целей. Динамические изменения в настоящее время происходят слишком быстро,

при этом нарастают (или разрешаются) социокультурные противоречия в самой толще российского общества- в региональных социумах, порождающих ограничения, но и создающих новые возможности. Можно предположить, что в России экономическое поведение акторов должно включаться в мировые тренды исторически-обусловленного движения от традиционного типа ориентации к целерациональному. Однако явных признаков такого движения в настоящее время недостаточно для того, чтобы говорить о смене ценностно-рациональной ориентации.

Обозначенные в стратегических документах и транслируемые в информационном пространстве цели развития Тюменской области (без автономных округов) более характерны для первичной (индустриальной) модернизации. В регионе нет четко выделенного имиджевого ядра, а транслируемые смыслы и символы имеют весьма слабое отношение к реальным сильным сторонам регионального управления на современном этапе.

Влияние нефтегазовой промышленности на развитие большинства регионов России существует, но оно проявляется не за счет прямого получения ими собственных налоговых доходов, а за счет поступления средств из федерального бюджета. В составе данного бюджета самой крупной статьей расходов являются межбюджетные трансферты, то есть финансовая помощь бюджетам субъектов Федерации, не имеющим достаточных собственных доходов для выполнения закрепленных за ними полномочий и обязанностей, в виде дотаций, субсидий, субвенций. Главное влияние на величину доходов добывающих территорий оказывает принятая в стране система распределения доходов между федеральными и региональным бюджетами, в первую очередь налога на добычу полезных ископаемых.

Модернизационный проект, разрабатываемый на территории региона на протяжении последних 25 лет не нашел должной реализации. Программы, принятые на территориях, соответствуют самым высоким стандартам. Однако практически ни одна из этих программ не была реализована.

Список литературы

1. Петраков Н. Модернизация экономики как антикризисная мера // Проблемы теории и практики управления. 2009. № 6. С. 8
2. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Институт философии. Центр изучения социокультурных изменений. Научно-координационный совет секции ФСПП ООН РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» / Составление и общая редакция: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. - М., Asademta, 2009. - 808 с.
3. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001 - 2010) / Под ред. Чуаньци Хэ. Русский пер. под ред. Н. И. Лапина. М.: Весь мир, 2011.
4. Социокультурная динамика – портрет Тюменской области: колл. монография / науч. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та. 2015. - 358 с.
5. Когай Е.А., Когай А.А. Два тренда первичной модернизации регионов. Центральное Черноземье. // Социологические исследования. 2015. № 3 (371). С. 37-44.
6. Лапин Н.И. Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и её регионов // Социологические исследования – М., 2014, № 7. С. 8-19.

**СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ**

**SOCIOCULTURAL DESIGN OF MODERNIZATION PROCESSES
IN THE CENTRAL CHERNOZEM REGION**

Е.А. Когай
Evgeniya A. Kogay

Курский государственный университет, Курск, Россия
Kursk State University, Kursk, Russia

В данной работе поднимается проблема осуществления модернизации в регионах Центрального Черноземья. Автор показывает, что обращение к социокультурному проектированию способно обеспечить существенное возрастание эффективности управленческой деятельности и тем самым создать благоприятные условия для реализации модернизационных процессов.

In this work rises the problem of implementation of upgrade in regions of the Central Chernozem. The author shows that the appeal to sociocultural designing is capable to provide essential increase of efficiency of a management activity and by that to create favorable conditions for implementation of modernization processes.

Ключевые слова: Модернизация, макрорегион, управление, установки социокультурного проектирования.

Keywords: Modernization, macroregion, management, installations of sociocultural design.

*Главное свойство будущего состоит в том, что оно не похоже на любое наше представление о нем.
Аркадий и Борис Стругацкие.*

С позиции социокультурного понимания модернизации последняя означает цивилизационную стратегию, объектом которой выступают функциональные инфраструктуры жизнедеятельности. Реализация данной стратегии подразумевает опору на «практически доступные и культурно приемлемые» (О.И. Генисаретский) типы рациональности, а также соответствующие социальные технологии. Ключевой задачей модернизационных процессов является максимальное повышение жизнеспособности среды жизни. Соответственной при оценке социокультурной модернизации региона на первый план выходят качественные характеристики среды жизни, их соответствие гуманитарным и другим потребностям регионального сообщества, степень обеспечения социокультурного разнообразия и др.

Модернизационные процессы неизбежно усложняют само общество, взаимосвязи и взаимоотношения в нем. И, как совершенно справедливо отмечает Н.Н. Зарубина, такое общество «требует от социальных акторов способности к самотворению и самоорганизации, умения постоянно отслеживать ситуации и принимать оперативные решения с учетом непреднамеренных последствий функционирования социальных институтов, готовности отказаться от привычных практик в условиях ценностно-нормативного плюрализма» [1, с. 30]. Н.Н. Зарубина также обращает внимание на феномен реакции региональных сообществ на осуществление неорганической модернизации в России – утверждение упрощенных социальных практик, выполнение шаблонных действий, редуцирование сложных процессов к стандартным, формальным действиям в ущерб качественным и содержательным началам. Тем самым происходит выхолащивание социального, культурного и эмоционального содер-

жания управления, имитационные практики начинают доминировать над реальными. И это сказывается, прежде всего, на характере управленческой деятельности.

Вместе с тем разработка качественных управленческих решений в органах государственной власти и местного самоуправления, их эффективная реализация – необходимые предпосылки стабильного и успешного развития региона, повышения уровня и качества жизни населения. Если сфокусировать внимание на проблемах социокультурного развития регионов Центрального Черноземья, то следует отметить, что во всех регионах данного макрорайона приняты и реализуются стратегии социально-экономического регионального развития, учитывающие как преимущества, так и проблемные места регионов. В большинстве таких стратегий (за исключением Орловской области) обозначены инновационные ориентиры их реализации. Однако деятельность государственных органов по достижению этих ориентиров осуществляется в условиях перманентного финансового дефицита. Что касается органов муниципального самоуправления, то у них вообще нет должных организационных и финансовых ресурсов для формирования и реализации планов и программ социально-экономического развития муниципальных образований, осуществления капитальных вложений и бюджетных инвестиций в развитие экономики территорий [2]. В результате – конструирование правдоподобия вместо разрешения действительных противоречий социальной реальности, утверждение шаблонов, стандартов, схем в качестве высшей ценности вместо реализации творческих инициатив.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что в регионах Центрального Черноземья модернизационные процессы осуществляются крайне медленно, что связано с нехваткой ресурсного обеспечения, недостаточной востребованностью социокультурного потенциала макрорегиона, а также с ориентацией управленческих структур не на стратегические цели и задачи, а на решение преимущественно текущих проблем. Обращение к социокультурному проектированию способно существенно повысить потенциал модернизации, обеспечить существенное возрастание эффективности управленческой деятельности.

Данное исследование основывается на применении общенаучных методов (системного и сравнительного анализа, компаративистики, обобщения и др.), анализе документов, статистических данных. Эмпирической базой являются результаты полевых социологических исследований, проведенных в Курской области в 2012 (N=1000) и 2016 (N=500) гг. на основе типовой методики «Социокультурный портрет региона» [3]. Помимо того, в данной работе осуществлен вторичный анализ эмпирических данных полевых социологических исследований, проведенных социологами Центрального Черноземья в последние годы.

Обратимся к результатам исследования. Современный регион следует рассматривать как полифункциональное пространство, где в управленческой сфере задействованы разнообразные технологии: информационные, социальные и другие. Нельзя не отметить, что в настоящее время фиксируется усиление требований, а также ожиданий общества по отношению к социальным институтам, связанным с управлением: к руководителям и администрациям регионов, муниципалитетов, к региональным парламентам, региональным представительным партиям и т.д. На это, в частности, указывают ответы респондентов на вопросы о доверии социальным институтам и их представителям (см. табл. 1).

Таблица 1

**Уровень доверия населения Курской области социальным институтам региона
(% от числа опрошенных, 2012 /2016 гг.)**

**Level of credibility of the population of Kursk region to social institutes of the region
(% of number of respondents, 2012/2016)**

	Суду	Губернатору	Проф-союзам	Прокуратуре	Полиции	Партиям (регион.отдел.)	Дума региона	СМИ	Муниципалитету
Полностью доверяю	15,7/22	5,5/9,2	6,4/11,4	11,7/19,4	9,3/15,4	3,1/7,4	5,3/11,6	7,1/7,8	–/8
Пожалуй, доверяю	34/32	18,7/20,6	21,7/26,2	31/29,4	22,5/28	12,9/17,4	7,8/18,4	25,4/22	–/22
Трудно сказать точно	17,3/19	23,3/25,4	30,3/28,6	21,3/21,4	19/20,2	28,3/32,2	25,9/29,4	20,6/23,8	–/29,4
Не очень доверяю	20,1/17,2	25,9/24	19,0/17,6	21,4/18	29,6/24,4	26,7/25	25,7/22	26,3/27,8	–/25
Совсем не доверяю	10,5/6,6	14,3/16,9	16,9/10	12,4/9,2	18,4/9,6	23,8/13,8	21,3/14,2	19,2/16	–/12,6
Не знаю	2,1/1,8	2,1/2,6	5/4,2	2/1,2	1/1	4,9/2,8	3,8/2,8	1,1/1,2	–/1,6
Отказ от ответа	0,3/1,4	0,2/1,4	0,7/2	0,2/1,4	0,2/1,4	0,3/1,4	0,2/1,6	0,3/1,4	–/1,4

Мы видим, что более трети респондентов Курской области выражают «недоверие» региональным отделениям партий, парламенту, средствам массовой информации, органам местного (муниципального) управления и даже губернатору. Соответственно проблема эффективности деятельности социальных институтов, органов управления представляется одной из наиболее острых. Практика административного давления, неэффективная бюрократия в условиях бюджетной несбалансированности представляет собой существенное препятствие для осуществления модернизации. На это указывают также исследования белгородских социологов В.П. Бабинцева и В.А. Титовой, которые последовательно доказывают, что корпоративный характер бюрократического управления в регионе стимулирует имитативные практики деятельности муниципалитетов, а это, в свою очередь, неизбежно влечет за собой нарастание отчужденности между муниципальной властью и населением. Экспертный опрос, проведенный в Белгородской области (2011, N=30), выявил следующие формы имитации: формулировка внешне привлекательных, но недостижимых целей (61%); изображение чиновниками бурной деятельности при фактической пассивности (39%); создание новых функционально необоснованных структур (39%); производство никому не нужных бумаг (33%); проведение формальных процедур, не оказывающих влияния на принятие решений (28%); организация различных мероприятий исключительно «для галочки» (28%) [4]. В итоге, при опросе самих жителей муниципалитетов (2011, N=700) выяснилось: лишь 10% из них выражают уверенность в том, что муниципалы действительно представляют интересы населения.

Вместе с тем развитие регионов предполагает перманентное осуществление социокультурных изменений. Суть социокультурного подхода в управлении видится в признании социокультурного измерения в качестве фундаментальной характеристики управленческой практики. Речь идет о практике, максимально учитывающей самые различные компоненты территориального развития: географические и климатические условия, культурное своеобразие, исторические особенности, региональный опыт. Ориентирами социокультурной модернизации выступают конституирование сложности, разнообразия, развития имеющегося потенциала, автопозис (самоорганизация, саморазвитие). При этом в отношении регионального развития речь идет не о реализации проектов глобального масштаба, а, прежде всего, локальных проектов, максимально содействующих появлению и реализации региональных инициатив, связывании в разнообразные коммуникативные сети, опоре на интеллектуальный

и культурный потенциал региональных сообществ. Региональные программы решения территориальных проблем, в свою очередь, могут быть рассмотрены как конкретизация проектов федерального уровня.

Эффективным способом и механизмом управления социокультурными процессами, направления путей развития локальных сообществ сегодня становится социокультурное проектирование. Именно проектная деятельность способствует разработке и разрешению проблем модернизации, она выступает в качестве «мягкой» социальной технологии и неотъемлемого звена социально-управленческого цикла [5]. При этом «мягкость» технологии рассматривается как необходимость адаптивности технологии к индивидуальному характеру объектов, как равноправность субъективных и объективных аспектов среды. Стратегическим ориентиром социокультурного проектирования, как справедливо замечает Н.И. Лапин, является преодоление диссонанса между культурой и социумом, движение к устойчивому, органично целостному состоянию [6].

Социокультурное проектирование является довольно широким понятием, которое связывают как с разработкой новых социокультурных отношений; с распространением концепций и методов проектирования на объекты социокультурной деятельности, с реализацией самостоятельного вида деятельности [7]. При этом проектность, как правило, связывается со становлением и развитием инновационных видов социокультурной деятельности. Нельзя не отметить, что необходимость курса на утверждение инноваций в различных сферах жизнедеятельности сегодня широко постулируется, однако в практической плоскости реализуется в ограниченных объемах. Следует также указать на довольно невысокую активность жителей Центрального Черноземья (да и всей страны в целом) в создании инноваций. На это указывают результаты полевых исследований, проведенных в Курской области в 2012 и 2016 годы (табл. 2).

Таблица 2

Участие жителей Курской области в создании и/или внедрении чего-либо нового (новая фирма, общественная организация, новое оборудование, новый продукт и т.п.), % от числа опрошенных, 2012/2016 гг.
Participation of residents of Kursk region in creation and/or implementation something new (new firm, public organization, new equipment, new product, etc.), % of number of respondents, 2012/2016.

	Новая фирма	Новый продукт	Новая технология	Новая услуга
Участвовал как организатор	0,8/1,2	0,8/0,8	0,6/0,4	1,6/0,8
Участвовал наравне с другими	0,8/2	1,3/1	1,7/1,8	2,7/1,8
Не участвовал	89,9/80,6	89,9/82	89,4/81,8	87,6/81,6
Затрудняюсь ответить	4,1/6,6	3,5/6,2	3,8/6,2	3,3/6,2
Отказ от ответа	4,4/9,6	4,5/10	4,5/9,8	4,8/9,8

Как свидетельствуют данные, приведенные в таблице, свыше 80 % жителей региона никаким образом не задействованы в практике социальных инноваций. В свою очередь, статистические данные также показывают крайне низкую динамику инновационного развития в регионах Центрального Черноземья. Следует признать, что для реализации инноваций сегодня в российских регионах не создана благоприятная среда, в которой их можно коммерциализовать. Последняя предполагает наличие эффективно работающих технопарков, в том числе при вузах, с прозрачной и открытой системой поддержки инновационных проектов, налоговые и таможенные льготы для компаний, построенных вокруг венчурных проектов, наличие венчурных фондов с опытом поддержки успешных венчурных проектов и т.д.

Российским философом и искусствоведом О.И. Генисаретским был сформулирован ряд установок (условий) осуществления социокультурного проектирования, соответствующих реализации проектных намерений [8]. Следует отметить, что наличие данных установок (условий) в регионах ЦЧ (на примере Курской области) мы можем проследить, опираясь на ре-

зультаты полевых социологических исследований, проводимых по методике «Социокультурный портрет региона». Остановимся на них немного подробнее.

1. Представление о самоценности региона (населенного пункта) проживания.
2. Ориентация на сохранение уникальности среды – природной и культурной.
3. Ориентация на создание регионального инновационного пространства.
4. Необходимость сохранения и развития человеческого потенциала.
5. Признание значимости для проектирования необходимых инфраструктур региональной территории (технологии, коммуникации, социально-организационная структура).

Представлениям о самоценности региона посвящен вопрос методики «Какие чувства Вы испытываете по отношению к своему региону?». Отметим, что в Курской области ответы «Я рад, что живу здесь» и «В целом я доволен, но многое не устраивает» дают выше двух третей жителей региона (2012 г. – 67,5%, 2016 г. – 71,8%), что свидетельствует о том, что они ощущают себя привязанными к месту проживания нитями привязанности к своей «малой родине», а также выражают высокую заинтересованность в ее максимальном обустройстве, повышении качества и уровня своей жизни. Ориентация на сохранение уникальности среды, прежде всего, природной, находит свое яркое проявление в обнаружении привлекательных черт своего региона (вариант ответа «красивая природа» в 2012 г. выбрали 78,9% респондентов, в 2016 г. – 80,8%), а также в ответах на вопрос о памятниках истории и культуры, которые требуют срочного ремонта, восстановления. Жителями региона, в первую очередь, названы храмы, старинные дома, имеющие историческую ценность, памятники советской эпохи, памятники, связанные с Великой Отечественной войной, памятники историческим деятелям и многое другое. Нельзя не отметить, что в ответах респондентов звучит высокая заинтересованность в обустройстве среды жизни, придании ей эстетического облика, восстановлении преемственной связи поколений, сохранении исторической памяти, а также создании новых памятников, отвечающих запросам молодых поколений, связывающих свою дальнейшую судьбу со своей «малой родиной».

Ориентация на создание инновационного пространства в ответах респондентов на вопрос об участии в создании новшеств, как уже указывалось ранее, выражена не столь отчетливо. Вместе с тем спрос на новации довольно выразительно прослеживается в ответах на вопрос о непривлекательных сторонах жизни в регионе – таких, как «здесь жизнь заглохла» (41,4% в 2012 г. и 47% в 2016 г.) и «здесь не любят инициативу» (27,5% в 2012 г. и 20,2% в 2016 г.), а также в оценке суждения «Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве» (2012 г. – 8,6 балла; 2016 г. – 8,8 баллов из 11). Жители региона охотно используют новшества в своей повседневной жизни – такие, как мобильные телефоны (94,4% в 2016 г. против 92,2% в 2012 г.), компьютер (72,6% против 62,7%), интернет (71,6% против 58,4%), общаются в социальных сетях (59,8% в 2016 г.). Изменения, происходящие в повседневной жизни по инициативе региональной власти, жителями также четко фиксируются, причем как позитивные (поддержка малого предпринимательства, обеспечение доступным и комфортным жильем, поддержка семей с детьми и т.д.), так и негативные (введение зон платных парковок, изменение тарифов ЖКХ, повышение цен на проезд в общественном транспорте, взимание платы за капитальный ремонт и т.д.). В целом при этом восприятие инноваций в регионе является весьма позитивным, жители региона готовы к переменам, однако их ответы дают понять, что перемены должны повышать качество жизни людей, а не снижать его.

На необходимость сохранения и развития человеческого потенциала указывают ответы респондентов, связанные с самоидентификацией граждан с той или иной имущественной группой, образованием, удовлетворенностью жизнью, уверенностью в завтрашнем дне и т.д. Характерно, что, несмотря на переживание социально-экономического кризиса, уверенность в будущем жителей Курской области существенно не изменилась (36,8% в 2012 г. и 36,3% в 2016 г.), хотя удовлетворенность жизни немного снизилась (54,7% в 2012 г. и 51,2% в 2016 г.). Проблема развития человеческого потенциала сегодня рассматривается, прежде всего, как вопрос о соответствии качественных характеристик рабочей силы характеру современ-

ной экономики. Следует признать, что об органичном соответствии сегодня говорить не приходится.

Что касается развития необходимых инфраструктур региональной территории, то здесь следует признать картину амбивалентной. С одной стороны, в Центральном Черноземье, несомненно, фиксируется наличие исходных компонентов данной структуры [9]. Но, с другой стороны, мы наблюдаем явный диссонанс между постулируемым и реальным положением дел, диссонанс между реальными инерционными практиками социальных институтов (прежде всего, речь идет об институтах управления) и социокультурными вызовами современности.

Тем самым мы видим, что в большинстве своем ключевые установки осуществления социокультурного проектирования в макрорегионе присутствуют. При этом явно западает инфраструктурная составляющая, требующая адекватного управленческого подкрепления.

Утверждение социокультурного проектирования как ведущей технологии управленческой деятельности, на наш взгляд, является крайне важным для успешного социального развития. Управление, связанное в проективной деятельностью, предполагает четкую проработку целей, задач, результатов проектов при учете возможных приемлемых рисков; фиксацию центров ответственности за реализуемые проекты в целом и их отдельные части; разработку системы прогнозирующего планирования работ; организацию системы контроля и регулирования процесса выполнения проекта с учетом обратных связей; наконец, подготовку и утверждение команд проектов при обеспечении координации усилий тех, кто, так или иначе, связан с реализацией проектов. При этом цель, процесс и результат оказываются неразрывными звеньями одной цепи, обеспечивающей эффективную управленческую деятельность.

Список литературы

1. Зарубина Н.Н. Упрощение массовых социальных практик как вектор трансформации повседневности в сложном социуме // Историческая психология и социология истории. 2013. № 2. С. 29-45.
2. См.: Курская область в динамике социокультурных измерений / Е.А. Когай, Ю.М. Пасовец и др. Курск: ООО «Учитель», 2011. 232 с.
3. См.: Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010). М.: ИФРАН. 111 с. В 2016 г. исследование проведено с учетом модификации методики 2015 г.
4. Бабинцев В.П., Титова В.А. Имитации в системе муниципального управления // Вестник Белгородского государственного университета. 2015. № 8. С. 49-53.
5. Дридзе Т.М., Трущенко О.Е. Вместо введения. Прогнозное социальное проектирование – перспективная форма интеграции науки с практикой выработки управленческих решений // Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы / Отв. ред. д. психол. н., проф. Т.М. Дридзе; РАН; Институт социологии; 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1994. С. 3-11.
6. Лапин Н.И. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 23-34.
7. Колинко И.В. Общенаучный и междисциплинарный подходы в социокультурном проектировании // Вестник МГУКИ. 2011. № 1. С. 108-113.
8. Генисаретский О.И. Еще раз о средовом проектировании и проектности культуры (заметки по ходу дела) // Кентавр: Методологический альманах. № 3. М., 1996. С. 25-30.
9. См. об этом: Когай Е. А., Пасовец Ю. М., Когай А. А., Яцкова Д. С. Курская область на социокультурной карте России: монография. Курск: МУП «Курская городская типография», 2015. 236 с.

ОЦЕНКА ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ПЕРМСКОМ КРАЕ*

ASSESSMENT OF MODERNIZATION PROCESSES IN THE PERM REGION

Е.А. Балезина
Ekaterina A. Balezina

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия
Perm State National Research University, Perm, Russia

Процессы модернизации в Пермском крае рассматриваются в динамике за последние 10 лет. Основные индексы модернизации рассчитаны по методике ЦИМ КАН, адаптированной к особенностям российской статистики ЦИСИ Института философии РАН. Представлен краткий анализ происходящих в крае изменений, связанных с переходом от индустриального к постиндустриальному обществу.

Modernization processes in the Perm region are considered in dynamics for the last 10 years. Major modernization indexes were calculated as described by Chinese Science Academy. This method is adapted to the peculiarities of the Russian statistics by the Social Research Centre of Philosophy Institute. There is analyze of the regional changes to another level of development from industrial to postindustrial society.

Ключевые слова: Социокультурное развитие, индексы модернизации, первичная и вторичная модернизация, инновации.

Keywords: Social and cultural development, modernization indexes, primary and secondary modernization, innovation.

Последние годы в России активно обсуждаются процессы ее модернизации. Модернизация значительно меняет социальную систему через изменения в экономической сфере, ведет к смене одной модели общественного развития на другую. Она преобразует в сторону прогресса все сферы общественной жизни: экономическую, социальную, политическую, управленческую, духовную, культурную и т.д. Модернизация – это процесс перехода общества от более низкой к более высокой стадии общественного развития. Она связана со сменой способа производства, типа общественных отношений, типа цивилизации, с качественным изменением места человека в обществе. Поднимая развитие человека на более высокий уровень, модернизация предъявляет к человеку новые, более сложные требования, качественно изменяя содержание его деятельности. Модернизация имеет исторический характер и, как правило, она связана со сменой типа цивилизации. Классическое деление этапов развития общества подразумевает выделение доиндустриальной (аграрной), индустриальной и постиндустриальной стадий. Сегодня в развитых странах осуществляется переход от индустриальной к постиндустриальной стадии развития общества. Такие изменения в обществе предполагают реализацию модернизационных процессов страны в целом и ее отдельных регионов. На уровне отдельного региона можно выделить особенности такого перехода в современных условиях.

Говоря о Пермском крае, принято выделять следующие особенности его экономики, необходимые для построения адекватной оценки его модернизационных процессов.

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательских работ ФБГОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», проводимых на основе государственного задания Министерства образования и науки РФ в 2015 г. (проект № 929, рук. Е.Б. Плотникова).

Для экономики региона характерна сырьевая направленность. Что иллюстрируют данные о поступлениях в бюджет Пермского края, налоги от добывающей отрасли составляют 54% общих налоговых поступлений и 76% поступлений от налога на прибыль организаций [1].

Кроме того в Пермском крае крайне малую долю составляет продукция, произведенная для конечного потребителя, т.е. продукция с завершенным производственным циклом. Это как товары народного потребления, так и продукция других предприятий обрабатывающих производств, таких как машиностроение, металлургическое производство, обработка древесины и др. Другими словами для края типичным является то, что основная доля произведенной в крае продукции уходит за границу региона, не находя конечного потребителя внутри его.

Крупнейшие предприятия на территории Пермского края являются или монополистами в своей отрасли, или ориентируются на госзаказ и господдержку, т.е. в любом случае работают не по законам рынка. При этом данные организации производят продукцию не только в крае, но и в стране. А также стоит отметить существование внутрирегиональных различий, отражаемых, в том числе и в показателях территорий бывшего Коми-Пермяцкого округа и Пермской области.

Данные особенности экономической системы края существенным образом отражаются на процессах модернизации и определяют реакцию региона на кризисные явления последнего времени.

Исследования проблем модернизации в Пермском крае, основанные на инструментарии ЦИМ КАН, адаптированном к российской действительности [2], демонстрируют в целом положительную динамику значения индекса первичной модернизации в период с 2000 по 2010 год. [3] Отмечается рост данного показателя с 91 до 97 единиц, при этом вполне вероятно, что цифры были бы еще более высокими, если бы не влияние кризиса 2008 года.

При этом текущие показатели первичной модернизации также находятся на достаточно высоком уровне, но стоит отметить их снижение, связанное в первую очередь с экономическими характеристиками, такими как валовой региональный продукт на душу населения, рассчитанный в американских долларах. Показатели социальной и когнитивной сферы стабильно находятся на высоком уровне и достигают 99 и 100 единиц соответственно. Что касается экономических факторов, то в 2015 году данный показатель заметно снизился и достиг отметки 93, что ниже 2010 года на 5 единиц. В целом же индекс первичной модернизации в 2015 году составляет 97% и среднее фазовое значение – 3,75, что представляет собой фазу расцвета первичной модернизации, что соответствует фазовому значению 2006 года и ниже 2010, когда рассчитанные показатели Пермского края определили среднее фазовое значение, соответствующее стадии перехода. Тем не менее, сегодня Пермский край остается высоко-развитым промышленным регионом.

Инновации в знаниях, их передача и использование составляют движущую силу вторичной модернизации, и ее оценка охватывает четыре группы показателей: инновации в знаниях, передача знаний, качество жизни и качество экономики. Для Пермского края в 2015 году характерны следующие значения индексов вторичной модернизации.

Индекс инноваций в знаниях составляет 29, что значительно ниже данного индекса в 2006г. (51) и в 2010 г. (44). Снижение значения данного индекса связано с постепенным сокращением числа ученых и инженеров в Пермском крае, а также сокращением числа выданных патентов. Инновационное развитие в крае имеет как сильные, так и слабые стороны. Среди прочих недостатков региона, мешающих быстрому темпу инновационного развития, выделяют старение научных кадров [4], что и выражается в сокращении числа ученых и инженеров за последнее десятилетие.

Напротив индекс трансляции знаний имеет положительную тенденцию к росту и представляет следующие значения 71, 82 и 85 (соответствующие 2006, 2010, 2014 годам). Стоит отметить, что некоторые индикаторы, демонстрирующие инновационную сторону вторичной модернизации в методике ЦИМ КАН, не в полной мере характеризуют фазу модернизации

общества, основанного на знаниях. Следует согласиться с рядом авторов [5], что отдельные показатели вторичной модернизации оказываются условно завышенными (например, число телевизоров на 1000 человек или число пользователей сети Интернет на 100 человек). Следовательно, имея в виду данные замечания к методике расчета вторичной модернизации, необходимо заметить возможные несоответствия реальному положению индекса трансляции знаний.

Что касается индекса качества жизни, то за последние пять лет он практически не изменился и составил 89 единиц в сравнении с 88 в 2010 году. Хотя стоит заметить изменения в некоторых показателях данного индекса. Так, несмотря на некоторое снижение количества врачей на 1000 человек, средняя ожидаемая продолжительность жизни увеличилась и составила 69 лет (сравним 64 года в 2006 году и 67 лет в 2010). Также следует отметить некоторое снижение смертности детей в младенческом возрасте до 1 года. Что и поспособствовало укреплению позиции Пермского края при расчете индекса качества жизни.

Индекс качества экономики варьируется в течение последних 10 лет и в последнее время составляет 64%, что несколько ниже значения данного показателя в 2010 году (68%). В первую очередь такое изменение связано со снижением ВРП на душу населения, а также с увеличением доли лиц, занятых в сельском хозяйстве и промышленности, что не соотносится с основной идеей постиндустриального общества, в рамках которого превалирует сфера услуг.

Исходя из данных расчетов, среднее фазовое значение вторичной модернизации Пермского края в 2015 году соответствует подготовительному этапу к переходу на постиндустриальное общество.

Оценка общего состояния модернизационных процессов осуществляется с помощью показателей интегрированной модернизации, состоящий из индексов экономики, социальной сферы и знаний. Анализ динамики интегрированной модернизации Пермского края в 2015 году показывает приоритет социальной составляющей, т.к. социальный индекс превышает другие показатели и составляет 78%. В то время как экономический индекс и индекс знаний равны 50% и 57% соответственно. Необходимо отметить, что социальный индекс и индекс знаний находятся примерно на том же уровне что и в 2010 году, а экономический индекс фактически приблизился к уровню 2006 году (48%), снизившись по сравнению с 2010 годом на 5 позиций.

Таким образом, в связи с кризисным периодом в экономике в 2014-2015 гг. в Пермском крае отмечаются некоторые процессы «отступления» как в рамках первичной, так и во вторичной модернизации. Рассчитанные индексы первичной модернизации за 2015 год в сравнении с 2006 и 2010 годами демонстрируют откат назад в достижении переходной стадии. Так, если с 2006 по 2010 гг. несмотря на кризис 2008 года наблюдался рост промышленности и высокий уровень первичной модернизации был достигнут за счет роста экономических показателей, то в 2014-2015 гг. снижение фазового значения первичной модернизации связано в первую очередь с показателем валового регионального продукта. Индексы вторичной модернизации Пермского края 2015 года говорят о том, что переход от подготовительной фазы к начальной затрудняется увеличением доли занятых в материальной сфере. А индекс интегрированной модернизации повисил за последние 10 лет на 8% и составляет 61%. Среди основных категорий невысокого индекса интегрированной модернизации выделяются низкий уровень ВРП, низкая экологическая эффективность и малое число подаваемых заявок на патенты.

Список литературы

1. Гилязова Е.Ф., Мицкевич М.М. Функционирование экономики Пермского края в период мирового экономического кризиса// ARS ADMINISTRANDI. 2013. №2.
2. Лапин Н.И. Модернизация в мире, ее состояние в регионах России // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. материалов VIII Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»: 22–25

октября 2012 г / Ин-т соц.-полит. и правовых исслед. Республики Башкортостан. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С. 6–23.

3. Плотникова Е.Б. Проблемы модернизации в Пермском крае//Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. материалов VIII Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»: 22-25 октября 2012г./Ин-т соц.-полит. и правовых исслед. Республики Башкортостан. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С.440-446.

4. Мингалева Ж.А., Платынюк И.И. Тактика и практика модернизации: структурная модернизация экономики и инновационное развитие//Креативная экономика, 2012. №12. С.52-56.

5. Тарасов В.Т. Модернизация регионов Приволжского федерального округа: пространственный анализ эволюции и фазовых состояний в 2000-2010 годы//Вестник Чувашского университета. Серия Экономика. 2013. №4. С. 403-411.

**СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН**

**STRATEGIC MANAGEMENT OF HUMAN DEVELOPMENT
IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN**

Н.М. Лавренюк
Natalya M. Lavrenyuk

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия
Башкирский филиал Института социологии РАН
Институт стратегических исследований Республики Башкортостан
Bashkir state university, Ufa, Russia

Социальное конструирование стратегических перспектив развития человеческого потенциала в Республике Башкортостан реализуется на основе стратегического анализа, диагноза и проектирования на основе технологий форсайта и сессий стратегирования. Проектные стратегические замыслы формируются путем преломления трендов социокультурного развития региона.

The social construction of strategic prospects of development of human potential in Republic of Bashkortostan is implemented on the basis of strategic analysis, diagnosis and design based on technology foresight and strategizing sessions. Design strategic plans are formed by the refraction of the trends of socio-cultural development of the region.

Ключевые слова: Развитие человеческого потенциала, стратегическое управление, регион

Keywords: Human development, strategic management, region

Развитие человеческого потенциала в стратегическом отношении сложно проектируемый процесс в силу разнонаправленного действия множества факторов и высокой степени неопределенности будущего. Стратегирование предоставляет ряд методологических приемов, которые позволяют повысить степень эффективности проектных разработок в направлении развития человеческого потенциала. Вариант их реализации в Республике Башкортостан частично описан в статье.

Истоки определения человеческого потенциала (ЧП), как совокупности возможностей получить желаемое образование и прожить долгую, достойную жизнь, берут начало в концепции А. Сена «расширения человеческого выбора» (1989). Центральная идея этой концепции - благосостояние должно оцениваться по возможности людей вести такую жизнь, которую они считают достойной, а не по уровню дохода на душу населения. Доход – это инструментальная ценность, средство расширяющее выбор в таких областях как здравоохранение, образование, экономическая и общественная деятельность. Расширение выбора означает свободу предпочтений из широкого набора вариантов. Человеческое развитие «представляет собой как процесс человеческого выбора, так и достигнутый уровень благосостояния людей» (UNDP, 1990: 10), а также может трактоваться как совершенствование возможностей человека, его способностей достигать поставленные и значимые цели. Таким образом, развитие человеческого потенциала происходит через расширение выбора и совершенствование возможностей и способностей.

Оптимальное развитие ЧП возможно при условии признания равными экономические и социальные параметры в социально-экономическом развитии, когда экономические каче-

ство развития (эффективность, доходность) сочетается с социальным (высокое качество и продолжительность жизни, образованность).

ЧП – сложный социально-экономический феномен. Его можно дифференцировать по основным видам деятельности (таблица 1), через которые он превращается в соответствующие виды человеческого капитала, как результирующей его применения. Виды деятельности регулируются соответствующими социальными институтами и органами власти. РОИВ через механизм государственного программирования достигают определенного эффекта, который привязан к целевым индикаторам.

Таблица 1.

Система развития человеческого потенциала в РБ

Основные виды ЧП	Социальные институты	Региональные органы власти	Механизм развития (госпрограммы)
Социально-демографический, физический	рождаемость, смертность, миграция, безопасность, семья	Министерство здравоохранения РБ, Министерство молодежной политики и спорта РБ, Министерство внутренних дел по РБ	Развитие здравоохранения в РБ (.12.2014г. №682), Развитие физической культуры и спорта в РБ (.08.2015г. №321), Обеспечение общественной безопасности в РБ (от 19.08.2015г. № 327)
Образовательный	образование	Министерство образования РБ	Развитие образования в РБ (от 31.12.2014г. № 687)
Научный	Наука	Министерство промышленности инновационной политики РБ	Стимулирование развития инновационной деятельности в РБ (08.2015г. № 294)
Трудовой	Труд	Министерство экономического развития РБ, Министерство труда и социальной защиты населения РБ	Регулирование рынка труда и содействие занятости населения РБ (07.05.2015г. №150)
Инновационный	Инновации	Министерство образования РБ, Министерство промышленности инновационной политики РБ	Стимулирование развития инновационной деятельности в РБ (08.2015г. № 294)
Культурный	Культура	Министерство культуры РБ	Развитие культуры, искусства и кинематографии в РБ (от 31.12.2014г. №681)
Коммуникативный	Коммуникации	Госкомитет РБ по информатизации и вопросам функционирования системы «Открытая Республика», Агентство по печати и СМИ РБ	Развитие информационного общества в РБ (.12.2014г. № 688)
Гражданский	Политика, общественное участие, безопасность	Министерство молодежной политики и спорта РБ, Министерство труда и социальной защиты населения РБ	Развитие молодежной политики в РБ (.12.2014 № 683), Социальная защита населения РБ (от 29.07.2015г. № 276)

Основные тренды развития ЧП в РБ:

Социально-демографический потенциал:

- *снижение рождаемости* по причинам вступления в репродуктивный возраст более малочисленных поколений женщин, переход сельских женщин на репродуктивную модель поведения городских женщин, а также высокой доли разводов и ухудшения репродуктивного здоровья супругов;

- повышение *смертности* из-за старения населения и возможное сокращение числа смертей (особенно в трудоспособном возрасте) по причине развития системы здравоохранения, повышения уровня жизни;

- *миграционный отток* в регионы с лучшим качеством жизни и *приток* - из регионов и стран с худшим качеством жизни, чем в РФ;

- *стабильная нестабильность браков*, несмотря на провозглашение семьи и детей – базовыми терминальными ценностями.

- *ухудшение здоровья населения*: плохое здоровье родителей – плохое здоровье детей – нездоровые родители – нездоровые дети.

- *уменьшение численности населения, в целом, и в трудоспособном, в частности (с 2509,3 тыс. в 2010 г. До 2040,8 тыс. в 2031 г., на 468,5 тыс. человек) со структурными сдвигами в дотрудоспособном (сокращение) и посттрудоспособном возрастах (увеличение).*

обезлюдвание сельских территорий.

Однако по сравнению с РФ, в целом демографическая ситуация лучше: выше рождаемость, ниже смертность, более благоприятная возрастная структура населения.

Образовательный:

- более медленный, чем в РФ, рост уровня грамотности населения;

- ЧП миграция на учебу с последующим трудоустройством в другие регионы с более конкурентоспособной системой высшего образования, как следствие – потеря наиболее перспективных человеческих ресурсов;

- рост доступности учреждений образования ввиду сокращения числа населения в соответствующих возрастах.

Научный:

- сокращение кадрового потенциала, несмотря на хорошие РИД (стабильное место в топ-10-15 регионов РФ), в т.ч. по причине неконкурентной заработной платы и неразвитости института грантовых исследований;

- старение докторов наук (закрытие бюджетной докторантуры), что неминуемо приведет к распаду компетенций;

- структурная деформация в сторону технических наук, с усилением, если «опорным» в регионе останется только УГНТУ;

- хороший багаж ОИС, которые не вовлекаются в оборот по причине неразвитости РИС.

Инновационный:

- не востребованность инновационного потенциала трудовых ресурсов в условиях отсутствия создания высокотехнологичных рабочих мест;

- недоиспользование инновационных способностей занятых (по данным социологических исследований, респонденты активнее используют свои креативные способности вне работы, чем в социальных отношениях).

Трудовой:

- относительно большая численность экономически активного населения;

- отставание от наращивания высоко квалифицированных трудовых ресурсов от средних значений по РФ;

- самозанятость, как правило, в силу отсутствия рабочих мест и слабое развитие венчурного бизнеса;

- «вымывание» трудового высококвалифицированного потенциала вследствие безальтернативной оптимизации в системах образования, культуры, здравоохранения;

- активизация миграции вследствие неконкурентоспособной заработной платы (ниже, чем в среднем по РФ) в соседние регионы.

Культурный:

- традиционный взгляд на культуру через показатели посещения театров, музеев, библиотек, как следствие: недооценка роли культуры в общественной безопасности и инновационном развитии;

- рост культурно-досуговых формирований с 14,9 тыс. в 2000 г. До 19,1 тыс. чел. В 2013 г. и числа участников в них, как детей (2 тыс.), так и взрослых (на 22 тыс.) при сокращении материального и кадрового потенциалов.

Коммуникативный:

- распространение ИКТ – рост компетенций и тесноты коммуникационных связей, как результат: снятие ограничений территориальной доступности учреждений образования, занятости, торговли, досуга, получения госуслуг.

- отрыв от off-line реальности и развитие on-line –зависимости.

Гражданский:

- вовлечение молодежи в волонтерские движения, в науку, в предпринимательство;

- развитие гражданских инициатив, в т.ч. в сельской местности;

- утрата значимости института патриотизма и развитие только «военного» патриотизма, преимущественно, у детей из неблагополучных семей;

- рост протестного потенциала в силу снижения уровня жизни, безработицы, последствий базальтернативной оптимизации в образовании, здравоохранении, культуре в сельской местности и ее итога – снижения доступности социальных благ для родителей и детей, культурный вакуум.

Общий тренд: усиление разбалансированного развития.

Передовые субъекты РФ делают ставку на инновационное развитие: на науку, образование, бизнес – интеллектуальный и инновационный человеческий потенциал.

Развитие человеческого потенциала в Республике Башкортостан должно основываться на системах стратегического развития образования и здоровья, уровня и качества жизни.

Для оценки текущих и прогнозных показателей государственных программ Российской Федерации до 2020 г. были выбраны три государственные программы, эффективная реализация которых оказывает прямое влияние на компоненты Индекса человеческого развития в РФ до 2020 г.: ГП «Содействие занятости населения» - уровень доходов населения (экономический потенциал), ГП «Развитие образования» - уровень грамотности населения (образовательный потенциал); ГП «Развитие здравоохранения» - уровень здоровья населения (социально-демографический, потенциал жизнеспособности населения).

Анализ текущих значений индикаторов за 2013 показал, что Республика Башкортостан среди регионов-лидеров, занимая 18 место в рейтинге регионов РФ по ИЧР, имеет наиболее выгодные позиции по целевым индикаторам ГП «Развитие образования» (усредненное пятое место), менее выгодное положение по показателям ГП «Развитие здравоохранения» (8-9 места) и невыгодные по индикаторам ГП «Содействие занятости населения» (11-12 места). Анализ прогнозных значений за 2020 год показал, что Республика Башкортостан нацелена на достижение менее амбициозных задач. В случае достижения прогнозируемых значений всеми регионами-лидерами, Республика Башкортостан может потерять свои позиции в рейтинге. Регион может остаться в первой «двадцатке» при условии сохранения темпов развития субъектов РФ, не вошедших в 2011 году в топ-20.

Эффективная реализация анализируемых государственных программ и всего комплекса программ по направлениям государственной политики Российской Федерации в Республике Башкортостан могут способствовать тому, что развитие человеческого потенциала будет идти более быстрыми темпами. Однако, решение более амбициозных задач, формализованных в значениях целевых показателей развития человеческого потенциала Стратегии, возможно на основе проектного и программного стратегирования.

Результаты форсайт-сессии по разработке проекта Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года 30 мая – 1 июня 2016 года, а именно основных трендов, форматов и технологии, желаемого образа будущего,

угроз и возможностей для основных субъектов по направлению «Социальные инициативы» сгруппированы в портфель стратегических проектов «Встать на крыло».

**МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС: ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ И
МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА⁶**

**MODERNIZATION LIKE A PROCESS: THE ONTOLOGICAL AND
METHODOLOGICAL SUBSTANTIATION OF THE PROJECT APPROACH**

В.М. Цлаф
Victor M.Tslaf

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева
Samara National Research University named after academician Sergey P. Korolev

Модернизация рассматривается как процесс развития социально-деятельностной системы на основе разработанной автором онтологической схемы. Показано, что субъекты инициации и субъекты управления модернизацией различаются как функциями в процессе модернизации, так и компетенциями. В существующей социокультурной ситуации государство не может эффективно управлять модернизацией. Предложено для управления модернизацией использовать профессиональные консалтинговые компании, финансируемые на основе краудфандинга средним бизнесом и действующие на основе стандартов управления проектами.

Modernization like the social-activity system development process is considered on the basis of the ontological scheme worked out by the author. It's showed that the initiator and the manager of modernization are different persons distinguished with the functions and the competences. Russian political authorities can't manage the modernization under the up to date sociocultural conditions. It's offered to use the professional consulting companies funded by middle-size business organizations according to the crowdfunding principle for managing modernization on the basis of the project management standard.

Ключевые слова: модернизация, социально-деятельностная система, развитие, управление.

Keywords: modernization, social-activity system, development process, managing.

1. То, что модернизация есть процесс, видимо, не нуждается в доказательстве. Не говоря уже об устоявшемся словоупотреблении «процесс модернизации» (которое с методологической позиции могло бы оказаться некорректным), очевиден тот факт, что модернизация есть изменение во времени некоторой совокупности характеристик нашей жизни, эти характеристики в каждый момент времени измеримы (хотя бы в порядковых шкалах) и по изменению их значений можно судить о том, что мы называем модернизацией, – а такое изменение и есть процесс⁷.

Но что именно изменяется в процессе модернизации – что есть *объект* процесса модернизации – оказывается более трудным вопросом.

В истории изучения модернизации на Западе (кратко изложенной в обзорной статье И.В. Побережникова [1]) и подробно проанализированной в известной монографии П. Штомпки [2, с. 170-185]) технико-технологический и экономический аспекты модернизации практически с самого начала ее изучения были «связаны» с социальным, политическим и, в особенности, идеологическим аспектами. Это, в целом, объяснилось тем, что само изу-

⁶ Выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант №15-13-63004.

⁷ Мы используем понятие процесса, принятое в естественных науках и в большинстве методологических школ. При описании бизнес-процессов, в том числе, в системах менеджмента качества согласно международным стандартам серии ISO 9000, процессом называют последовательность действий, с нашей точки зрения, смешивая понятия процесса и механизма процесса. Несмотря на распространенность определений ISO 9000 в наши дни, мы им не следуем.

чение модернизации преследовало политические и идеологические цели, связанные с существованием «трех миров» (по П. Штомпке): ««первый мир» развитых индустриальных обществ, включая Западную Европу и США, к которым вскоре присоединились Япония и «индустриализовавшиеся страны» Дальнего Востока; «второй мир» авторитарных «социалистических» обществ во главе с Советским Союзом, продвигавшимся по пути насильственной индустриализации за счет серьезного социального ущерба; и «третий мир» постколониальных обществ юга и востока, многие из которых задержались в своем развитии на доиндустриальной стадии» [2, с.171]. В российской науке и практике государственного управления преобладали и активно проявляются сегодня технико-технологический и экономический аспекты модернизации, выраженные, в частности, в «национальной технологической инициативе (НТИ)» [3]. Лишь в мае 2016 г. во время 5-дневной сессии «форсайт-флот 2016» [4] активисты НТИ убедились, что без социальной и социокультурной составляющих НТИ не реализуема. Системная интерпретация понятия «модернизация» в России введена работами чл.-корр. РАН Н.И. Лапина ([5] и др.). Однако системную концепцию модернизации, с нашей точки зрения, нельзя считать завершенной. В работах, посвященных модернизации (например, [6], [7] и др.), часто рассматриваются 4 компоненты модернизации: технико-технологическая, социальноэкономическая, социокультурная и институционно-регулятивная. Вопрос: компонентами *чего* они являются? Если модернизация – процесс, то по какому принципу выполнена декомпозиция процесса на компоненты? Очевидно, что в основу декомпозиции процесса здесь положена декомпозиция объекта процесса. Однако названы компоненты объекта, но не сам объект. При этом теория систем требует, чтобы система рассматривалась в ее целостности, а после ее декомпозиции системное соединение полученных частей должно обеспечивать синергический эффект. В чем может выражаться синергический эффект, если известны только компоненты, а не целое?

Нам представляется, что наиболее адекватным представлением объекта модернизации в ее современном понимании является социально-деятельностная система. Понятие социально-деятельностной системы введено автором в 1990 г. путем построения онтологической схемы такой системы; схема впервые опубликована в раздаточных материалах для участников XII Всемирного конгресса по организационному развитию (Литва, Паланга, 1992) на английском языке, в дальнейшем размещена на сайте Самарской школы бизнеса, в 2003 г. в сокращенном виде опубликована в межвузовском сборнике «Процессы и среда современного менеджмента» (Самара, СамГУ, 2003) и полностью, но с измененным названием перепечатана с сайта журналом «Вопросы культурологии» [8]. На протяжении 25 лет данная схема используется как теоретическая основа практических работ автора в области регионального, муниципального и корпоративного управленческого консалтинга.

Социально-деятельностная система в онтологической схеме представлена в виде 5 подсистем: социума (совокупности социальных отношений, ролей, статусов, стратов, групп, организаций, интегрированных коммуникацией), деятельности (состоящей, в свою очередь, из двух подсистем: репродуктивной и инновационной деятельности), культуры, власти и ценностей. Связи между подсистемами в онтологической схеме обладают направленностью и могут иметь разные интерпретации [9].

Отметим особенность интерпретации подсистемы власти в описываемой схеме. Власть здесь трактуется не только как определенный тип социальных отношений (власти – подчинения или, в более мягком варианте, влияния – зависимости), но в первую очередь как *деятельность по утверждению* инновационных интеллектуальных продуктов – проектов институциональных норм, т.е. приданию им силы институтов, подкрепленных санкциями, а также по *контролю* исполнения этих норм и применению при необходимости санкций за их неисполнение.

При рассмотрении процессов модернизации целесообразно расширить это представление, введя понимание власти как деятельности субъекта власти по использованию не только принуждения, обеспеченного санкциями, но и убеждения, стимулирования или авторитета для реализации его воли в деятельности других людей. Тем самым мы уходим от политоло-

гической парадигмы власти, сосредоточенной в руках определенной социальной группы – политической элиты, в сторону общей кратологической и управленческой парадигмы («управление из любой точки»), предполагающей, что властью может обладать каждый, кто имеет достаточные способности и компетенции для использования рычагов убеждения, авторитета или стимулирования. При этом необходимо, чтобы они были поддержаны личностью или группой, референтной для «подчиненного» («зависимого») субъекта, реакция которой (критическое мнение, отношение и т.п.) явится при необходимости разновидностью санкций. Как теория, так и опыт применения этой концепции в консалтинговых проектах показывают, что формальная власть, использующая санкции в целях принуждения, является наиболее слабой формой власти – меры принуждения имеют силу только в той степени, в какой затрагивают ценностную систему подчиненных, и при этом ограничены рамками легальности и легитимности, но к той же ценностной системе непосредственно обращаются инструменты убеждения, стимулирования и использования авторитета.

Указанное расширение понятия власти позволяет наряду с процессами управления, внешнего по отношению к управляемым объектам, рассматривать процессы *самоуправления* как равнозначные, а в некоторых случаях и более важные, чем внешнее управление. Учитывающая только один вид власти институционально-регулирующая система заменится универсальной ценностно-регулирующей. Лица, облеченные формальной властью, создают институты в соответствии со своей ценностной системой и своей культурой, которые являются частью ценностной системы и культуры общества, и эти институты могут быть действенными только при условии, что ценности и культура их создателей совпадают с ценностями и культурой достаточно многочисленной части общества. При наличии конфликта институциональных и социокультурных норм, как показано в теории управления [10], приоритет принадлежит социокультурным нормам: институциональная норма в этих случаях либо вообще не будет выполняться, несмотря на угрозу санкций, либо ее выполнение потребует огромных издержек, которые современной неинституциональной экономикой трактуются как трансакционные.

Как отображено в онтологической схеме социально-деятельностной системы, власть (наряду с актуализированными в обществе ценностями) влияет на социокультурные нормы путем «фильтрации» проникновения норм культуры в социум, используя различные инструменты от цензуры и пропаганды до физического устранения носителей «нежелательных» культурных норм.

Тем самым вводится схема с обратной связью: (ценности + культура) → институты → (ценности + культура), в которой нельзя пренебрегать ни левой, ни правой частью.

В той же работе [9] рассматривается вопрос о развитии социально-деятельностной системы и показано, что *развитие социально-деятельностной системы порождается противоречием ценностного онто- и филогенеза*. На бытовом языке – должен появиться человек, которому не нравится то, что нравится другим. Ценностные ориентации этого человека должны сформироваться как-то не так, как у остальных. Только появление такой личности может стать источником развития социально-деятельностной системы.

2. Важнейшим методологическим вопросом является следующий: можно ли считать модернизацию процессом развития? В недавно опубликованной работе В.В. Никитаева [11], известного методолога школы Г.П. Щедровицкого, процессы модернизации и развития в известном смысле противопоставляются друг другу: модернизация как артификация естественного процесса и развитие как натурализация искусственного изменения. Помимо этих двух типов процессов изменений рассматриваются еще два типа, также часто связываемые с процессом модернизации: эволюция как естественные изменения естественных процессов и инноватизация как артификация искусственных трансформаций.

Позиция В.В. Никитаева заслуживает отдельного анализа, в целом она вызывает ряд возражений, но с некоторыми аргументами, по нашему мнению, следует считаться. Отнесение процесса модернизации к одному из указанных классов имеет принципиальное значение для организации управления модернизацией.

Автор надеется, что в ближайшее время сможет более подробно изложить свое видение этого вопроса.

3. Вопрос о *субъектах* модернизации требует уточнения понятия: идет ли речь о тех, кто *изменяет свое мышление и свою деятельность* в соответствии с извне заданными направлениями модернизации, о тех, кто *инициирует* такие изменения в обществе (в том числе, инициативно изменяя собственные мышление и деятельность, и эти изменения в дальнейшем вызывают мультипликативный эффект в обществе), или о тех, кто *управляет* такими изменениями.

Для того, чтобы осуществлять некоторую деятельность, актер должен *знать, что* надо делать, *уметь* это делать, *хотеть* это делать и *иметь необходимые для дела условия*. Выделение акторов как людей, заинтересованных в модернизации, позволяет ответить лишь на вопрос: кто *хочет* осуществления модернизации. Вопросы о знании, умении и условиях при этом не ставятся. Следовательно, в данном случае под актерами модернизации понимаются *инициаторы* или *агенты развития*, но не те, кто способен *управлять* процессом модернизации.

Инициация процессов модернизации, исходя из лично важных интересов (т.е. определенных ценностей) тех или иных лиц, и управление процессами модернизации суть принципиально разные процессы, требующие от акторов разных компетенций. Инициация предполагает декларацию намерений, по предположению, совпадающих с интересами тех, кого касается инициатива, информирование заинтересованных лиц об инициативе, создание для них условий выполнения этих намерений – предполагается, что при наличии условий и мотивации к следованию заявленным инициатором намерениям соответствующие действия последуют. Инициатива может быть адресована только тем субъектам, интересы которых осознаны ими и совпадают с интересами инициатора. Управление предполагает построение модели управляемой системы (в данном случае – так или иначе локализованной социально-деятельностной системы), выявление проблем как несоответствия параметров модели ценностной системе управленца, построение проектной модели, соответствующей этой ценностной системе, конструирование целевой модели путем изменения проектной модели в соответствии с условиями реализуемости, планирование реализации целевой модели, обеспечение реализации всеми видами необходимых ресурсов (включая мотивированных исполнителей), руководство и контроль исполнения, при необходимости – корректировку планов и ресурсов обеспечения.

Среди прочих отличий инициации от управления – инициация рассчитана на существование сложившейся мотивации у предполагаемых исполнителей, оставляя в стороне вопросы их компетентности, управление – на создание мотивации путем стимулирования у исполнителей, подобранных по принципу наличия необходимых компетенций по осуществлению изменений.

Еще более важное отличие – инициация не рассматривает факторов реализуемости инициативы, в том числе, возможного политического противодействия ее реализации, для инициатора проектная модель является целевой. Для профессионального управленца превращение проектной модели в целевую – важнейший этап процесса управления, предполагающий анализ материальных, информационных, «человеческих» ресурсов, политических, экономических, социокультурных и прочих условий, позитивных и негативных стейкхолдеров, возможных побочных эффектов производимых изменений, всевозможных рисков и способов их уменьшения.

Еще раз возвращаясь к институционально-регулятивной функции государства, отметим, что, реализуя эту функцию, государство может лишь *создать условия* для возникновения мотивации к изменениям и осуществления самих изменений, но принципиально не способно даже проконтролировать возникновение реальной мотивации (а не «имитации бурной деятельности»), тем более – осуществить управляющие воздействия по отношению к тем субъектам, которые должны непосредственно осуществлять изменения, за исключением того случая, когда эти субъекты являются работниками государственных учреждений. Но и в по-

следнем случае изменения будут осуществлены согласно полученным указаниям лишь в меру квалификационных и прочих личностных возможностей исполнителей. В этом причина катастрофической неэффективности крайне затратных особых экономических зон, учреждений поддержки предпринимательства и других благих намерений власть предержащих, которыми, согласно пословице, скоро можно будет мостить дорогу в ад.

Недавно, присутствуя на собрании клуба инвесторов, в который входят парочка местных миллиардеров и десятка два других успешных людей, я задал вопрос: «Господа, вы обаяны вашими успехами вашим талантам или ключевой ставке Банка России?» – Ответом был только смех в зале.

Кто же должен управлять процессом модернизации? – Профессиональный управленец, способный воспринять инициативу, «социальный заказ» на модернизацию и реализовать его в деятельности людей, которых инициируемые изменения должны коснуться.

Может ли в роли такого управленца выступать орган политической власти (любой орган государственного или муниципального управления)? – Теоретически: а почему бы нет? – Практически: российские органы государственного управления и местного самоуправления не имеют управленческих компетенций – управление заменено политикой, по выражению С.Н. Левина [12], системой статусных политических, бюрократических и экономических «торгов». Властные решения принимаются не путем консенсуса, обоснованного данными профессионального управленческого исследования, анализа и проектирования, а путем поиска компромисса в условиях несовместимых интересов участвующих сторон. Поскольку такая система пронизывает государственное и муниципальное управление сверху донизу, наличие «властной вертикали», ограничивающей дискреционное поведение «торгующих» и «торгующихся», представляется в данных конкретных социокультурных условиях не злом, а необходимым условием хотя бы частичной непротиворечивости институциональных установлений.

Расширяя представления С.Н. Левина о «статусных торгах», следует заметить, что в таких торгах участвуют не только власть и зависимый от власти бизнес, но и некоммерческий сектор, питающийся грантами и субсидиями власти или бизнеса.

Кто же в этих условиях может взять на себя (только путем самоопределения!) обязанность, или, выражаясь словами Г.П. Щедровицкого, окаянство управлять процессами модернизации? – Исходя из сказанного выше, это может быть только субъект, минимально участвующий в «статусных торгах». Любой участник «торгов», в поисках ли простого удовлетворения властных амбиций, предпочтений ли для своего бизнеса или для оплаты долга корпорации, профинансировавшей выборы, получения ли грантов от государственных фондов (что тоже является разновидностью статусного торга) или любых других благ – будет радеть не о модернизации, а об имитации бурной деятельности по управлению модернизацией – о «правильном» отчете «благотелю» и/или повышении вероятности выигрыша следующих торгов.

Как представляется, в современных российских условиях функции управления модернизацией может взять на себя только независимая некоммерческая организация профессиональных управленцев, источником финансирования которой в этом деле может быть набирающий популярность краудфандинг – иначе говоря, сбор добровольных даяний тех «субъектов модернизации», которые способны и мотивированы выступать в роли инициаторов, участников, но не управленцев модернизационных процессов. Соглашаясь с Л.А. Беляевой в том, кто может быть реально заинтересован в модернизации [13], и выбирая из них тех, кто обладает хоть какими-то финансовыми ресурсами для обеспечения этой деятельности, следует остановиться на представителях «среднего бизнеса». Возможно, в регионах России следует рассмотреть вопрос о создании ассоциаций содействия модернизации, включающих профессиональные консалтинговые организации как исполнителей управленческих функций и относительно независимые от властей, успешные на рынке организации среднего бизнеса, готовые финансировать эту деятельность и контролировать деятельность управленцев.

Среди инструментов управления модернизацией, учитывая ведущую роль социокультурных изменений, следует «воскресить» распространенные в конце 1980-х, но с тех пор новаторски забытые социотехнические методы, подобные инновационным играм В.С. Дудченко, организационно-деятельностным играм Г.П. Щедровицкого, а также произведенные от них формы управления социокультурными преобразованиями. Так, автором настоящего доклада в 1992 году на основе синтеза указанных игровых форм были созданы аналитико-инновационные сессии, с успехом применяемые до сих пор и дающие очевидный социокультурный эффект. В частности, проведенная в марте 2016 года сессия с членами Клуба директоров Самарской области, привела к тому, что 5 человек из участников – руководители наиболее крупных и успешных (из числа участников) компаний в тот же день записались в одну из наиболее «интеллектуальных» групп в социальной сети Facebook, ощутив «вкус» интеллектуализации отношения к собственному бизнесу.

Нельзя игнорировать достижения прошлого лет и в отношении других методов, в частности, Organization Development, в свое время именуемых в США методами «ненасильственного изменения социальных систем». Суть этих методов в том, что, опираясь на существующие ценностные ориентации, формируется мотивация к изменению этих ориентаций и строится новая их система.

Эти и другие технологические аспекты управления процессами модернизации заслуживают отдельного рассмотрения.

Но на один технологический вопрос все же нужно ответить.

Если модернизация – управляемый процесс, требующий участия профессиональных управленцев, какой вид управления должен осуществляться?

Модернизация – однократно осуществляемый процесс. То, что изменится в культуре, технологиях, социальных структурах, не будет необходимости изменять повторно. Это означает, что модернизацию можно планировать как совокупность последовательно-параллельно осуществляемых этапов, используя методы сетевого планирования, осуществляя при этом планирование затрат всех видов ресурсов, работу с позитивно и негативно заинтересованными лицами (стейкхолдерами) и все прочие работы, присутствующие в деятельности по управлению проектами.

Модернизация должна рассматриваться как проект. Согласно «Руководству к Своду знаний по управлению проектами» [14] – национальному стандарту США, признаваемому международным стандартом de facto по управлению проектами, «проект – это временное предприятие, предназначенное для создания уникальных продуктов, услуг или результатов. Временный характер проекта означает, что у любого проекта есть определенное начало и завершение... Большинство проектов предпринимается для достижения устойчивого, длительного результата».

В России накоплен достаточно большой опыт управления проектами, есть подготовленные кадры управленцев, на основе «Руководства РМВОК®» утвержден национальный стандарт. Именно этот опыт, а не благие пожелания политической элиты и не «статусные торги» депутатов и чиновников, должен быть положен в основу управления процессами модернизации, каждый этап которого должен создавать уникальный продукт в виде социально-деятельностной системы с конкретными параметрами ценностной, культурной, социальной, деятельностной и властной подсистем.

Остается «всего один» вопрос – а какие значения параметров этих подсистем нами желаемы и достижимы? – Однако это уже вопрос для отдельного обсуждения.

Список литературы

1. Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорное / Под ред. Л.И.Бородкина. Вып. 8. – М., 2002. С. 146-168.
2. Штомпка П. Социология социальных изменений. Пер. с англ., под ред. В.А. Ядова.– М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
3. Национальная технологическая инициатива. // <https://asi.ru/nti/>

4. Форсайт флот 2016. // <https://www.facebook.com/ForesightFleet/>
5. Лапин Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии. // <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/01/28/1251412165/Lapin.pdf>.
6. Дулина Н.В., Каргаполова Е.В. Между заторможенным ростом и модернизацией регионов. Южный федеральный округ. // Социологические исследования. – 2015. №3. С. 22-29.
7. Немировская А.В. Ожидаемая модернизация регионов Дальневосточного федерального округа. // <http://hse.ru/data/2015/02/25/1090558733/>.
8. Цдаф В.М. О смысле социально-деятельностной системы. // Вопросы культурологии. – 2006. – №11. – с.70-76.
9. Цдаф В.М. Об онтологической схеме социально-деятельностной системы. // <https://yadi.sk/d/arFC19VmqhK36/2007.pdf>.
10. Цдаф В.М. Методология современного менеджмента. – Самара: Самарская губерния, 2004.
11. Никитаев В.В. Онтология и типология социокультурных изменений. // <http://conflictmanagement.ru/ontologiya-i-tipologiya-sotsiokulturnyih-izmeneniy>.
12. Левин С.Н. Государство как субъект модернизации в России: идеи И.Т. Посошкова и современность. // Журнал институциональных исследований. – 2014. – Т.6. – №1. – С.66-73.
13. Беляева Л.А. Субъекты модернизации в России: практики постсоветского периода и современные проблемы. // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 3. С. 51–58.
14. Руководство к Своду знаний по управлению проектами» («Руководство РМВОК®»). 4-е изд. – Pennsylvania, Project Management Institute, Inc., 2008.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ОСНОВНЫХ КОМПОНЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

A SYSTEM APPROACH TO THE ANALYSIS OF THE MAIN COMPONENTS OF MODERNIZATION: PROBLEMS OF METHODOLOGY

В.Т. Тарасов
Vladimir T. Tarasov

Чебоксарский филиал Российской Академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Cheboksary branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation

В статье обосновывается методология системного подхода к анализу основных компонент модернизации в рамках новой системной парадигмы (Г.Б. Клейнер), предлагаются методы и этапы анализа.

The article explains the methodology of a system approach to the analysis of the main component of modernization in the framework of the new paradigm (G. B. Kleiner), proposed methods and stages of the analysis

Ключевые слова: системный подход, компоненты модернизации, их дисфункция и рас-
согласованность, функциональная устойчивость системы.

Keywords: system approach, components of modernization, disfunction and misalignment,
functional stability of the system.

Введение. Методика комплексной оценки модернизации пространственных экономик на основе цивилизационного подхода, разработанная учеными ЦИМ КАН, была адаптирована для целей мониторинга регионов России сотрудниками Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН (рук. чл.-корр. РАН Н.И. Лапин). В частности, Н.И. Лапин расширил концептуальные рамки методики за счет усиления ее социокультурного аспекта, предложил хронотипологию модернизованности регионов, выдвинул идею сбалансированности составляющих комплексных характеристик модернизации и обосновал концепцию ее поэтапного осуществления [1]. Характеризуя методику китайских ученых, Н.И. Лапин отмечает, что ее инструментарий позволяет оценить в основном социально-экономический аспект модернизации и лишь частично – социокультурную компоненту. Другие ее компоненты – технико-технологическая и институционно-регулятивная – получают косвенную оценку [2, с. 7]. Следовательно, необходимо развивать методологию измерения модернизации в плане усиления ее комплексности за счет включения в объект анализа всех ее компонент и придания им равноправного представительства в формировании итоговых характеристик модернизации.

Можно выделить три направления развития методологии измерения и анализа модернизации:

- 1) расширение объекта исследования в рамках комплексного подхода, т.е. с различных сторон и точек зрения на проблемных полях разных уровней – общестрановом, региональном, муниципальном и др., придавая исследованию мультидисциплинарный характер;
- 2) дополнение методологии изучения объективных процессов с помощью статистических показателей субъективными оценками социологических опросов, сочетая оба методологических подхода;

3) структурирование объекта исследования в рамках системного подхода с позиции его целостности, не противопоставляя при этом, а напротив, взаимно обогащая комплексный и системный подходы.

Далее обосновывается правомерность системного подхода к анализу основных компонентов модернизации в рамках третьего направления развития методологии ее измерения.

Суть подхода. Наши предложения опираются на новую *системную парадигму*, которую, вслед за Я. Корнаи, уже длительное время развивает Г.Б. Клейнер [3; 4]. Особенность новой системной парадигмы состоит в том, что она синтезирует и во многом развивает традиционные концепции – неоклассическую, институциональную и эволюционную. Кроме того, новая парадигма соединяет данные концепции с классическими принципами системного подхода, зародившимися в первой половине прошлого столетия за рубежом (Л. Фон Берта-ланфи) и получившими развитие в последующем периоде (Н. Винер, У. Эшби, Дж. Фон Нейман, А. Рапопорт, И. Пригожин, Г. Хакен, В. Вайдлих и др.), в том числе и нашей стране (А. Богданов) вплоть до настоящего времени (А.А. Ляпунов, В.Н. Садовский, А.И. Уемов, А.А. Малиновский, Ю.Н. Гаврилец, В.Н. Лившиц, В.И. Маевский и др.).

Встречаются различные определения систем и многочисленные их классификации. Даже бытует мнение, что строгого определения системы не существует. Воспользуемся определением Г.Б. Клейнера: «Под системой понимается относительно устойчивая во времени и пространстве часть окружающего мира, обладающая на данном уровне наблюдения свойствами внешнего единства, внутреннего многообразия и гносеологической целостности» [5, с. 7]. В чем же состоит принципиальное отличие новой парадигмы от классической?

Г.Б. Клейнер отмечает два отличия. Во-первых, для новой парадигмы характерно *экзогенное* представление системы как некоторого фрагмента реальности, выделяемого наблюдателем в пространственно-временном континууме по пространственным или функциональным признакам, в отличие от классической парадигмы, в которой упор делался на *эндогенное* восприятие системы как множества взаимосвязанных элементов с описанием их изнутри, через внутренние элементы и связи. Во-вторых, в новой парадигме существенно усиливается учет субъективных факторов в формировании и восприятии систем [4, с. 27–28]. В частности, «предполагается, что в деятельности каждой экономической системы принимают участие индивиды, или физические лица – живые существа, обладающие витальными потребностями и такими качествами, как активность, воля, интеллект, наличие памяти, способность к осмыслению прошлого, прогнозированию и планированию, стремление к познанию, потребность в общении и коллективных действиях, эмоции и т. п.» [5, с. 7]. Кроме того, в целях идентификации системы на гносеологическом и онтологическом уровнях вводится некий усредненный (между инсайдером и аутсайдером) образ «общественного наблюдателя», условно определяющего исходное понятие устойчивости (неустойчивости) системы в координатах пространства и времени. Иначе говоря, принимается, что функционирование всех систем основано на деятельности людей с использованием их интеллектуальных, физических, эмоциональных и других способностей. В связи с этим анализ и конструирование данного образа становится важной задачей развития теории социально-экономических систем [4, с. 28].

С учетом признаков, характеризующих степень определенности (неопределенности) границ в пространстве и длительности функционирования во времени, Г.Б. Клейнер разработал и обосновал оригинальную базовую типологию систем, претендующую на универсальность [4, с. 28–34]. Базовый перечень типовых систем представлен четырьмя их видами в зависимости от ограниченности (неограниченности) области пространства, занимаемого системой, и периода времени ее существования: 1) объект; 2) среда; 3) процесс; 4) проект. Универсальность данной типологии заключается в том, что она содержит исчерпывающий перечень типов, достаточных для описания любых социальных и экономических реальностей в пространственно-временном универсуме.

Если воспользоваться данной типологией, то основные компоненты модернизации можно представить в виде набора систем определенного типа, каждая из которых реализует присущую ей основную функцию и характеризуется своими особенностями (табл. 1).

Системная типология основных компонент модернизации
A system typology of the main component of the modernization

Компонента	Тип системы	Функция	Особенности
1. Техно-технологическая	<i>Проектный</i> (инвестиции в основной капитал)	Реализация относительно кратковременных изменений состояния систем	Наличие определенных границ в пространстве и во времени. Система обладает свойством интенсивного использования занимаемого пространства, совершая значительное количество действий в единицу времени, является экономически <i>активной</i> , а по действию – <i>интенсивной</i> , т.е. <i>абсолютно активной</i> .
2. Социоэкономическая	<i>Объектный</i> (регионы, муниципальные образования; юридические и физические лица)	Реализация процессов производства и потребления	Наличие четких пространственных границ и отсутствие определенных временных границ. Отсутствие временных ограничений в условиях ограниченного пространства позволяет определить систему как экономически <i>пассивную</i> , но по действию – <i>интенсивную</i> .
3. Социокультурная	<i>Процессный</i> (системы образования; наука; искусство; культура; управление)	Реализация повторяющихся изменений состояния сред и объектов	Отсутствие четких пространственных и наличие определенных временных границ. Отсутствие пространственных ограничений в условиях ограниченности во времени позволяет определить систему как экономически <i>активную</i> , но по действию – <i>экстенсивную</i> .
4. Институционно-регулятивная	<i>Средовый</i> (Интернет; институт, нормативно-правовая система)	Обеспечение взаимодействия и координации объектов и протекания процессов	Отсутствие пространственных и временных ограничений позволяют определить систему как <i>пассивную экстенсивного</i> типа, т.е. как <i>абсолютно пассивную</i> .

Формально в данной типологии системы представлены как непересекающиеся подмножества, хотя в реальности они часто носят *гибридный* характер, т.е. обладают признаками всех типов, но в разной пропорции. Поэтому данная типология является *принципиальной*, учитывающей неполную определенность исходной информации, а также наличие у реальных систем тех или иных признаков в большей или меньшей степени.

Предполагается, что системы наделены первичными ресурсами, в качестве которых рассматриваются *время (T)* и *пространство (S)*, а также энергия, необходимая для их использования. Последняя проявляется в двух видах: как интенсивность (*I*) и как активность (*A*). Первый вид проявления энергии означает эффективное использование пространства, занимаемое системой, а второй – эффективное использование времени, которым располагает система. Системы, ограниченные в пространстве, функционируют интенсивно, стремясь к эффективности его использования, а системы с ограниченным жизненным циклом, проявляют активность, совершая большое количество действий в единицу времени. Системные характеристики первичных ресурсов для различных их типов представлены в табл. 2. Как видим, каждая система обладает двумя ограниченными и двумя не ограниченными первичными ресурсами. Это позволяет сформировать четыре пары взаимосвязанных (симбиотических) систем разных типов и выстроить инвариантную организацию их взаимодействия, при которой становится возможным межсистемный обмен всеми видами ресурсов в каждый момент времени. Предполагается, что данное взаимодействие систем на практике осуществляется на основе их динамической самоорганизации путем группировки в своеобразные *симбиотические пары* – конструкцию, которую Г.Б. Клейнер называет *тетрадой*. Подобное взаимодействие компонент модернизации образующих тетраду, на наш взгляд, можно представить следующим образом (рис. 1).

Системные характеристики первичных ресурсов систем
System characteristics the primary system resources

Ресурс	Типы систем			
	объект	среда	процесс	проект
1. Пространственный	ограничен	неограничен	неограничен	ограничен
2. Временной	неограничен	неограничен	ограничен	ограничен
3. Интенсивность использования	присутствует	отсутствует	отсутствует	присутствует
4. Активность использования	отсутствует	отсутствует	присутствует	присутствует

Представленные на рис. 1 взаимосвязи симбиотических пар компонент модернизации обеспечивают функциональную устойчивость системы, формируя возможность межсистемного обмена всеми видами ресурсов в каждый момент времени. Кроме того, данная композиция взаимосвязей компонент модернизации является оптимальной по составу ресурсов с точки зрения функционирования и самовоспроизводства, а ее устойчивость обеспечивается тем, что каждая компонента нуждается в трех остальных. Между тем другие варианты взаимосвязи пар: «проект» – «среда» и «объект» – «процесс» обладают меньшей устойчивостью из-за наличия потенциала неизбежной напряженности.

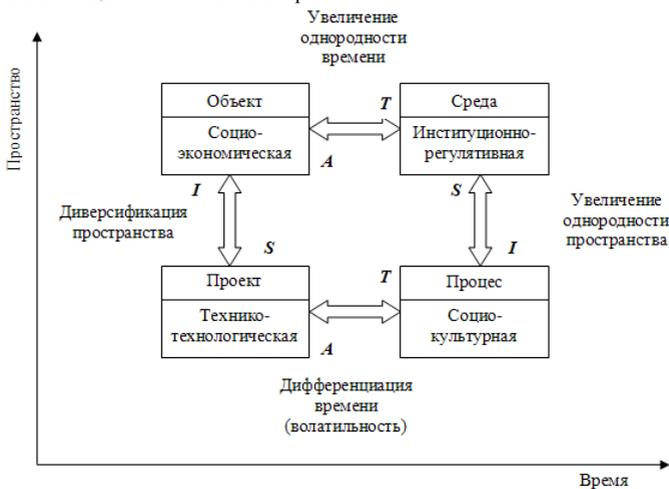

Рис. 1. Взаимосвязи симбиотических пар компонент модернизации, образующих тетраду, и их функциональные проявления
The relationship of symbiotic pairs of component upgrades, forming a tetrad, and their functional manifestations

Системное регулирование процессов модернизации с точки зрения согласованности (сбалансированности) ее основных компонент предполагает, во-первых, устойчивое функционирование каждой системной компоненты путем достижения сбалансированности ее составляющих [6], во-вторых, обеспечение такого режима их взаимодействия, при котором достигается *паритетное* (полноценное) функционирование всех представляющих их систем. Иными словами, взаимодействие систем, представляющих соответствующие компоненты

модернизации, должно обеспечивать *гармоничность* общественного развития на базовом уровне путем рационального сочетания таких общесистемных (эмерджентных) свойств, как диверсификация и унификация, волатильность и стабильность социального и экономического пространства–времени. Согласованное взаимодействие компонент модернизации должно быть направлено на реализацию стратегических приоритетов страны – укрепление национальной безопасности и обеспечение устойчивого развития страны в долгосрочной перспективе. Например, систему стратегического управления модернизацией, в том числе в региональном аспекте, с использованием симбиотических пар можно представить в виде «стратегического ромба» (рис. 2).

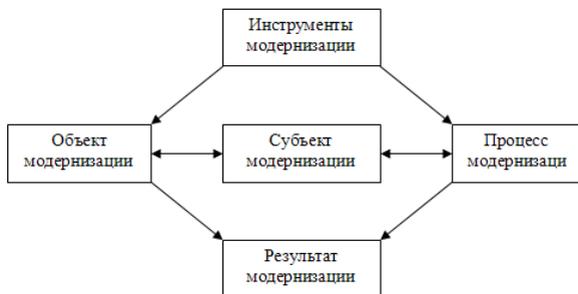

Рис. 2. Система стратегического управления модернизацией
Strategic management system modernization

В данной системе в качестве объекта модернизации могут выступать различные объектные системы (макрорегион, регион, муниципальное образование); институционно-регулятивная компонента представляет инструментарий модернизации в виде средовой системы; социокультурная компонента, призванная гармонизировать деятельность и состояние остальных компонент модернизации, обладает свойствами процессной системы; результат модернизации – проектная система. Вместе с тем каждая из этих систем, в силу их гибридного характера, может обладать в определенной степени свойствами и других видов систем.

Различные рассогласованности компонент модернизации, обуславливающие противоречивую сопряженность полюсов проблемного поля, можно выразить в виде их *дисфункции* или *диспаритета* (дефицита или гипертрофированного развития) представляющих их систем (табл. 3).

Таблица 3

Базовые рассогласованности компонент модернизации
Base mismatch component of the modernization

Компонента	Вид системного диспаритета	
	дефицит	избыток
1. Технично-технологическая	«застой»	«перегрев»
2. Социоэкономическая	нестабильность экономики и социума	высокие транзакционные издержки
3. Социокультурная	фрагментарность экономики и социума	бюрократизация
4. Институционно-регулятивная	Натурализация экономики	ограничение самостоятельности

Методы и этапы анализа. Формирование стратегии модернизации путем регулирования пропорций между ее основными компонентами, по нашему мнению, может осуществляться на основе подходов, соответствующих определенным типам систем. При этом методы и этапы исследования могут опираться на формирующуюся мультидисциплинарную пара-

дигму общего социального анализа (ОСА), в основе которого положен синтез общественных дисциплин [7]. В связи с этим можно предложить следующие этапы анализа:

Этап 1. Определение критериев модернизации с точки зрения ее двух основных функций – внутренней и внешней, вытекающих из базового документа стратегического планирования [8], и формирование гипотез базовых рассогласованностей компонент модернизации в терминах взрывоопасных узлов проблемного поля. Критерий эффективности реализации внутренней функции, по нашему мнению, может основываться на синтетической категории «Качество жизни населения», которая оценивается многомерным индикатором, имеющим особую структуру с выделением групповых субиндексов [9]. Аналогично формируется критерий эффективности реализации внешней функции модернизации как «Обеспечение национальной безопасности» или «Устойчивое развитие в долгосрочной перспективе», который также структурируется системой частных, сводных групповых субиндексов с их агрегированием в соответствующий сводный индикатор.

Этап 2. Формирование системы частных показателей, характеризующих различные аспекты компонентных индексов модернизации, в рамках объективных процессов (данные статистики) и субъективных факторов (данные социологических опросов) (табл. 4).

Этап 3. Эмпирическая проверка гипотез о взрывоопасных узлах проблемного поля модернизации на основе расчетов с использованием различных методов многомерной статистики и пространственной эконометрики с целью выявления структурных взаимосвязей и интенсивности их влияния на критериальные индикаторы модернизации.

Этап 4. Выделение объективно-субъективного проблемного поля российской модернизации, порождающего опасные для страны риски и поиск механизмов по их нейтрализации.

Этап 5. Формулирование предложений по устранению диспропорций и рационализации соотношения главных компонент модернизации как элементов целеполагания системы стратегического планирования.

Таблица 4

Показатели регионов (муниципальных образований), характеризующих факторное влияние ключевого элемента компонент модернизации
The performance of the regions (municipal entities), characterizing factor influence a key element component of the modernization

Компонента	Общая характеристика частных показателей, на основе которых рассчитывается интегральный показатель
1. Техно-технологическая	Экономический потенциал основных фондов – категория, введенная в научный оборот акад. А.И. Анчишкиным, оценивается на основе воспроизводственных характеристик основных фондов и их технического уровня [10].
2. Социоэкономическая	ВРП на душу населения; показатели рационализации структуры экономики; показатели развития сферы образования; показатели, характеризующие уровень экономического неравенства.
3. Социокультурная	Человеческий капитал; уровень образования населения; характеристики социокультурных ценностей на основе выборки из результатов социологических опросов в регионах по исследовательской программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов».
4. Институционно-регулятивная	Социальный капитал; результаты социологических опросов в регионах по тематике доверия к власти; степень экономической свободы и дистанция власти; оценка населением деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ и удовлетворенности населения деятельностью органов местного самоуправления городского округа (муниципального района), проводимых в соответствии с Указами Президента РФ.

Список литературы

1. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН. Составление, общая редакция: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М., Academia, 2013. гл.1;
2. Лапин Н.И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // СоцИс. №1. 2015. С. 6–10.

3. Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики, 2002. № 5. С. 4–22;
4. Клейнер Г.Б. Новая теория экономических систем: проблемы развития и применения. В кн.: Эволюционная и институциональная экономическая теория: дискуссии, методы и приложения / под ред. А.Ю. Архипова, С.Г. Кирдиной, Е.М. Мартишина. – СПб.: Алетейя, 2012. – гл. 1.
5. Клейнер Г.Б. Ресурсная теория системной организации экономики // Российский журнал менеджмента Том 9, № 3, 2011. С. 3–28.
6. Тарасов В.Т. Интегрирующая модернизация и сбалансированность ее составляющих / В.Т. Тарасов // Вестник Омского университета. Серия «Экономика», 2015. №3. С. 20–28.
7. Полтерович В.М. Становление общего социального анализа / В.М. Полтерович. // Общественные науки и современность, 2011. № 2. С. 101–111.
8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.garant.ru/>
9. Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения / Центральный экономико-математический ин-т РАН. – М.: Наука, 2012. – 432 с.
10. Данилов, И.П. Формирование экономического потенциала основных фондов региона в условиях инновационного развития / И.П. Данилов, Денисов В.И., В.Т. Тарасов // Вестник Чувашского университета, 2011. №4. С. 371–381.

**ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАЧЕСТВЕННОГО, КОЛИЧЕСТВЕННОГО ПОДХОДОВ
В ИССЛЕДОВАНИИ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА В СТРУКТУРЕ
ЦЕННОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ
(НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)⁸**

**EXPERIENCE WITH QUALITATIVE, QUANTITATIVE APPROACHES IN RESEARCH
OF MODERNIZATION POTENTIAL IN VALUE STRUCTURE OF POPULATION OF
THE RUSSIAN REGIONS (IN THE CASE STUDY OF PERM KRAI)**

Е.Б. Плотникова, Ю.С. Маркова
Elena B. Plotnikova, Iuliia S. Markova

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия
Perm State National Research University, Perm, Russia

Используя методику Ш. Шварца, в данном исследовании применена микс-методология: проведены формализованный опрос жителей края и серия глубинных интервью с представителями отдельных социальных групп. Это позволило с позиций модернизационного потенциала не только охарактеризовать структуру ценностей, но и выявить особенности интерпретации ценностей различными социальными группами.

The mixed methods approach has been applied in this research using the S. Schwartz methodology: a formal survey of the region residents and a series of in-depth interviews with representatives of certain social groups have been conducted. This allow not only to characterize the structure of values from the modernization potential position but to reveal the peculiarities of the value interpretation of different social groups.

Ключевые слова: Микс-методология, ценности, ценностные типы Ш. Шварца, модернизационный потенциал населения

Keywords: Mixed methods approach, values, S. Schwartz value types, the modernization potential of the population

Изучению проблемы модернизации общества и ценностного потенциала населения сегодня уделяется большое внимание. Вниманию исследователей подлежат тенденции изменения ценностей в контексте происходящих модернизационных процессов. Модернизационный потенциал населения связывается с такими ценностями, как предприимчивость, креативность, самостоятельность, открытость изменениям [1], т.е. с теми ценностями, которые относятся к категории «индивидуалистических» [2]. Методология Ш. Шварца предполагает использование исключительно формализованного инструментария: предложенные для оценки ценности в определённой степени носят абстрактный характер. Ценности сформулированы как суждения-портреты, и предполагается, что респондент будет соотносить свое поведение с предложенным образцом, в конечном счете, за ними угадывается четко фиксированная и заданная извне (исследователем, в соответствии с позитивистской логикой) ценность (переменная). Понять специфическое культурное содержание ценности становится возможным при обращении к качественной методологии, дающей интерпретацию смыслов, вкладываемых опрашиваемыми в те или иные ценности, что позволяет увидеть преломление ценности сквозь реальный жизненный опыт людей. Таким образом, применение микс-методологии становится необходимым для всестороннего изучения модернизационного потенциала в структуре ценностей населения.

⁸ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-03-00155).

На протяжении нескольких десятилетий ведутся методологические споры о перспективах использования количественной и качественной традиций [3]. Ряд исследователей придерживаются идеи о несовместимости парадигм и методов. Данный подход позиционируется как радикалистский [4]. Однако сегодня наблюдается тенденция в сторону интеграции методов, рассматриваемой как условие «модернизации» научно-исследовательской деятельности [5]. Комбинация количественного и качественного подходов позволяет получить комплексное рассмотрение объекта и предмета: не только выявить представление жителей региона о ценностях, но и найти способы адаптации применяемых методик исследования ценностей в зависимости от изучаемого контекста.

Дизайн исследования, выполненного в рамках микс-методологии, может иметь различный характер. Так, согласно Leech & Onwuegbuzie, исследовательский дизайн может быть представлен в следующих трех измерениях: а) уровень смешивания (дизайн с частично или полностью смешанной методологией); б) временная ориентация (дизайн, при котором количественный и качественный этап реализуются приблизительно в одно время (параллельно) или дизайн, когда данные этапы последовательно сменяют друг друга); в) акцент подходов (дизайн с равным акцентом на количественном и качественном подходах, каждый из которых имеет примерно одинаковое значение в решении исследовательских задач или дизайн, при котором один подход имеет приоритет перед другим) [6]. Морган описывает три варианта интеграции результатов качественных и количественных методов в смешанных исследованиях [7]. Во-первых, вариант «пересекающихся» данных, позволяющий сравнивать результаты различных методов, которые нацелены на решение одного исследовательского вопроса. Во-вторых, вариант «дополнительного покрытия», предполагающий достижение различными методами разных исследовательских задач. В-третьих, вариант «последовательных вкладов», ориентированный на выстраивание цепочки преемственности между данными: результаты одного метода служат данными для применения следующего [8].

Для современного российского общества коллективистские ценности преобладают над индивидуальными, высока ориентация на государство и на равенство индивидов. В тоже время ряд ценностей (индивидуалистических), способствующих модернизационному развитию общества занимают в ценностной структуре россиян высокие места. Вместе с тем коллективистские ценности в ряде случаев не только не препятствуют, но, напротив, стимулируют модернизационные и инновационные преобразования, будучи увязанными с индивидуалистическими ценностями. Микс-методология позволяет зафиксировать подобный синтез, становится основанием для выявления культурной специфики ценностей, их преломления через реальный жизненный мир людей, а не только через заданные исследователем схемы.

Решение о применении комплексного качественно-количественного дизайна в данном исследовании было обусловлено интересом к выявлению не только структуры ценностей жителей Пермского Края, но и постановкой ряда исследовательских вопросов. Цель состояла в более глубинном изучении представлений населения о ценностных ориентациях, которые связываются с наличием модернизационного потенциала, а именно: какие смыслы и значения вкладывают респонденты в понятия тех или иных ценностей; в каких ситуациях, и при каких обстоятельствах мотивационная сила ценностей проявляет себя наиболее ярко, а в каких – слабее; почему одни ценности имеют для респондентов большее значение, в то время как другие – менее значимы.

Эмпирическую базу исследования составили данные формализованного опроса населения Пермского края (2014 г.); результаты 6-ой волны Европейского социального исследования, проведенной в 2012 г., используемые для сравнения ценностей жителей Пермского края и страны в целом; серия глубинных интервью с представителями различных социальных групп (выделены по критерию сферы занятости). При подготовке путеводителя интервью использовалась методика Ш. Шварца, включающая 21 характеристику личности. Эти высказывания, предложенные им для анализа ценностей, были преобразованы в 21 грантур (grand tour) вопрос. К каждому из которых были сформулированы несколько однотипных

запланированных подталкиваний, направленных на выяснение ситуаций, особенностей поведения респондента и его причин, связанных с обсуждаемой ценностью. Данная методология позволила выявить ценностные ориентации, причины преобладания тех или иных ценностей и стратегии поведения респондентов.

Дизайн исследования модернизационного потенциала в системе ценностей населения можно описать как: использующий полностью смешанную методологию; параллельно реализующий количественный и качественный этапы; ориентированный на равный акцент в использовании количественной и качественной компонент; предполагающий вариант «пересекающихся» данных при интеграции результатов.

Выявленная структура ценностей жителей Пермского Края во многом соответствует структуре ценностей, присущей жителям Российской Федерации в целом [9]. В частности, наиболее значимой является ценность «Безопасность», при анализе средних значений по ценностям она получила самый высокий балл и заняла первое место. По методике Ш. Шварца «Безопасность» связана с безопасным окружением и отношением к государству как гаранту стабильности. Вместе с тем в формулировке вопроса: «Важно, чтобы государство обеспечивало безопасность во всех отношениях» интервьюируемых смущал акцент на «всех отношениях». Респонденты отметили, что большая ответственность за безопасность лежит и на них самих, во многом от них зависит. Государству они отводят второстепенную роль, стремление обезопасить себя *«должно ложиться на плечи самого человека»* (наемный работник). Данные суждения можно отнести к модернизационным характеристикам, позволяющим индивидам быть акторами этого процесса.

Второе место в системе ценностей пермяков заняла «Благожелательность», которая включает в себя доброту, помощь окружающим людям и верность близким. По результатам проведенных глубинных интервью благожелательность также имеет свои особенности. Респонденты готовы оказывать помощь нуждающимся (детям-сиротам, инвалидам, тяжело больным и пожилым людям), но в первую очередь готовы заботиться о близком круге людей, о родных и друзьях *«если это касается моих родственников, друзей, безусловно, я стараюсь им помогать и заботиться о них»* (студент).

На третьем месте в иерархии ценностей населения стоит «Универсализм», предполагающий одинаковое обращение, предоставлении равных возможностей, толерантность и заботу о природе. Несмотря на всю свою привлекательность, она вызвала у интервьюируемых скептическую реакцию и ассоциации с недостижимым идеалом. Нереализованность коммунистической идеологии, крах советской системы, выстраивание рыночных отношений обусловило подобные оценки. Модернизационный потенциал относительно ценности «Универсализм», прежде всего, связан с инновационным поведением жителей Прикамья в сфере сохранения окружающей среды. В интервью респонденты рассказывали о собственных инициативах в этом направлении: участие в волонтерской работе (уборка мусора на природе, дифференцированная утилизация бытовых отходов), в воспитательной работе в детских экологических лагерях, в решении вопросов экологической ответственности (уход за газоном рядом с домом, высадка деревьев, уборка на улице фекалий за домашними животными).

С точки зрения модернизационного потенциала наиболее важной среди ценностей, присущих среднему жителю Пермского края, является «Самостоятельность» (4 место). Анализ проведенных интервью показал, что для респондентов ценность «Самостоятельность» скорее связана с независимостью мышления и самоконтролем. Направленность на собственные силы, *«самостоятельно принимать решения и решать свои насущные жизненные, бытовые вопросы»* (пенсионер), *«совершать поступки только посредством своих каких-то умозаключений»* (предприниматель), самостоятельное решение своих проблем, не рассчитывая на других, отдавать *«себе отчет в том, что за любое своё решение ответственность несус я»* (студент) – основные ориентиры участников интервью. Готовность брать на себя ответственность за свои поступки и решения, потребность выделиться в обществе и не сливаться с толпой, вместе с тем законопослушность и толерантность по отношению к другим людям позволяют их носителям включаться в модернизационные процессы.

Другие ценности («Традиция», «Конформность», «Гедонизм», «Достижение», «Власть-богатство» и «Риск-новизна») по высказываниям интервьюируемых имеют меньше связи с модернизационным потенциалом. В понимании ценности «Традиция» (5 место) отражается значимость для населения национальных и семейных традиций, которые преобладают над следованием религиозным обычаям. Правила, по мнению интервьюируемых, касающиеся ценности «Комфортность», субъективны и порой даже абсурдны. Вследствие этого нормы можно нарушить в стрессовых и экстремальных обстоятельствах, при угрозе человеческой жизни. «Гедонизм» не относится к важным составляющим образа жизни для респондентов, *«веселье...это всего лишь малая часть жизни»* (предприниматель); не является привычкой *«искать каждый день возможность повеселиться»* (наемный работник). Высказывания респондентов по поводу ценности «Достижение» носят противоречивый характер. С одной стороны, можно выделить черты, относящиеся к понятию модернизационного потенциала населения. Для этих респондентов *«важно, чтобы старания и способности были оценены по достоинству»* (студент). С другой стороны, участники говорили о безразличном отношении в случае *«когда не очень оценили, трагедий из этого я не делала. Я не особо тщеславная»* (пенсионер), не проявляли стремления демонстрировать свои способности, поясняя, что *«это может быть чревато, что тебя куда-то еще выдвинут»* (наемный работник). «Власть-Богатство» для участников исследования не является самоцелью, деньги не выступают в качестве средства. Власть воспринимается через понятия ответственности и обязательств: *«мне сложно взять за руку и повести человека. Это ответственность, это обязательство»* (предприниматель). Явная модернизационная ценность «Риск-новизна» занимает последнее место в ценностном континууме пермяков. Ассоциации с риском и неожиданностями у респондентов, прежде всего, отрицательные. В большей степени выражено стремление к постоянству и стабильности: *«лучше спокойное будущее, в котором я знаю, что меня ждет»* (студент); *«я не такой человек, который любит неожиданности. Я люблю, чтобы все всегда было по плану»* (наемный работник).

В результате проведенных исследований, мотивационный круг ценностей, предложенный Ш. Шварцем при анализе 10 базовых ценностей и состоящий из противоположностей, раскрылся как с традиционной, так и с новой стороны. Этот круг устроен так, что в конфликте могут находиться разные ценности напротив друг друга, в нем нет диад. Это, действительно, подтвердилось, так благодаря проведенным глубинным интервью стало понятно, что ценность «Безопасность» для респондентов в большей степени противоположна ценности «Риск-новизна», так как риск часто опасен, а неожиданности бывают не только позитивными, но и негативными. В свою очередь «Гедонизм» в ценностной модели жителя Пермского края находится в конфликте с «Благожелательностью» и ассоциируется с эгоизмом, потребительским поведением.

Связь между ценностями «Универсализм» и «Безопасность» проявляется, во-первых, в стремлении к заботе о природе: *«если мы будем загаживать, то детям негде будет жить...»* (предприниматель); во-вторых, в осознании кризисного состояния окружающей среды *«Недавно где-то слышала, что XX веке человеком было уничтожено более 70% всех существовавших биологических систем на планете. Это же ужас! И ведь с каждым годом состояние экологии ухудшается»* (студент). Для достижения безопасности участники исследования в рамках ценности «Самостоятельность» готовы активно противостоять угрозам и проявлять самостоятельность в предупреждении конфликтов в личных и трудовых отношениях, оценивать риски участия в экстремальных видах спорта и развлечениях, предостерегать других людей об опасности. Возникает парадокс, когда ценность, принадлежащая к категории «Сохранение» стимулирует развитие противоположной оси «Открытие изменений». Это указывает на непротиворечивость коллективистских ценностей инновационному поведению.

В статьях, посвященных методике Ш. Шварца, в частности его мотивационному кругу, делается акцент на конфликте противостоящих ценностей [10]. Результаты нашего исследования показывают, что это оправдано в особенности, когда одна ценность присуща респон-

дентам, а другая ценность, наоборот, является минимально выраженной. Но отмеченные связи «Самостоятельности» и «Универсализма» с «Безопасностью» наводят на мысль, что оппозиционные ценности могут образовывать единый конструкт не только по принципу конфликта, но и по принципу взаимодополнения.

Интерес представляет связь ценности «Самостоятельности» с «Благожелательностью». Интервьюируемые делали акцент на достижении *«положительных результатов»* (студент), действия не должны причинять другим вред, ограничивать свободу окружающих: *«проявлять свое Я, свою индивидуальность, можно в тех рамках, когда это не ущемляет, не подавляет, не ограничивает другого человека»* (пенсионер). Ценность «Самостоятельность» оказалась противоположной «Конформности» и «Традиции». Участники исследования высказали несогласие с тем, что нужно *«делать то, что им говорят»*. Вместе с тем респонденты подчеркнули в ответах, что для них являются важными правовые нормы, и они не хотели бы совершать уголовно наказуемые действия: *«Сферы, которые касаются уголовного, административного кодекса, тут я бунтовать не буду. Это точно»* (предприниматель); *«Если это касается уголовного права, то естественно я нарушать это не буду. Во всех остальных случаях я всё же ориентируюсь на своё мнение и на свои желания»* (студент).

При анализе результатов исследования на предмет выраженности осей мотивационного круга Ш. Шварца, можно сделать вывод о преобладании у населения Пермского края метаценности «Выход за пределы своего Я». Наиболее слабо у пермяков выражены ценности, относящиеся к противоположной категории «Самоутверждение». Ценности категории «Сохранение» имеют большую значимость, нежели ценности альтернативной категории – «Открытости изменениям», это характерно и населению России в целом.

Проведенное исследование по методике Ш. Шварца с использованием микс-методологии выявило преобладание коллективистских ценностей над индивидуалистическими в структуре ценностей (исходя из данных формализованного опроса) жителей Пермского Края. В частности, Безопасность, Благожелательность и Универсализм были отмечены как наиболее важные ценностные ориентации.

В ходе анализа ответов, полученных в рамках формализованного опроса, и реакций респондентов на вопросы глубинных интервью, были выявлены пути совершенствования и адаптации характеристик ценностных типов Ш. Шварца к культурным особенностям российского государства. Так были выделены угрозы безопасности, которые вызывают наибольшие опасения у респондентов, обусловленные ухудшением экологической обстановки, техногенными катастрофами, неустойчивой политической и социально-экономической ситуациями, делинквентным поведением. В ходе анализа интервью было выявлено, что, несмотря на большую значимость ценности «Безопасность», в которую по Ш. Шварцу включена высокая роль государства, население не стремится перекладывать на него всю ответственность и заботу, выражает готовность к самостоятельным действиям. Применение микс-методологии позволило выявить дополнительные резервы модернизационного потенциала в таких явно коллективистских ценностях, как «Благожелательность», «Универсализм», «Безопасность».

Анализ ценностных ориентаций населения показал, что на сегодняшний день «средний» пермяк и россиянин в большей степени ориентированы на ценности сохранения и гораздо менее открыты изменениям. Без должной, учитывающей данные факторы управленческой стратегии, это может выступать социокультурным тормозом модернизации. Вместе с тем, у типичного представителя как Прикамья, так и России сохраняется достаточно сильная ориентация на самостоятельность и свободу в принятии решений, это, напротив, может служить значимым ресурсом модернизационных процессов.

Список литературы

1. Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. – 2011. – №9. – С.3–18; Лапин Н.И., Беляева Л.А. От стабилизации к интегрированной модернизации России. Аналитический доклад центра изучения соци-

циокультурных изменений. М., 2011. [Электронный ресурс] // Интерлос – Режим доступа: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/9462-ot-stabilizacii-k-integrirovanno-modernizacii-rossii-analiticheskij-doklad-centra-izucheniya-sociokulturnyx-izmenenij.html.

2. Schwartz S.H. Universals in Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // *Advances in Experimental Social Psychology* / Ed. By M.P.Zanna. San Diego, CA: Academic Press, 1992. Vol.25. P.1-65.

3. Campbell D. T., Stanley, J. C. Experimental and quasi-experimental designs for research. In N. L. Gage (Ed.), *Handbook of research on teaching*. Chicago, IL: Rand McNally, 1963. P. 171–246; Lincoln Y. S., Guba E. G. *Naturalistic inquiry*. Beverly Hills, CA: Sage, 1985. P. 416.

4. Готлиб А. С. (ред.). Процедуры и методы социологического исследования. Практикум. Кн. 2. Качественное социологическое исследование: учебное пособие. / А. С. Готлиб А.С., Крупец Я. Н., Алмакаева А.М. Под общ. Ред А.С. Готлиб.– Самара. Изд-во «Самарский университет». 214. С. 354.

5. Татарова Г.Г. Когерентность интеграционных процессов как условие повышения качества эмпирических исследований в России. *Социологические исследования*. 2014. №7.

6. Leech N. L., Onwuegbuzie A. J. A typology of mixed methods research designs. *Qual Quant*. 2009. № 43. P. 265–275.

7. Morgan D. *Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic Approach*. Sage Publications, 2014.

8. Полухина Е.В. Основания и возможности интеграции количественного и качественного подходов в социальных науках: от методологического плюрализма к 3-х парадигмальному континууму// *Социология. Естествознание. Общество*. Сборник научных статей и материалов Всероссийской научной конференции «Социология и естествознание: междисциплинарные подходы к изучению социальной реальности». Москва, 12-13 декабря 2014 года / Под ред. д.с.н., проф. Н.Е. Покровского. М: РОО «Сообщество профессиональных социологов», ООО «Вариант», 2014. С. 137-142.

9. Плотникова Е.Б., Маркова Ю.С. Модернизационный потенциал в структуре ценностей жителей Пермского края // *Вестник Омского университета. Серия экономика*. 2015. №3. С. 135-140.

10. Шварц Ш. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России [Электронный ресурс] / Ш. Шварц, Бутенко Т.П., Седова Д.С. и др. // *Психология. Журнал Высшей школы экономики* — 2012. -Т. 9. № 2.– С 44-70.

**АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В СТРУКТУРЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
ПОТЕНЦИАЛА МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ РОССИЙСКОГО
МАКРОРЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)⁹**

**ADAPTATION POTENTIAL IN THE STRUCTURE OF MODERNIZATION
SOCIOCULTURAL POTENTIAL OF RUSSIAN MACROREGION
(ON THE EXAMPLE OF CENTRAL CHERNOZEM REGION)**

Ю.М. Пасовец
Yulia M. Pasovets

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск, Россия
Kursk State University, Kursk, Russia

Структура социокультурного потенциала региональной модернизации может быть представлена реформаторским, социально-инновационным и адаптационным потенциалом. Специфика состояния и динамики значимых компонентов адаптационного потенциала Центрального Черноземья как российского макрорегиона определяет ряд возможностей и ограничений для региональной модернизации.

The structure of regional modernization sociocultural potential may be provided by reformatory, social and innovative and adaptation potential. Particulars of a condition and dynamics of adaptation potential significant components determine a number of opportunities and restrictions for modernization of the Central Chernozem region as Russian macroregion.

Ключевые слова: Регион, региональная модернизация, социокультурный потенциал модернизации, адаптационный потенциал.

Keywords: Region, regional modernization, sociocultural potential of modernization, adaptation potential.

Введение. В современных условиях специфика социально-экономического и социокультурного развития российского общества определяется необходимостью осуществления модернизации как комплексного способа решения значимых социальных проблем и поиска адекватного ответа на ряд внешних и внутренних вызовов. При этом нужно учитывать, что российское общество отличается сохранением существенной социально-экономической и социокультурной дифференциации между регионами как субъектами федерации, а также спецификой административно-территориального деления, экономического районирования страны и существованием общности исторических, экономических и социокультурных связей между группами регионов, которые определяют формирование макрорегионов в масштабах России [см. 3].

С учетом этого в контексте модернизационного проекта для российского общества необходимо говорить о региональной модернизации как одной из составляющих национальной модернизации, необходимым условием успешного осуществления последней. В свою очередь, в рамках региональной модернизации целесообразно выделять как уровень регионов, так и уровень макрорегионов. В этом плане в качестве одного из российских макрорегионов может выступать Центральное Черноземье, включающее регионы Центрально-Черноземного экономического района: Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую, Тамбовскую облас-

⁹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00506а «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья».

ти, а также Орловскую область как отличающуюся общностью истории с Курским краем, имеющую тесные социокультурные и экономические связи с перечисленными регионами.

Обзор литературы. Применительно к современной России необходимость региональной модернизации как основы общероссийской модернизации и значимость социокультурной составляющей модернизационных процессов обосновывается в работах чл.-корр. РАН, руководителя Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН Н.И. Лапина, д.соц.н., ведущего научного сотрудника ЦИСИ ИФРАН Л.А. Беляевой. При этом указанные аспекты также находят отражение в работах представителей региональных исследовательских групп в рамках всероссийской научной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» [4; 5].

Востребованность в современных условиях разработки сбалансированной стратегии модернизации России и отдельных ее регионов обуславливает актуальность социологических исследований в направлении определения социокультурного потенциала модернизации российских регионов.

Базовая гипотеза исследования. Определяя концептуальные основы исследования, нужно учитывать, что социальные изменения, обусловленные модернизационными процессами, становятся источником адаптации населения. В этом плане возрастает значение для исследования в контексте проблематики региональной модернизации адаптивных возможностей населения к происходящим изменениям. Исходя из этого, гипотеза-основание исследования связана с предположением о наличии ряда особенностей состояния и динамики адаптационного потенциала макрорегиона как компонента его социокультурного потенциала, которые определяют возможности и ограничения для модернизационных преобразований.

Эмпирическая база и методы исследования. Эмпирическая база исследования представлена статистическими данными и результатами социологических опросов жителей Курской области, проведенных нами по типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона России» в 2007 г. (N=1128 человек), в 2009 г. (N=1000 человек), 2012 г. (N=1000 человек) и 2016 г. (N=500 человек). Каждый из опросов был проведен по репрезентативной выборке, ошибка выборки по одному признаку не превышает 3%. Опрос населения осуществлялся методом формализованного (стандартизированного) интервью по месту жительства. Используемые в работе методы исследования определяются типовой программой и методикой «Социокультурный портрет региона России» в модификации 2010 г. [см. 2].

Результаты исследования. *Роль и место адаптационного потенциала в структуре социокультурного потенциала региональной модернизации.* Исходя из концепции Т.И. Заславской об инновационно-реформаторском потенциале современного российского общества [1, с. 228], представляется возможным выделить в структуре социокультурного потенциала модернизационных преобразований региона три его структурных компонента: реформаторский, социально-инновационный и адаптационный потенциал.

В контексте исследования социокультурного потенциала модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья адаптационный потенциал понимается нами как способность и готовность населения к принятию модернизационных изменений. В нашем представлении адаптационный потенциал регионального сообщества находит проявление в каждой из областей социокультурного пространства макрорегиона: антропо-культурной, социо-экономической и институционно-регулятивной сферах [2, с. 12]. При этом, как мы полагаем, ключевые показатели адаптационного компонента регионального социокультурного потенциала связаны с антропо-культурной и социо-экономической сферами. Так, в антропо-культурной сфере макрорегиона способность и готовность населения к модернизационным преобразованиям характеризуют демографические структуры и процессы, общественное здоровье, культурный потенциал; в социо-экономической – трудовая мотивация и экономическая активность населения, уровень и качество его жизни, социальная стратификация и мобильность. В этом плане при оценке адаптационного компонента социокультурного потенциала модернизационных преобразований макрорегиона следует уделять внимание выявлению специфики социокультурных установок, социально-экономического положения и по-

ведения населения, характеризующих его адаптивных возможностей к модернизационным процессам.

Здоровье населения и ценность здоровья у населения как составляющие адаптационного потенциала региона. В социальной сфере человеческое измерение модернизации неразрывно связано с такой характеристикой населения, как состояние его здоровья, качество которого во многом зависит от уровня развития системы здравоохранения, обеспеченности медицинскими кадрами. В свою очередь, наряду с другими факторами, здоровье оказывает решающее воздействие на трудоспособность и продолжительность жизни человека. В этом плане общественное здоровье, или здоровье населения, выступает ключевой характеристикой адаптационного потенциала региона.

В настоящее время для населения Центрального Черноземья характерен высокий уровень заболеваемости: в 2014 г. на 1000 человек населения приходится 527,3–932,3 заболеваний, установленных впервые в жизни (см. табл. 1). Нижняя граница этого интервала представлена показателем для Воронежской области, верхняя – Орловской. По этому же показателю для России в целом и Центрального федерального округа также свойствен высокий уровень заболеваемости населения.

Таблица 1

Заболеваемость населения России и регионов Центрального Черноземья
(зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые,
на 1000 человек населения)

Incidence of the population of Russia and regions of the Central Chernozem region

	2000	2005	2010	2014
<i>Российская Федерация</i>	730,5	743,7	780,0	787,1
<i>Центральный федеральный округ</i>	708,5	694,9	720,2	715,0
Белгородская область	753,7	780,0	756,7	736,4
Воронежская область	504,0	525,4	549,9	527,3
Курская область	600,9	635,8	577,6	534,8
Липецкая область	725,9	710,3	682,3	698,4
Орловская область	815,0	828,5	873,9	932,3
Тамбовская область	717,7	726,6	706,2	645,8

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: стат. сб. / Росстат. М., 2007. С. 314; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 399

При этом с 2000 г. значения данного показателя выросли в трех регионах Центрального Черноземья (Белгородской, Воронежской и Орловской областях). Однако эти масштабы могут объясняться двояко. С одной стороны, действительно наблюдается рост числа заболеваний и хронических больных, вызванный неправильным образом жизни, ухудшением экологической ситуации и др. С другой – увеличение показателей заболеваемости выступает и следствием повышения уровня медицинской диагностики и первичной профилактики, когда заболевания выявляются на ранней стадии.

Как показывают результаты регионального опроса, по самооценкам треть курян обладает достаточно хорошим здоровьем (34,8%), треть – болеет лишь изредка (33,4%). В то же время более четверти жителей Курской области (26,6%) имеют серьезные проблемы со здоровьем: часто болеют или имеют хроническое заболевание. Определенная часть населения является инвалидами (см. табл. 2).

Учитывая результаты опросов за несколько лет, можно сделать вывод об относительной устойчивости профиля самооценки населением состояния здоровья, где преобладает периодическая и хроническая заболеваемость.

Таблица 2.

Состояние здоровья населения Курской области
(по самооценкам населения, в процентах от числа опрошенных)

Health of the population of Kursk region

Варианты ответов	2007	2009	2012	2016
Нормальное здоровье, пока не жалуюсь	29,3	33,8	34,1	34,8
Временами болею	33,2	39,2	34,4	33,4
Часто болею	17,6	12,9	10,0	9,2
Имею хроническое заболевание	12,2	7,8	14,6	17,4
Инвалид	7,3	5,3	6,1	4,0
Затрудняюсь ответить	0,2	0,8	0,7	0,6
Отказ от ответа	0,2	0,2	0,1	0,6

Источники: результаты опросов населения Курской области по типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона России», 2007 г., 2009 г., 2012 г. и 2016 г.

Усредненные оценки населением высказывания: «Главное в жизни – забота о своем здоровье и благополучии» – позволяют в первом приближении говорить о значимости ценности здоровья для населения региона. Так, в 2016 г. средневзвешенный балл по пятибалльной шкале для валидных ответов по оценке данной ценностной ориентации составляет 4,3 балла, что соответствует достаточно высокой степени важности здоровья и в целом благополучия для населения региона.

Экономическая активность и экономическое сознание населения как компоненты адаптационного потенциала макрорегиона. В социо-экономической сфере макрорегиона значимым показателем его адаптационного потенциала выступает уровень экономической активности населения, отражающий степень включенности населения в сферу труда и занятости. Так, с начала 2000-х гг. в большинстве регионов Центрального Черноземья, кроме Белгородской области, произошло сокращение численности экономически активного населения (см. табл. 3), что обусловлено в значительной степени и депопуляцией населения.

Таблица 3

Экономически активное население России и регионов Центрального Черноземья
(по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости)

Economically active population of Russia and regions of the Central Chernozem region

	Численность экономически активного населения – тысяч человек			
	2000	2005	2010	2014
<i>Российская Федерация</i>	72770	73581	75478	75428
<i>Центральный федеральный округ</i>	19531	20012	20677	21126
Белгородская область	741	715	779	814
Воронежская область	1171	1154	1152	1161
Курская область	636	608	581	571
Липецкая область	601	588	619	597
Орловская область	438	421	398	388
Тамбовская область	574	559	554	527
	Уровень экономической активности населения (в процентах)			
	2000	2005	2010	2014
<i>Российская Федерация</i>	65,5	66,0	67,7	68,9
<i>Центральный федеральный округ</i>	65,9	66,6	68,3	70,6
Белгородская область	65,7	62,9	64,6	68,8
Воронежская область	63,2	63,0	63,1	64,9
Курская область	65,7	66,0	66,0	67,1

Липецкая область	63,9	62,9	67,4	67,4
Орловская область	65,0	65,3	64,5	65,6
Тамбовская область	61,7	62,9	64,6	63,8

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – С. 84, 102; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 76, 78

С учетом этого большей информативностью для оценки степени включенности населения в сферу труда и занятости, активизации его трудового потенциала обладает такой показатель, как уровень экономической активности населения. К 2014 г. по сравнению с 2000 г. во всех регионах Центрального Черноземья, как и в России в целом и ЦФО, уровень экономически активного населения увеличился и составил от 63,8% в Тамбовской области до 68,8% в Белгородской области. Такая ситуация отражает достаточно высокую степень реализации адаптивных возможностей населения макрорегиона в сфере труда.

В этом плане интересна иерархия трудовых предпочтений населения. По данным опросов в Курской области, более половины курян предпочли бы иметь пусть небольшой, но твердый заработок, а около 20,0% жителей Курской области хотели бы много зарабатывать, даже если придется очень много работать или отказаться от гарантий на будущее. Практически каждый десятый курянин предпочел бы иметь собственное дело (см. табл. 4).

Таблица 4

**Предпочтения населения Курской области в выборе работы
(в ситуации свободного выбора) (в процентах от числа опрошенных)**
**Preferences of the population of Kursk region in the work choice
(in a situation of the free choice)**

Варианты ответов	2007	2009	2012	2016
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	50,6	56,5	51,0	59,2
Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	19,8	16,2	20,0	19,4
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	13,2	11,6	12,1	10,0
Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу	8,2	5,9	7,0	5,6
Не знаю	6,4	6,5	7,1	4,4
Отказ от ответа	1,8	3,3	2,8	1,4
Итого	100	100	100	100

Источники: результаты опросов населения Курской области по типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона России», 2007 г., 2009 г., 2012 г. и 2016 г.

Обобщая эти данные, можно сказать, что в проективной ситуации выбора работы основная часть населения региона (более 60,0%) отдает предпочтение нерыночным мотивам трудовой деятельности, и только треть населения имеет рыночную мотивацию труда. Такая иерархия трудовых предпочтений сохраняется у населения области на протяжении последних лет.

Вместе с тем подавляющее большинство курян (более 80,0%) считают, что основная роль в улучшении их собственной жизни принадлежит им самим.

Рассчитанный по этому вопросу, средневзвешенный балл по пятибалльной шкале – 4,4 балла (уровень выше среднего) – наглядно демонстрирует приверженность большинства населения области мнению о большей зависимости улучшения в жизни от самих себя. Данный показатель можно сопоставить с оценкой населением такого высказывания, как: «Я стал таким, какой я есть, главным образом благодаря собственным усилиям», отражающего ценностную ориентацию на самостоятельность, независимость человека. В 2016 г. средневзвешенный балл по пятибалльной шкале для валидных оценок этого высказывания составляет 4,3

балла, что свидетельствует о приоритетной значимости этой ценностной ориентации для большинства населения региона.

Таблица 5

**Оценка населением зависимости улучшения жизни от самих себя
(в процентах от числа опрошенных)**

Assessment by the people of dependence of improvement of life from themselves

	2007	2009	2012	2016
Полностью зависит	59,0	56,9	62,9	64,6
Пожалуй, зависит	23,6	25,3	23,3	23,2
Трудно сказать точно	6,6	7,9	7,0	5,4
Пожалуй, не зависит	6,8	6,1	4,4	4,8
Совсем не зависит	4,0	3,8	2,4	2,0

Источники: результаты опросов населения Курской области по типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона России», 2007 г., 2009 г., 2012 г. и 2016 г.

Заключение. Как показывают результаты проведенного анализа, с одной стороны, адаптационный потенциал макрорегиона Центрального Черноземья характеризуется невысоким потенциалом здоровья населения, что может выступать существенным ограничением для осуществления продуктивной трудовой деятельности взрослым населением и соответственно препятствием региональной модернизации. С другой стороны, он отличается достаточно высоким уровнем экономической активности населения, отражающим способность к реализации адаптивных возможностей населения макрорегиона в сфере труда. Как показывают данные регионального мониторинга на примере Курской области, социокультурные установки большинства населения выражают готовность нести ответственность за свое социальное положение и его изменение в лучшую сторону, что является важным показателем адаптивности к модернизационным преобразованиям.

Список литературы

1. Заславская Т.И. Избранные произведения. Т.2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. М.: Экономика, 2007. 591 с.
2. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2010. 111 с.
3. Пасовец Ю.М. Теоретико-методологические основания рассмотрения мезорегиона как объекта социологического анализа // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия Проблемы социально-гуманитарного знания. 2015. № 7 (167). Вып. 21. С. 39-43.
4. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / сост., общ. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Институт философии РАН. М.: Academia, 2013. 416 с.
5. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Институт философии РАН, Центр изучения социокультурных изменений. М.: Academia, 2009. 808 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РЕГИОНА (НА МАТЕРИАЛАХ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

SOCIAL AND CULTURAL CHANGE IN THE CONTEXT MODERNIZATION PROCESSES OF THE REGION (ON MATERIALS OF TOMSK REGION)

Т.А.Булатова
Tatjana A. Bulatova

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия.
Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia.

В статье представлены результаты двух волн исследования социокультурных факторов эволюции сибирского региона -70. В основу исследования положена методика программы и типового инструментария исследования социокультурных портретов регионов России. Процессы социокультурных изменений рассматриваются на основании данных 2011, 2015 гг. Эмпирической базой исследования являются опросы населения Томской области, проведенные по репрезентативной выборке методом формализованного интервью. Результаты показали медленную динамику социокультурной модернизации региона в современных условиях кризиса, отделенность модернизационных процессов инновационного региона от большей части населения, общность региональных и общероссийских проблем модернизирующейся страны. Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 15-03-00366а

The article represents the results of two researchers, which are connected with social and cultural evolution factors of Siberian region. The research is based on the sociocultural portraits of Russian regions. The processes of social and cultural changes were monitored from 2011 to 2015. The empirical base of the research includes the questionnaire for Tomsk region population, this questionnaire was formed in the same way as structured interview. The results showed slow dynamics of the social and cultural modernization processes in current crisis situation, cultural lag, similarity of the regional and national problems. The research was conducted with support of Russian Humanitarian Science Foundation (РГНФ) 15-03-00366а

Ключевые слова: *социокультурная компонента, модернизация, социокультурные процессы, регион*

Keywords: *socio-cultural component, modernization, socio-cultural processes, the region*

Введение. Социокультурная динамика процессов в модернизирующемся регионе рассматривается в рамках проблематики, касающейся социокультурной эволюции регионов России в условиях внешних и внутренних страновых модернизационных вызовов. Томская область постановлением правительства России № 783 «О создании на территории г. Томска особой экономической зоны технико-внедренческого типа» с 2005 г официально приняла статус инновационного региона. Условия, прогнозирующие успешность проекта в регионе: высокая концентрация образовательных учреждений, НИИ, высокотехнологичных закрытых предприятий и комплексов, нефтегазовая финансовая подушка, сосредоточение высококвалифицированных научных кадров, мотивированность административного аппарата Томской области сохранить геонезависимость и получить конкурентные преимущества для развития по отношению к Новосибирской области и Красноярскому краю. Инновационно-внедренческая инициатива исходит преимущественно сверху, являясь «паровозом» технико-технологической и, в меньшей степени, институционально-регулятивной составляющей модернизации. Регион можно рассматривать как квази- модель стран-регионов в глобальном мировом пространстве, отражающим потребности инноваций и модернизации, социальные

напряжения и социальное благополучие («happiness»). С учетом наличия общих закономерностей развития, тематика модернизации актуальна и в современных зарубежных исследованиях [6; 7]. Комплексное измерение модернизированности регионов по методике ЦИМ АНК, адаптированной для России [1] к 2010 году позволило отнести Томскую область к 3 типу модернизированности с низким уровнем сбалансированности интегрированной модернизации (ИИСБ), отставанием экономической составляющей, при достаточном уровне когнитивной и социальной. Регион определен как переходящий ко вторичной модернизации (ВМ), (к типу 5, фазе роста) [3]. В 2015 г среди инновационных регионов по данным рейтинга АИРР [4] Томская область вошла в сегмент сильных инноваторов и занимает 7 место (первые три места Москва, Санкт-Петербург, Татарстан) [8].

Гипотеза исследования: Несмотря на стратегическое обеспечение развития модернизации в программах инновационного развития региона, социокультурная ее составляющая в условиях новой модернизации остается несбалансированной с медленной динамикой изменений.

Методологические основания и методы исследования. Понимание модернизации как комплексного процесса цивилизационных изменений является общим методологическим подходом, принятым в исследовании. Модернизационные изменения в эволюционном движении затрагивают совокупность культурных и социальных изменений, как условия и результат модернизации, ее социокультурную составляющую [1]. Анализ полученных данных опирается на принципы социокультурного подхода, в рамках которых регион является частью социокультурного пространства страны с одной стороны, с другой имеет диверсификационные признаки, обусловленные обширностью российской территории, неоднородностью условий, несбалансированностью модернизационных процессов [2, 3, 4, 5]. В исследовании использовался метод анкетирования (модификация анкеты 2015 г) на основе Программы и типового инструментария «Социокультурный портрет регионов России» [9]. Опросы населения проводились методом формализованного интервью по месту жительства респондентов, по стратифицированной, многоступенчатой, квотной выборке, репрезентативной по полу, возрасту, уровню образования, случайной на этапе отбора респондентов, с корректной статистической обработкой полученных данных [10]. В 2011 г было обработано 750 анкет, в 2015 г – 1000 анкет. Оба исследования выполнены при финансовой поддержке РГНФ (проекты: 11-13-70001, 15-03-00366).

Результаты исследования. Социокультурная компонента модернизации включает совокупность культурных и социальных изменений, которые обеспечиваются соответствующими институтами общества. Опираясь на социокультурный капитал, становятся возможными модернизационные достижения. В рамках проведенного опроса социокультурная компонента модернизации оценивается по субъективным критериям распределения мнений населения в вопросах, касающихся основных сфер жизни: удовлетворенности людей жизнью в регионе, уровнем образования, активности граждан, доверию к государственным и политическим институтам, ценностным ориентациям, защищенностью от бед, важностью прав и свобод. Речь о том, какие произошли значимые изменения в восприятии населением социально-го микроклимата в течение 5 последних лет или таких изменений нет.

Удовлетворенность жизнью в регионе опирается на качество жизни, включающее ряд составляющих: уровень жизни, характеристики экологической среды обитания, социальному благополучию др. [11]. Необходимо отметить, что Томский регион остается регионом с достаточно высокой степенью привлекательности для проживания в нем, что проявляется в сравнительно высокой доли «оседлого населения» – жителей, проживающих в своем городе или населенном пункте более 16 лет 76% (9,4% - менее 5 лет).

Привлекательность региона для жителей других областей России в качестве места жительства и работы также относительно велика: среди опрошенных 20% переехало в Томскую область из других регионов по своему желанию. Абсолютное большинство опрошенных проживает либо в собственной квартире (63,2 %), либо в собственном доме (18,4%), что, с по-видимому, с учетом невисокого уровня миграции внутри/ вовне региона объясняется тем,

что жители региона предпочитают приобретать жилье там, где они родились, поскольку в этом случае легче использовать ресурсы социального капитала. Подавляющее большинство укоренены в своем регионе: работой, жильем, социальными связями и воспринимают его как изобилующий проблемами, но «свой»: 67% абсолютно или полностью довольны, что проживают именно здесь.

Качество жизни в регионе определяется во многом его экологией. Маркерами оценки экологической ситуации в регионе при опросе были приняты качество воздуха и питьевой воды. Удовлетворенность ими не высока. Можно наблюдать рост недовольства жителями чистотой воздуха: в среднем ощущение загрязненности воздуха высказали 43% (в 2011 – 38%). Однако, такой же процент опрошенных (42%) считает воздух достаточно чистым. Можно предположить, что рост обеспокоенности качеством воздуха отчасти связан с ростом автомобилизации города. В отношении оценки качества воды распределение мнений осталось фактически неизменным, за исключением того, что чуть меньшее количество людей оценило питьевую воду как сильно загрязненную (17% и 11% сочли воду сильно загрязненной в 2011 и в 2015 годах соответственно). В Томской области качество воды сильно отличается по районам города и областным округам. Это связано с исходным качеством водозабора и состоянием коммуникаций. Значительная часть жителей города использует фильтры или бутилированную воду для питья.

На основании оценки жителями состояния здравоохранения следует отметить, что у населения Томской области снизилась удовлетворенность медицинским обслуживанием: в 2011 году 22 % опрошенных утверждали, что их в целом удовлетворяет медицинское обслуживание, а в 2015 так утверждать смогли только 13%. Среди основных проблем, связанных с качеством медицинского обслуживания, которые кажутся критическими респондентам – проблемы с доступностью врачей и медицинских услуг. О больших очередях и сложностях в доступе к врачам заявляют 65% опрошенных, узким спектром услуг в поликлиниках недовольны 23%. Большое количество претензий относится также к качеству обслуживания: 25% жалуются на невнимательное и невежливое обращение врачей с пациентами. Для определенной категории людей проблематичной является необходимость платить за медицинские услуги (17%) и высокая стоимость лекарств, выписываемых врачами (24%).

Последние четыре года выросло число внешнеполитических и внутренних экономических проблем в России, что не может не сказываться на ощущении субъективной удовлетворенности жителей региона своей жизнью, которая продолжает понижаться. В частности, сократился процент тех, кто «вполне уверен в своем будущем» – с 22% до 18%, и в целом относительно высокий уровень тревожности и неуверенности населения, который определился в 2011г, сохранился в 2015: в совокупности 22% респондентов заявляют о своей неуверенности в будущем, 29% затрудняются дать четкий ответ. Рассчитанный субъективный индекс социального самочувствия (ИСС) составил 0,65 и не изменился в абсолютных значениях (2011, 2015 гг). Самыми острыми проблемами, от которых жители Томска и Томской области не чувствовали себя защищенными в 2011 г были экологическая угроза и преступность (61% и 60%, соответственно). На третьем месте по важности стояла опасность от произвола чиновников (57%). Более половины жителей отметили проблему бедности и угрозу от произвола правоохранительных органов – поровну (51%).

По результатам опроса в 2015 г на первые места вышли угрозы бедности и произвола чиновников (54,1% и 51,9%, соответственно), третье и четвертое место заняли проблемы преступности и экологическая угроза (49,8 и 45,7%, соответственно). Опасность произвола правоохранительных органов отметили 40,5%. Таким образом, пятерка проблем (угроз) в 2015 г сохранила свою актуальность в регионе. Наиболее уверенно жители Томской области чувствуют себя в вопросах, касающихся притеснений по национальности, религиозным убеждениям, а также возрастной и гендерной дискриминации.

Ценности населения отражают эволюцию ориентиров и потребностей людей. На первом месте для жителей региона (2011, 2015 гг) по-прежнему занимает ценность жизнь человека. Второе третье место делят порядок и общительность (2015 г). Ценность семья занимает

3-4- места (2011, 2015 гг. соответственно). Инициативность поднялась на один ранг - с 11 на 10 место(2015 г) [12]. Можно отметить заметный рост ценности благополучие, что понятно, так как опасение бедности вышло на первое место в 2015 г. Властность и своевременность получили минимум поддержки. В целом современные ценности вошли в интегрирующий кластер, часть традиционных ценностей оказались вне его, что может говорить о постепенном, с отступлениями, движении в сторону современных ценностей.

Социальный капитал граждан определяется уровнем доверия, как межличностного, сетевого, так и по отношению к официальным структурам. Следует отметить, что ни один орган власти или организация не пользуется как абсолютным доверием, так и абсолютным недоверием со стороны населения. Только у трех институтов власти рейтинги имеют позитивное значение (в балансе оценок доверия преобладают позитивные оценки респондентов). При этом по данным 2015 г наиболее позитивный показатель – у судебной системы (15,7%), а наиболее отрицательный – у политических партий (-30,7%). В балансе оценок преобладают позитивные установки доверия у таких институтов и персоналий власти как суды (15,7%), губернатор (13,1%) и прокуратура (6,3%).

По данным опроса у населения возросло ощущение зависимости возможностей улучшения жизни от действий общероссийской власти: от 51% до 58%, (2011, 2015 гг. соответственно), что вполне объяснимо увеличившейся внешнеполитической активностью властей, сказывающейся на внутренней экономической ситуации в целом. Однако, большинство жителей региона в выстраивании своей жизни рассчитывают по-прежнему на себя и близкий круг родственников. Государству придается роль внешней силы, опосредованно влияющей на их жизнь.

Активность граждан проявляется в различных формах деятельности и является важной гражданской функцией, связанной с потребностью людей в самореализации, мотивами приносимой общественной пользы. Самой популярной формой социальной некоммерческой общности остаются профсоюзы, членами которых являются более одной десятой части жителей (13,5%). Однако в своем большинстве профсоюзы сегодня не проводят независимую по отношению к работодателю политику и не представляют какую-либо политико-экономическую реальную силу. Чрезвычайно незначительная часть жителей входит в политические партии (2,9%), причем их доля на четверть сократилась по сравнению с 2011 годом (4% опрошенных). Еще меньшее количество являются представителями иных организаций третьего сектора (2,1% против 3% в 2011 году). Не смотря на то, что три четверти населения (76%) называют конкретные конфессии, к которым принадлежат (при этом 72% всех опрошенных - православную церковь), почти никто не считает себя членом какой-либо религиозной организации. Доля причисляющих себя к членам религиозной организации – 0,4%. Наиболее значимым фактором неучастия, который назвали большинство опрошенных (59,9%), является «отсутствие пользы для себя». Эта причина называется основной во всех социально-демографических группах без исключения. При том, что сама по себе общественная деятельность обычно не предполагает прямого вознаграждения, а, напротив, требует некоторой альтруистической установки. На втором-третьем местах находится боязнь быть вовлеченными в неприглядные дела (10,2% респондентов) что скорее, означает слабое знакомство с деятельностью общественных организаций с одной стороны, с другой негативный имидж НКО, распространенный масс-медиа в последние годы. Следует отметить, что результаты ответов респондентов на данный вопрос в 2011 году и в 2015 году различаются чрезвычайно незначительно, что свидетельствует о том что ситуация с вовлеченностью в общественную жизнь и местное самоуправление кардинально за это время не изменилась. Инновационная активность среди населения в целом осталась также не высокой. Организаторами или участниками создания новой фирмы назвали себя 4,4% (в 2011 году – 3%) респондентов, создания или внедрения нового продукта - 6,1% (в 2011 году – 3%), новой технологии – 3,6% (в 2011 году – 3%), новой услуги – 5,7% (в 2011 году – 4%). Сравнение показывает наличие определенной динамики роста вовлеченности населения в инновационную деятельность при невысоких долевыми значениями.

Практическое значение результатов

На основании ответов респондентов можно говорить, что Томская область является одним из многих регионов, не обладающих ярко выраженными особенностями. Исследование выявило общие большие места регионов: проблемы экологии, медицинского обслуживания, замкнутость «на себе», невысокую инициативность, инерционность ценностей и ожиданий, низкую мобильность (готовность к перемене места жительства), готовность в настоящее время к длительной жизни без существенных позитивных изменений. В контексте растущего расслоения населения и снижающихся доходов, протестная активность жителей низкая, что отражает некоторый задел оптимизма, привычку «переживания бед» и надежды на будущее. Модернизация в восприятии населением и в реалиях повседневности отстранена от реальной жизни большей части населения. Очевидна медленная динамика социокультурной модернизации в регионе.

На лицо дихотомия позиционирования Томской области: с одной стороны модернизирующийся инновационный регион, с другой - регион среднестатистический, с похожими общероссийскими проблемами, в котором в условиях кризиса становится особенно актуальной реализация минимакс – стратегии [13], направленной на снижение опасностей и бед населения, улучшения субъективного качества жизни, на фоне выполнения жизненно необходимой задачи неоиндустриализации.

Список литературы

1. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН. Под. Ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2013. С. 15.
2. Лапин Н.И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования . 2015. №1. С.5-10
3. Немировский В.Г., Половинко В.С. Возможности модернизации Сибирского Федерального округа // Социологические исследования. 2015. №1. С. 27-34
4. Ромашкина Г.Ф. Процессы модернизации в регионах Уральского Федерального округа // Социологические исследования. 2015. №1. С.19-26
5. Когай Е.А., Когай А.А. Два тренда первичной модернизации регионов: центральное черноземье // Социологические исследования, 2015. №3. С. 37-44
6. S.de Saille, F.Medvecky. Innovation for a Steady State: A case for Responsible Stagnation // Making Science Public, Working Paper № 5. Oktober 2015.Montreal; Understanding Society Innovation Panel Wave 7: results from methodological experiments Understanding Society Working Paper Series 2015-03 – URL: <http://www.understandingsociety.ac.uk/2015/08/11/wave-ip-release>; (дата обращения 20.02.2016)
7. P. Muffels, D. Skudor, E Dingemans Money Does Not Buy Much Happiness. But What Have Income Inequality, Modernization and Personal Values Got To Do With It? May 2012. URL: <http://ssrn.com/abstract=2057536> (дата обращения 20.02.2016)
8. Рейтинг инновационных регионов // Оценка инновационного развития регионов. - URL: <http://www.i-regions.org/projects/regionsdevelopment> (дата обращения: 10.10 2015)
9. Лапин Н.И, Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация-2010). – И.: ИФРАН, 2010. – 136 с.
10. Романчуков С.В. Задачи информационной поддержки социального исследования в рамках проекта изучения социокультурных факторов новой индустриальной модернизации в регионах // Современные наукоемкие технологии. №10. 2015. С.62-67. - URL: <http://www.rae.ru/snt>, (дата обращения 10.02 2016)
11. Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. №1. С.33-42.
12. Булатова Т.А., Камарова Н.А., Галашова Н.Б. Ценности СМИ и населения Томской области: сравнительный анализ // Вестник ТГУ: Философия. Социология. Политология. 2013. №1(17). С.148-157.

13. Лапин Н.И. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии // Социологические исследования. 2016. №5. С. 23-33

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА АСТРАХАНЦЕВ
В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА
(по итогам прикладного социологического исследования¹⁰)**

**TRANSFORMATION OF THE LIVING WORLD ASTRAKHANTSEV
DURING THE FINANCIAL AND ECONOMIC CRISIS
(according to the results of applied sociological research)**

Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова
Nadezda V. Dulina, Ekaterina V. Kargapolova

Волгоградский государственный технический университет, Россия
Астраханский государственный архитектурно-строительный университет, Россия
Volograd State Technical University, Russia
Astrakhan State University of architecture and civil engineering, Russia

Анализируются результаты прикладного социологического исследования. Показаны основные стратегии поведения населения Астраханской области в условиях финансового кризиса в стране.

Analyze the results of applied sociological research. The basic strategy of the population of the Astrakhan area in the conditions of financial crisis.

Ключевые слова: *жизненный мир, трансформация, стратегия, кризис, население, социальное самочувствие, бедность.*

Keywords: *life-world, transformation, strategy, crisis, population, social well-being, poverty.*

Очередной финансовый кризис застал Россию врасплох. Он, действительно, очередной, поскольку в новейшей истории для России это уже не первый. Кроме того, известно, что конфликт (кризис) – неотъемлемая часть любой живой, в том числе и социальной системы, в силу цикличности процессов, развивающихся в ней. За подъемом следует спад, за спадом – подъем, или как говорят в народе, определяя жизненный цикл человека: «Родился, женился, помер». Но это теоретически. Практически, он воспринимается крайне болезненно.

Россия находится в состоянии кризиса. Это общепризнанный факт, подтверждением чему является распродажа Россией «государственной собственности ради спасения бюджета-2016, дыра в котором на сегодня превышает 3 трлн руб. Это в 60 раз больше, чем доходы от приватизации компании АЛРОСа, о которых с гордостью сообщают министры. До конца года власти собираются продать активы в компаниях “Роснефть”, “Башнефть”, “Совкомфлот” и в банке ВТБ. Но и эта суперраспродажа не избавит казну от дефицита. Доходы бюджета РФ вошли в затяжное и глубокое пике. Перспектив бюджетной стабильности пока не видно: даже в 2019 году российская казна не сможет восстановиться и будет на четверть меньше, чем в 2014 году» [1]. Сложность ситуации просматривается буквально в каждой новостной строке: «В октябре правительство РФ утвердит трехлетний бюджет, который предполагает быстрое исчерпание Резервного фонда и сокращение Фонда национального благосостояния (ФНБ). Уменьшение резервов вызовет волну снижения кредитных рейтингов РФ, предполагают иностранные эксперты. А это неизбежно приведет к подорожанию внешних займов, которые нужны правительству для поддержания бюджета и предварительно запланированы в объеме 3 млрд долл. ежегодно» [2].

¹⁰ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект 16-03-00463 «Динамика социально-экономического развития региона как гетерархической системы»).

Спектр причин, повлиявших на обострение финансовой ситуации и спровоцировавших очередной финансовый кризис, по мнению специалистов, очень широкий и включает в себя все оттенки нашей жизни, от неудачно сказанного, но ставшего уже притчей во языцех, обращения премьера Д. А. Медведева к крымским пенсионерам: «Денег нет, но вы держитесь!», заканчивая анализом ситуации, сложившейся на Украине. Поскольку именно эта ситуация, по мнению аналитиков, стала предвестником начала финансового кризиса. Следствием санкций, введенных Западом, как ответный удар за присоединение Крыма, стали негативные последствия в экономике страны. Принятые антисанкционные меры ситуацию в экономике не спасли. Геополитическая атмосфера достигла критической точки, быстро снизилась цена на нефть, рынок финансов оказался на грани упадка и потерпел рецессию, спад, который произошел на финансовом рынке, вызвал резкую девальвацию рубля.

Событий много, понятно, что все они повлияли на поведение шокированного населения, которое стало спешно искать выход из критической ситуации. Как адаптируется население к изменившимся условиям? Какие стратегии собственного поведения выбирают жители страны для выживания в условиях кризиса? Ответ на эти и ряд других вопросов можно получить, обратившись к данным социологических исследований, посвященных данной проблематике, в том числе и к результатам исследований, выполненных в предыдущие годы. Так, например, о стратегиях поведения населения в условиях предыдущего (2007–2009 гг.) кризиса писали и мы (см., напр., [3–6; 7, с. 187–190, 8, с. 82–85] и др.).

Одним из источников информации о поведении жителей страны в условиях кризиса могут служить данные, полученные в ходе мониторингового социологического исследования, проведенного Лабораторией социально-психологических исследований Астраханского государственного архитектурно-строительного университета. Руководители проекта в Астраханской области – Е. В. Каргаполова и А. Ю. Арясова. Сбор первичной социологической информации проводился методом интервью по месту жительства. Инструментарий разработан на основе Типовой методики Всероссийской программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», предложенной Центром изучения социокультурных изменений РАН. Руководители проекта на федеральном уровне – Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. Первая волна мониторинга прошла в декабре 2009 г. (N=1000), вторая – в мае–июне 2012 г. (N=600), третья – в апреле–мае 2016 г. (N=1000). Выборка стратифицированная, квотномаршрутная. Квотирование проводилось по признакам – «пол», «возраст», «тип поселения». Погрешность выборки не превышает 3 %. Обработка и анализ данных проведены с использованием SPSS 17.0. Матрица разработана специалистами Центра изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук. Анализ данных включал изучение линейных распределений.

Напомним, что обычно под адаптационной стратегией понимают поведение социальных субъектов, обусловленное ценностно-мотивационными установками, имеющимися ресурсами и направленное на приспособление к изменяющимся социальным условиям [9, с. 32]. Важнейшим элементом процесса социальной адаптации выступает постановка цели, в которой выражается стремление преодолеть тяжелое материальное положение. В соответствии с данной целью формируется адаптационная стратегия, реализуемая посредством использования различных способов, которые представляют собой конкретные социальные действия, поведение, поступки в кризисных ситуациях. Обычно, при анализе адаптационного поведения населения ссылаются на концепцию Г. Гутмана [10], который выделяет ряд эффективных форм адаптации населения к современным российским условиям. Среди таких форм выделяют:

а) вторичную занятость, т. е. все виды занятости, кроме основного места работы (как правило, вторичная занятость является не только дополнительным источником материальных средств, но и, что более важно, дополнительным источником приобретения новых ресурсов для успешной трудовой адаптации, которые помогают малообеспеченному населению приобрести новые социальные связи, освоить дополнительный вид профессиональной деятельности и навыки поиска работы);

б) торговлю, которая включает в себя уличную, индивидуально-мелкую, иногда связанную с мелким ручным производством;

в) натурализацию жизнеобеспечения (надежды на подсобное хозяйство);

г) домашний бизнес (к сожалению, часто носит нелегальный теневой характер. Хотя доходы от данного бизнеса невелики, но все же позволяют частично улучшить уровень жизни семьи).

Предваряя изложение результатов, полученных в ходе социологического исследования, заметим, что в практиках поведения населения Астраханской области присутствуют практически все возможные формы и типы стратегий. Кроме того, если обратиться к типологии жизненных стратегий, предложенной Н. Ф. Наумовой (более подробно см. [11]), можно с высокой долей вероятности утверждать, что в настоящее время жители области демонстрируют третий тип, который характеризуется как стратегия выживания. Такая стратегия характерна для социально-демографических групп с невысоким статусом и низким уровнем жизни [11, с. 20–21].

Итак, данные полученные в ходе прикладного социологического исследования, позволяют заключить, что влияние кризиса не сказалось на повседневной жизни трети респондентов (см. табл. 1). Однако, количество тех, кто не ощутил влияния кризиса, по сравнению с 2009 годом увеличилось почти вдвое. Мы полагаем, что это объясняется тем, количество бедных людей в России с началом кризиса устремилось вверх. Сложная экономическая ситуация затрагивает все большее число наших сограждан. Согласно данным официальной статистики, число бедных в России достигло 19,2 млн человек. Это максимальный показатель с 2006 года [12]. Напомним, что общая численность населения России на 1 января 2016 года составляет 146 544 710 человек (с Крымом) [13]. Иначе говоря, каждый седьмой житель страны (включая грудных младенцев и немощных стариков) входит в число бедных, признанных официальной статистикой. Доля бедных семей в России «выросла почти в два раза – с 22 до 39%, этот показатель вернулся на уровень 2009 года» [14].

Если сравнить данные 2009 г. и 2016 г., представленные в табл. 1, то нельзя не заметить, что все показатели 2016 г., кроме одного («пришлось взяться за дополнительную работу»), увеличились. Видимо, дополнительную работу найти уже практически невозможно. Когда кризисные условия поджимают, администрация предприятия понимает, что затраты и убытки для них слишком велики, начинается сокращение рабочих мест или, по другому, «оптимизация штатов». Официальное издание «Новости России и СНГ» констатирует: «безработица в России – проблема весьма актуальная, ведь практически не осталось мест в мире, где бы кризис ни затронул все сферы жизни. Многие страны отмечают тенденцию сокращения рабочих мест, при этом цены на продовольствие только растут. По своей сути, безработица – это соотношение числа граждан, которые не имеют официального трудоустройства, но готовы к ней приступить, к работающим. Начиная с 2014 года, уровень безработицы только растет. В 2015 и 2016 году ожидается еще большее увеличение числа незанятых граждан» [15].

Согласно данным нашего исследования, почти каждый пятый от числа опрошенных (22,1 %), признался, что потерял в заработке, доходах; каждый седьмой (13,7 %) – столкнулся с задержками заработной платы, социальных выплат, и почти каждый десятый (9,1 %) – оказался без работы и заработка. Значительно с 2009 года увеличилось (с 0,9 % до 3,5 %) и количество тех, кто вынужден был перейти на другую, менее оплачиваемую работу.

Приведенные данные, фиксирующие состояние ситуации на начало 2016 года, свидетельствуют о значительном ухудшении как социально-экономической ситуации в целом, так и социального самочувствия населения в частности. Улучшится ли ситуация в ближайшее время? Вряд ли. Среди причин, почему будет происходить ухудшение ситуации, эксперты и аналитики называют понижение спроса на многие товары (у населения просто нет денег), снижение экспорта в большинство стран, уменьшение доли производства: «С одной стороны, в России до сих пор не отменили санкции, что бьет по экономике и развитию многих отраслей. Безработица для таких случаев становится весьма характерной. Многие иностранные

компаниям спешно прекращают сотрудничество с отечественным рынком, закрывают свои филиалы. В то же время некоторые промышленные мощности не могут продолжать работу без импортного сырья» [15].

Таблица 1.

Мнение респондентов о влиянии кризиса 2008–2009 / 2014–2015 гг. на их жизнь, % от общего числа опрошенных
Opinion of respondents on the impact of the crisis 2008–2009/2014–2015 timeframe. on their lives, % of total respondents

Скажите, пожалуйста, как повлиял кризис 2008–2009 гг. (2014–2015 гг.) на Вашу жизнь, на жизнь членов Вашей семьи?	Годы исследования	
	2009	2016
Ничего не изменилось	19,1	36,7
Потерял в заработке, доходах	15,5	22,1
Столкнулся с задержками заработной платы, социальных выплат	12,3	13,7
Оказался без работы и заработка	3,6	9,1
Пришлось взяться за дополнительную работу	7,3	7,1
Пришлось перейти на другую, менее оплачиваемую работу	0,9	3,5
Нашел другую, лучше оплачиваемую работу	нет данных	1,4
Сумел повысить свою квалификацию и стал больше зарабатывать	0,9	1,1
Другое	0,8	1,2
Отказ от ответа	6,9	9,4

Напомним, что в социальном самочувствии проявляется оценка индивидом, социальной группой и населением в целом уровня удовлетворения социальных потребностей, а также своего положения в сравнении с другими индивидами, социальными группами, организациями и институтами (более подробно, см., напр., [16–18] и др.). Для удовлетворения потребностей человеку необходимо иметь материальный достаток, как минимум, покрывающий его, как собственные, так и семьи в целом, расходы. Какие же адаптационные стратегии выбирают сограждане, для поддержания своего материального достатка?

Данные выполненного исследования свидетельствуют, что в большинстве своем в предполагаемом антикризисном поведении населения Астраханской области преобладают две стратегии – а) пассивная и б) активная. Последняя может быть обозначена словами «попытаюсь найти дополнительные источники дохода» (см. табл. 2).

В пассивную модель могут быть включены такие практики, как «сдаю в наем жилье, гараж, дачу и /или использую проценты от сбережений» (6,7 %), «распродаю кое-что из накопленного имущества» (3,9 %), «ничего не пытаюсь делать» (8,1 %). Полагаем, что данная стратегия в большей степени характерна для особой «группы риска» – пенсионеров, проживающих отдельно от своих родственников. Для этого достаточно вспомнить реальную плату за услуги ЖКХ, потребность в периодическом использовании лекарств и пр., которые заводят в трудное материальное положение не только пенсионеров, но и большое количество жителей страны.

Каждый четвертый из числа опрошенных (24,9 %) указал на то, что использует любую возможность приработков, подтверждая тем самым данные о том, что «в России в 2015 году возросло число тех граждан, которые ищут не основную работу, а дополнительную. То есть растет уровень недовольства зарплатами, а не условиями труда» [15]. Каждый десятый (11,2 %) работает в нескольких местах одновременно, столько же (11 %) возлагают надежды на подсобное хозяйство. Видимо боязнь потерять свое рабочее место, способствует тому, что 42% опрошенных признались, что они стараются, как можно более успешно работать на своей основной работе.

Стратегии выживания населения в кризис, %% от общего числа опрошенных
The strategy of survival of the population in crisis, %% of total respondents

Каким образом вы пытаетесь улучшить или сохранить свое материальное положение?	%%
Стараюсь, как можно более успешно работать на своей основной работе	42,0
Получаю дополнительное образование, чтобы продвинуться по работе	9,8
Работаю в нескольких местах	11,2
Использую любую возможность приработков	24,9
Вынужден занимать деньги и / или получать помощь от близких и друзей	7,1
Занимаюсь подсобным хозяйством	11,0
Сдаю в наем жилье, гараж, дачу и / или использую проценты от сбережений	6,7
Распродаю кое-что из накопленного имущества	3,9
Переквалифицируюсь, чтобы сменить работу	1,1
Ничего не пытаюсь делать	8,1
Отказ от ответа	4,3

В качестве основного вывода можно заключить, что в современных условиях население региона практически неспособно выработать успешную модель адаптационного поведения и преодолеть сложившиеся материальные трудности. Процесс адаптации населения к изменившимся условиям осложняется тем, что нехватка материальных средств на удовлетворение повседневных потребностей для большинства населения требует от него постоянно преодолевать материальные затруднения, связанные с масштабным снижением уровня жизни населения, особенно в условиях наступившего кризиса. Отсюда использование любой возможности приработков, работа в нескольких местах одновременно. Что в целом отражается как на качестве жизни населения, так и на качестве человеческого потенциала в стране.

Список литературы

1. Сергеев, М. Все на продажу: алмазы, нефть, корабли и банки / М. Сергеев (заглавие с экрана) // Независимая газета. – 2016. – 12 июля. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2016-07-12/1_oil.html (дата обращения 12. 07. 2016).
2. Сергеев, М. РФ предстоит новое снижение рейтингов / М. Сергеев (заглавие с экрана) // Независимая газета. – 2016. – 8 июля. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2016-07-08/4_rating.html (дата обращения 12. 07. 2016).
3. Дулина, Н. В., Мойсов, В. В., Токарев, В. В. Стратегии антикризисного поведения россиян / Н. В. Дулина, В. В. Мойсов, В. В. Токарев // Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст. № 9 (57)/ ВолгГТУ. – Волгоград, 2009. – С. 34–39.
4. Дулина, Н. В., Токарев, В. В. Кризис и его отражение в показателях социального самочувствия и потребительских настроений волгоградцев / Н. В. Дулина, В. В. Токарев // Социокультурные проблемы развития регионов России в условиях кризиса: Материалы Тюменского социологического форума 15–16 октября 2009 года / Под ред. М. М. Акулич, Г. С. Корепанов, В. А. Юдашкина. – Тюмень: Тюменская областная Дума, Тюменский государственный университет, Тюменский государственный нефтегазовый университет, 2009. – С. 141–143.
5. Дулина, Н. В., Токарев, В. В. Крупные города России: особенности восприятия населением экономического кризиса (по итогам межрегионального прикладного социологического исследования) / Н. В. Дулина, В. В. Токарев // Социально-политические трансформации: идентичности и структуриации в меняющемся мире. – Улаанбаатар, 2010. – С. 103–120.
6. Мойсов, В. В., Дулина, Н. В., Токарев, В. В. Регионы в условиях экономического кризиса – штрихи к социокультурному портрету / В. В. Мойсов, Н. В. Дулина, В. В. Токарев // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: материалы V Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эво-

люция России и ее регионов». Смоленск, 6–9 октября 2009 г. – Смоленск: «Универсум», 2009. – С. 107–115.

7. Каргаполова, Е. В. Тридцатый регион: потенциал социального развития / Е. В. Каргаполова / под науч. ред. проф. Н. В. Дулиной. – Волгоград: «Волгоградское научное из-во», 2011. – 375 с.

8. Каргаполова Е.В. Социокультурный портрет Астраханской области: опыт социологического, экономического и политического анализа / Е. В. Каргаполова, А. Ю. Арясова, Т. Ю. Гречкина, Л. А. Лебединцева, Ю. И. Убогович. – Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2010. – 307 с.

9. Попова, И. П., Седова, Н. Н. Дополнительная занятость в успешных адаптационных стратегиях населения / И. П. Попова, Н. Н. Седова // Социологические исследования. – 2004. – № 2. – С. 31–42.

10. Гутман, Г. В. Экономический рост и проблемы бедности в регионе / Г. В. Гутман, О. Б. Дигилина, В. В. Старостин, Н. И. Чукин. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2002. – 204 с.

11. Наумова, Н. Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе / Н. Ф. Наумова // Социологические исследования. – 1995. – № 2. – С. 5–22.

12. Число бедных в России достигло максимума за 10 лет (заглавие с экрана). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dp.ru/a/2016/03/21/CHislo_bednih_v_Rossii_dos/ (дата обращения 12. 07. 2016).

13. Население России: численность, динамика, статистика (заглавие с экрана). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.statdata.ru/russia> (дата обращения 12. 07. 2016).

14. Лейва, М. Число бедных семей в России за год почти удвоилось / М. Лейва (заглавие с экрана). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/28/12/2015/568121bf9a794735f8bd5386> (дата обращения 12. 07. 2016).

15. Безработица в России 2016 (заглавие с экрана). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusdmi.ru/obschestvo/bezrabotica/bezrabotica-v-rossii-2015.html> (дата обращения 12. 07. 2016).

16. Бурко, В. А. Интерпретация показателя «Социальное самочувствие» / В. А. Бурко / Социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». – СПб.: Изд-во «Скифия», 2000. – С. 56.

17. Дулина Н. В., Токарев В. В. Социальное самочувствие жителей как фактор модернизации региона // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России: материалы X Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Пермь, 14–17 окт. 2014 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – С. 320–325.

18. Дулина Н. В., Токарев В. В. социального самочувствия как вектор социокультурной эволюции региона (по итогам мониторинга «Волгоградский Омнибус») // Новые проблемы социокультурной эволюции регионов: сборник материалов VII Всероссийской научно-практической по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». 12–15 октября 2011 г. / М-во образ. и науки России, Казан. нац. исслед. технолог. ун-т. – Казань: КНИТУ, 2011. – С. 224–233.

ПРИРОДА И ДВОЙСТВЕННОСТЬ СУБЪЕКТА ВТОРИЧНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ THE NATURE AND DUPLICITY OF THE SUBJECT SECONDARY MODERNIZATION

Е.Б. Мостовая
E.B. Mostovaya

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Новосибирск, Россия
National Research Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Статья посвящена обоснованию теоретической гипотезы о природе субъекта вторичной модернизации или трансформации промышленного хозяйства в экономику услуг. В историческом контексте рассмотрены сочетания распорядительных и исполнительских полномочий в обслуживающей и производительной деятельности в рамках авторской концепции двойственности субъектов такой деятельности. Воспроизведены свойства экономических субъектов разных хозяйственных эпох – аграрной, индустриальной и информационной. Охарактеризованы три типа двойственности субъекта хозяйственной деятельности – синкретический, симбиотический и синтетический. Представлено сопоставление косвенных характеристик субъекта вторичной модернизации, и эмпирически выявленных свойств нового субъекта экономической деятельности – креативного класса. Косвенные характеристики воссозданы из набора индикаторов вторичной модернизации, лежащих в основе индексов инноваций в знаниях, передачи знаний, качества жизни и качества экономики, предложенных Центром исследования модернизации Китайской академии наук [4, с. 68-69]. А свойства креативного класса воспроизведены по текстам Р. Флориды [5, 6]. Подчёркнуто фактическое совпадение этих характеристик. Подвергнуто сомнению предположение о том, что субъектом вторичной модернизации является обслуживающий класс, составляющий в развитых странах основную массу трудящихся, и обоснована гипотеза новой субъектной роли креативного класса.

The article proves the groundwork of a theoretical hypothesis on the nature of the secondary modernized subject or transformation of industry into the service economy. Combination of managerial and executive authorities into service and productive activity according to the author's conception of duplicity of the object (actor) is consider under historical aspect. The properties of economical subjects at different industrial periods- agrarian, industrial, informative- are reproduced. Description of three types of duplicity of the subject's economic activity - syncretic, symbiotic and synthetic- is given. The author compares indirect characteristics of the secondary modernization of subject, and properties , (imperically proved) of a new subject of economic activity - creative class. The indirect properties are taken from collection of indicators of the second modernization, as the base of indexes in innovation of knowledge, it's transmission, quality of life and economy, suggested by The Centre of Modernization and Investigation of The Chinese Academy of Sciences from the texts of R.Floridef]. A real coincidence of these characteristics is given. The assumption is called in question that the secondary modernization subject is the service class, which is the main source of employed people in highly industrial countries. The hypothesis on the new subjective role of creative class is considered.

Ключевые слова: двойственная природа субъекта экономической деятельности, вторичная модернизация, креативный класс, обслуживающий класс.

Keywords: second modernization, creative class, service class, duplicity of the second modernization, syncretic , symbiotic, synthetic.

Вторичная модернизация социума – это, по определению Хэ Чуаньци [4], трансформация общества индустриального типа в общество, в котором доминирует не производство материальных тел в промышленности и сельском хозяйстве, а обслуживающая деятельность. Сфера обслуживания охватывает при этом самые разнообразные подсистемы деятельности – от консалтинга и аудита до торговли и здравоохранения.

Логично предположить, что субъектом вторичной модернизации является трудоспособное население, занятое в сфере услуг или *обслуживающий класс*, охарактеризованный Ричардом Флоридой [5,6].

Однако обслуживающая, как и производительная деятельность, имеет противоречивую и двойственную природу или, иначе говоря, сочетает распорядительные и исполнительские составляющие. Исторические формы сочетания этих противоречивых составляющих различны, но всё многообразие этих форм сводится к трём основным типам – *синкретическому*, *симбиотическому* и *синтетическому* [2]. Синкретический тип распорядительные и исполнительские полномочия не разделяет, но жёстко обособляет и дифференцирует предметные сферы их практического применения. И ремесленник, и крестьянин, и торговец в обществе допромышленного типа не только самостоятельно определяют порядок и содержание собственных хозяйственных действий, но и на практике осуществляют эти действия, отвечая при этом за ошибки в реализации как распорядительных, так и исполнительских полномочий. При этом сферы действий у них совершенно различны и акторы этих различных сфер входят в обособленные и несмешивающиеся общественные сословия или касты.

Симбиотический тип субъектности в отличие от синкретического распорядительные и исполнительские полномочия, наоборот, обособляет и закрепляет за особыми общественными классами, различающимися не только местом в исторически определённой системе (сфере) производства, не только характером и содержанием деятельности и способами получения и размерами доходов, но также характером принадлежащей этим классам собственности. Распорядительные полномочия сосредоточиваются в руках предпринимателей – частных собственников средств производства, то есть вещественного капитала, а исполнительские – в руках пролетариев – частных собственников собственной трудоспособности, то есть капитала человеческого и творческого [2].

Синтетический тип субъектности складывается в результате упразднения роли вещественного капитала при производстве товаров и услуг. Когда вещественный капитал дешевеет и начинает перемещаться в экономическом пространстве «со скоростью мысли, а не материи» [1], тогда владельцы человеческого и творческого капитала высокого качества начинают самостоятельно выбирать и сферы производительной деятельности, и способы собственной деятельности в этих сферах. Иными словами, складывается новый синтез распорядительных и исполнительских полномочий и новая синтетическая форма экономической субъектности.

Упраздняется ли роль вещественного капитала в современной сфере обслуживания, то есть на транспорте, в торговле и общественном питании, в финансовой сфере, в здравоохранении и образовании? Едва ли. Даже в науке новые результаты, хотя и могут быть предсказаны умозрительно, требуют для своего подтверждения весьма немалых материальных затрат. Достаточно вспомнить о стоимости андронного коллайдера или космических аппаратов. Но совершенно очевидно при этом, что сегодня и в сфере обслуживания, и в сфере производства товарных тел не вещественный, а именно человеческий капитал приобретает доминирующее значение, а значит, становится актуальным синтез распорядительных и исполнительских полномочий. И вторичная модернизация социума актуализирует задачу формирования экономических акторов нового синтетического типа.

Является ли обслуживающий класс актором нового синтетического типа? Является ли этот класс главным субъектом трансформации индустриального социума в постиндустриальном направлении? Можно ли считать работников и управленцев сферы обслуживания субъектами вторичной модернизации?

Для ответа на эти вопросы обратимся к анализу состава индикаторов, применённых в 2001-2010 годах сотрудникам Центра исследований модернизации Китайской академии наук под руководством Хэ Чуаньци [4], то становятся очевидными следующие обстоятельства.

Первое. Рассчитывая индекс вторичной модернизации (ИВМ) китайские исследователи полагают, что инновации в знаниях и характер их передачи имеют одинаковую значимость, как с качеством жизни, так и с качеством экономики. Ведь они предлагают рассчитывать этот индекс (ИВМ) как среднее арифметическое значение четырёх индексов (индекса инноваций в знаниях, индекса передачи знаний, индекса качества жизни и индекса качества экономики).

Второе. Применяемый порядок расчёта всех четырёх индексов, предлагаемый в методике Центра исследований модернизации, косвенно свидетельствует о том, что инновации в знаниях и качество их передачи имеют для сотрудников Центра более важное значение сравнительно с качеством жизни и экономики. Этот вывод следует из порядка перечисления индексов.

Третье. Индекс инноваций в знаниях рассчитывается как средняя процентная доля действительных значений трёх характеристик, отнесённых к выбранным исследователями базовым их значениям.

Индекс вторичной модернизации России в 2006 г. [4, с.68-69]

Индикатор	Финансирование инноваций в знаниях (соотношение затрат на НИОКР и ВВП)	Человеческий вклад в инновации в знания (число учёных и инженеров, полностью занятых в НИОКР, на 10 000 человек)	Патенты на инновации в знания (число жителей страны, получивших патенты, на 1 млн. человек)	Индекс инноваций в знаниях		
Действительные значения	1,1	32	165			
Базовые значения	2,4	37	774			
Индекс	45	88	21	51		
Индикатор	Доля лиц со средним образованием	Доля лиц с высшим образованием	Распространённость телевидения	Распространённость сети Интернет	Индекс передачи знаний	
Действительные значения	91	70	98	18		
Базовые значения	100	67	98	59		
Индекс	91	105	100	31	82	
Индикатор	Доля городского населения	Медицинские услуги	Уровень детской смертности	Ожидаемая продолжительность жизни	Потребление энергии на душу населения	Индекс качества жизни
Действительные значения	73	4,3	14	66	4518	
Базовые значения	78	2,6	6	79	5498	
Индекс	93	120	44	83	82	84
Индикатор	ВВП на душу населения	ВВП на душу населения в условиях паритета покупательной способности	Доля добавленной стоимости в материальной сфере	Доля труда в материальной сфере	Индекс качества экономики	
Действительные значения	5770	12740	44	40		

Базовые значения	36608	34933	28	28		
Индекс	16	36	63	70	46	
Индикатор	Индекс инноваций в знаниях	Индекс передачи знаний	Индекс качества жизни	Индекс качества экономики	Индекс вторичной модернизации	
Индекс	51	82	84	46	66	

Эти характеристики соотносят процентную долю затрат на НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки) в составе валового национального продукта (1), долю учёных и инженеров, полностью занятых в НИОКР, на 10 000 человек в составе населения (2) и долю жителей страны, получивших патенты на 1 млн. человек (3). Полагается при этом, видимо следующее: инновации в знаниях зависят от финансирования науки, от склонности населения к занятиям наукой и изобретательством от патентной эффективности, как финансирования, так и участия населения в НИОКР.

Четвёртое. Индекс передачи знаний характеризуется в типовой методике долями лиц со средним и высшим образованием, то есть лиц, способных адекватно воспринимать информацию, во-первых. И во-вторых, с распространённостью самых эффективных средств её воспроизведения и хранения, то есть с распространённостью телевидения и сети Интернет. При этом качество хранения и воспроизведения информации отождествляется с её общедоступностью, а качество восприятия информации отождествляется с уровнем образованности населения.

Пятое. Индекс качества жизни складывается из пяти характеристик: из доли городского населения (1), числа врачей на 1000 человек (2), уровня детской смертности (3) и ожидаемой продолжительности жизни (4), а также из потребления энергии на душу населения (5).

Иными словами, предполагается, что качество жизни горожан выше в сравнении с сельским населением, что уровень медицинского обслуживания зависит от числа врачей, что низкое качество жизни достоверно отображается высоким уровнем детской смертности и малой продолжительностью предстоящей жизни, и, наконец, что высокое качество жизни обеспечивается высоким энергопотреблением.

Шестое. Индекс качества экономики рассчитывается как средняя четырёх показателей: валового национального продукта, приходящегося на душу населения (1) и среднелюбового валового национального продукта в условиях паритета покупательной способности (2), доли добавленной стоимости в материальной сфере (3) и доли занятых в материальной сфере (4). При этом величина душевого дохода характеризует высокое качество экономики, а доля продукта материальной сферы, как и доля занятых в материальной производстве отображают низкое качество экономики.

Все вышеперечисленные допущения не вызывают серьёзных возражений и выстраивают характеристики субъекта (актора) вторичной модернизации следующим образом. Этот актор:

- трудится в сфере НИОКР;
- патентует свои результаты;
- имеет высшее образование;
- горожанин;
- обеспечен медицинской помощью;
- сохраняет жизнь своего потомства;
- живёт до старости, до 79 лет;
- потребляет много энергии;
- обеспечен высоким доходом;
- занят в сфере услуг.

Этот перечень подтверждает нашу гипотезу о том, что субъектом вторичной модернизации является без сомнения креативный класс описанный Ричардом Флоридой, который

- занимается инновациями разного рода, а не только научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельностью;
- чаще всего имеет именно высшее образование;
- является не просто горожанином, а именно жителем крупных культурных центров, характеризующихся высоким уровнем технологий, толерантностью и творческой атмосферой;
- обеспечен высококачественной врачебной помощью (Флорида отмечает роль расходов креативного класса на стоматологическую помощь);
- выбирает местом своего жительства крупные города, расположенные в развитых странах мира, и, безусловно, отличающиеся высоким уровнем душевого энергопотребления;
- применяет свои способности преимущественно в сфере услуг. И хотя и не склонен к длительным отношениям с конкретным работодателем, предпочитает «парикмахерский салон машинному цеху».

Анализ предпочтений креативного класса в сфере занятости выявляет его склонность к сочетанию в процессе такой деятельности распорядительных полномочий и исполнительских функций. Креативный класс, отмечая среди своих приоритетов высокий ранг интересной и ответственной работы, считает, что такая работа должна, во всяком случае, обеспечивать ему «возможность вносить *свой вклад* и *лично влиять* на процесс». Подчёркивая значимость гибких условий труда, представители креативного класса имеют в виду не просто «гибкий график и свободную рабочую обстановку», но и «возможность до определённой степени *самому* определять условия работы» [5, с. 108]. Флорида нередко подчёркивает, что «креативные специалисты выбирают работу, позволяющую им делать то, чего они хотят» [5, с. 112] что интеллектуальные приоритеты значат для креативных специалистов больше, чем коммерческие. Нам же представляется, что креативный класс синтезирует в своей трудовой практике, в своих занятиях распорядительные, то есть хозяйские и исполнительские функции и полномочия, которые в современном рыночном хозяйстве, были до недавнего времени расчленены и характеризовали деятельность двух общественных классов, а именно, пролетарского (рабочего) класса и класса предпринимателей (буржуа).

Рыночный классовый антагонизм индустриального общества представляется нам симбиозом двух субъектных фигур – хозяина и работника в экономической подсистеме общества. Этот антагонизм во многом преодолевается в условиях материалистических хозяйственных стратегий, но окончательно упраздняется или положительно упраздняется только с появлением нового субъекта экономической деятельности – креативного класса, для которого вещественный капитал, находящийся в частной собственности буржуа, перестаёт быть условием продуктивной деятельности, ведь креативный класс – это люди, «созидающие экономические ценности в процессе творческой деятельности» [5, с. 84]. А для творческой деятельности вещественный капитал является вспомогательным, а не главным условием.

Иными словами, не обслуживающий, а скорее креативный класс – главный субъект вторичной модернизации социума, новый субъект экономической деятельности, демонстрирующий формирующуюся синтетическую форму двойственности.

Список литературы

1. Гилдер Дж. Закон макрокосма и конец социализма // От плана к рынку: Будущее посткоммунистических республик. М., 1993.
2. Мостовая Е. Б. Двойственность субъекта экономической деятельности.– Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. – 224 с.
3. Мостовая Е. Б. Творческий капитал и его роль в экономике: Учеб.пособие. Новосибир. гос.ун-т. Новосибирск, 2001. – 184 с.
4. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010). Под ред. Хэ Чуанци. Изд-во «Весь мир»,– М., 2011.

5. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее.– Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Классика - XXI», 2007.– 421 с. © The Rise the Creative Class © Richard Florida, 2002.

6 Флорида Р. Люди, которые создают будущее.– Пер. с англ. Н. Яцюк; [научн. ред. Р. Хусаинов].– М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.– 384 с. © Richard Florida, 2011, 2012.

**ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ПРОБЛЕМА СООТВЕТСТВИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ ИНТЕГРАЦИИ И
СТЕПЕНИ СОГЛАСОВАННОСТИ ГЛАВНЫХ КОМПОНЕНТ ЕЕ
ЭФФЕКТИВНОСТИ**

**INTEGRATION PROCESSES IN THE POST-SOVIET SPACE: THE PROBLEM CORRE-
SPOND TO THE THEORETIKAL BASIS OF INTEGRATION AND DEGREE OF CON-
SISTENCY THE MAIN COMPONENTS OF ITS EFFECTIVENESS**

В.В. Крупчатникова
Vera V. Krupchatnikova

Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

В настоящей работе речь пойдет о международной экономической интеграции (МЭИ), как о современной форме международных экономических отношений. Несмотря на то, что это сравнительно новая форма международных экономических отношений, известными экономистами всего мира уже созданы теоретические основы МЭИ. В этих теориях можно выделить ряд направлений, отличающихся, прежде всего разными оценками интеграционного механизма. В статье представлено сопоставление основных, теоретических концепций и практики создания и функционирования интеграционной группировки Евразийский экономической союз (ЕАЭС).

In this paper, we will focus on international economic integration (IEI), as a contemporary form of international economic relations. Despite the fact that this is a relatively new form of international economic relations, famous economists around the world have established the theoretical basis of MEI. A number of trends can be identified in these theories, which differ primarily in different estimates of the integration mechanism. The article presents a comparison of basic, theoretical concepts and practice of creation and functioning integration group Eurasian Economic Union (EEU).

Ключевые слова: Международная экономическая интеграция, этапы интеграции, предпосылки интеграции, когерентная экономическая структура, синергетический эффект.

Keywords: International economic integration, the integration stages, the integration conditions, coherent economic structure, a synergistic effect.

Международная экономическая интеграция – одно из важнейших проявлений интернационализации и глобализации. Этот процесс интенсификации хозяйственных связей стран и регионов мира может стать условием инновационного развития и даже технологического прорыва. Однако, будучи потенциально высокоэффективным процессом, МЭИ, реализованная в конкретных группировках, не всегда дает позитивный результат для национальных экономик. Проблема заключается в недостаточной эффективности МЭИ, в отсутствии четкого представления о причинах негативных последствий интеграционных процессов в современных условиях.

Гипотеза, представленная на рассмотрение в данной статье, может быть сформулирована как несоответствие реальной интеграционной политики теориям МЭИ, раскрывающим ее сущность и перспективы развития. В исследовании были использованы сравнительный и структурный анализ, методы анализа динамических рядов, составление аналитических таблиц.

Ключевые особенности теоретических направлений МЭИ представлены в таблице 1. Как следует из анализа теорий интеграции, ее объективный характер не означает, что она происходит спонтанно, стихийно, вне рамок управления со стороны государства и межгосударственных органов. Формирование региональных интеграционных комплексов имеет договорно-правовую базу. Целые группы стран на основе взаимных соглашений объединяются в региональные межгосударственные комплексы и проводят совместную региональную политику в разных сферах общественно-политической и хозяйственной жизни.

Таблица 1.

Характеристика теорий международной экономической интеграции
Characteristics of the theories of international economic integration

Теоретическая концепция. Основные представители	Отличительные черты направления	
	Роль рыночных, стихийных сил	Роль государства и других нерыночных регуляторов
Ранний неолиберализм (швейцарский экономист Вильгельм Репке и французский экономист Морис Аллэ)	Определяющая роль в интеграционных процессах принадлежит стихийным рыночным силам и свободной конкуренции	Негативное отношение к вмешательству государства и ТНК в сферу международных экономических отношений
Поздний неолиберализм (американский ученый Бела Баласса)	Определяющая роль в интеграционных процессах принадлежит стихийным рыночным силам и свободной конкуренции	Допускал весьма интенсивное участие государства в интеграционных процессах
Корпорационализм (американские экономисты Сидней Рольф и Юджин Ростоу)	Отрицание роли стихийного рыночного механизма в интеграционных процессах	Не государственное регулирование, а функционирование ТНК способно обеспечить интегрирование международной экономики, ее рациональное и сбалансированное развитие.
Структурализм (шведский экономист Гуннар Мюрдаль)	Стихийный рыночный механизм может привести к диспропорциям в развитии производства, углублению неравенства в доходах интегрирующихся стран	Государство должно активно способствовать процессу структурных преобразований в экономике интегрирующихся стран
Неокейнсианство (американский экономист Ричард Купер и др.)	Отрицает решающую роль рыночного механизма в интеграционных процессах	Неокейнсианство «за» оптимальное сочетание двух вариантов развития МЭИ (интеграция с последующей утратой национальной свободы; интеграция с условием сохранения как можно больше национальной автономии) путем согласования внутренней и внешней хозяйственной политики интегрирующихся сторон
Дирижизм (голландский ученый Ян Тинберген)	Отрицает решающую роль в интеграционных процессах рыночного механизма	Создание интеграционных структур на основе общей экономической политики, согласования социального законодательства, координации кредитной политики
Синтез неокейнсианства и дирижизма (российские экономисты Н.П. Шмелев, Ю.В. Шишков)	Стихийный рыночный механизм регулирует прямые международные хозяйственные связи интегрирующихся стран	Межгосударственное регулирование устраняет административные и экономические барьеры, препятствующие свободному передвижению товаров, капитала и рабочей силы в пределах региона

Каждая из теорий соответствует определенному этапу в развитии мировых интеграционных процессов. На сегодняшний день неокейнсианское и дирижистское направление является наиболее вероятным и приемлемым для многих интеграционных объединений, по-

сколькo оно основано на согласованности внутренней и внешней политики интегрирующихся сторон и неотъемлемой, но не определяющей роли рынка.

Итак, в современном мире под **международной экономической интеграцией** понимается высокая степень интернационализации, ведущая к постепенному сращиванию производственных структур и сближению хозяйственных механизмов, регулируемых межгосударственными соглашениями и межгосударственными органами. МЭИ — высшая ступень международного разделения труда, возникшая в результате углубления международной специализации и объединения национальных хозяйств ряда стран [1].

Создание отдельными странами более благоприятных, чем для всех других стран, условий торговли и межрегионального передвижения факторов производства приводит к развитию экономического регионализма. Такое преференциальное отношение друг к другу стран этой группы обычно не ухудшает экономические отношения с остальным миром, что можно считать положительным фактором развития международной экономики.

Основная цель экономической интеграции - использовать преимущества, которые дает концентрация и централизация производства и капитала, получить синергетический эффект, который отличается от эффекта синтеза тем, что совместные усилия увеличивают общий результат по сравнению с суммой вкладов всех участвующих субъектов (стран).

Среди теоретических основ МЭИ необходимо отметить выделенные специалистами **предпосылки** успешной интеграции [2], т.е. условия, наличие которых необходимо для успешного интеграционного процесса:

1. Близость уровней экономического развития интегрирующихся стран, сравнимый уровень развитости рыночных отношений.

2. Географическая близость интегрирующихся стран, наличие общих границ, исторически сложившихся экономических связей.

3. Близкие или общие экономические проблемы, стоящие перед странами в области экономического развития, финансирования и регулирования экономики, политического сотрудничества.

4. Наличие информации о положительных изменениях под воздействием интеграции в уже созданных интеграционных группировках. Это будет стимулировать другие страны последовать примеру интегрирующихся стран или активнее подключаться к отношениям со странами, входящими в уже функционирующие группировки.

Процесс интеграции в своем развитии, как правило, проходит **несколько этапов**. Один из основоположников теории интеграции американский экономист Б.Балассе (B.Balassa) [3], выделил пять этапов интеграции (рисунок 1).

- *Зона свободной торговли* – предполагает отмену торговых ограничений и таможенных пошлин между странами-участницами и сохранение их для третьих стран, причем каждая из участвующих стран проводит свою собственную таможенную политику в отношении стран, не являющихся участниками такой зоны.
- *Таможенный союз* – это соглашение двух или более стран об отмене таможенных тарифов для стран-участниц и установление общего тарифа в торговле с третьими странами. Эта форма торгово-экономического сотрудничества более тесная, предполагает замену таможенных территорий нескольких государств одной, с едиными правилами и условиями торговли
- *Общий (единый) рынок* предусматривает свободу движения не только товаров и услуг, но и факторов производства, а также разработку и проведение общей политики развития отдельных отраслей и секторов экономики. Лишь достигнув достаточно высокой стадии взаимного экономического сотрудничества и политического доверия, государства позволяют открыть границы для перемещения не только товаров и услуг, но и капиталов, рабочей силы.
- *Экономический союз* или более сложная форма интеграции – экономический и валютный союз. На этом этапе осуществляется координация социально-экономической и валютной политики, введение единой валюты и учреждение орга-

нов наднационального регулирования. Такие органы наделены правом принимать решения по вопросам, касающимся организации, без согласования с правительствами государств-членов.

- **Полная экономическая интеграция.** Экономический и валютный союз, который предусматривает как все предыдущие формы интеграции, так и создание политического союза, подлинно единого экономического, правового и информационного пространства, проведение единой социально-экономической политики, переход от наднациональных органов управления к центральным с еще большими полномочиями и властью.

Рисунок 1. Этапы международной экономической интеграции.
Stages of international economic integration

Первые три формы международной интеграции основываются, прежде всего, на тесном сотрудничестве стран в таможенной сфере и поэтому образуют единый блок. Впоследствии, если интегрирующиеся страны договариваются о едином регулировании национальных экономик, а затем и совместном политическом управлении, интеграция углубляется, охватывая новые сферы общественной жизни стран.

Любой этап интеграции взаимовыгоден для стран-участниц, поэтому, интеграция играет исключительную роль в развитии национальной экономики страны, повышает ее эффективность.

При серьезных отличиях теорий экономической интеграции, их объединяет одинаковое понимание того, что МЭИ это *целенаправленный процесс, ориентированный на согласованные (когерентные) изменения в экономиках стран*. Интеграционная группировка – это *когерентная экономическая структура (КЭС)* [4], экономическое объединение субъектов (в данном контексте стран) в целях синхронизированной совместной экономической деятельности в условиях нестабильной внешней среды. Когерентность дает возможность получить дополнительный эффект за счет согласованности одновременно протекающих процессов, т.е. при их сложении во времени. Цель одновременных согласованных действий стран – *получение синергического эффекта*, т.е. возрастания эффективности деятельности в результате интеграции, слияния отдельных частей в единую систему. Синергический эффект, ради которого объединяются разрозненные элементы в систему, возникает только при наличии определенных условий. Отсутствие таких условий приводит к двум другим вариантам. Во-первых, совместная деятельность может дать просто сумму результатов действия всех элементов. Это редкий случай. Во-вторых, и это распространенный вариант, совместные действия, особенно на начальных этапах объединения, характеризуются суммарным результатом меньшим, чем сумма индивидуальных результатов элементов объединения. Это происходит из-за недопонимания и конфликтов сторон, наличия разных точек зрения по ключевым вопросам и неумения или нежелания идти на уступки, искать компромиссные варианты. Одним из условий успешной экономической интеграции (т.е. дающей синергический эффект) является постоянное развитие интеграционной группировки: расширение круга совместно решаемых задач,

и усиление или углубление степени унификации в экономических и политических вопросах. Факторами успеха интеграции являются согласованный процесс принятия решений, также добрая воля сторон идти на уступки, определение правила деления совместных доходов и, конечно, политика когерентности, как свойство процесса экономической интеграции.

Определив цель интеграции, предпосылки успешной интеграции и основные этапы интеграционного процесса и факторы успеха интеграции, можно проанализировать соответствие этим теоретическим постулатам результатов интеграционного процесса на постсоветском пространстве, в частности, при формировании Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Эта Евразийская интеграционная группировка начала функционировать 1 января 2015 года. Договор обозначил переход евразийского экономического проекта на новый, более глубокий уровень интеграции. В ЕАЭС должна обеспечиваться свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы («четыре свободы»), а также проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. В этот союз полноправными членами входят Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация. В данной работе попытаемся дать ответ на вопрос может ли быть препятствием на пути интеграции несоблюдение (невыполнение) теоретических основ интеграционного процесса.

Начнем с того, является ли ЕАЭС когерентной экономической структурой. Действия стран участниц должны быть для этого не только совместными, но согласованными по многим вопросам, в том числе, например, по поводу увеличения объемов взаимной торговли и согласования ее структуры. Данные Евразийской экономической комиссии свидетельствуют о доминирующем влиянии России на объемы взаимной торговли, а друг с другом страны ЕАЭС взаимодействуют слабо: в 2015 году на Россию приходилось 63,5%, доля Армении составила 0,9%, Республики Беларусь – 25, 2%, Республики Казахстан – 9,7%, Кыргызской Республики – 0,7% [5]. Еще одним несоответствием теоретическим предпосылкам успешной интеграции является сокращение взаимной торговли стран ЕАЭС, тогда как МЭИ это процесс региональный и страны интеграционных группировок часто замыкают в ее рамках значительную часть совокупного товарооборота, извлекая из этого максимальный выигрыш от внешней торговли. В ЕАЭС взаимная торговля демонстрирует противоположную тенденцию: оборот в их взаимной торговле составлял в 2014 году 61 183 млн. долл. США, в 2015 году – 45 379 млн. долл. США, а за январь – апрель 2016 года – 11 931 млн. долл. США (за январь – апрель 2015 года – 14 626 млн. долл. США).

Еще одним подтверждением несогласованных действий стран ЕАЭС является невыполнение ими норматива отклонения от минимальной инфляции в странах-членах объединения не более чем на 5 процентных пунктов (Таблица 2).

Таблица 2.

**Индекс потребительских цен в странах ЕАЭС, % [5]
Consumer price index in EEU countries, %**

Страна	2014	2015
Армения	3	3,7
Беларусь	16,2	12
Казахстан	7,54	13,53
Кыргызстан	10,5	3,4
Россия	11,36	12,9
Разница	13,2	10,13

Так, в 2015 году этот показатель составил не 5, а 10.13 процентных пунктов. Формирование выполнения единых нормативов стало неосуществимой задачей ЕАЭС при несогласованной кредитно-денежной политике.

Если интеграционная группировка стремится к максимальной эффективности, не следует нарушать теоретически обоснованную последовательность этапов и выполняемые на этапах функциональные задачи. Но в условиях нестабильности валютных курсов и беспо-

шлинной взаимной торговле, введенной на этапе **Зоны свободной торговли**, страны ЕАЭС стремились получить дополнительные выгоды, ослабляя свою национальную валюту. Реакцией на обесценение национальных валют стали вводимые валютные ограничения. Так, весной 2015 года Казахстан ввел эмбарго на российские нефтепродукты, конфеты, масло, масло и другие продукты питания, т.к. их дешевизна стала угрозой для выживания местных производителей. На этапе **Таможенного союза**, предполагающего единую тарифную политику в отношении третьих стран, появились многочисленные изъятия из единого таможенного тарифа. Несмотря на попытку перейти к следующему этапу интеграции – созданию **Общего рынка**, отмечаются многочисленные конфликты, имеющие протекционистскую природу, например, требование неукоснительного соблюдения технических и административных регламентов, причем далеко не всегда имеющее объективное обоснование (фактически торговая война на рынке продуктов питания между российскими и казахстанскими производителями). Трудности и разногласия могут усилиться из-за сложной экономической ситуации как в странах ЕАЭС, так и в странах внешних по отношению к этой группировке. Эти протекционистские конфликты порождают тенденцию к дезинтеграции.

Теоретически интеграционные процессы призваны решать модернизационные задачи в том числе инновационного характера. Однако, структура их взаимной торговли об этом не свидетельствует. Во взаимной торговле государств – членов ЕАЭС преобладают товары, из которых 29,5% приходится на энергетические товары, 34,5% – на прочие промежуточные товары, потребительские товары занимают 23,9% взаимного товарооборота и только 7,6% приходится на товары инвестиционного назначения, которые потенциально с большей вероятностью могли бы относиться к инновационным.

Ценность известных теорий состоит в том, что они помогают лучше понять результаты практической деятельности стран по созданию интеграционных группировок и определить направления совершенствования интеграционного процесса.

Список литературы

1. В.В.Обуховский Теории международной экономической интеграции//Экономика XXI века, 2007, №1, с.27-47
2. В.В.Крупчатникова. Мировая экономика: курс лекций/ В.В.Крупчатникова. - Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008, - 88 с.
3. Balassa V. The Theory of Economic Integration. Z., 1962. p. 1. Цитируется по: Экономическое сотрудничество в рамках ШОС: основные направления и перспективы развития // А. И. Быков – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 232 с.
4. А.И.Кукшин. Методология формирования когерентных экономических структур//Лесной вестник, 2007, №1, с.105-114
5. <http://www.eurasiancommission.org/>

Часть 2.

**Человеческое развитие, социальный капитал, труд,
бизнес и процессы модернизации в местных
сообществах (муниципальных образованиях)**

**ПРОБЛЕМЫ СОГЛАСОВАНИЯ ПРИОРИТЕТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
РЕГИОНА И РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
(УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ 2010-2015 гг.)**

**THE PROBLEMS OF COORDINATION OF THE PRIORITIES OF ECONOMIC POLICY
OF THE REGION AND DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL
(ULYANOVSK REGION 2010-2015)**

Н.В. Дергунова
Nina V. Dergunova

Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия
Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

Государственные программы экономического развития региона, усилия правительства Ульяновской области по созданию благоприятного инвестиционного климата встречают непонимание населения. Общественная поддержка деятельности губернатора последние три года неуклонно снижается. Существующие механизмы взаимодействия региональной власти и населения, формы согласования интересов выхолащены региональной элитой, неэффективны. Необходима дальнейшая модернизация политической системы страны, смена модели взаимодействия власти и институтов гражданского общества.

The state programs of the economic development of the region and the efforts of the government of Ulyanovsk Region to create a favorable investment environment are misunderstood by the population. The public support of the governor's work has been decreasing during the last three years. The existing mechanisms of interaction between regional authorities and population, the forms of coordination of interests are depressed by the local elite and ineffective. There is a demand for modernization of a political system of the country and for a change of the model of interaction between the authorities and civil society institutions.

Ключевые слова: *Экономическая политика региона, гражданское участие, механизмы взаимодействия региональной власти и институтов гражданского общества, эффективность участия, модернизация политической системы.*

Keywords: *Economic policy of the region, public participation, mechanisms of the interaction between regional authorities and civil society institutions, effectiveness of participation, modernization of a political system*

Десять лет тому назад по результатам социологических исследований мы характеризовали Ульяновскую область как социокультурное сообщество с глубокой противоречивостью всех сфер его жизнедеятельности. [1]. Как и в большинстве российских регионов, в Ульяновской области представлены три основных технологических уклада: аграрный, индустриальный и информационный; доминирует индустриальный. При этом объем ВРП был ниже среднероссийского, его доля в совокупном ВРП России и уровень ВРП на душу - низкие. Структура региональной идентичности жителей Ульяновской области типична для многих регионов, но более контрастна: здесь отмечается высокая близость между жителями внутри поселений (80%), средняя близость с жителями своей области (47%) и низкая – с жителями всей России (28%) [1, с.56] Социальные смыслы такой идентификации, как считает Н.И.Лапин - доминирование локально-поселенческой замкнутости населения, при умеренной его ориентации на региональное сообщество и низкой – на государственно-страновой социум; последнее свидетельствует об отсутствии в обществе гражданско-политических целей, значимых для большинства населения региона. [1, 56] Наблюдается высокая религиозность

населения (52% считают себя верующими и 34% - «скорее верующими»), преимущественно придерживающегося православия, что только усиливает традиционную локально-поселенческую замкнутость и гражданскую пассивность.

Проблема: эффективность участия граждан, институтов гражданского общества в согласовании государственных программ деятельности правительства области, контроле за их выполнением, в согласовании законопроектов, в изучении правоприменительной практики, принятии регулярных отчетов должностных лиц по итогам деятельности государственных структур региональной власти

Базовая гипотеза: Возникшая в новейшей политической истории России система формальных институтов, в целом, соответствует «стандартам демократии», но при этом представляет собой скорее «институциональный антураж». С другой стороны, систематическая практика взаимодействия постепенно формирует экспертный потенциал институтов гражданского общества, который позволит при благоприятных условиях существенно повысить эффективность сложившихся форм согласования решений и законопроектов.

Методы исследования: экспертный опрос членов общественных советов, анализ эффективности деятельности общественной палаты региона, выборочный опрос об условиях деятельности институтов гражданского общества.

Результаты исследования, новизна: углубление понимания различий в критериях оценок эффективности деятельности государственного управления и системы взаимодействия гражданами и органами исполнительной власти региона.

Практическое значение результатов: Менталитет чиновников не совпадает в своих базовых основах с позицией граждан по оценке деятельности региональной власти. Необходимо систематическое обучение чиновников о методах работы с институтами ГО, и развитие реальной демократии.

Согласно докладу министра стратегического развития и инноваций Ульяновской области на заседании совета Общественной палаты региона структура капитальных вложений свидетельствует о том, что в приоритетах для инвестирования капиталоемкие и инновационные отрасли, которые ориентированы не только на создание промышленных производств, но и улучшение качества жизни населения. В 2014 году инвестиций в экономику Ульяновской области поступило 82,2 млрд. рублей. Крупными и средними предприятиями вложен 47,9 млрд. рублей инвестиций. По показателю «инвестиции в основной капитал на душу населения» Ульяновская область со значением 64,6 тыс. рублей занимает 9 место по Приволжскому федеральному округу (далее – ПФО) и опережает Пензенскую область (61,5 тыс. рублей), Удмуртскую Республику (59,2 тыс. рублей), Саратовскую область (53,2 тыс. рублей), Чувашскую Республику (45,6 тыс. рублей), Кировскую область (42,9 тыс. рублей).

Крупные компании-инвесторы создали в 2014 году порядка 4 тысяч рабочих мест, а в целом предприниматели – около 19 тысяч. 15 российских и зарубежных инвесторов приняли решение локализовать производство на территории Ульяновской области и вложить в экономику региона более 5 миллиардов рублей. Сегодня областной реестр инвестиционных проектов насчитывает 296 проектов. Общий инвестиционный портфель – 156,7 млрд. рублей, общая численность рабочих мест, предполагаемая к созданию по всем проектам – 50 347 единиц. Ульяновская область уверенно занимает лидирующие позиции в рейтингах по благоприятности инвестиционного климата и условиям для ведения бизнеса.

Данные доклады свидетельствуют, что область пытается преодолеть диспропорции своего предыдущего развития и перейти к модернизации экономики региона.

Однако по данным третьего рейтинга эффективности управления в субъектах Российской Федерации, подготовленный Агентством политических и экономических коммуникаций (АПЭК) и Лабораторией региональных политических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ, Д.Орлов,

Р.Туровский) при определенных успехах экономического развития, Ульяновская область демонстрирует значительное снижение общественной поддержки власти.[2]

Для расчета оценки региона по направлению «Общественная поддержка главы субъекта Федерации» используются как электоральная и социологическая статистика, так и экспертные оценки. В оценку по данному направлению входит социологическая оценка населением деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ. Данный индикатор является прямым отражением общественного мнения о деятельности главы региона. Ульяновская область демонстрирует заметное снижение общественной поддержки губернатора. При общем 47 месте в рейтинге эффективности управления, по общественной поддержке регион занимает 72-73 места, тогда как оценка госуправления социальным блоком достаточно высокая – 35 место в рейтинге 85 субъектов федерации, а финансово-экономическим блоком – 46 место.

Для нашего исследования были взяты два параметра: общая ситуация в регионе с правами и свободами граждан и эффективность функционирования демократических механизмов согласования интересов чиновников и населения области.

Социологические исследования, проведенные коллективом социологов УлГУ показывают, что за 9 лет между первым и третьим замерами, жители региона стали чувствовать себя более защищенными по большинству измеряемых опасностей [3]. Небольшой рост чувства незащищенности наблюдается относительно национальности и религиозных убеждений. Таким образом, общие условия для проявления гражданской активности в целом остаются стабильными с тенденцией к улучшению (табл.1).

Таблица 1

Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?, в %

To what extent do you feel secure from the following risks?, in %

	2007			2011			2016		
	Защищен	Трудно сказать	Не защищен	Защищен	Трудно сказать	Не защищен	защищен	трудно сказать	Не защищен
От экологической угрозы	34	21	44	10	10	81	45	26	29
От притеснений из-за своего пола и возраста	70	14	14	62	12	25	65,6	16,5	17,8
От произвола чиновников	25	23	51	13	21	66	40,3	25,9	33,7
От ущемления из-за Вашей национальности	75	13	10	94	3	3	67,0	14,7	18,2
От притеснений из-за Ваших религиозных убеждений	76	12	9	91	6	3	63,7	17,3	18,9
От произвола правоохранительных органов	27	21	45	24	24	51	48,9	24,6	26,5
От преследования за политические убеждения	56	12	17	42	45	13	58,9	20,8	20,3
От бедности	29	14	46	17	9	75	35,1	22,4	42,5
От одиночества и заброшенности	49	23	28	42	16	43	47,5	21,0	31,2
От преступности	18	13	60	12	13	75	34,3	24,0	41,8

Однако ощущение важности конституционных прав и свобод постепенно снижается. Возросло количество респондентов выбравших ответ «трудно сказать». Права есть, но видимо возможности воспользоваться ими или потребности в их применении – нет. Только показатели важности «Свобода слова», «право на объединение» и «право на эмиграцию» возросли по сравнению с данными 2011 года.[5] (табл.2).

Насколько важно для Вас строгое соблюдение следующих прав и свобод в нашей стране?, в %

To what extent is the strict law compliance of the following rights and freedoms important for you?, in %

	2011			2016		
	Важно	Трудно сказать	Не важно	Важно	Трудно сказать	Не важно
Свобода слова	86	6	8	87,4	3,9	1,5
Право безопасности и свободы личности	96	3	1	88,1	4,8	0,8
Свобода объединений, групп, союзов	58	20	8	61,6	20,0	10,0
Право народа на его собственный язык и культуру	93	4	2	76,4	16,2	4,1
Религиозные свободы и свобода совести	89	6	4	72,1	12,3	5,6
Равенство перед законом	98	1	0	87,6	5,4	0,5
Право на труд	97	1	2	81,4	7,5	1,6
Право на личную собственность	98	1	0	82,5	4,5	5,1
Право на образование и обучение	97	0	3	85	3	2,2
Право на тайну личной переписки, телефонных разговоров и т.д.	95	3	3	83,3	6,4	2,3
Право на эмиграцию	63	11	23	70,5	12,7	7,7

Появившийся в нашей стране сравнительно недавно новый институт Общественных палат призван был усилить связь гражданского общества с органами государственной власти. Основная миссия - это непосредственное выстраивание моста между гражданским обществом и представителями власти. Наличие таких органов для некоторых стран может являться гарантом демократии, основой для создания настоящего гражданского общества, а также стабилизатором в критических ситуациях, который будет выравнивать отношения между общественными структурами и государственной властью. Формы такого взаимодействия - проведение общественной экспертизы проектов региональных законов, осуществление общественного контроля за деятельностью правительства субъекта РФ, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. То, что Общественная палата лишь вырабатывает рекомендации органам государственной власти, взаимообусловлено положениями о рекомендательном характере решений Общественной палаты.

Однако на практике региональная власть взяла под полный контроль процесс формирования состава общественных палат, общественных советов при органах исполнительной власти. Аппараты общественных палат, являются структурами исполнительной власти и полностью контролируют планирование деятельности данных структур, разработку рекомендаций, осуществление общественного контроля (подбор общественников для осуществления контроля, их обучение и проведение контрольных мероприятий), проведение региональных курсов грантов для поддержки НКО.

В результате эти институты пока во многом формальны в негативном смысле этого слова, они не обеспечивают выполнение возложенных на них функций согласования приоритетов экономической политики и развития гражданственности, человеческого потенциала в целом. В отношении задач, стоящих перед страной, они не решают вопросов консолидации сторонников модернизации и существенных изменений страны, обеспечение функционирования власти как эффективной модернизирующей силы. За фасадом политической системы работают институты другого типа – неформальные, скорее даже теневые. Они обеспечивают управление политической системой в интересах сегментов элиты, занявших или укрепивших свои позиции в сложившейся политико-властной системе. Идеи модернизации если и вос-

принимаются ими, то лишь в экономико-технологическом ракурсе, что предопределяет имитационный характер их реализации. [4, с.3-6]

Выход России на путь инновационного развития предполагает модернизацию существующей политической системы. Одним из направлений модернизации политической системы является усиление роли институтов гражданского общества и совершенствование деятельности посредников между властью и гражданским обществом, таких как Общественные палаты РФ и субъектов РФ.

Переход к более прогрессивным формам развития, нацеленным на системное использование инноваций, требует также и перехода к новому качественному состоянию государственного управления, основанному на логике постбюрократического развития, на менеджменте согласия, на выстраивании коммуникации на основе парадигмы теории политических сетей, исключающих жесткость дихотомии «господство-подчинение».

Список литературы:

1. Лапин Н.И. Своеобразие и смыслы уровней социокультурного развития российских регионов./ Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса. Сб.материалов VI Всероссийской научно-практической конференции .7-9 октября 2010 г.Ульяновск, Изд-во УлГУ.

2. Рейтинг эффективности управления в субъектах РФ в 2015 году. / Агентство политических и экономических коммуникаций (АПЭК), Лаборатория региональных политических исследований НИУ «Высшая школа экономики (ВШЭ). Январь 2016 г.

Рейтинг делится на *три блока*, по каждому из которых производится своя оценка: *политико-управленческий, социальный и финансово-экономический*. Каждый из этих блоков делится на *несколько направлений*, каждое из которых также оценивается отдельно. Итоговый (интегральный) рейтинг представляет собой обобщение рейтингов по политико-управленческому, социальному и финансово-экономическому блокам (среднее трех соответствующих показателей).

3. Выборочный опрос по Ульяновской области по методике «Социокультурный портрет региона». 2016 год, март. Выборка 707 респондентов, репрезентативна по полу и возрасту.

4. Куда пойдет Россия: новые возможности и ограничения современного развития. / Ин-т социологии РАН, М.2013. редкол. Л.И. Никовская, В.Н. Шевченко, В.Н. Якимец.

5. Социальные аспекты жизни населения Ульяновской области. / Под ред. Н.В. Дергуновой, А.В. Волкова.- Ульяновск: УлГУ, 2008 г.

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ПОТЕНЦИАЛА И ВОЗМОЖНОСТЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ON THE ISSUE OF THE ESTIMATION OF THE POTENTIAL AND CAPACITIES OF MODERNIZING THE CHUVASH REPUBLIC MUNICIPALITIES

Н.Г. Семедова - Полупан
N.G. Semedova - Polupan

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Чебоксарский филиал), г. Чебоксары, Россия
The Russian Presidential academy of national economy and public administration (Cheboksary Branch), Cheboksary, Russia

Дается характеристика муниципального уровня власти Чувашской Республики. Приводится перечень муниципальных образований и их видов. Рассматриваются потенциальные возможности участия муниципальных образований в процессах модернизации.

Characteristic features of the municipal level of the Chuvash Republic government are shown. The list of the municipal entities and their types is given. The author considers the municipalities' potential possibilities to participate in the modernization processes.

Ключевые слова: Муниципальное образование, городской округ, муниципальный район, социально-экономические показатели, модернизация, уровень модернизации, приоритеты модернизации муниципальных образований.

Keywords: municipal entity, urban district, municipal district, socio-economic indicators, modernization, modernization level, the priorities of the modernization of the municipal entities.

Оценка потенциала и возможностей развития муниципальных образований на сегодня актуализирована. Вся работа по оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления регламентируется в соответствии с нормативно-правовыми актами, которые размещены на официальном сайте:

– Указ Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. №607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 13 мая 2010 г. №579, от 14 октября 2012 г. №1384);

– постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. №1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. №607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» и подпунктов «и» пункта 2 Указа президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. №601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2014 г. №1505);

– Указ Президента Чувашской Республики от 26.01.2009 №4 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» (в редакции Указа Президента Чувашской Республики от 27 января 2010 г. №8, от 17 января 2011 г. №3, Указа Главы Чувашской Республики от 7 февраля 2012 г. №20, от 13 марта 2013 г. №24, от 25 августа 2014 г. №122);

– постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 2 марта 2009 г. №60 «О мерах по реализации Указа Президента Чувашской Республики от 26 января 2009 г. №4 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов

гов и муниципальных районов» (в редакции постановления Кабинета Министров Чувашской Республики от 27 января 2010 г. №15, 22 декабря 2010 г. №476, 13 марта 2013 г. №91, 26 февраля 2014 г. №64, 24 декабря 2014 г. №459).

Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления осуществляется в соответствии с методикой мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. №1317.

По результатам оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления за отчетный период Правительственная комиссия по оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов ежегодно до 1 сентября года, следующего за отчетным, определяет получателей грантов, показатели эффективности деятельности которых имеют наибольшее значение.

Комплексная оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов рассчитывается в соответствии с перечнем рекомендуемых показателей, используемых для определения размера грантов, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. №1317.

Вопросы развития модернизации находятся в центре внимания и научных интересов ученых разных стран и отраслей знаний. Так, современные научные разработки в области социокультурной модернизации активно ведутся в Центре исследований модернизации Академии наук Китая под руководством Хэ Чуаньци; в Институте социальных исследований университета г. Мичигана (США) под руководством Р. Инглхарта; в Фонде Бертельсмана (Германия); в Программе развития ООН. В Российской Федерации на изучение социокультурной модернизации направлены исследовательские усилия сотрудников Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ (Р. Инглхарт), Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН под руководством Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой; Института социологии РАН, Института сравнительных исследований модернизации обществ (г. Казань, руководитель Х. Дэвис, профессор Бангорского университета, Великобритания), ряда региональных центров России. [1]. На муниципальном уровне в регионах страны разработка методик по оценке уровня модернизации на сегодняшний день ведется только в республике Башкортостан.

Среди субъектов Российской Федерации Чувашия является регионом, в котором парадоксальным образом проявляются две тенденции развития. Достаточно низкие показатели социально-экономической ситуации сочетаются с относительно высоким качеством жизни и индексом развития человеческого потенциала. С точки зрения социокультурного подхода Чувашию нельзя отнести ни к одному из базовых социокультурных типов регионов, поскольку республика с этой точки зрения находится в промежуточном положении между функционально сбалансированным, многоаспектно поддерживающим человека и функционально несбалансированным, декларирующим поддержку человека. [2]

Муниципальные образования Чувашии представлены 5 городскими округами, 7 городскими поселениями, 21 муниципальными районами и 284 сельскими поселениями. Каждое муниципальное образование имеет общие и специфические возможности, барьеры и условия для развития. Анализ результатов мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления, городских округов и муниципальных районов, опроса по оценке населением эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления позволяет выявить системные и специфические факторы сдерживания и стимулирования процессов развития модернизации Чувашской Республики.

В данной статье предпринята попытка анализа объективных показателей развития муниципальных образований Чувашии.

Так, максимальное значение показателя за 2014 год по числу субъектов малого и среднего предпринимательства в расчете на 10 тыс. человек населения зафиксировано в Чебоксарском (309,5 человек), Яльчикском (299,1) и Урмарском (293,7) муниципальных районах, г. Чебоксары (574,2), г. Шумерля (456,6), г. Канаше (389,3).

Наиболее положительная динамика показателя за 2014 год по сравнению с уровнем 2013 года зафиксирована в Батыревском (с 268,4 до 283,5), Ибресинском (с 210,9 до 270,0), в Мариинско-Посадском (с 229,8 до 262,0) муниципальных районах. Также рост показателя отмечен в Алатырском, Аликоском, Вурнарском, Козловском, Красноармейском, Красночетайском, Моргаушском Порецком, Цивильском, Шемуршинском районах, гг. Алатырь и Новочебоксарск. Снижение данного показателя сложилось только в Янтиковском районе.

В 2014 году рост доли среднесписочной численности работников малых и средних предприятий в среднесписочной численности работников всех предприятий и организаций обеспечили все муниципальные образования, кроме Шемуршинского района и г. Канаша. Самая высокая численность среди муниципальных районов – Янтиковский (61,5%), Ядринский (60,0%), Красночетайский (55,94%), среди городских округов – г. Чебоксары (42,2%), г. Алатырь (30,1%).

Самый высокий объем инвестиций в основной капитал в расчете на одного жителя в 2014 году составил 36,8 тыс. рублей в Чебоксарском районе, 19,3 тыс. рублей в Вурнарском районе, 30,4 тыс. рублей в г. Чебоксары, 18,7 тыс. рублей в г. Новочебоксарск. Самый низкий сложился в Умарском районе – 482,5 рубля на 1 жителя и 5,8 тыс. рублей в г. Канаш.

Максимальное значение доли площадей земельных участков, являющихся объектами налогообложения земельным налогом, в общей площади территории городского округа (муниципального района) зафиксировано в Вурнарском (99,98%), Ибресинском (100%) и Чебоксарском (100%) муниципальных районах.

Наиболее положительная динамика показателя за 2014 год по сравнению с уровнем 2013 года зафиксирована в Яльчикском, Красноармейском, в Комсомольском, в Янтиковском, в Аликоском, Чебоксарском муниципальных районах. Также рост показателя отмечен в Канашском, Козловском, Моргаушском, Цивильском, Шемуршинском муниципальных районах и городском округе г. Шумерля.

Рост значения данного показателя свидетельствует о повышении эффективности деятельности органов местного самоуправления вышеуказанных районов республики по развитию собственной доходной базы.

Автомобильные дороги общего пользования регионального и межмуниципального значения в Чувашской Республике составляют опорную дорожную сеть и обеспечивают основные грузопассажирские перевозки.

На сегодняшний день «недоремонт» сети автомобильных дорог регионального и межмуниципального значения в Чувашской Республике составляет 62,8 % (967,1 км) от их общей протяженности. Причиной неудовлетворительного состояния сети дорог и мостовых сооружений на ней являются малые объемы ремонта и накопленный годами «недоремонт».

Доля протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения по состоянию на 01.01.2015 составляет 63,0%.

Среди городских округов наибольшее значение составило 86,4% в г. Канаше, наименьшее значение 39,05 в г. Чебоксары, среди муниципальных районов наибольшее значение в Алатырском районе – 83,5% и наименьшее в Мариинско-Посадском районе – 53,0%.

Доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром городского округа (муниципального района) по Чувашской Республике составляет 6,6%. Автобусное сообщение имеют практически все населенные пункты республики, однако по итогам 2014 года в Красноармейском районе данный показатель составил 22,7%, в Чебоксарском районе 11,0%.

По итогам 2014 года самая высокая среднемесячная зарплата на крупных и средних предприятиях и в некоммерческих организациях сложилась в Красноармейском районе – 22731,5 рублей, в г. Чебоксары – 25631 рублей, самая низкая – в Алатырском районе – 13673,8 рублей и г. Алатырь – 18442,4 рублей;

за январь – декабрь 2014 года по официальным данным Чувашстата средняя заработная плата педагогических работников образовательных организаций общего образования составила 21274,0 рублей или 102,2% от средней заработной платы по Чувашской Республике за 2014 год.

Среди городов наибольшая заработная плата составила в г. Новочебоксарск – 21504,5 рублей, наименьшая в г. Алатырь – 197528,2 рубля, среди муниципальных районов небольшая в Козловском районе – 18585,7 рублей, наименьшая в Янтиковском районе – 15631,2 рубля.

Средняя заработная плата педагогических работников дошкольных образовательных организаций за 2014 год составила 18519,7 рублей или 99,6% от средней заработной платы в сфере общего образования в Чувашской Республике по официальным данным Чувашстата, организаций дополнительного образования – 18303,8 руб. или 84,6% от средней заработной платы учителей в Чувашской Республике по официальным данным Чувашстата за 2014 год. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников муниципальных дошкольных учреждений в 2014 году увеличилась по сравнению с 2013 годом на 110%. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников муниципальных общеобразовательных учреждений в 2014 году увеличилась по сравнению с 2013 годом на 111,8%. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата учителей муниципальных общеобразовательных учреждений в 2014 году увеличилась по сравнению с 2013 годом на 105,6%.

Средняя заработная плата работников муниципальных учреждений культуры Чувашской Республики за 2014 год составила 11891,6 рублей.

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников учреждений физической культуры и спорта за 2014 год составила 14419,1 рубля, увеличившись по сравнению с 2013 годом на 9,6%.

Дошкольным образованием в республике охвачено 79% детей в возрасте 1-6 лет. В 2014 году для организации дошкольного образования создано 5750 мест, введено 15 новых детских садов на 2716 мест, в том числе 2024 места за счет строительства 9 новых детских садов и приобретения одного детского сада, 692 места за счет реконструкции 5 перепрофилированных зданий.

В очереди на получение мест в детских садах в Чувашской Республике по состоянию на 31 декабря 2014 года зарегистрировано 32247 детей, в том числе 12193 (37,8%) – старше 1,5 лет, 46 (0,1%) – старше 3-х лет, в трех муниципальных образованиях (Алатырский, Ибресинский и Козловский районы) в очереди оставались дети старше 3-х лет. По данным статнаблюдения, в Чувашской Республике нет дошкольных и общеобразовательных организаций, размещающихся в аварийных зданиях.

Общее значение доли выпускников муниципальных общеобразовательных учреждений, сдавших единый государственный экзамен по русскому языку и математике, в общей численности выпускников муниципальных общеобразовательных учреждений, сдавших единый государственный экзамен по данным предметам в 2014 году составило 98,05%, в 2013 году – 97,76%. В 3 муниципалитетах Чувашской Республики значение этого показателя составило 100%: Аликовский, Маринско-Посадский и Урмарский районы (2013 год – в 2 муниципалитетах: г. Шумерля и Маринско-Посадский район). Самые низкие значения в Красночетайском районе – 92,52%; Алатырском районе – 95,95%; Красноармейском районе – 96,43%; Моргаушском районе – 96,45%; Батыревском районе – 96,53% (в 2013 году в Шумерлинском районе – 91,07%; Алатырском районе – 92,86%; г. Алатырь – 94,79%; Красноармейском районе – 95,56% Козловском районе – 96,25%).

Из числа выпускников 2014 года не получили аттестаты 1,95% (2013 г. – 2,24%), из них 99 выпускников дневных школ (2013 г. – 94 выпускника), вечерних школ – 32 человека (2013 год – 79 человек). В Российской Федерации не набрали минимального количества баллов по обязательным экзаменам также около 2% выпускников школ. Наибольшая доля не получивших аттестат о среднем общем образовании была среди выпускников Красночетайского

(7,48%), Алатырского (4,05%), Красноармейского (3,57%), Моргаушского (3,55%) районов (в 2013 г. – 8,93% выпускников Шумерлинского района, 7,14% - Алатырского района, 5,21% - г. Алатырь, 4,44% - Красноармейского района, 3,75% - Козловского района).

В целях формирования универсальной безбарьерной среды, позволяющей обеспечить комплекс условий для инклюзивного обучения детей-инвалидов, в том числе по зрению, слуху и с нарушением опорно-двигательного аппарата, проведена адаптация 36 общеобразовательных организаций, участвующих в реализации программы «Доступная среда», путем капитального ремонта за счет средств республиканского бюджета (59485,5 тыс. рублей). На оснащение данных школ специальным оборудованием для организации образовательного процесса обучающихся с ограниченными возможностями здоровья была выделена федеральная субсидия в размере 58643,7 тыс. рублей.

По данным Минздрава Чувашии интегральным показателем, отражающим эффективность проводимых лечебно-оздоровительных мероприятий по итогам профилактических медосмотров, является доля детей, отнесенных к первой и второй группам здоровья. В 2014 году по сравнению с 2013 годом возрос данный показатель на 2,8% (2013 г. – 85,1%, 2014 г. – 87,9%). В то же время незначительно возросло количество детей, отнесенных к пятой группе здоровья (2013 г. – 1,4%, 2014 г. – 1,8%).

Наиболее высокий уровень выявленной патологии по результатам профилактических осмотров в 2014 году отмечен в городах Чебоксары, Новочебоксарск, Канаш, в сельских муниципальных образованиях: Аликовский район, Моргаушский район, Мариинско-Посадский район, Порецкий район, Батыревский район. В 2013 году ситуация в городах была похожей, а в сельских местностях высокий уровень выявленных патологий отмечался в Порецком, Аликовском, Козловском, Чебоксарском и Ибресинском районах.

В 2014 году 3788 обучающихся 20 муниципальных школ обучались во вторую смену: 3 школы сельской местности Алатырского, Ибресинского, Канашского районов и 17 школ городской местности (г. Канаш – 4, г. Цивильск – 1, г. Чебоксары – 10, г. Шумерля – 2). Доля обучающихся, занимающихся в первую смену, в общей численности обучающихся дневных общеобразовательных организаций составило 96,9% (в 2013 году – 97%). Вторую смену удалось ликвидировать в Батыревском районе, в одной школе в г. Чебоксары. Однако появились школы, обучающие во вторую смену, в Ибресинском, Канашском районах, г. Цивильске. Идет процесс увеличения численности детей, обучающихся во вторую смену. В настоящее время в отдельных городских округах, или отдельных общеобразовательных организациях городских округов или муниципальных районов количество обучающихся вследствие влияния демографических и миграционных процессов значительно превышает проектную мощность школ.

Продолжается увеличение расходов на одного обучающегося в муниципальных общеобразовательных учреждениях: в 2014 году по Чувашской Республике по сравнению с 2013 годом оно составило 8,9%.

В Чувашской Республике в 2014 году функционировало 130 организаций дополнительного образования, в том числе: 30 многопрофильных центров, дворцов, домов творчества, 2 станции юных техников, 32 детские школы искусств, 10 музыкальных школ, 4 художественные школы, 36 детско-юношеских спортивных школ, 12 детско-юношеских спортивных школ олимпийского резерва, одна конно-спортивная школа, одна детско-юношеская спортивно-адаптивная школа, одна спортивная школа-центр культуры и здоровья, один физкультурно-спортивный комплекс (2013 год – 130).

По данным муниципальных районов и городских округов дополнительными общеобразовательными программами в 2014 году было охвачено 64,32% детей от общего количества детей в возрасте от 5 до 18 лет (не включая 18 лет) (2013 год – 59%). Наибольший охват дополнительным образованием приходится на Вурнарский, Красноармейский, Ядринский, Янтиковский районы, наименьший – на Красночетайский, Мариинско-Посадский, Шумерлинский районы и город Алатырь.

В Чувашской Республике сеть государственных и муниципальных учреждений культуры включают в себя 537 общедоступных библиотек, 747 культурно-досуговых учреждений, 22 музея с филиалами, 7 парков культуры и отдыха, 661 объект культурного наследия, из них 80 находятся в муниципальной собственности.

По состоянию на 01.01.2015 доля муниципальных учреждений культуры, здания которых находятся в аварийном состоянии или требуют капитального ремонта, в общем количестве муниципальных учреждений культуры составляет 26%. При этом в Батыревском, Канашском, Козловском, Комсомольском, Красноармейском, Красночетайском, Марининско-Посадском, Шемуршинском, Шумерлинском, Яльчикском, Янтиковском районах данный показатель ниже среднереспубликанского и варьируется от 8 до 18,8%, в Аликском, Вурнарском, Ибресинском, Моргаушском, Поречском, Цивильском, Чебоксарском, Ядринском районах – выше среднереспубликанского значения и варьируется от 26,6 до 37,3%. Наихудшая ситуация по состоянию зданий муниципальных учреждений культуры наблюдается в Урмарском районе (42,6%), Ибресинском районе (47,8%) Ю Цивильском районе (58,5%). В городских округах требует капитального ремонта здание Алатырского Дворца культуры (100%), Шумерлинского Дворца культуры «Восход» (100%). В республике реализуются программы по капитальному ремонту и модернизации муниципальных учреждений культуры.

На территории Чувашской Республики находится 661 объект культурного наследия, из них 80 – в муниципальной собственности. Объектов культурного наследия, требующих консервации или реставрации, в общем количестве объектов культурного наследия, находящихся в муниципальной собственности – 8, что составляет 10%. В настоящее время Минкультуры Чувашии совместно с администрациями районов рассматривается вопрос о передаче указанных объектов культурного наследия в аренду предпринимателям.

Главный результат принимаемых мер по развитию массового спорта это приобщение сегодня 37,4% населения Чувашии к систематическим занятиям физической культурой и спортом (РФ – 29%, ПФО – 30,6%). И по данному показателю республика находится в числе передовых регионов России. Среди муниципальных образований по итогам 2014 г. по показателю доли населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом, в тройке лидеров оказались Ибресинский, Канашский и Вурнарский районы. Этому успеху способствует обеспеченность спортивными сооружениями и их доступность. На сегодняшний день в республике в целом более 65 тыс. жителей прошли апробацию тестовых нормативов комплекса ГТО.

Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя Чувашской Республики, составила 25,4 кв.м, в том числе в городской местности – 22,8 кв.м, в сельской местности – 29,6 кв.м. Наибольшая общая площадь жилых помещений в среднем на одного жителя приходится в Красночетайском – 37,9 кв.м, Козловском – 34,2 кв.м, Яльчикском – 33,9 кв.м районах. Наименьшая общая площадь жилых помещений в среднем на одного жителя приходится на г. Новочебоксарск – 20,5 кв.м, среди муниципальных районов – в Чебоксарском районе – 23,2 кв.м.

На территории Чувашской Республики расположено 10113 многоквартирных домов, в которых собственники помещений должны выбрать способ управления данными домами. В настоящее время 10008 многоквартирных домов, в которых собственники помещений выбрали и реализуют способ управления многоквартирными домами, что составляет 97%. Для 105 многоквартирных домов управляющие организации были выбраны по результатам открытого конкурса в таких муниципальных образованиях как: Вурнарский Козловский, Марининско-Посадский, Моргаушский районы и города Канаш, Новочебоксарск, Чебоксары. Все многоквартирные дома, расположенные на территории муниципальных образований, поставлены на государственный кадастровый учет.

В большинстве муниципальных районов и городских округов в 2014 году по сравнению с 2013 годом наблюдается положительная динамика увеличения доли налоговых и неналоговых доходов местного бюджета (за исключением поступлений налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений) в общем объеме собственных доходов бюджета муницип-

ципального образования (без учета субвенций), за исключением Порецкого и Мариинско-Посадского районов и города Новочебоксарска, в которых доля налоговых и неналоговых доходов уменьшилась. По итогам 2014 года наибольшая доля налоговых и неналоговых доходов местного бюджета (за исключением поступлений налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений) в общем объеме доходов бюджета муниципального образования (без учета субвенций) составила в городах Чебоксары (67,1%), Канаш (61,5%) и Новочебоксарск (59,4%).

Кредиторская задолженность по оплате труда (включая начисления на оплату труда) на протяжении 3 лет отсутствует. Средний размер расходов бюджетов муниципальных образований на содержание работников органов местного самоуправления в расчете на одного жителя по муниципальным образованиям по итогам 2014 года составил 764,3 рублей, увеличившись по сравнению с 2013 годом на 5,0%. Рост обусловлен, в основном, повышением с 1 октября 2013 года оплаты труда муниципальных служащих.

Генеральные планы городского округа (схемы территориального планирования муниципальных районов) имеются у всех муниципальных образований.

Удовлетворенность населения деятельностью органов местного самоуправления городского округа (муниципального района) во всех муниципальных образованиях достаточно высока, так в 16 муниципальных районах результат выше 80%. Самый низкий – 62,6% в Моргаушском районе. В городах от 58,5% в г. Новочебоксарск до 85,0% в г. Чебоксары.

Среди муниципальных районов, по мнению населения, выше всех выразили удовлетворенность деятельностью главы муниципального образования жители Шемуршинского района (96,6%), деятельностью главы администрации муниципального образования (100%) Шемуршинского района, организацией транспортного обслуживания больше всего удовлетворены жители Моргаушского района (91,2%), качеством автомобильных дорог (63,3%) жители Алатырского района, жилищно-коммунальными услугами (93,1%) жители Шемуршинского района.

Среди городских округов, по мнению населения, удовлетворенность население высказало в г. Алатыре (76,2%) в области жилищно-коммунальных услуг (хуже всего – в г. Шумерля), в г. Канаше – большая удовлетворенность выявлена в организации транспортного обслуживания (хотя среди городских округов самый высокий уровень имеет город Чебоксары); в г. Новочебоксарске – наибольшую удовлетворенность выразили по деятельности главы администрации муниципального образования.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что в Чувашской Республике есть все предпосылки для оценки модернизации муниципальных образований. Индексация муниципальных образований Чувашской Республики позволит позиционировать каждое муниципальное образование среди других и проиндексировать все виды модернизации.

Итогом явится характеристика каждого муниципального образования с точки зрения модернизированности, что позволит определить эффективность управления и предложить варианты стратегий модернизационного развития для муниципальных образований Чувашии.

Список литературы

1. Семедова-Полупан Н.Г. Некоторые аспекты социокультурной модернизации Чувашии Вестник Омского университета. Серия «Экономика». №3 г.Омск – ФГБОУ ВПО «ОМГУ им. Ф.М. Достоевского», 2015. – С.372 – 381
2. Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика / И.И. Бойко [и др.]; под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой. – Чебоксары, 2015. – 244 с.
3. Официальный сайт государственных органов власти Чувашской Республики – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.cap.gov.ru/>

БАЗИСНЫЕ МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИЕЙ БИЗНЕСА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ¹¹

BASIC MECHANISMS OF MODERNIZATION MANAGEMENT BUSINESS IN THE RUSSIAN REGIONS

Н.В. Кубикова
Natalia V. Kubikova

Курский государственный университет, Курск, Россия
Kursk State University, Kursk, Russia

В статье рассмотрена актуальная тема поиска механизмов социальных изменений для осуществления социального проектирования. Проанализированы доказательства того, что бизнес-сообщество является агентом социальных изменений. В результате построено «колесо» социальных изменений и выявлены модернизационные механизмы изменений.

The article describes the current research topic of social change mechanisms for the implementation of social engineering. We analyzed the evidence that the business community is an agent of social changes. As a result, we have created a "wheel" of social change and modernization mechanisms identified changes.

Ключевые слова: Бизнес, бизнес-сообщество, социальный бизнес, НКО поддержка предпринимательства, общественное движение, социальное воздействие, изменение поведения, коллективное изменение поведения, изменение культуры, изменение социума.

Keywords: Business, business community, social business, non-profit organizations supporting entrepreneurship, social movement, social impact, changes in behavior, collective behavior change, cultural change, a change in society.

Предпринимательство как элемент системы общественного производства является одним из условий социально-экономического развития российского общества, оно играет важную роль в процессах становления и развития рыночных структур, особенно в период кризиса. При этом бизнес не только выступает экономическим агентом, но он также существенно влияет на социально-экологическое состояние общества. В связи с этим в последние годы наблюдается повышение научного интереса к вопросам функционирования данного элемента как в России, так и за ее пределами. Вместе с тем, несмотря на широко признанное мнение о том, что предпринимательство является двигателем экономики, механизмы взаимодействия между развитием предпринимательства и социально-экономическим развитием остаются в недостаточной мере проявленными.

В последние десятилетия отмечен повышенный интерес исследователей к вопросам развития бизнеса в России в целом и в ее регионах в частности. Отметим также, что среди последних поручений Президента Российской Федерации немаловажную роль занимают поручения по созданию программ поддержки и развития малого и среднего бизнеса с целью получения экономического и социального результата [1]. Это свидетельствует о заинтересованности государства в лице его лидера в развитии данного сектора хозяйства. В условиях новых вызовов – потребностей осуществления новой индустриализации страны в обстоятельствах санкций и давления Запада, – российская экономика находится в состоянии замедленного развития, а порой, по сути, стагнации. И только выверенная стратегия и механизмы

¹¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья», № 15-03-00506).

по управлению процессами в экономике и социальной сфере способны привести к росту числа предприятий реального сектора экономики и ускорению темпов развития.

Актуальность данной темы исследования обусловлена необходимостью разработки эффективных механизмов взаимодействия власти, бизнеса и социума для решения экономических и социальных проблем. Современное российское общество, частично утратив социальные ценности и ориентиры, утвержденные в период социализма, до сих пор не получило конкретных проектов взаимодействия различных социальных групп. При этом общество требует социальных изменений, и агентом данных изменений, на наш взгляд, если использовать эффективные механизмы взаимодействия, может стать бизнес. Бизнес имеет уникальную возможность изменять поведение людей, и данный факт необходимо использовать для получения широкого спектра социальных благ общества, а не только экономических. Во многих странах ведутся проекты по созданию социальных изменений, многие транснациональные компании участвуют в данных проектах. В отношении России следует указать на наличие существенных пробелов в данной области.

Наше исследование нацелено на выявление базисных механизмов модернизации, агентом которых является бизнес. Полагаем, что его результаты могут представлять особый интерес для государственных структур, взаимодействующих с бизнесом для проектирования социальных изменений. Изучение механизмов социального воздействия имеет большое значение в проектировании социальных изменений.

Интерес к изучению механизмов социального управления нашел свое отражение в многочисленных исследованиях российских и зарубежных авторов, среди которых назовем таких, как Энтони Гидденс, Петр Штомпка, Пьер Бурдьё, Маргарет Арчер, Владимир Александрович Ядов и др. Но в то же время в российской научной литературе недостаточное внимание уделено социальному проектированию как механизму и способу реализации социальных изменений. В данной работе мы использовали наработки и развили идеи российских и зарубежных авторов относительно вопросов проектирования социальных изменений.

Многочисленные публикации исследователей на тему социальных изменений, агентом которых является бизнес-сообщество, показывают большой диапазон различных мнений относительно механизмов изменений. Но, несмотря на большую массу исследований воздействия бизнеса на поведение социума, мы не увидели реальных продуктов и рекомендаций по созданию проектов изменений. Механизмы взаимодействия лишь описаны, но они не структурированы. Причина недостаточного внимания авторов к исследованиям механизмов социального управления малым бизнесом обусловлена тем, что бизнес в большинстве случаев рассматривается только как агент экономических изменений, в то время как изменения социального порядка не удостоиваются должного внимания.

Целью нашего исследования стало выявление базисных механизмов модернизации. Для ее достижения нами были поставлены следующие задачи: раскрыть компоненты социальных изменений: выявить модернизационные механизмы этих изменений. Нас, в первую очередь, интересовал механизм социальных изменений, происходящих под влиянием бизнеса как агента.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что представители бизнес-сообщества в настоящее время становятся все более активными носителями социальных изменений. Активизировать данные изменения способны адекватные механизмы установления частно-государственного партнерства.

«Мы живем сегодня в эпоху ошеломляющих социальных изменений, отмеченных трансформациями, которые радикально отличаются от трансформаций прежних периодов. Коллапс социализма советского образца, исчезновение глобального биполярного распределения власти, формирование мощных коммуникационных мировых систем, явный триумф капитализма во всем мире...», – с этим высказыванием Э. Гидденса нельзя не согласиться [2, с. 153]. Модернизационные процессы обязаны привести в соответствие отношения бизнеса и социума. Бизнес как агент модернизации своими действиями может изменить поведение людей на благо общества и окружающей среды. Такая социальная инновация способствует доб-

рой воле сотрудников, клиентов и всего общества в целом в создании новых продуктов, отраслей промышленности и новых рынков. Предпринимательство является агентом социальных изменений. Все большее количество руководителей бизнеса осознает, что для устойчивости им необходимо выполнять потребности гражданского общества, что они не могут быть на высоте, если их клиенты не являются устойчивыми.

Государство, следуя данной модели, играет активную роль в инициировании модернизации. По словам П. Штомпки, ускорить модернизационный процесс «способна образованная политическая элита, которая осознает необходимость реформирования общества. Она начинает преобразования «сверху», подкрепляя их пропагандистскими кампаниями, объясняя широким массам выгоды, которые сулит модернизация» [3, с.176]. Государство разрабатывает программы микрофинансирования, поддержки самозанятости, проводятся конкурсы для молодежи, для того чтобы мотивировать предпринимательство среди маргинальных групп населения, генерировать новые бизнес единицы и бизнес идеи. Многие полагают, что бизнес-сообщество имеет уникальную возможность изменить поведение людей, но здесь важно не ошибиться. Следует понять, что бизнес-сообщество, в первую очередь, стремится к увеличению ценности своей компании, привлечению новых клиентов, расширению рынков и возможностей, но при этом далеко не всегда учитывает интересы социума. Задачей данной работы стоит рассмотрение инструментов повышения эффективности модернизации, предлагаемых бизнесом, объяснение условий и действий, ведущих к конструктивным изменениям. В частности, эта работа нацелена на то, чтобы указать на основные сферы социальных изменений, а также раскрыть характеристики превращения организационных мероприятий в модернизационные социальные перемены.

Некоторые теории изменения поведения подчеркивают роль отдельных факторов – таких, как мотивация или способности, в то время как другие рассматривают индивидуума как продукт ситуации, социальной структуры или среды, в которой он находится.

Группой ученых из Центра по исследованию изменения поведения (Centre for Behaviour Change) были проведены исследования изменения поведения в области охраны здоровья. Для проведения исследования была использована разработанная данной командой, система «колеса изменения поведения», в основе которого лежит «COM-B system» – метод изменения поведения с участием трех основных условий: способности, возможности и мотивации. Данный механизм, по словам Susan Michie, образует ступицу «колеса изменения поведения» [4, с.5], вокруг которой располагаются вмешательства. Опираясь на теоретические и практические результаты работы данной группы исследователей, нами было разработано собственное колесо изменения поведения, адаптированное к отечественным условиям. В центре данной системы мы использовали «ступицу» «COM-B system», вокруг которой расположили систему вмешательств.

Мы провели исследование, основным вопросом которого являлся вопрос о том, что мы знаем о социальных изменениях, агентом которых является бизнес-сообщество. Наше внимание было сосредоточено на результатах эмпирических исследований, которые представили доказательства о механизмах и стратегиях достижения коллективных социальных изменений. На первое место при этом вышел акцент на предпринимательской деятельности в качестве средства достижения социальных и институциональных изменений.

Из довольно внушительного потока информационных источников мы сосредоточились на недавних исследованиях, проведенных организациями содействия малому и среднему предпринимательству и социологами в России и, в частности, в Центрально-Черноземном регионе. Особое внимание было уделено результатам полевого исследования комитета потребительского рынка, развития малого предпринимательства и лицензирования Курской области 2016 года, а также результатам проведенного нами контент-анализа.

Мы определили ключевые слова и словосочетания, а также синонимы по трем направлениям (таблица 1):

Таблица 1.

1.	Ключевые слова, связанные с бизнесом	Бизнес, предпринимательство, бизнес-сообщество, организация.
2.	Ключевые слова, связанные с социальным предпринимательством	Социальное предпринимательство, социальный бизнес
3.	Ключевые слова, связанные с новыми социальными движениями	НКО, поддержка предпринимательства, общественное движение, бизнес.
В комбинации с:		
Социальное воздействие, изменение поведения, коллективное изменение поведения, изменение культуры, изменение социума, изменение общественности,		
В комбинации с:		
Механизм, стратегия изменений, логика.		

С целью выявления доказательств связи действий организаций и социальных изменений, мы провели поиск по различным базам данных ключевых слов и словосочетаний, относящихся к механизмам или стратегии социальных изменений. Поиск был проведен по в следующих базах данных: научная электронная библиотека «КИБЕРЛЕНИНКА»; научная электронная библиотека eLIBRARY.RU; электронно-библиотечная система «Издательства «Лань». Также в поиске мы использовали сайты государственных органов, занимающихся поддержкой бизнеса, сайты НКО и крупных российских компаний.

Мы рассмотрели три потока данных. Доказательства того, что определенные действия бизнеса ведут к социальным изменениям. Доказательства того, что определенные действия социальных предпринимателей ведут к социальным изменениям; а также доказательства того, что действия НКО и других некоммерческих организаций ведут к социальным изменениям.

В результате были отобраны 145 материалов, проанализировав которые мы определили основные четыре области изменений:

Экологическое поведение: это активность людей и организаций, которые либо защищают естественную окружающую среду, либо способствуют «здоровью» окружающей среды.

Здоровый образ жизни: действия, которые препятствуют болезням, продлевают жизнь и содействуют физическому и психическому здоровью и благополучию.

Социально-экономическая интеграция: Создание условий включения всех групп населения в экономическую жизнь, снижение уровня бедности.

Гражданская активность: индивидуальные и коллективные действия, направленные на выявление и решение проблем общественной значимости.

Проведенный нами контент-анализ подтвердил, что положительное социальное изменение требует одновременного воздействия трех компонентов изменения поведения: мотивация, способность, возможность. Значит, выбор установки в «ступичу колеса» системы «СОМ-В system» был справедливым. Вокруг ступицы мы распределили систему вмешательств. Общение, давление, стимулирование – как элементы мотивации. Уполномочивание, создание социального капитала и изменение среды являются элементами области возможности. И, наконец, обучение, тренировка, укрепление доверия – элементы области способностей.

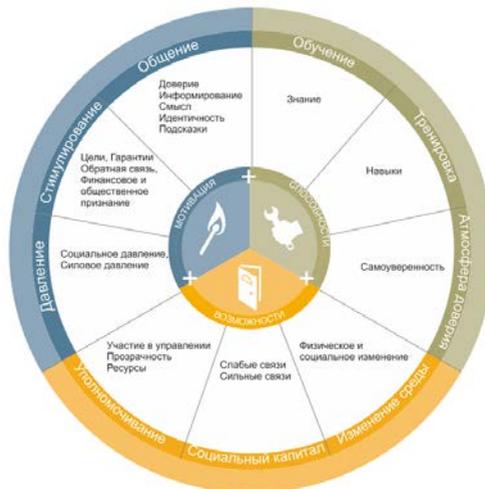

Рисунок. 1. Колесо изменений

Мы также установили 19 механизмов социальных изменений, с помощью которых, бизнес может добиться социальных изменений групп и индивидуумов. На основании вмешательства нами были выявлены 19 модернизационных механизмов изменения поведения (таблица 2).

Таблица 2

Механизмы социального управления

1. Механизмы мотивации	Общение	Завоевание доверия Повышение уровня информированности. Обеспечение смысла и идентичности, создание эмоции. Индивидуализация: Обеспечение подсказок и руководящие указания.
	Давление	Использование социального давления Использование силового давления
	Стимулирование	Установление целей и выявление обязательств. Обеспечение обратной связи Финансовая награда Награда за счет репутации и признания.
2. Механизмы создания возможностей	Настройка структур и ресурсов	Создание инклюзивных структур управления Создание прозрачности Предоставление доступа к ресурсам
	Построение социальных отношений, социального капитала.	Построение отношений (преодоление слабых связей) Создание благоприятных отношений (сильные связи)
3. Механизмы развития способностей.	Реструктуризация среды	Изменение физического или социального контекста
	Самоуверенность	Построение самооффективности и уверенности в себе
	Знание	Повышение знаний и понимания
	Навыки	Формирование навыков

Наше исследование объединило доступные доказательства того, что бизнес может существенно влиять на изменения среди населения. Мы нашли свидетельства о предприятиях, в которых организационные мероприятия привели к социальным изменениям. Мы также включили доказательства, свидетельствующие о том, что социальное предпринимательство, НКО и местные власти имеют возможность построения проектов социальных изменений, и что данные проекты действуют. Например, данные исследования «Социальное предпринимательство Курской области: история успеха», проведенного ассоциацией «Центр поддержки предпринимательства – микрофинансовая организация Курской области», свидетельствуют о том, что коммерческая деятельность предприятий социальной сферы ведет к изменениям в поведении граждан. А именно – изменяется в сторону повышения грамотность дошкольников, доступность реабилитационных услуг, расширяются возможности родителей с маленькими детьми. Социальные предприниматели, часто сталкиваясь с финансовыми проблемами, находят действенные способы объединения создания социальных изменений и получения доходов. В результате чего данные предприятия находятся на переднем крае создания устойчивых социальных изменений. Мы предлагаем такое воздействие на представителей бизнес сообщества, которое будет легко им принято, и не будет нарушать основных целей получения прибыли, а только увеличивать доверие и количество клиентов. Тем самым мы имеем дело с материалами, которые подтверждают фактические изменения, а не намерения.

Мы полагаем, что наше исследование открывает возможности проектирования этапов модернизации в области изменения социального поведения с помощью механизмов изменения поведения, в которые вовлечены бизнес-структуры.

Список литературы

1. Утвержден перечень поручений по итогам заседания госсвета по развитию малого и среднего бизнеса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://asi.ru/news/35272> (дата обращения – 10.06.2015 г.).
2. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
3. Штомпка П. Социология социальных изменений; пер. с англ. М., 1996. 416 с.
4. Michie et al. Implementation Science 2011, 6:42 Режим доступа: <http://www.implementationscience.com/content/6/1/42> (23 April 2011).

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР ПРИГРАНИЧЬЯ
В ФОКУСЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА РЕГИОНА
(НА МАТЕРИАЛАХ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)¹²**

**INTERACTION OF CULTURES IN FOCUS OF SOCIOCULTURAL PORTRAIT OF RE-
GION (ON MATERIALS OF THE SMOLENSK REGION)**

А.И. Винокуров
Alexander Vinokurov

Смоленский государственный институт искусств, Смоленск, Россия
Smolensk Institute of Arts, Smolensk, Russia

В статье представлены результаты апробации возможностей программы и типового инструментария социокультурного портрета в исследовании межрегиональных коммуникаций и взаимодействий регионов западного приграничья на материалах Смоленской области. Показано, что процессы конфликтного взаимодействия регионов вызывают изменения состояний сферы внешнеторгового оборота контактных социумов, меняют формы активности, стратегии и стили жизни людей. Изучение и интерпретация внешнеторговых коммуникаций регионов возможны на основании разных социологических перспектив, в том числе и с использованием теории структурного функционализма Т. Парсонса и теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Особенности межрегиональных коммуникаций и взаимодействий регионов приграничья в условиях пресса санкций Запада показывают степень их влияния на региональный процесс и модель проблемной ситуации, определяют региональные цели развития в проектировании этапов модернизации регионов и муниципалитетов.

The article presents testing results of features and tools of socio-cultural model portrait in the study of interregional communications and interactions western borderland regions on materials of Smolensk area. It is shown that the processes of conflict interaction regions cause changes in the state sphere of foreign trade contact societies, changing forms of activity, strategies and life styles of people. The study and interpretation of foreign communications are possible on the basis of regions of different sociological perspectives, including with the use of theory of structural functionalism (T. Parsons) and theory of communicative action (Y. Habermas). Features of the interregional communications and interactions borderland regions in the conditions of sanctions the press, show the extent of their impact on the regional process and model of the problem situation, define regional development goals in the design stages of the modernization of the regions and municipalities.

Ключевые слова: Социокультурные исследования, социокультурный портрет, межрегиональные коммуникации и взаимодействия, западное приграничье России, внешнеторговый оборот, Смоленская область, конфликтное взаимодействие, стратегическое планирование, проектирование этапов модернизации регионов и муниципалитетов.

Keywords: Social and cultural studies, sociocultural portrait, interregional communication and cooperation, the western border area of Russia's foreign trade turnover, Smolensk region, conflict interaction, strategic planning, design stages of modernization of regions and municipalities.

¹² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-03-00443.

Проблема, рассматриваемая в статье

Проблема затрагивает вопросы исследования стратегий межрегиональных коммуникаций и взаимодействий, коммуникационных потоков западного приграничья России с использованием возможностей программы и типового инструментария социокультурного портрета. Анализ специальной литературы показывает, что исследователи межрегиональных взаимодействий и коммуникаций за рубежом концентрируют внимание на разработке глобальной экспликативной теории пространства социального взаимодействия и рассмотрении конкретных социальных практик межрегиональных коммуникаций, приобретающих в современном мире особую актуальность [1, с.236-246; 2, с.89-98; 3, с.32-34; 4, с.89-100; 5, с.196-204]. В России аспект межрегиональной коммуникации представлен исследованиями социально-экономических, политических, социо- и кросскультурных взаимодействий, их правовом обеспечении как на государственном, так и международном уровнях [5, с.5-10; 7, с.19-26; 8, с.22-27]. Изучение межрегиональных коммуникаций и взаимодействий в начале XXI в. становится все более актуальным по причинам возрастания русофобии и сдерживания России, применения Западом на территориях приграничья конфликтного взаимодействия, технологической геополитической игры с нулевой суммой, где победитель получает столько, сколько проигрывает соперник [9, с.33-40].

Базовая гипотеза

Процессы взаимодействия культур вызывают изменения состояний, качеств, ценностей той и другой культуры, порождают новые формы культурной активности, духовные ориентиры и стили образа жизни людей под влиянием действий, идущих извне. Результаты взаимодействия культур, особенно если их анализировать в рамках краткосрочной ретроспективы, неоднозначны. Оценка этих результатов - достаточно сложная процедура, поскольку нет критериев, позволяющих говорить однозначно о положительных или отрицательных последствиях взаимодействия. Вместе с тем, изучение и интерпретация такого типа взаимодействий и коммуникаций возможно на основании разных социологических перспектив, например с использованием теории структурного функционализма Т. Парсонса, акцентирующей внимание на выявлении и распределении функций между взаимодействующими социальными субъектами (регионами), и теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, предполагающей учет интересов всех коммуникаторов [10, с.245; 11, с.67].

Задача состоит в том, чтобы объективировать общие принципы межрегиональных коммуникаций и взаимодействий, описать характер и показать степень их влияния на региональный процесс. Региональный процесс в данном исследовании представлен показателями внешней торговли Смоленской области в динамике с 2009 года по 2014 год.

Методы исследования:

1. Социокультурный портрет как инструментальный метод репрезентации пространства региона, включающий комплексную оценку и описание социокультурной ситуации и эволюции региона [12, с.8-101].
2. Метод кросс-культурного анализа. Кросс-культурные, или компаративные, исследования проводятся с целью выявления и идентификации подобного (общего, инвариантного) и специфического (различного) в культуре. Они включают в себя сопоставление культурных характеристик как в одном и том же временном интервале, так и межвременной анализ, предполагающий сопоставление показателей в динамике [13, с.11-18].

Результаты исследования, их новизна

Сравнительные исследования внешнеторгового оборота Смоленской области показали следующее: внешнеторговый оборот Смоленской области в 2014 г. составил 2997, 0 млн. долларов США (92,3% к 2013 г.), в том числе экспорт – 1174,5 млн. долларов (88,2%), импорт – 1822,5 млн. долларов (95,1%). Сальдо торгового баланса осталось отрицательным и составило 648,0 млн. долларов (в 2013 г. – 585,4 млн. долларов) (табл.1, рис. 1).

Ограничение внешнеэкономических взаимодействий за счет введения рядом зарубежных государств санкций против России вызвало уменьшение показателей внешней торговли Смоленской области в 2014 г.

Таблица 1

Динамика объёма внешней торговли Смоленской области за период с 2009 по 2014 г., млн. долларов США¹³
Dynamics of the Smolensk region's foreign trade volume for the period from 2009 to 2014, mln. USD

	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Внешнеторговый оборот	1412,8	2065,6	3067,8	3160,2	3247,2	2997
в % к предыдущему году	64,7	146,2	148,5	103	102,8	92,3
Экспорт	655,8	918,7	1459,3	1330,1	1330,9	1174,5
в % к предыдущему году	64,6	140,1	158,8	91,1	100,1	88,2
Импорт	757	1146,9	1608,5	1830,1	1916,3	1822,5
в % к предыдущему году	64,8	151,5	140,2	113,8	104,7	95,1
Сальдо	-101,2	-228,2	-149,2	-500	-585,4	-648
Коэффициент покрытия импорта экспортом, %	86,6	80,1	90,7	72,7	69,5	64,4

Наглядно динамика показателей объёма внешней торговли области представлена на рисунке 1.

Как видим на рисунке 1, в общем объёме товарооборота Смоленской области преобладал импорт: на долю экспорта приходилось 39,2%, на долю импорта – 60,8%. Экспорт в страны дальнего зарубежья в 2014 г. составил 577,5 млн. долларов США. Показатель экспорта уменьшился по сравнению с 2013г. на 7,2%, импорт составил 609,6 млн. долларов США, он тоже уменьшился на 12,0%.

Рис.1. Динамика показателей внешнеэкономического оборота, экспорта и импорта Смоленской области в период с 2009 по 2014 г.

Dynamics of indicators of foreign trade, export and import of the Smolensk region in the period from 2009 by 2014.

²Таблица составлена по данным аналитической записки Смоленскстата «Внешняя торговля Смоленской области в 2014 году». – Смоленск, Смоленскстат, 2015. 10 с.

Экспорт в страны СНГ составил 597,0 млн. долларов США, что меньше на 15,7% по сравнению с 2013 г., импорт – 1212,9 млн. долларов США (меньше на 0,9%). Сальдо торгового баланса с государствами-участниками СНГ сложилось отрицательное и достигло 615,9 млн. долларов США, со странами дальнего зарубежья тоже отрицательное – 32,1 млн. долларов США.

Основными торговыми партнерами Смоленской области в 2014 г. были государства-участники СНГ, доля которых во внешнеторговом обороте составила 60,4% (в 2013г. – 59,5%), в том числе в экспорте – 50,8% (53,2%), в импорте – 66,6% (63,8%). Экспорт товаров уменьшился, в 2014 г. общий объем экспорта составил 1174,5 млн. долларов США, что на 11,8% ниже уровня 2013 г. Основную долю в объеме экспорта в 2014 г. занимали прочие товары (в основном за счет того, что в данную группу входят драгоценные камни, металлы и изделия из них) – 32,3% (в 2013 г. – 31,7%). Уменьшилась доля продукции химического производства (с 32,0% до 28,5%), эта группа товаров в 2014 г. заняла второе место в экспорте области. Доля черных и цветных металлов и изделий из них уменьшилась с 10,6% до 9,2%. В то же время существенно увеличилась доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья - с 4,5% в 2013 г. до 7,3% в 2014 г.

Импорт товаров Смоленской области в 2014 г. характеризовался уменьшением объемов поставок, по сравнению с 2013 г. его объем уменьшился на 4,9% и составил 1822,5 млн. долларов США. Уменьшение импорта по сравнению с экспортом привело к увеличению доли импорта во внешнеторговом обороте области (с 59,0% в 2013 г. до 60,8% в 2014 г.) и, соответственно, привело к увеличению отрицательного сальдо торгового баланса с 585,4 млн. долларов США в 2013 г. до 648,0 млн. долларов в 2014 г.

В товарной структуре импорта в 2014 г. продолжала увеличиваться доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья. По сравнению с 2013 г. их объем увеличился на 2,9% и составил в 2014 г. 487,9 млн. долларов США. Данная группа товаров заняла лидирующую позицию в областном импорте. Увеличилась доля импорта продукции химического производства (с 13,5% до 15,4%). В 2014 г. наблюдалось уменьшение доли импорта машин, оборудования и транспортных средств (с 27,8% в 2013г. до 25,6% в 2014 г.), древесины и целлюлозно-бумажных изделий (с 6,3% до 5,7%). Основными поставщиками товаров в 2014 г. оставались государства-участники СНГ (1212,9 млн. долларов США). На их долю приходилось 66,6% общего объема поставок.

Смоленская область сохраняет тесные торговые связи с Республикой Беларусь, которая на протяжении последних лет занимает лидирующую позицию в списке торговых стран-партнеров. В 2014 г. на ее долю приходилось 37,0% общего объема экспорта области и 64,1% всех импортных поставок. Внешнеторговый оборот Смоленской области с Республикой Беларусь в 2014 г. составил 1602,5 млн. долларов США, что на 4,8% меньше, чем в 2013 г. Общий объем товаров, направленных в Республику Беларусь в 2014 г., составил 434,9 млн. долларов США, что меньше, чем в 2013 г., на 14,3%. Как и в предыдущие годы, наиболее востребованными товарами остаются металлы и изделия из них (23,2% всего экспорта в Республику Беларусь), машины, оборудование, транспортные средства и их части (24,0%), продукция химического производства (14,1%).

Из Республики Беларусь в область в 2014 г. поступило товаров на общую сумму 1167,6 млн. долларов США, что на 0,7% меньше, чем в 2013 г. Импорт из Республики Беларусь в 2014 г. более чем в 2,5 раза превысил экспорт. В 2014 г. Смоленская область в основном закупала в Республике Беларусь продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье – 32,6% общего импорта (в 2013г. – 29,6%). Из Республики Беларусь на Смоленщину в 2014 г. было завезено 21,8 тыс. тонн мяса и мясных субпродуктов, 80,3 тыс. тонн молочной продукции и яиц птицы, 27,3 тыс. тонн овощей. На долю машин, оборудования, транспортных средств и их частей приходилось 18,6% всего импорта (в 2013 г. – 21,1%). Кроме этого из Республики Беларусь в Смоленскую область завозились строительные материалы, нефтепродукты, одежда, мебель, игры и спортивный инвентарь.

По разным оценкам экспертов, недополученная прибыль стран, поддержавших торговое эмбарго в отношении России, составила более \$60 млрд., причем страны ЕС несут 76,7% всех потерь от ограничений на торговлю, а 78,1% от упущенной прибыли европейских стран относится к товарам, не подпадающим под действие установленного РФ эмбарго.

Таким образом, организованный западом процесс санкций вызвал в Смоленской области в 2014 г. разнонаправленные изменения внешнеторговых взаимодействий с регионами России и мира: объём экспорта традиционных товаров экспорта Смоленщины – драгоценных камней, металлов и изделий из них, продукции химического производства – уменьшился; зато в объёме экспорта существенно увеличилась доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья.

В товарной структуре импорта доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья увеличилась, она заняла лидирующую позицию в областном импорте; увеличилась также доля импорта продукции химического производства, а вот доля импорта машин, оборудования и транспортных средств, древесины и целлюлозно-бумажных изделий уменьшилась. Основными поставщиками товаров в Смоленскую область оставались государства-участники СНГ.

Характер влияния прессы санкций на региональный процесс Смоленской области проявился в следующих показателях :

- уменьшении доли экспорта продукции химического производства, драгоценных камней, металлов и изделий из них, продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья;

- увеличении доли импорта во внешнеторговом обороте области продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, продукции химического производства;

- уменьшении доли импорта машин, оборудования и транспортных средств, древесины и целлюлозно-бумажных изделий.

Степень влияния прессы санкций – высокая, в объёме внешней торговли Смоленской области в 2014 г. уменьшилась не только доля экспорта, но и доля импорта. Внешнеторговые взаимодействия в условиях санкций Смоленской области с Республикой Беларусь, самым близким партнером Смоленщины, в 2014 г. изменились. Общий объём товаров, направленных в Республику Беларусь в 2014 г. стал меньше, чем в 2013 г. на 14,3%.

Распределение функций взаимодействующих субъектов, согласно теории структурного функционализма Т. Парсонса, оказалось таким: Смоленщина закупает, а Беларусь продаёт товары. Импорт из Республики Беларусь превышает экспорт. Импорт составили продовольственные товары, строительные материалы, нефтепродукты, одежда, мебель, игры и спортивный инвентарь, тогда как доля машин, оборудования, транспортных средств и их частей уменьшилась.

Как следует из теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, предполагающей учет интересов всех коммуникаторов, недополученная прибыль сторон порождает потребность в новых формах экономической, управленческой активности, вызывает необходимость разработки новых стратегий межрегиональных коммуникаций и взаимодействий.

Практическое значение результатов

Результаты наших исследований показывают, что изучение и интерпретация внешне-торговых коммуникаций регионов возможны с использованием теории структурного функционализма Т. Парсонса и теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Особенности межрегиональных коммуникаций и взаимодействий регионов приграничья в условиях прессы санкций проявляют новые зоны стратегического видения: модель проблемной ситуации, изменения регионального процесса, региональные цели развития для проектирования этапов модернизации региона и муниципалитетов. Отрадно отметить, что в 2015 году на территории Смоленской области начата реализация новых 20 социально значимых инвестиционных проектов, таких как:

- «Строительство животноводческого молочно-товарного комплекса на 6000 фуражных голов КРС со шлейфом» ЗАО «Золотая нива» (Дорогобужский район);
- «Строительство трех животноводческих ферм по содержанию КРС мясного направления и одного животноводческого комплекса по содержанию КРС мясного направления с производственным объектом (логистическим центром)» (агропромышленный холдинг «Мираторг») (Рославльский район);
- «Строительство молочно-товарной фермы на 2880 фуражных голов крупного рогатого скота» ООО «АлЮр» (Сафоновский район);
- «Строительство мясоперерабатывающего завода» ООО «Гагарин-Останкино»;
- «Создание растениеводческой базы с выходом на реализацию продукции растениеводства. Строительство современного комплекса хранения зерна» АО «Агропромышленная фирма «Наша житница» (Гагаринский район);
- «Строительство тепличного комплекса по производству овощных культур в Гагаринском районе, производство растительных масел из рапса и подсолнечника мощностью до 48 тысяч тонн в год в Рославльском районе» и др.

Кроме того, в Гагаринском районе была введена в эксплуатацию вторая очередь ООО «КРОЛЬ и К» – кролиководческой фермы мощностью 500 тонн мяса кроликов в год, одной из крупнейших в России.

Исследовательская Программа Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», руководителем и координатором которой является член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор Н.И. Лапин, может быть успешно применена в организации территориального планирования по принципу «снизу – вверх», от стратегий развития муниципальных образований – к стратегиям развития регионов. Новые зоны стратегического видения указывают на важность разработки стратегий развития местных сообществ, программ содействия молодежного предпринимательства, создания научных парков и инкубаторов, выбору направлений прямых иностранных инвестиций, разработки и внедрения новых технологий, укрепления научных связей региональных университетов, вовлечения жителей региона в принятие решений по ключевым вопросам муниципального развития.

Список литературы

1. Аванесова Г.А., Теория локальных цивилизаций и практика глобальных межкультурных взаимодействий // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 1. С. 236-246.
2. Тангалычева Р.К. Межкультурная коммуникация и аккультурация (опыт зарубежных исследований) // Социологические исследования. 2015. №7. С. 89-98.
3. Панова Л.Н. Теория локальных культур Н. Данилевского и О. Шпенглера (сравнительный анализ) // Вестник МГУКИ. 2012. №4(48). С. 32-34
4. Писачкин В.А. Теория жизненного пространства в социологии // Регионоведение. 2016. №1. С. 89-100.
5. Карнаухова О.С. Мультикультурализм как парадигма постколониального развития (британская модель) // Личность. Культура. Общество. 2007. № 4(30). С. 196-204.
6. Лапин Н.И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. 2015. №1. С. 5-10.
7. Ромашкина Г. Ф. Процессы модернизации в регионах Уральского федерального округа // Социологические исследования. 2015. №1. С. 19-26.
8. Делокатор К.Х. Моделирование межкультурного диалога в условиях глобализации // Обсерватория культуры. 2015. № 5. С.22-27.
9. Вердиханова З.В. «Цветные революции»: теории и технологии // Регионоведение. 2016. №1. С. 33-40.
10. Парсонс Т.О. О структуре социального действия // Академический проект. 2000. С. 245.

11. Хабермас Ю. Моральное создание и коммуникативное действие // Пер. с нем., под ред. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2001. С. 67.

12. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010) / Н.И.Лапин, Л.А.Беляева // М., Институт философии РАН, 2010. С.8-101.

13. Беспямятных Н.Н. Методология крос-культурного анализа: базовые концепты, направления и перспективы исследований // Наука. Релігія. Суспільство. 2008. №1. С. 11-18.

**КАЧЕСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И УРОВЕНЬ
МОДЕРНИЗИРОВАННОСТИ ХОЗЯЙСТВА РЕГИОНА****THE QUALITY OF HUMAN CAPITAL AND THE MODERNIZATION LEVEL
OF REGIONAL ECONOMY**

Ю.А. Дьячкова
Yulia A. Dyachkova

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Новосибирск, Россия
Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Статья представляет результаты сравнения качества человеческого капитала для Новосибирской, Омской областей и Красноярского края. Для выявления качества был проведен кластерный анализ на базе опроса, составленного ЦИСИ ИФ РАН. Кластерный анализ качества человеческого капитала позволил выделить пять различных кластеров в составе неоднородного по качеству человеческого капитала: «лидеры» качества человеческого капитала, «теряющие» качество человеческого капитала, «завышающие» качество человеческого капитала, «дезорентированные» относительно качества человеческого капитала и «аутсайдеры» качества человеческого капитала. Портретные характеристики групп, выявленных в трех сибирских областях, практически совпали, хотя при этом не совпали удельные веса выявленных групп в составе населения регионов. Иными словами, качество человеческого капитала в регионе зависит от представленности выявленных групп в составе его занятого населения.

The article discusses the results of the comparison of human capital of Novosibirsk, Omsk and Krasnoyarsk regions. In order to assess the quality of human capital we conducted a cluster analysis based on a survey created by the Center of Sociocultural Studies at the Institute of Philosophy. Our cluster analysis allowed us to distinguish five different clusters in the heterogeneous human capital: the "leaders" of human capital quality, "losing" the quality of human capital, "overrating" the quality of human capital, "disorientated" in regards to the quality of human capital, and the "outsiders" of the quality of human capital. The characteristics of groups identified among the population of three Siberian regions matched almost completely, yet the unit weight of those groups differed. In other words, the quality of human capital within a region depends on the representation of groups identified among the working population.

Ключевые слова: Человеческий капитал, модернизация общества

Keywords: Human capital, modernization of society

Введение. Успехи постиндустриальной экономики базируются на качестве и величине не вещественного, а человеческого капитала. Именно он и его качество в современном обществе становится высшей ценностью и главным фактором дальнейшей экономической модернизации страны. Классификация человеческого капитала по уровню его качества позволит точнее сформулировать задачи модернизации для разных регионов и определить направления повышения качества человеческого капитала населения.

Гипотеза. В рамках исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» выяснено, что в России существует 4 типа регионов: высокоразвитые, развитые, среднеразвитые и отстающие. Каждый из которых находится на разных стадиях экономической модернизации. Представляется, что различия в уровне модернизированности регионов определяются различиями в качестве человеческого капитала.

Результаты. Кластерный анализ методом к-средних проводился на основании трех переменных: здоровье (переменная q5 «Как Вы оцениваете состояние своего здоровья»), материальное положение (переменная q28 «Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует материальное положение сегодня – Ваше, Вашей семьи?»), образование (переменная q57 «Ваше образование?»). Удалось выявить 5 кластеров (социальных слоев), каждый из которых занимает разные удельные веса в конкретном областном сообществе.

Первый кластер в Новосибирской области (НСО) составляет 22 % в выборке. Эту группу отличает лучшее относительно других материальное положение и высокий уровень образования. Это - *лидеры качества человеческого капитала*. Основная масса *лидеров* - это работники умственного труда: врачи, преподаватели, работники культуры, юристы. *Лидеры* характеризуются позитивными взглядами на жизнь. Две трети группы удовлетворены своей жизнью, более половины уверены в своем будущем, несмотря на имеющиеся сомнения в качестве этих улучшений. Их отличает богатая и насыщенная культурная жизнь. Они чаще остальных регулярно посещают кинотеатры, театры, музеи. Большое значение кластер *лидеров* отдает предприимчивости и инициативности, также они считают, что сделали себя сами, что смотрится весьма логичным, учитывая их уровень жизни. Представители данного слоя чаще остальных являются членами таких организаций, как партии, профсоюзы и другие общественные организации.

Таблица 1

Конечные центры кластеров

Характеристики кластеров	Кластер				
	«Лидеры» качества человеческого капитала	«Теряющие» качество человеческого капитала	«Завышающие» качество человеческого капитала	«Дезориентированные» в отношении качества человеческого капитала	«Аутсайдеры» качества человеческого капитала
Здоровье	1 здоровые	4 хроническое заболевание	1 здоровые	2 редко болеющие	3 часто болеющие
Материальное положение	4 обеспеченные	3 не обеспеченные	3 не обеспеченные	2 бедные	2 бедные
Образование	6 неполное высшее	5 среднее специальное	2 незаконченное среднее	5 среднее специальное	2 незаконченное среднее
Размер кластера	22	14	25	16	23

Второй кластер в НСО численно самый небольшой около 14 % от всей массы респондентов. Это группа людей, *теряющих качество человеческого капитала*. Уровень их образования несколько ниже, чем у первого, но также большинство составляют индивиды со средним специальным (41%) и высшим (25%) образованием. Материальная обеспеченность этой группы снижается, но большинство люди среднего достатка (половине респондентов хватает на повседневные нужды, но для крупных покупок нужно брать в долг). Уровень здоровья кластера *теряющих* самый низкий: 72 % респондентов имеют хроническое заболевание. Вероятно, именно это обстоятельство мешает им перейти в кластер *лидеров качества человеческого капитала*, много средств необходимо для поддержания своего здоровья. Здесь тоже много работников умственного труда. *Теряющие* удовлетворены жизнью (57%), но не знают чего ожидать от будущего (38%). Около 70 % кластера составляют женщины, а возраст этой группы в основном пенсионный.

Четверть от всего числа опрошенных в НСО составил третий кластер. Это индивиды, *завышающие качество собственного человеческого капитала*. Их отличает низкий уровень образования и хорошее здоровье. Это люди среднего и более высокого достатка, которые,

несмотря на низкий уровень образования, смогли приспособиться и сейчас удовлетворены своим положением. Это группа отличается оптимизмом. Половина респондентов данного кластера причисляет себя к среднему социальному слою, даже в рамках целой страны. Они же реже других причисляют себя к нижнему слою. Профессиональный состав слоя, *завышающих* качество своего человеческого капитала, состоит в основном из пенсионеров, сельских жителей, также в этом кластере достаточно большое количество студентов, т.е. тех, кто еще только начал реализовывать свой человеческий капитал. Две трети группы *завышающих* удовлетворены своей жизнью. Несмотря на то, что третий кластер считает, что жизнь — это основная человеческая ценность, он почему-то чаще других считает, что существуют обстоятельства, которые позволяют лишить человека этой ценности. Это кардинально отличает кластер *завышающих* от остальных. Также они высоко ценят властный ресурс и считают допустимым применять его для давления на остальных. Культурные предпочтения *завышающих* схожи с общими для всех категорий предпочтениями, но им не часто удается посещать культурные учреждения. В основном это женщины. Возрастные группы представлены одинаково почти все, кроме среднего возраста (34-55), которых чуть меньше, чем остальных. Очень много в группе *завышающих* вдовых, практически четверть респондентов.

Четвертый кластер – это бедная интеллигенция и рабочие. В нашем случае это слой людей, *дезорientированных относительно качества человеческого капитала*. Большинство в кластере *дезорientированных* имеет достаточно высокий уровень образования: среднее специальное (60%), незаконченное высшее и даже высшее (14%), хороший уровень здоровья, но при этом их отличает весьма скудное материальное положение (39% бедные). Слой *дезорientированных* не смог воспользоваться преимуществом в образовании, не смог применить его к нынешней ситуации, поэтому застрял на весьма низком уровне дохода. Это в основном рабочие, врачи, преподаватели, работники культуры, работники сферы услуг. Четвертый кластер – это кластер с самыми молодыми респондентами. Возможно, низкий уровень качества человеческого капитала для молодежи кластера – временное явление и у них еще имеются возможности, чтобы перейти в высокостатусную группу населения. Четвертый кластер, как кластер с самым молодым составом, выделяется большим количеством людей, которые живут вместе, не оформив официальный союз и холостыми гражданами. Культурные предпочтения кластера *дезорientированных* во многом схожи с представителями первой группы лидеров качества человеческого капитала. Они с той же частотой посещают пассивные места проведения досуга (кинотеатры, дискотеки, цирк), но существенно отстают от лидеров качества в активном отдыхе. Возможно, им не хватает денег на столь частые посещения культурных событий, а может дело в том, что они в силу их дезориентированности не осознают позитивной роли такого отдыха. Для них предпочтительнее, не принимать активного участия в процессе, они хотят быть лишь пассивными наблюдателями (в отличие от теряющих качество ЧК, которые имеют сходные предпочтения в активном досуге с лидерами качества).

Таблица 2

Способы проведения свободного времени различных кластеров НСО – 2012 год

Досуг	Лидеры	Теряющие	Завышающие	Дезориентированные	Аутсайдеры	Всего
Активный						
регулярно	20	15	–	2	6	9
изредка	104	86	42	53	9	59
Пассивный						
регулярно	7	–	3	8	1	4
изредка	47	22	34	33	24	32

Ценности *дезорientированных* направлены на личность человека, на его свободу, избегая традиционности и цена предприимчивость. *Дезориентированные* участвуют в общественной жизни (18 % члены профсоюзов) и создании новых услуг и продуктов. Несмотря на,

казалось бы, неплохое образование и работу, на современные ценности, разделяемые представителями группы дезориентированных, они в основном имеют пессимистические настроения: половина его представителей не удовлетворены своей жизнью и треть не уверены в своем будущем и не ожидают никаких изменений, касающихся их будущего.

Большую часть пятого кластера *аутсайдеров качества человеческого капитала* составляют сельские жители, пенсионеры и рабочие. Всего в нем представлено 23 % населения Новосибирской области. Человеческий капитал кластера аутсайдеров самый низкокачественный. *Аутсайдеры* выделяются тяжелым материальным положением (58% нищие) и низким уровнем образования. Состояние здоровья в кластере *аутсайдеров* неоднородно, большинство (30 %) составляют люди с хроническими заболеваниями. Кластер *аутсайдеров* отличается спокойным отношением к жизни. Представители кластера аутсайдеров чувствуют себя крайне неуверенно относительно собственного будущего. Большинство *аутсайдеров* не ожидают того, что в их жизни произойдут какие-либо изменения. Только в кластере *аутсайдеров* мужчин оказывается больше, чем женщин. Возраст в основном пенсионный и большое количество вдовух. *Аутсайдеры* имеют весьма низкий уровень интереса к культурным развлечениям. Возможность подобных развлечений может быть ограничена не только по финансовым соображениям, но и из-за ориентации на другие виды отдыха, например, сидение перед телевизором.

Проверка гипотезы о влиянии качества человеческого капитала на уровень модернизованности хозяйства требует сравнения результатов кластерного анализа человеческого капитала регионов с разными уровнями модернизованности. Для сравнения мы выбрали регионы, расположенные по соседству с НСО. Омская область имеет срединный уровень модернизованности, первичная модернизация достигла фазы зрелости. Новосибирская область и Красноярский край находятся на уровне модернизованности выше срединного. Первичная модернизация достигла фазы перехода в Новосибирской области, а в Красноярском крае фазы зрелости. Исходя из этого можно ожидать, что и качество человеческого капитала регионов будет различным. Самое высокое качество человеческого капитала должно обнаружиться в Новосибирской области, среднее в Омской, а низкое в Красноярском крае.

Таблица 3

Регион	Кластер				
	Лидеры	Теряющие	Завышающие	Дезориентированные	Аутсайдеры
Новосибирская область	22	14	25	16	23
Омская область	34	12	17	25	12
Красноярский край	39	14	18	17	17

Оказалось, что:

- Самое высокое в Красноярском крае, в котором почти 40% составляют лидеры качества человеческого капитала.
- Самое низкое в Новосибирской области, где больше всего аутсайдеров качества человеческого капитала.
- Кластеры, которые выделились в результате анализа, практически одинаковые, но удельные веса у них различные.
- В Омской области почти четверть массива опрошенных составили дезориентированные относительно качества человеческого капитала, которых мы предлагаем называть потенциальными лидерами качества человеческого капитала из-за их уверенности в будущем и в целом лучшего социального самочувствия по сравнению с дезориентированными относительно качества человеческого капитала в Новосибирской области.

Различия в портретных характеристиках кластеров, полученные на основе кластерного анализа, позволяют конкретизировать задачи, стоящие перед населением различных кластерных групп областей (регионов). В Красноярском крае, где доминируют *лидеры* первоочередной задачей является повышение качества человеческого капитала в других кластерах. В Омской области необходимо улучшать материальное положение *лидеров*. Для *дезорientированных*, которые являются потенциальными лидерами, возможно, стоит наладить систему, оповещающую о возможностях карьерного роста и о перспективных отраслях применения их высокой квалификации. Новосибирской области стоит обратить внимание на большой удельный вес *аутсайдеров*, которые составляют почти четверть от всего населения области. В Новосибирской области они имеют плохое здоровье и это в основном пожилые вдовы мужчины рабочей специальности. Здесь имеется много направлений улучшений их социального самочувствия. Это и здоровье, и материальное положение, и социализация через создание семьи.

Заключение. Таким образом, в результате проведенного исследования гипотеза о том, что качество человеческого капитала определяет уровень модернизированности региона не подтвердилась. Оказалось, что анализа различий в качестве человеческого капитала недостаточно, чтобы объяснить разницу в уровнях модернизированности каждой области. Новых исследований требуют выявленные несоответствия качества человеческого капитала региона и уровня модернизированности его хозяйства. Например, Омская область имеет самый низкий уровень модернизированности и самое низкое значение индекса вторичной модернизации среди рассмотренных областей, несмотря на достаточно высокое качество человеческого капитала. А Новосибирская область, напротив, при высоком уровне модернизированности – невысокое качество человеческого капитала.

Список литературы

1. Крыштановский А. О. Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS: учеб. пособие для вузов / Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. — 281 с.
2. Лапин Н. И. Стадии и уровни модернизации регионов России // Система информационно-аналитических ресурсов по инновационной и технологической тематике. - URL : <http://www.innclub.info/wp-content/uploads/2012/08/лапин.doc>
3. Лапин Н.И., Беляев Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация - 2010). М., МФРАН, 2010.
4. Наследов А. Д.SPSS: Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. — СПб.: Питер, 2005. —416 с
5. Новосибирская область в зеркале социологии: культурный капитал и инновационный потенциал населения в контексте модернизации: колл. монография/ отв.ред. В.И. Игнатьев; науч. ред. Е.Б. Мостовая. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. – 264 с.

ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
РЕГИОНОВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА¹⁴

DYNAMICS OF VOLGA FEDERAL DISTRICT'S
REGIONS' POPULATION ECONOMIC ACTIVITY¹⁵

А.М. Исупов
Andrey M. Isupov

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара, Россия
Samara National Research University named after academician S.P. Korolev, Samara,
Russian Federation

В статье выявлено, что Нижегородская и Самарская области обладают достаточной численностью экономически активного населения для успешного социально-экономического развития. Нижегородский и Самарский регионы характеризуются высокой долей занятого населения, высоким образовательным уровнем как занятых, так и безработных. В рассматриваемый период численность экономически активного населения в Нижегородской и Самарской областях обладает волнообразной динамикой. В Пермском крае соответствующая динамика имеет более устойчивый отрицательный характер. Подчеркнуто, что решению проблемы структурного дисбаланса на рынках труда рассмотренных регионов может способствовать функционирование части их экономик в составе кластеров.

The article reveals that the Nizhni Novgorod and the Samara region have a sufficient number of the economically active population for successful socio-economic development. The Nizhni Novgorod and the Samara regions are characterized by a high proportion of the working population, the high educational level of both employed and unemployed people. During the reviewed period, the number of economically active population in the Nizhni Novgorod and the Samara regions has a wave-like dynamics. In Perm Kray corresponding dynamics has more sustainable character. It was emphasized that solving the problem of structural imbalance in the labor markets of reviewed regions may be contributed by the functioning of their economies parts in clusters.

Ключевые слова: экономически активное население, Пермский край, Нижегородская область, Самарская область, занятость, безработица, динамика.

Keywords: economically active population, Perm kray, Nizhni Novgorod, Samara region, employment, unemployment, dynamics.

Экономическая активность населения является важнейшей составляющей процессов как первичной, так и вторичной модернизации социально-экономических отношений в регионе [1, с. 195 – 196]. В настоящей публикации предпринята попытка проследить динамику экономической активности жителей Пермского края, Самарской и Нижегородской областей как важнейшей составляющей процесса модернизации социально-экономических отношений в регионах. Для анализа выбраны именно три вышеуказанных субъекта Российской Федера-

¹⁴ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант РГНФ15-13-63004 «Социокультурный портрет Самарской области: эволюция и модернизация региона».

¹⁵ The work is implemented with financial support of Russian Foundation for Humanities, grant RFH15-13-63004 "Socio-cultural portrait of the Samara region: evolution and modernization of the region".

ции, поскольку они наиболее близки по основным социально-экономическим показателям из регионов Приволжского федерального округа, таким, как численность населения, валовой региональный продукт на душу населения, соотношение основных видов деятельности в региональной экономике.

Гипотезой настоящей статьи является предположение, что три региона, сходные по своим основным социально-экономическим характеристикам, характеризуются однонаправленной динамикой экономической активности населения. При написании статьи применялись такие методы исследования, как сравнительный и структурный анализ, метод аналитических таблиц, статистический метод.

В результате проведенного исследования было выявлено, что Нижегородская и Самарская области обладают достаточной численностью экономически активного населения для успешного социально-экономического развития, хотя динамика численности экономически активного населения при этом имеет неустойчивый характер. Динамика численности экономически активного населения Пермского края более устойчива, но она может быть охарактеризована как отрицательная, т.к. экономически активное население в основном сокращалось.

Численность экономически активного населения Самарской области за последние 15 – 20 лет растет и в 2014 г. составила 1758 тыс. человек, или 70,4 % от численности всего населения региона, относящегося к возрастной группе 15 лет – 72 года. Это выше, чем в Российской Федерации (68,9%) и в Приволжском федеральном округе (68,4%). Динамика численности экономически активного населения Самарской области выгодно отличается от Пермского края и Нижегородской области. Так, за период 2000 – 2014 гг. численность экономически активного населения Пермского края сократилась с 1429 до 1284 тыс. человек, Нижегородской области – с 1857 до 1776 человек.

Уровень безработицы в Самарской области в 2014 г. составил 3,0% и являлся одним из самых низких по сравнению с предшествующими годами (см. Таблицу 1). Этот уровень является одним из самых низких в Российской Федерации (5,2%), а в Приволжском Федеральном округе (4,5%) – самым низким. Соответственно, в Пермском крае реальная безработица, рассчитанная по методологии Международной организации труда, составила 5,8%, а в Нижегородской области – 4,2%.

Таблица 1.

Динамика экономической активности населения, занятости и безработицы в регионах Приволжского федерального округа
Dynamics of economic activity, employment and unemployment in Volga Federal district regions

Годы	Экономически активное население, тыс чел.	Уровень экономической активности, %	Численность занятого населения, тыс чел.	Численность безработных, тыс чел.	Уровень общей безработицы, %
Пермский край					
2000	1429	65,5	1319,3	152	10,6
2005	1419	65,7	1318,9	99	7,0
2007	1436	67,1	1343,4	94	6,5
2008	1447	67,8	1339,1	123	8,5
2010	1402	68,4	1295,5	117	8,3
2014	1284	64,5	1262,0	75	5,8
Нижегородская область					
2000	1857	66,8	1658,5	144	7,8
2005	1801	66,4	1748,9	107	6,0
2007	1818	68,0	1760,9	83	4,5
2008	1804	68,0	1765,9	102	5,6
2010	1779	68,4	1710,9	138	7,7
2014	1776	70,4	1677,7	75	4,2

Годы	Экономически активное население, тыс чел.	Уровень экономической активности, %	Численность занятого населения, тыс чел.	Численность безработных, тыс чел.	Уровень общей безработицы, %
Самарская область					
2000	1705	66,8	1470,5	174,8	10,3
2005	1728	68,0	1579,0	92	5,3
2007	1790	70,5	1592,8	76	4,3
2008	1787	70,4	1591,1	74	4,2
2010	1756	68,7	1509,4	101	5,8
2014	1758	70,4	1506,7	53	3,0

Источник: составлено автором на основе: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B03_14/Main.htm. Табл. 3.6, 3.10, 3.15; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 100, 102, 118, 126, 136; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – С. 76, 78, 82, 150, 160; СамараСтат. Рынок труда. Режим доступа: http://samarastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/samarastat/ru/statistics/employment/.

По данным Министерства труда, занятости и миграционной политики Самарской области, в 2015 г. уровень зарегистрированной безработицы (определяемый по данным Федеральной службы по труду и занятости) на конец года снизился по сравнению с другим кризисным годом, 2009 г. почти в 2 раза и составил 1,49% [2].

В Пермском крае в 2014 г. уровень зарегистрированной безработицы на конец 2015 г. оказался несколько выше, 1,88%. Он был выше, также ненамного, в 2009 г. – 3,4%. В Нижегородской области сложились наиболее благоприятные показатели из рассматриваемых регионов, соответственно, 0,62% и 2,0%.

Состав безработных Самарской области по уровню образования позволяет сделать вывод о том, что большинство из них имеет среднее общее и среднее профессиональное образование. Аналогичная структура безработных по уровню образования наблюдается в Пермском крае и Нижегородской области.

В Самарской области, в связи с индустриальным характером экономики и востребованностью инженерно-технических кадров наибольшим спросом пользуются специалисты с высшим профессиональным образованием и высококвалифицированные рабочие [1, с. 125]. При этом хотелось бы отметить, что по уровню образованности Самарская область превышает средние показатели по Российской Федерации и Приволжскому федеральному округу [3, с. 77]. Структура экономик Пермского края и Нижегородской области также отличается индустриальным характером, в обоих регионах наибольшим спросом у работодателей пользуются квалифицированные рабочие [4; 5].

В ряде видов деятельности регионов произошло уменьшение доли занятых в 2014 г. по сравнению с 2005 г. К ним относятся: сельское хозяйство, обрабатывающие производства, в том числе машиностроение, металлообработка и другие виды промышленности, т.е. основные отрасли народного хозяйства.

Одновременно наблюдается рост доли занятых прочими видами деятельности. В государственных органах и органах местного самоуправления в 2014 г. по сравнению с 2005 г. численность работников в рассматриваемых субъектах Российской Федерации увеличилась [6, с. 110 – 134, 179].

В условиях усиливающейся интеграции экономик Российской Федерации и ряда стран Европы, Азии, а также нахождения Российской Федерации во Всемирной торговой организации, необходима реструктуризация экономики, следует более активно внедрять в производство новые, инновационные технологии, обновлять производительные силы. В этом заключается основа экономического роста в Нижегородской и Самарской областях, тем более что они являются лидирующими регионами по инновационному развитию среди субъектов Российской Федерации Приволжского федерального округа, уступая только Республике

Мордовия. Пермский край отстает, в частности, по индикатору объема отгруженных инновационных товаров, выполненных работ и услуг [1, с. 177 – 179, 6, с. 1008, 1014].

Предприятия частной и акционерной формы собственности стали преобладающими экономическими акторами в Пермском крае, Нижегородской и Самарской областях. На них занято большинство экономически активного населения регионов.

По состоянию на 29 июня 2016 г. центры занятости населения Самарской области располагали информацией о наличии 37675 вакансий. В Пермском крае насчитывалось 21885 вакансий, в Нижегородской области – 25504 вакансии. Во всех трех субъектах Федерации выявлена такая особенность рынка труда, как превышение числа вакансий над числом безработных [7 – 11]. Это говорит о том, что предлагаемые рабочие места не удовлетворяют безработных либо по условиям оплаты труда, либо по режиму работы, существует проблема структурного дисбаланса спроса и предложения на рынке труда. Решению указанной проблемы может способствовать дальнейшее развитие хозяйственной системы рассматриваемых в настоящей статье регионов в составе кластеров [12 - Аудит и финансовый анализ. – 2012. - №3. – С. 405; Исупов, А.М. Организационно-экономический механизм государственного регулирования авиастроительного кластера Самарской области / А.М. Исупов // Основы экономики, управления и права. – 2012. – №5. – С. 57, 59; Исупов, А.М. Совершенствование государственной поддержки автомобильной промышленности (на примере Самарской области) / А.М. Исупов, С.А. Мартышкин // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2010. - №5 (79). – С. 28; Исупов, А.М. Совершенствование механизма функционирования авиастроительных кластеров: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук 08.00.05 / А.М. Исупов. – Оренбург, 2014. – 225 с.; Исупов, А.М. Формирование Концепции развития промышленных кластеров (на примере авиационной промышленности): Монография / А.М. Исупов. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. – С. 67 – 71.]. Вместе с тем можно сказать, что население Пермского края, нижегородской и Самарской областей адаптировалось к последствиям реформ и структурным изменениям экономики.

Таким образом, динамика численности экономически активного населения в Нижегородской и Самарской областях носит волнообразный характер. В Пермском крае данный показатель имеет отрицательную направленность. При этом уровень экономической активности населения в Нижегородской и Самарской областях сложился выше, чем в Пермском крае. Самая низкая регистрируемая безработица зафиксирована в Нижегородской области. Рассмотренные регионы обладают примерно одинаковой структурой безработных по уровню образования, а также структурой спроса на рабочую силу. Также во всех трех субъектах Российской Федерации за период 2005 – 2014 гг. произошло примерно одинаковое изменение структуры занятости населения по видам экономической деятельности.

Список литературы

1. Самарская область. Социокультурный портрет: / А.М. Исупов, И.В. Карпов, С.А. Мартышкин, Д.В. Прохоров, В.М. Цлаф, Д.М. Шабунин. Под ред. С.А. Мартышкина, Д.М. Шабунина. – Самара: Издательство «Глагол», 2012. – 320 с.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B03_14/Main.htm. 02.06.2016.
3. Самарастат. Рынок труда. Режим доступа: http://samarastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/samarastat/ru/statistics/employment/
4. Государственное регулирование экономики (на примере Самарской области) / Сост. Мартышкин С.А., Тюкавкин Н.М., Смолякова Ю.В., Гурьянова Е.С. – Самара: Изд-во «Универс-групп», 2009. – 165 с.
5. Мониторинг спроса и предложения рабочей силы // <http://czn.nnov.ru/ru/301/700/>
6. Статистика рынка труда // <http://szn.permkrai.ru/statistic/arkhiv-statistiki/filter/0/2015/0/>
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

8. Фильтр статистики вакансий региона. URL: <http://trud.samregion.ru/home/seekrab/statvac.aspx>
9. Ситуация на рынке труда Самарской области. URL: <http://trud.samregion.ru/Home/activity/PokazDeyat/Analit.aspx>
10. Динамика оперативных данных о деятельности Агентства по занятости населения Пермского края за период с 23 по 30 июня 2016 года. URL: <http://szn.permkrai.ru/statistic/arkhiv-statistiki>
11. Еженедельный анализ банка вакансий Нижегородской области. URL: <http://czn.nnov.ru/ru/301/669/670>
12. Мониторинг регистрируемой безработицы. URL: <http://czn.nnov.ru/ru/301/981/316>
13. Анисимова, В.Ю. Кластерная система как фактор повышения инвестиционной привлекательности нефтедобывающего комплекса региона / В.Ю. Анисимова // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: межвузовский сборник научных трудов. – 2012. - №2. – С. 3 – 10.
14. Исупов, А.М. Модель и содержание этапов развития Нижегородского авиастроительного кластера / А.М. Исупов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2014. – Выпуск 5. Часть I. – С. 42 – 51.
15. Исупов, А.М. Организационно-экономический механизм государственного регулирования авиастроительного кластера Самарской области / А.М. Исупов // Основы экономики, управления и права. – 2012. – №5. – С. 57 – 68.
16. Исупов, А.М. Совершенствование государственной поддержки автомобильной промышленности (на примере Самарской области) / А.М. Исупов, С.А. Мартышкин // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2010. - №5 (79). – С. 27 – 33.
17. Исупов, А.М. Совершенствование механизма функционирования авиастроительных кластеров: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук 08.00.05 / А.М. Исупов. – Оренбург, 2014. – 225 с.
18. Исупов, А.М. Специфика и проблемы функционирования кластерных объединений в авиационной промышленности / А.М. Исупов // Аудит и финансовый анализ. – 2012. - №3. – С. 402 – 410.
19. Исупов, А.М. Формирование Концепции развития промышленных кластеров (на примере авиационной промышленности): Монография / А.М. Исупов. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. – 236 с.
20. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 996 с.
21. Самарастат. Рынок труда. Режим доступа: http://samarastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/samarastat/ru/statistics/employment/.

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС В ИЕРАРХИИ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РАЙОННЫХ ЦЕНТРОВ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ¹⁶

THE HOUSING ISSUE IN THE HIERARCHY OF TOPICAL ISSUES OF THE ASTRAKHAN REGION DISTRICT CENTERS

Е. В. Каргаполова, Д. П. Ануфриев
E. Kargapolova, D. Anufriev

Астраханский архитектурно-строительный университет, Астрахань, Россия
Astrakhan architecture and construction University, Astrakhan, Russia

В статье на основе анализа результатов конкретного социологического исследования рассматриваются проблемы обеспеченности жильем и жилищно-коммунального хозяйства районных центров Астраханской области.

The article, based on the results of the analysis of a particular case study, deals with the problems of housing and issues of housing and utilities of the district centers of the Astrakhan region.

Ключевые слова: *жилище, жилищный вопрос, жилищно-коммунальное хозяйство, регион, муниципалитет, районный центр.*

Keywords: *housing, housing and utilities, region, municipality, district center.*

Обеспечение населения жильем, соответствующим современным представлениям об удобстве и комфорте, является важнейшей задачей построения социального государства и правового общества [1–3]. В 40-й статье Основного закона Российской Федерации – Конституции – провозглашено право каждого гражданина на жилище. Таким образом, изучение широкого круга проблем, связанных с потребностями и возможностями приобретения и обслуживания жилья, является стратегически важным [4–8]. В одном из субъектов Российской Федерации – Астраханской области – подобное исследование проводится в режиме мониторинга Лабораторией социально-психологических исследований Астраханского государственного архитектурно-строительного университета под руководством Д. П. Ануфриева [более подробно см.: 9–13]. Первая волна мониторинга была проведена в декабре 2012 г. (N = 700), вторая – в марте 2013 г. (N = 690), третья – в ноябре 2013 г. (N=700), четвертая – в апреле 2014 г. (N=700), пятая – в ноябре 2014 г. (N=600), шестая – в марте 2015 г. (N=1200), седьмая – в ноябре 2015 г. (N=1200), восьмая – в марте 2016 г. (N=700). Технические параметры исследования следующие: исследование проводилось методом анкетирования по месту жительства; выборка стратифицированная, квотно-маршрутная; котируемые признаки – пол, возраст, тип поселения региона; погрешность выборки – 3 %. Кроме того, в марте-мае 2015 г. было проведено конкретное социологическое исследование методом анкетирования, в котором также затрагивалась жилищная проблема. Были опрошены жители областного центра – г. Астрахань, а также всех районных центров Астраханской области (N=6000). Обработка и анализ данных осуществлялся с использованием Vortex 8.

В ряду заданных вопросов респондентам предлагалось оценить по 10-балльной шкале степень значимости тех проблем, решение которых представляется им важным для улучшения социальной обстановки в населенном пункте по месту проживания. Среди вариантов ответов, предложенных астраханцам, – нехватка рабочих мест, безработица, паде-

¹⁶ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект 16-03-00463 «Динамика социально-экономического развития региона как гетерархической системы»).

ние производства, развал экономики; упадок сельского хозяйства; низкий уровень зарплаты, пенсий; несвоевременность выплат заработной платы, пенсий, пособий; рост цен на продукты и товары первой необходимости; работа общественного транспорта; медицинское обслуживание (качество, платность); качество и доступность высшего и среднего образования; развитие культуры и спорта, организация досуга; проблемы молодежи, подрастающего поколения; наркомания и наркоторговля; проблема преступности, обеспечения личной безопасности граждан; пьянство, алкоголизм; загрязнение окружающей среды, экология; произвол, бездействие властей, коррупция; кризис морали, нравственности; увеличение числа нищих, бомжей, бродяг, беспризорных детей; произвол милиции, ГАИ БДД; отношения между людьми, озлобленность; проблема межнациональных отношений; а также повышение цен на услуги ЖКХ; жилищная проблема; благоустройство, чистота города (села, поселка); жилищно-коммунальное хозяйство (энерго-, водоснабжение, подача тепла и т.п.).

Анализ результатов показал, что жилищная проблема в целом по региону в рейтинге социальных проблем оказалась на втором месте (8,6 баллов по 10-балльной шкале) с ничтожным отрывом (в 0,1 балла) от первого места, на котором увеличилось число нищих, бомжей, бродяг, беспризорных детей (см. табл. 1). На третьем месте также с ничтожным отрывом от второго – нехватка рабочих мест, безработица (8,5 балла). Таким образом, в первой тройке проблем и коренная причина, и одно из самых печальных последствий обострения жилищной проблемы.

Как наиболее значимую жилищную проблему оценивают в селах Енотаевка и Икряное (по 9 баллов, 1-е и 1–3-е места в рейтинге социальных проблем муниципального образования соответственно), в малом городе Камызяк, селах Красный Яр и Началово (по 8,7 баллов, 1-е, 2-е и 4–5-е места соответственно). По этой проблеме нельзя выделить какой-то районный центр, в котором средневзвешенная балльная оценка была бы существенно ниже, чем в среднем по региону.

С минимальным отрывом в 0,1 балла от первых трех мест четвертое место (8,4 балла) в целом по региону в перечне проблем занимает повышение цен на услуги ЖКХ. Более значимо, чем в среднем по региону, эта проблема оценивается жителями малого города Харабали, сел Икряное и Началово (по 9 баллов, 2-е, 1–3-е и 2-е места соответственно), Енотаевка (8,8 баллов, 2-е место), поселка Володарский и села Черный Яр (по 8,7 балла, 1–2-е и 1-е место соответственно), существенно ниже – жителями малых городов Нариманов (8 баллов, 22–24-е место) и Камызяк (6,8 баллов, 25-е, последнее место в рейтинге проблем муниципального образования).

Тринадцатое–пятнадцатое место (по 8 баллов) в целом по Астраханской области (наряду с такими социальными проблемами как упадок сельского хозяйства и отношения между людьми, озлобленность) занимает проблема благоустройства, чистоты города (села, поселка). Эта проблема наиболее значима для жителей малых городов Ахтубинск (8,8 баллов, 1-2-е место) и Нариманов (8,4 балла, 5–10-е место), наименее значима – в селах Черный Яр (7,7 балла, 15–17-е место), Началово (7,5 баллов, 21-е место) и городе Харабали (7,4 балла, 20–21-е места).

С восемнадцатого по двадцать второе место (по 7,7 баллов) в среднем по региону в рейтинге располагаются следующие проблемы: падение производства, развал экономики; качество и доступность высшего среднего образования; наркомания и наркоторговля; произвол, бездействие властей, коррупция; а также жилищно-коммунальное хозяйство (энерго-, водоснабжение, подача тепла и т.п.). Проблема жилищно-коммунального хозяйства принимает наибольшее значение в г. Нариманов (8,4 балла, 5–10-е место) и с. Началово (8,3 балла, 9–11-е место); наименьшее значение – в с. Черный Яр (7,3 балла, 24–25-е место) и с. Икряное (7 баллов, 23-е место).

Таблица 1
Ответы астраханцев на вопрос «Оцените по степени значимости по 10-балльной шкале те проблемы, решение которых представляется Вам важным для улучшения социальной обстановки в Вашем населенном пункте»

The responses of the inhabitants of the Astrakhan region on the question "Please rate in order of importance on a 10-point scale those problems that you consider important for improving the social environment in your community"

Варианты	Повышение цен на услуги ЖКХ		Жилищная проблема		Благоустройство, чистота города (села, поселка)		Жилищно-коммунальное хозяйство (энерго-, водоснабжение, подача тепла и т.п.)	
	баллы	место	баллы	место	баллы	место	баллы	место
г. Астрахань	8,4	5	8,5	4	7,9	17-25	8,2	9-10
г. Ахтубинск	8,5	5	8,6	4	8,8	1-2	7,8	18-19
г. Камызяк	6,8	25	8,7	1	8,1	6-7	7,7	16-19
г. Нариманов	8,0	22-24	8,4	5-10	8,4	5-10	8,4	5-10
г. Харабали	9,0	2	8,4	5-6	7,4	20-21	7,8	10-14
ПГТ Лиман	8,5	8	8,4	10-14	8,1	19-20	7,6	24
пос. Володарский	8,7	1-2	8,5	3-5	8,1	10-12	7,8	19
с. Енотаевка	8,8	2	9,0	1	8,1	10	7,5	18
с. Икряное	9,0	1-3	9,0	1-3	8,0	14	7,0	23
с. Красный Яр	8,4	4-6	8,7	2	8,0	11-13	7,6	20
с. Началово	9,0	2	8,7	4-5	7,5	21	8,3	9-11
с. Черный Яр	8,7	1	8,5	5	7,7	15-17	7,3	24-25
Астраханская область	8,4	4	8,6	2	8,0	13-15	7,7	18-22

Необходимо отметить, что в перечне проблем предлагалось 25 наименований и в среднем по всем районным центрам Астраханской области важность их решения оказалась в интервале 7,4–8,7 баллов (с учетом ответов во всех конкретных муниципальных образованиях – 6,5–9,3 балла). То есть все предложенные проблемы по степени их значимости преодолели рэперную пятибалльную отметку, причем преодолели со значительным отрывом.

По интервалу оценок степени важности проблем, связанных с обеспеченностью и обслуживания жилищ, благоустройства антропогенной среды, по конкретным районным центрам «плотность» результатов получена следующая:

- 0,6 баллов: жилищная проблема (8,4–9 баллов, 1–10-е места) (наряду с нехваткой рабочих мест, безработицей и развитием культуры и спорта, организацией досуга (по 8–8,6 баллов, 5–17-е места));

- 1 балл: повышение цен на услуги ЖКХ (8–9 баллов, 1–25-е места) (наряду с работой общественного транспорта (7,8–8,8 баллов, 4–16-е места), ростом цен на продукты и товары первой необходимости (7,7–8,7 баллов, 1–19 места));

- 1,3 балла: благоустройство, чистота города (села, поселка) (7,5–8,8 балла, 1–25-е места) (наряду с увеличением числа нищих, бомжей, бродяг, беспризорных детей (8–9,3 балла, 1–24-е места), загрязнением окружающей среды, экологией (6,8–8,1 баллов, 17–25-е места));

- 1,4 балла: жилищно-коммунальное хозяйство (энерго-, водоснабжение, подача тепла и т.п.) (7–8,4 балла, 5–25-е места).

Можно предположить, что чем больше плотность ответов по какой-либо проблеме, тем острее она стоит для астраханцев и носит институциональный, общероссийский или общерегиональный характер. Чем меньше плотность ответов, тем больше вероятность, что ее решение является задачей органов власти конкретного муниципального образования.

Таким образом, по плотности ответов можно сказать, что системный характер носит проблема обеспеченности жильем. В современной России за последние десять лет доля ветхих и аварийных жилых зданий увеличилась более чем в два раза. Показатель замещения такого жилья от общего объема этих помещений остается в пределах 2 %, что существенно ниже темпов роста жилья в этом секторе. При этом с 1990 г. объем капитального ремонта, который может предотвратить рост ветхого жилого фонда, сократился в шесть раз [источник: 14–16]. Износ объектов коммунальной инфраструктуры составляет в среднем 60%, что приводит к суммарным потерям в тепловых сетях на уровне 30%, а утечки и неучтенный расход воды при транспортировке – 60% от общего объема воды, поданной в сеть [источник: 17, с. 13]. Кроме того, «расчеты показывают, что более 90 % прироста жилищной обеспеченности в постсоветской России произошло за счет сокращения населения, а не за счет увеличения жилищного фонда» [18].

В Астраханской области жилищная проблема имеет ярко выраженный региональный профиль и стоит более остро, чем по Российской Федерации в целом. Так, в регионе общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, хотя и выросла за период 1990–2014 гг. с 14,9 до 22,7 кв. м, но продолжает уступать среднероссийским показателям (23,7 кв. м). Доля ветхого и аварийного фонда в общей площади всего жилого фонда составляет 8,5 %, что превышает аналогичные показатели в среднем по Российской Федерации (2,7 %) и Южному федеральному округу (1,6 %) [источник: 19]. В жилищах ветхого и аварийного фонда проживает каждый пятый житель областного центра.

По результатам восьми волн мониторинга только каждый пятый-восьмой опрошенный (13–19 %) ответил, что проживает в новом жилье, около половины (45–56 %) оценили состояние своего жилья как «не новое, но в хорошем состоянии», каждый третий-четвертый – «старое, но можно нормально жить» (25–32 %), 2–6 % астраханцев – «ветхое, опасно жить».

По результатам последней волны мониторинга на вопрос «Нуждается ли Вы в улучшении жилищных условий?» 58% опрошенных ответили «нуждаюсь». Но низкие доходы являются препятствием для улучшения жилищных условий путем его приобретения: только примерно каждый четвертый из числа опрошенных (28 %) ответил «нуждаюсь и планирую улучшить», причем также для четверти (25,4%) респондентов этот вопрос стоит дос-

таточно остро, так как они планируют улучшить жилищные условия в ближайший год. Самую значительную долю опрошенных (30 %) составляют те, кто нуждается в улучшении жилищных условий, но не имеет для этого финансовой возможности. Около 14 % опрошенных уже не надеются на приобретение жилья в пределах Астраханской области, и этот показатель является самым большим за весь период исследования.

Судя по самооценке гражданами своего материального положения, только 2 % опрошенных (это минимум за весь период исследования) не затруднены в средствах и могут позволить себе покупку квартиры. При этом количество «нищих» составляет 14%. Эта группа населения, у которой с большой долей вероятности проблема обеспечения жильем стоит наиболее остро, но самостоятельно, без государственного софинансирования они эту проблему они решить не смогут. Кроме того, до минимума за весь период исследования снизилось количество «зажиточных» и составило 21,7%. То есть снижается доля той группы населения, которая при определенных условиях (банковской ставке кредита, ипотеки и т.п.) наряду с богатыми могла приобрести жилье. Это будет приводить к снижению хозяйственной активности в области строительства в регионе.

Что касается второй по «плотности» оценок проблемы – роста тарифов на услуги ЖКХ, то количество респондентов, у которых оплата жилищно-коммунальных услуг в общей структуре расходов семьи составляла до 20 %, снизилось на 10 %. Соответственно рост цен на тарифы в ЖКХ также повлиял на уменьшение доли тех астраханцев, которые могли откладывать сбережения на крупные покупки, такие как квартира.

Что касается последних двух проблем, то они связаны друг с другом – благоустройство городов и сел является результатом деятельности служб жилищно-коммунального хозяйства. На вопрос «Как Вы считаете, комплекс строительства и жилищно-коммунальных хозяйства Астраханской области работает лучше или хуже, чем в соседних регионах?» количество ответивших «В нашем регионе комплекс жилищно-коммунальных услуг работает лучше, чем в соседних регионах» хотя и увеличилось с 6 до 12 %, но все равно составило наименьший кластер выборов. Число выборов варианта «В нашем регионе комплекс жилищно-коммунальных услуг работает хуже, чем в соседних регионах» снизилось на 5 % (с 29,9 до 24 %), то есть налицо позитивная динамика, которая требует дальнейшего изучения. Но наибольший кластер выборов (32 %) на сегодняшний момент составляет вариант «По сравнению с одними регионами у нас комплекс жилищно-коммунальных услуг работает лучше, а по сравнению с другими – хуже», при этом количество затруднившихся ответить составило 27,3%. Эти ответы в какой-то степени подтверждают нашу гипотезу о том, что эффективность работы служб жилищно-коммунального хозяйства зависит во многом от деятельности конкретных людей в конкретных муниципальных образованиях, так как социальные взаимодействия в сфере ЖКХ в ходе десятилетий рыночных преобразований так и не приобрели устойчивый, самовозобновляющийся (институционализированный) характер.

Таким образом, ответы астраханцев свидетельствуют об остроте жилищного вопроса в регионе, а также об эффективности деятельности служб жилищно-коммунального хозяйства в регионе. Темп роста цен на жилье и тарифы ЖКХ, значительно превышающий среднедушевые доходы, не позволяет большинству населения Астраханской области полноценно действовать на рынке жилья и затрудняет развитие регионального жилищно-строительного комплекса. Для повышения эффективности управления этим процессом требуется социальная репликация в данном секторе экономики путем воссоздания государственных предприятий строительного комплекса.

Список литературы

1. Карасев Г. Г. Социально-экономический аспект реформирования жилищной сферы крупного российского города : дис. ... канд. соц. наук. М., 2000. 146 с.
2. A practical guide for conducting : housing profiles. UN–Habitat, 2011. 100 с.
3. Tibaijuka A. K. Building Prosperity. The Centrality of Housing in Economic Development. London : UN–Habitat, 2009. 289 с.

4. Ануфриев Д. П. Управление строительным комплексом как социально-экономической системой: постановка проблемы // Промышленное и гражданское строительство. 2012. № 8. С. 8–10.
5. Данилов С. В. Давыденко В. А. Доступность жилья для молодой семьи в российском регионе // Вопросы управления. 2013. № 2(4). С. 79–83.
6. Лихобабин В. К., Убогович Ю. И. Пути совершенствования жилищно-коммунального комплекса // Научный потенциал регионов на службу модернизации. Межвузовский сборник научных статей с международным участием. Астрахань: АИСИ, 2011. С. 58–62.
7. Современный российский регион: оценка состояния и тенденции развития / Д. П. Ануфриев, А. Ю. Арясова, Л. В. Боронина, Е. С. Дегтярева, Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов, Е. В. Каргаполова, Н. А. Овчар, В. В. Токарев. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. 185 с.
8. Ускова Т. В., Барабанов А. С. Жилищно-коммунальное хозяйство муниципалитета. Состояние, проблемы, тарифное регулирование. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013.
9. Ануфриев Д. П. Региональный жилищно-строительный комплекс: проблемы эффективного управления // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия. 2015. №2. С. 23–28.
10. Ануфриев Д. П. Жилище как элемент социально-экономической системы региона (опыт прикладного исследования) // Вестник МГСУ. Научно-технический журнал по строительству и архитектуре. 2014. № 2. С. 87–196.
11. Качество жизни населения: оценка состояния и пути улучшения : монография / Д. П. Ануфриев, В. А. Алешкин, Л. В. Боронина, Е. В. Каргаполова, Н. В. Купчикова, О. В. Рубальский, П. Н. Садчиков; под общ. ред. Л. В. Борониной. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2015. 156 с.
12. Регион: пространство смыслов и содержание / Д. П. Ануфриев, А. Ю. Арясова Е. О. Беликова, Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова, И. Н. Наумов, В. А. Парамонова, М. А. Симоненко, В. В. Токарев В.В.; под общ. ред. Н. В. Дулиной, Е. В. Каргаполовой. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. 294 с.
13. Kargapolova E., Anufriev D., Boronina L., Svintsov V., Muhanov R. Transformation Of Housing And Communal Services Of Modern Russia // Advanced Materials Research Vols. 1073–1076 (2015). Pp. 2602–2605.
14. Белкина Т. Д., Минченко М. М, Ноздрин Н. Н., Протокалистова Л. В., Щербакова Е. М. Мониторинг состояния и проблем развития городов России в годы реформ // Проблемы прогнозирования. 2011. № 2. С. 83–102.
15. Жилищное хозяйство и бытовое обслуживание населения в России. 2008. М., 2008.
16. Левашов В. И. Трансформация жилищно-коммунальной сферы современной России: состояние и пути оптимизации. Социологический анализ: дис. ... д-ра соц. наук. М., 2004. 396 с.
17. Любовный В. Я., Сдобнов Ю. А. Города России: тенденции, проблемы, возможные пути развития и совершенствования управления // Сборник материалов по проблемам развития городских агломераций в странах СНГ к научно-практической конференции «Научные и практические аспекты формирования городских агломераций». М.: Минрегионразвития, 2011. С. 10–21.
18. Гусев А. Б. Доступность жилья в России и за рубежом: сравнительный анализ. URL: http://Urban-Planet.org/articl_8.html (дата обращения: 20.08.2013).
19. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2015 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm (дата обращения: 11.07.2016).

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕСТНОЙ ЭЛИТЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА НОВОСИБИРСК)

THE ESTIMATION OF FEATURES OF FORMATION AND FUNCTIONING OF VARIOUS GROUPS OF LOCAL ELITES IN REPRESENTATIONS OF THE INHABITANTS OF THE MUNICIPALITY (THE EXAMPLE OF THE CITY OF NOVOSIBIRSK)

А.С. Коломенская, А.П. Корчагина, А.Д. Соловьева
A.S. Kolomenskaya, A.P. Korchagina, A.D. Solovyeva

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия
Novosibirsk state technical university, Novosibirsk, Russia

В рамках данной работы выявляются представления жителей города Новосибирска о составе местной элиты, основных выполняемых ею функциях, профессиональных, деловых и личностных качествах, необходимых для доступа в соответствующие круги. В качестве эмпирического материала выступают данные анкетного опроса и экспертных интервью.

In the framework of this paper identifies the views of residents of the city of Novosibirsk on the composition of the local elite, professional, business and personal qualities necessary for access to the relevant circles, the main functions of elite communities. As the empirical material consists of data of questionnaire survey and expert interviews.

Ключевые слова: местная элита, формирование и функции местной элиты

Keywords: local elite, formation and functions of the local elite.

Введение

В реализации политического процесса существенная роль отведена деятельности различных групп элит, являющихся субъектами подготовки и принятия стратегически значимых решений. Элитарные группы обладают самостоятельными ресурсами влияния (включая экономические, политические, административные, социальные, личностные и пр.), позволяющими реализовывать вменяемые им функции. Основными среди таковых являются формирование и представление групповых интересов различных слоев населения, разработка стратегии и тактики развития общества и воплощение в жизнь политических решений, мобилизация граждан для решения общественно-значимых задач, стабилизация общественных отношений и процессов, а также консолидация общества в условиях растущей дифференциации населения и нарастания международной напряженности.

В целом, можно сказать, что элитарные группы составляют совокупности лиц, включенные в структуру власти и, таким образом, непосредственно осуществляющие функции управления, либо, обладающие возможностями оказывать влияние на эти структуры, и на формирование общественного мнения.

Принято разделять федеральный (общегосударственный) и региональный уровни формирования и функционирования элитарных групп, хотя, в условиях российской действительности, не менее важной оказывается активность элит в масштабе федеральных округов (межрегиональный уровень) и на уровне отдельных муниципальных образований (локальный уровень или, так называемые, «местные элиты»). Роль последних, в самом общем виде, сводится к решению вопросов местного значения, отстаиванию интересов местного сообщества на региональном уровне, а также развитию микропотенциала локальной территориальной общности.

Элитарные группы различного уровня, их внутренняя организация и структура, механизмы формирования и рекрутирования, а также взаимодействия различных групп элит, их влияние на политические, экономические и социальные процессы в обществе составляют, главным образом, предметное поле политологии. Вместе с тем, едва ли не наибольшее значение при характеристике деятельности элитарных групп имеют оценки ее эффективности остальной массой населения, формируемые, часто, лавинообразным образом, на основе целого ряда латентных факторов. Установление последних и получение обобщенного представления населения о деятельности элитарных групп возможно уже в рамках социологических исследований.

Кроме того, группы элит являются центрами сил, не только конкурирующими между собой в различных сферах влияния, но и привлечением электората в предвыборные периоды, используя его в качестве объекта воздействия актора, а также соучастника социальных процессов и явлений.

Таким образом, целью данной статьи является выявление особенностей формирования и функционирования различных групп местных элит в представлениях жителей муниципального образования г. Новосибирска.

Обзор литературы

В настоящее время появляется все больше научных трудов, направленных на изучение особенностей формирования элитарных сообществ, их внутренней структуры и способов функционирования на различных уровнях организации общества.

В частности, проблемы формирования элитарных групп в России (с учетом особенностей советского и постсоветского периодов) отражены в работах таких отечественных ученых, как А.Г. Здравомыслов, Ж.Т. Тощенко, Л.М. Григорьев, М.В. Ильин, О.В. Крыштановская, В.Г. Ледяев, Л.А. Беляева, О.В. Гаман-Голутвина и др.

Так, проблему трансформации советской элиты в постсоветскую во многих своих работах рассматривает О.В. Крыштановская. При анализе трансформационных процессов, происходивших в элитарных кругах с 80-х годов и до настоящего момента, Крыштановская выделила в каждой когорте (брежневская, горбачевская, ельцинская) «отраслевые» элитные группы, которые, хотя и отличались (иногда весьма существенно) в разные периоды, но, все же, являются структурами, наследующими определенные политические функции [4, с. 51].

Тему перехода советских элит в принципиально новую ипостась на основе современной стратификации российского общества затрагивает Л.А. Беляева [1], отмечая, что для современного социума в качестве главного социально-дифференцирующего фактора выступает реальная многоукладность отношений собственности, то есть факторы экономического характера, а не сословно-иерархическая структура, как во времена СССР.

Исследования современных региональных элитарных групп представлены в работах И.Б. Кабыткиной, И. А. Ветренко, А.В. Понеделкова, М.А Казакова, Н.А. Пономаренко, М.А. Гущиной и др.

Так, Н.А. Пономаренко, анализируя изменение структуры элит, этапы ее дробления, институционализацию и консолидацию, указала на формирование новой модели взаимодействия региональной правящей элиты с федеральным центром. Она отметила выстраиваемую систему взаимоотношений, «основанную на принципе сдержек и противовесов, что предполагало проведение политики взаимных уступок и давления» [6, с. 68].

Интересный ракурс рассмотрения проблемы формирования политической элиты представлен в работах И.Б. Кабыткиной [3], которая связывает данный процесс со становлением в России гражданского общества, одними из ключевых функций которого, в таком случае, являются социализация политической элиты и создание условий ее рекрутизации.

Социальные характеристики молодежи, как будущих носителей элитарного статуса, рассматривает М.А. Гущина [2], считая, что именно молодежный слой должен сыграть свою роль в изменении качественного состава региональной элиты и повышении эффективности ее деятельности.

В настоящее время все большую значимость приобретает такая элитарная группа как местная элита, которая сама по себе редко является объектом отдельных исследований и сливается, обычно, с более широким понятием – региональная элита. Однако, благодаря деятельности данного звена элитарной цепочки территориального масштаба, происходят изменения на локальном, местном уровне и принимаются важные решения, касающиеся жизни населения в отдельных территориальных образованиях.

Работы, посвященные данной тематике, можно встретить у таких авторов, как: О.В. Устинова, Н. А. Пегин, Ю. П. Савицкая, А.А. Лежебоков, Л.Г. Бызов, Е.А. Когай, Е.А. Власова, Е.Н. Гоголева, С.В.Кочнев, А.А. Шубина, И.Н. Горячев, И.Н. Трофимова и др.

Роль региональной элиты в становлении местного самоуправления исследовал Н.А. Пегин [5], акцентируя внимание на особенностях взаимодействия двух типов политической элиты региона: социальных сетей государственной власти и лидеров местного самоуправления. В частности, его исследование направлено на выработку безконфликтных механизмов их взаимодействия на одной территории в ходе реализации своих политических полномочий.

Как подметил Р.Ф. Туровский, об элите местного уровня, обладающей властными ресурсами, обычно говорится в довольно узком смысле, предполагая необходимость включения в ее состав лишь высших должностных лиц субъектов федерации (очень часто в работах политологов именно губернаторский корпус и его политическое позиционирование ассоциируются с региональными элитами в целом). Однако как в группу региональной, так и местной элиты, по мнению политолога, также необходимо включать «фигуры, не занимающиеся непосредственно политической деятельностью, однако косвенно оказывающие влияние на политический процесс» [7, с. 664]. К ним относятся «лидеры общественного мнения, представители интеллектуальной элиты, просто уважаемые люди, которые влияют на общественные настроения и таким образом воздействуют на процесс принятия политических решений, осуществляемый властным истеблишментом» [7, с. 664].

Таким образом, активное изучение отечественными учёными различных групп элит и их уровней указывает на актуальность данной проблематики во многих областях науки: социологии, экономики, политологии, регионоведении и др.

Базовая гипотеза исследования

В представлении жителей, основанием формирования различных групп местной элиты является совокупность личностных качеств, обладание различными видами ресурсов, доступ к власти и принадлежность к категории государственных служащих. Оценка эффективности функционирования местной элиты в целом будет высокой, с оговорками о необходимости решения тех или иных социальных проблем.

Методы исследования

В статье использованы результаты анкетного опроса, проведенного в Новосибирске в 2014 г. Всего было опрошено 758 человек в возрасте от 30 до 59 лет, из которых 33% – мужчины, 67% – женщины. Распределение респондентов по сферам деятельности имеет вид: 14% – представители органов власти, 19% – представители бизнес-сообщества, 61% – интеллигенция (учителя, врачи, деятели культуры, литературы и пр.), 7% – научные сотрудники. Применялась многоступенчатая выборка с учетом квот по численности жителей всех районов города, их половозрастного состава и принадлежности той или иной сфере деятельности.

Полученные данные были дополнены результатами разведывательного исследования, представляющего собой полужоформализованное интервью с экспертами, проведенное в 2016 году. В качестве экспертов выступили представители тех же профессиональных групп, что и в 2014 г. Из каждой группы (кроме представителей органов власти) было опрошено по два человека: предприниматели – женщины 24 и 50 лет, интеллигенция (работники бюджетной сферы) – мужчина 29 лет и женщина 53 года, научные сотрудники – женщины 37 и 55 лет. Методом формирования выборочной совокупности экспертов послужила выборка доступных случаев.

Анализ результатов опроса осуществлялся с помощью пакета прикладных программ SPSS. Анализ результатов экспертного опроса осуществлялся вручную авторами данной работы.

Результаты исследования

Первый вопрос анкеты был направлен на выявление того, кто, по мнению респондентов, входит в состав местной элиты. Так, 24% опрошенных сочли нужным отнести к местной элите главу муниципального образования и его заместителей, 23% – депутатов органов представительной власти, а 22% опрошенных причисляют к локальным элитам известных и уважаемых людей территории (ветеранский актив, директоров школ, главных врачей больниц и т.д.). Также 16% респондентов в качестве местной элиты указали руководителей структурных подразделений администрации муниципального образования. Такие категории служащих как, например, священнослужители или врачи больниц встречаются среди ответов довольно редко (4% и 5% соответственно). На вариант «Другие категории» пришлось 6% полученных ответов. Таким образом, респонденты относят к местной элите, прежде всего, представителей местной власти и депутатского корпуса (суммарно 69%), отводя на второй план лидеров общественного мнения и представителей значимых, с точки зрения «морального измерения», профессиональных групп.

После определения содержательного наполнения местной элиты, респондентам предстояло указать ряд качеств, наличие которых, на их взгляд, обеспечивает доступ в местную элиту. Главным условием подобного доступа, по ответам 33% опрошенных жителей города, являются особые деловые и морально-этические качества. Немаловажным оказалось и обладание значительными финансовыми средствами и производственными активами – так считают 22% респондентов. По словам 16% опрошенных, к местной элите относятся те люди, которые внесли достойный вклад в развитие территории. 13% респондентов придерживаются мнения, что в местную элиту может попасть любой человек, если он будет к этому понастоящему стремиться. Качества, имеющие сугубо политическую природу, были отмечены лишь в 16% случаев. К такому отношению к необходимости членства в правящей партии и мнению главы муниципального образования.

Результаты анкетного и экспертного опросов оказались во многом схожим. Так, одним из экспертов было высказано мнение о необходимости особых качеств у претендующих на элитарное членство: «Чтобы достичь вершин, пускай даже регионального масштаба, необходимо обладать какими-то уникальными качествами и сакральными знаниями в самых разных областях» (науч. сотр., жен., 55 лет). Более прагматично настроенные эксперты обуславливали необходимость наличия ряда ресурсов у предполагаемых членов элитарных групп, часто высказываясь об этом в достаточно категоричной форме, например: «Без должных знаний, социального статуса и больших денег там делать нечего» (предприниматель, жен., 24 года).

Что касается необходимых способов обновления элиты местного уровня, самые высокие процентные показатели обнаружены у таких вариантов ответов, как «Избрание главы территории должно осуществляться на альтернативной основе, следует обеспечивать проведение конкурса на должности заместителей главы муниципального образования» (30%), «Следует прибегнуть к активному привлечению различных групп населения, к выдвижению и обсуждению кандидатур» (28%). Другим действенным методом обновления элиты, по мнению опрошенных горожан, является «Формирование избранной главной муниципально-образовательной команды в соответствии со своими требованиями» (22%). Гораздо реже отмечались варианты необходимости использования кадрового резерва (14%) и утверждения главы территории и его заместителей на сессии органа представительной власти (6%).

Ответы экспертов во многом перекликаются с мнением респондентов, участвующих в анкетном опросе. При этом бланк интервью был дополнен вопросом о том, какие факторы определяют прочность пребывания специалистов в местных структурах власти. Большинство экспертов, так или иначе, сошлись во мнении, что важнейшим фактором является наличие

ресурсного потенциала, например: «Владение существенной долей материальных (либо других) ресурсов» (предприниматель, жен., 24 года). Также в ответах экспертов часто акцентировалось внимание на значимость профессионализма представителей элитарных групп, их личностных и моральных качеств: «Умение поддерживать неформальные контакты с федеральным центром и влиятельными людьми в регионе», «Профессионализм и умение защищать интересы граждан» и «Стремление к реализации социально-значимых идей и проектов».

Далее респондентам было предложено высказать своё мнение относительно функционала, реализуемого представителями местной элиты. Среди основных, осуществляемых элитами, функций были отмечены: «Выражение интересов населения и отстаивание их на региональном уровне» (28%), «Решение вопросов местного значения» (25%), «Приведение в силу дополнительного финансирования территории в форме субсидий, субвенций и дотаций на федеральном и региональном уровне» (21%). Самые низкие процентные показатели имеют ответы: «Доведение до населения решений, принимаемых органами государственной власти» (14%) и «Снижение уровня социальной напряженности на территории» (12%). Таким образом, ответы показывают, что респонденты прежде всего актуализируют необходимость решения конкретных социально-экономических проблем и позитивных изменений на локальных уровнях, отводя на второй план совершенствование инструмента информирования населения о деятельности руководящего органа.

Эксперты, в свою очередь, рассуждали в целом о положительных характеристиках местной элиты и ее недостатках, причем их мнения существенно разошлись. Наряду со столь однозначными положительными оценками, как «Умение разрешать конфликты, стабилизировать обстановку», «Чуткость к проблемам населения», «Умение создавать благоприятную почву для развития местного бизнеса» был отмечен и ряд отрицательных моментов: «Коррупционность», «Недостаточный профессионализм», «Подбор руководства по родственным и приятельским признакам», «Игнорирование запросов и интересов населения», «Безнаказанность за любые проступки» (указаны наиболее часто отмечаемые варианты ответов полузакрытых вопросов).

Следующий вопрос анкеты, был направлен на выявление того, с помощью каких ресурсов местная элита способна обеспечить реализацию принятых решений. 22% ответов набрал вариант «Прежде всего, с помощью средств местного бюджета», но большая по объему часть респондентов (38%) предпочли вариант «С помощью средств местного бюджета и дотаций областного бюджета». Использование средств бизнес-сообщества признали допустимым 28% опрошенных. Помимо этого, встречался вариант «При помощи активного участия местного сообщества» (12%).

И напоследок респондентам было предложено высказать свое мнение относительно того, считают ли они местную элиту эффективной, и отражает ли она их интересы. Наиболее распространённым из полученных ответов оказался ответ «Да» (42%), но с оговоркой – горожанам хотелось бы более оперативного решения текущих вопросов. Процент отрицательно ответивших («Нет, мои интересы на местном уровне элитой не отражаются») не сильно отстаёт частоте его выбора респондентами от предыдущего по – всего на 5% (37% ответили «Нет»). Крайние варианты: «Да, безусловно» и «Совершенно нет» встречались в 11% и 10% ответов соответственно.

В ходе обращения к экспертам с аналогичными вопросами о том, в какой мере деятельность местной элиты отражает их личные интересы, почти все участники интервью дали отрицательные ответы и лишь малая часть затруднились с ответом. Негативные оценки были обоснованы, например, следующим образом: «Хотелось бы более активного развития молодежной политики, поддержки образования, учреждения различных научных и образовательных фондов» (науч. сотр., жен., 55 лет), «Хотелось бы более оперативного решения в области ЖКХ, образования и поддержки детских учреждений. Лично для меня хотелось бы решения вопросов, связанных с жильём и уровнем жизни» (бюджетная сфера, жен., 53 года).

В то же время на вопрос «Отражает ли местная элита интересы других жителей (населения в целом)?» ответы экспертов разнятся. Было получено практически равное количество как отрицательных, так и положительных ответов, носящих в большинстве случаев относительный характер: «Скорее, да», «Скорее, нет», «Отчасти», «Не точно». Аргументировали свои ответы эксперты очень неохотно: «По большей части им важны только интересы прилегающей группы людей. Проблемы районные же решаются при помощи волонтеров, активных действий самих граждан» (бюджетная сфера, жен., 53 года), «Да, но не могу сказать точно, в чем это выражается. Ни разу не слышала, чтобы кто-то жаловался на что-то связанное их деятельностью» (предприниматель, жен., 24 года).

Таким образом, как в ответах респондентов, так и в рассуждениях экспертов просматривается неоднозначность в оценке эффективности деятельности местных элит. Положительные ответы часто сопровождаются оговорками и комментариями, указывающими на необходимость доработки той или иной социальной проблемы. Негативные оценки часто связаны с мнением о том, что элита создает лишь видимость активной деятельности и предпринимает попытки делегировать свои обязанности другим социальным группам и институтам.

Заключение

По результатам исследования, выдвинутая нами гипотеза получила свое подтверждение. Установлено, что для опрошенных жителей города большое значение имеют: квалификация, профессионализм, деловые и морально-этические качества представителей элитарных групп. Однако, как таковой доступ в местную элиту обеспечивается, по их мнению, не только личностными и профессиональными качествами. Весомое значение также имеют властные и финансовые ресурсы, которыми должны располагать претенденты на вхождение в местную элиту. Такие представления горожан во многом определяют их взгляды на состав местной элиты, включающий, по их мнению, в основном, представителей власти различного уровня. Обновление элиты местно уровня, по мнению горожан, должно осуществляться на альтернативной основе, с соблюдением порядка конкурсного избрания и учетом мнения различных групп населения.

Оценивая эффективность функционирования местной элиты, горожане не были категоричны в своих суждениях, сопровождая «скорее положительную» или «скорее отрицательную» оценки комментариями, касающимися, как правило, необходимости большей ориентации элиты на учет и удовлетворение общественных и личных интересов населения города.

Список литературы

1. Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития / Л.А. Беляева. – М.: Academia, 2001. – 186 с.
2. Гущина Н.А. Молодежь в воспроизводстве региональных элит: концептуализация понятий / Н.А. Гущина; под науч. ред. Щербаковой Л.И. – Новочеркасск: ЮРГТУ, 2007.–43с.
3. Кабыткина И.Б. Региональная политическая элита в условиях формирования гражданского общества: учеб. пособие / И.Б. Кабыткина. – М.: МГУУ, 2005. – 55 с.
4. Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. – 1995. – №1. – С. 51-65.
5. Пегин Н.А. Роль региональной элиты в становлении местного самоуправления / Н.А. Пегин. – Биробиджан: Биробиджан, 2011. – 158 с.
6. Пономаренко Н.А. Формирование региональной правящей элиты в период трансформации постсоветской России: (на материалах сибирского макрорегиона) / Н.А. Пономаренко; отв. ред. Р.Ш. Нуридинов. – Новосибирск: Наука, 2013. – 168 с.
7. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика: [учеб. пособие для вузов по направлению «Политология»] / Р.Ф. Туровский. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 787 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

SOCIO-CULTURAL FACTORS IN STRATEGIC PLANNING OF DEVELOPMENT OF MUNICIPALITIES

Е.Н. Королева
Elena N. Koroleva

Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия
Samara State University of Economics, Samara, Russia

Формирование культурного капитала как элемент стратегического планирования рассматривается на примере разработки Стратегии социально-экономического развития городского округа Кинель Самарской области на период до 2025 года.

Creating the cultural capital as an element of strategic planning is considered with the example of working out the strategy of social-economic development of Kinel town (Samara region) up to 2025.

Ключевые слова: стратегическое планирование, культурный капитал.

Keywords: strategic planning, cultural capital.

В современных условиях культура, понимаемая значительно шире, чем просто отрасль, сфера, рассматривается как совокупность определенных технологий деятельности, актуализирующих культурное наследие, стимулирующих творческую инициативу, способствующих формированию и обустройству среды жизнедеятельности, системному социально-экономическому развитию территории.

Цель перспективного комплексного развития территории лежит сегодня в основе культурного планирования как одного из компонентов культурной политики. С этих позиций культура рассматривается как стратегический ресурс регионального развития, а культурные ресурсы приобретают территориальное измерение.

Устойчивые и плодотворные отношения между различными субъектами местного сообщества, развиваются, в первую очередь, на базе организованного и управляемого взаимодействия между ними [1, с. 47]. Поэтому социокультурная компонента приобретает первостепенное значение в рамках процесса институализации стратегического планирования, осуществляемого сегодня на уровне российских муниципальных образований.

Другой важный момент заключается в том, что, учитывая территориальный масштаб культурных ресурсов, мы встраиваемся в логику культурной капитализации данной территории, данного места, когда они становятся источником добавленной стоимости, создавая тем самым искомую дельту, способную обеспечить совокупный рост [2, с. 134].

Обращаясь вновь к феномену культурного капитала в контексте новой экономики и его влиянию на региональное развитие, отметим, что каждая территория, так или иначе, использует право на создание и наполнение собственного культурного пространства. В условиях поиска и задействования новых факторов регионального развития культурный капитал становится «полновесной инвестицией» в территориальное развитие.

Заметим, что в современных публикациях под культурным капиталом, как правило, понимается весь комплекс культурных ресурсов общества. Именно культурная ценность как особого рода категория «наделяет этот капитал дополнительными свойствами – символической стоимостью или эстетической, культурной, социальной значимостью» [3, с. 17]. Культурный капитал обладает своеобразной структурой, «в его производстве и

потреблении задействованы культурные ценности, ментальность, социальные нормы, творческие идеи, процессы инкультурации и идентификации» [4, с. 35]. В активах культурного капитала региона можно выделить не только социальный капитал (знания, ценности, людские стереотипы), но возрождаемые местные традиции, памятники культуры, региональные культурные события (праздники, фестивали, ярмарки), культурные услуги и прочее.

Сегодня приоритетом локального развития должна стать опора на местные социокультурные ресурсы, определенные историко-культурными трендами и самобытностью российских территорий. Однако, в условиях концентрации всех видов капитала (финансового, человеческого, культурного) в так называемых «центрах развития», коими чаще всего выступают мегаполисы, малые города и села оказываются обреченными на жалкое существование и, в конечном итоге, вымирание на фоне поляризации территорий. Отсюда следует, что стратегическим приоритетом общественного развития должен стать культурный капитал.

В этой связи встает вопрос об управленческих технологиях, точнее, технологиях стратегирования регионального развития, позволяющих обосновать необходимость и выполнить «вычленение» и «перемещение» именно такого приоритета в верхние уровни дерева целей региональных социально-экономических систем муниципального уровня.

Рассмотрим практику реализации указанной технологии на примере конкретного исследовательского проекта по разработке Стратегии социально-экономического развития городского округа Кинель Самарской области на период до 2025 года, выполненного Лабораторией комплексных региональных исследований Самарского государственного экономического университета в 2014 году. Укажем, что в июне 2016 года «Проект Стратегии социально-экономического развития городского округа Кинель Самарской области на период до 2025 года» был размещен на официальном сайте городского округа Кинель в сети интернет и прошел процедуру общественного обсуждения [5].

В настоящее время в административные границы городского округа Кинель (численность населения на 01.01.2015 г. составила 57 130 человек) входят микрорайоны Лебедь, Елшняги, Горный, п.г.т. Алексеевка, п.г.т. Усть-Кинельский с населенными пунктами Студенцы, Советы, Мельница. Таким образом, в рамках территории, объединенной общими административными границами, условно можно выделить три городских ядра. Каждое из территориальных ядер, имея собственную специализацию, обеспечивает «исполнение» городским округом Кинель своей миссии на федеральном, окружном и региональном уровнях.

В стратегии муниципального образования была закреплена следующая формулировка главной стратегической цели, сопряженной с миссией городского округа: «Городской округ Кинель – город с наиболее благоприятными в регионе условиями проживания и рекреации на основе сочетания традиционных конкурентных преимуществ локальных экологически чистых территорий и инновационного подхода к формированию социокультурной среды интегрированного городского пространства».

В рамках программно-проектного комплекса реализации стратегии был предложен общегородской проект (мегапроект) «Городской округ Кинель как интегрированное пространство новой культуры». Целью мегапроекта стала интеграция, на основе формирующего единой культурной среды, нового типа муниципального пространства, способствующего консолидации кинельского городского сообщества и активизирующего процессы его развития.

Городское сообщество Кинели включает в себя различных субъектов (каждый из которых выступает носителем собственных интересов), призванных взаимодействовать в процессе стратегического развития городского округа. Субъектная дезагрегация предполагает выделение трех основных групп носителей интересов: населения муниципального образования, органов власти муниципального образования и бизнес-сектора, действующего на его территории.

Культурная среда является ключевым понятием современного стратегического управления развитием муниципальной социально-экономической системы и представляет собой не обособленный объект стратегического планирования, а сложную и многоуровневую сис-

тому, решение проблем развития которой может быть только комплексным, учитывающим все разнообразие смежных факторов.

В качестве идеи интеграции городского пространства разработчиками была предложена концепция формирования интегрированного социокультурного пространства городского округа Кинель, конкретизированная комплексом проектов в каждой из четырех сфер муниципального развития – социум, среда обитания, предприниматель, институт местного самоуправления.

Предложенная многоаспектность в рамках мегапроекта существенно отличает его от традиционных «культурного» и «социального» и прочих «пространств», понимаемых в «узком смысле слова».

Выбор такой направленности мегапроекта объясняется тем, что вне культуры невозможно обеспечить высокое качество развития общества. Формирование культурного пространства предполагает решение комплекса стратегических задач, которые либо напрямую, либо косвенно связаны с культурой, но имеют исключительное значение для реализации главной стратегической цели развития городского округа.

Влияние культуры на различные сферы жизни нужно рассматривать не как единойжды принятый комплекс мер, а как непрерывный динамичный процесс. По мере реализации стратегических проектов комплекс задач и предусмотренных мер должен корректироваться в зависимости от тех изменений, которые будут происходить во внутренней и внешней среде муниципальной социально-экономической системы.

На основе развития межтерриториального культурного взаимодействия могут быть реализованы стратегические задачи развития городского округа, и среди них, прежде всего, такие как: обеспечение стабильности демографической ситуации и эффективное функционирование социальной сферы городского округа.

Идеологическая индоктринация новых гендерно-семейных отношений, навязываемая нам западными странами, приводит к толерантному отношению к незарегистрированным бракам, разрушению традиционных ценностей семейного образа жизни. А это, в свою очередь, отражается на процессах воспроизводства населения, проявляемых, в том числе, в снижении детности российских семей. Только сформировав соответствующую культурную среду в городском округе возможно в обозримый временной период изменить нормативные взгляды на гендерно-семейные отношения.

Траектория развития города напрямую зависит от вовлечения молодежи в происходящие процессы, особенно это касается городского округа Кинель, местное сообщество которого достаточно «размыто» в результате демографического постарения населения. Молодежь должна стать конструктивной опорой культурного развития городского округа. В этой связи, обратим особое внимание на Подпрограмму «Формирование городского общественного пространства на период 2015–2018 гг.» в рамках муниципальной программы «Молодежь городского округа Кинель на период до 2025 года».

Подпрограмма предусматривает создание на территории городского округа общественных пространств, позволяющих реализовать принципиально новые направления и проекты молодежной политики, среди которых создание молодежного антикафе, открытие сезонного кинотеатра на открытом воздухе. В качестве общественного пространства можно рассматривать парки, площади, скверы, детские площадки, стадионы, мостовые, набережные, места отдыха в торговых и бизнес-центрах. [6, с. 51].

Культурная среда будет способствовать возрождению и приданию нового вектора развития традициям, сложившимся в городском округе Кинель. Ведь именно культура является важнейшим инструментом передачи новым поколениям свода нравственных, моральных, этических ценностей, составляющих основу национальной самобытности. Достижения предыдущих поколений должны стать ресурсом развития культурного пространства городского округа.

Реализация мегапроекта также будет способствовать существенному повышению готовности и способности жителей городского округа к созданию и развитию институтов гра-

жданского общества, к активному участию в местном самоуправлении и в целом – к росту гражданской ответственности. В этой связи, на базе мегапроекта предполагается реализация стратегической задачи по развитию организационно-правовых основ местного самоуправления в аспекте формирования нового типа культурной среды городского пространства как институциональной базы проведения стратегических изменений в городском округе.

Список литературы

1. Мартышкин С.А., Прохоров Д.В., Цлаф В.М. Местные сообщества как фактор социокультурного развития территории (на примере г.о. Самара) // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. №3. С. 45-50.
2. Королева Е.Н., Шептухина Л.И., Шептухин А.Н. Современные стратегии развития городов / Под ред. к.т.н., доц. Л.И. Шептухтной. СПб.: Инфо-да, 2007. - 227 с.
3. Федотова Н.Г. Сфера культуры как стратегический ресурс региона // Вестник новгородского государственного университета. 2011. №63. С.17-21.
4. Федотова Н.Г. Культурный капитал как фактор региональной модернизации // Культурное обозрение. Информационно-аналитический сборник. Великий Новгород. 2010. С. 28-41.
5. Проект Стратегии социально-экономического развития городского округа Кинель Самарской области на период до 2025 года (краткий вариант) URL: <http://кинельгород.рф/adm/ProektStrat/proekt.PDF>.
6. Королева Е.Н., Масько Д.Е. Создание общественных пространств – стратегический приоритет развития малых российских городов // Региональное развитие. 2014. № 3,4. С. 43-51.

УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ЖИТЕЛЕЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ¹⁷

SOCIAL CAPITAL OF THE POPULATION OF PERM REGION

С.С. Соловьев
S. Solovyov

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия
Perm State National Research University, Perm, Russia

В статье рассматриваются подходы к определению социального капитала и его составляющих. Описаны результаты проведенного исследования уровня социального капитала населения. Для измерения социального капитала были использованы следующие показатели: доверие, нормы взаимности и вовлеченность индивидов в общественные организации. Изучено влияние социально-демографических характеристик на уровень социального капитала.

The article discusses approaches to the definition of social capital and its components. Described results of the study level of social capital of population. The following indicators were used to measure social capital: trust, norms of reciprocity and involvement of individuals in public organizations. Investigated the influence of socio-demographic characteristics on the level of social capital.

Ключевые слова: Социальный капитал, институциональное доверие, межличностное доверие.

Keywords: Social capital, interpersonal trust, institutional trust.

Доктор экономических наук, профессор В.В. Радаев отмечает следующие свойства социального капитала: возможность накопления, конвертации в другие формы капитала и извлечение разного рода прибыли, что позволяет рассматривать социальный капитал в экономическом смысле. Таким образом, в условиях экономических санкций, ориентация на собственное население и развитие социального капитала как никогда актуальна.

В изучении социального капитала российскими исследователями можно выделить несколько направлений. Так, Л.В. Стрельникова систематизируя подходы к исследованию социального капитала, выделяет четыре основных: социо-антропологический, социологический, экономико-институциональный и политологический [1]. Все существующие взгляды на социальный капитал она рассматривает с точки зрения источников формирования, целей использования, форм, подходов к изучению концепции социального капитала.

И.Е. Дискин изучает структуру социального капитала. По его мнению, следует выделять глобальный, национальный и индивидуальный социальный капитал. Индивидуальный социальный капитал является характеристикой индивида, отражающей способность сокращать транзакционные издержки с помощью своих социальных ресурсов, таких как место индивида в системе социальных институтов, уровень его влияния и связей в данной системе, адекватное понимание им значений социокультурных сигналов и норм, которыми поддерживаются хозяйственные и иные социальные взаимодействия. Национальный социальный капитал присущ социальным организациям, отражающий степень эффективности общественного производства через сокращение транзакционных издержек. Глобальный социальный капитал характеризует глобальную систему производства, влияет на рост эффективности мировой экономики через сокращение транзакционных издержек [2].

¹⁷ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 16-03-00374а).

Российский ученый А.А. Аузан изучал взаимосвязь социального капитала и институтов. В своих исследованиях он отмечает важность проблемы модернизации через вовлечение в нее социального капитала, накопленного традиционными институтами. Традиционными, по его мнению, институтами следует считать семью, сети, кланы, различные землячества [3].

Г.В. Градосельская изучает роль социального капитала в различных сетях и ассоциациях. В своих исследованиях, проводимых НИУ ВШЭ, она установила зависимость между формированием стабильных социальных структур и эффективных способов капитализации ресурсов от возможностей взаимодействия внутри сети. Далее был сделан вывод о том, что социальный капитал определяется мобилизационными возможностями сети, а не наличным объемом ресурсов [4].

А.Т. Коньков, используя сетевой подход в определении социального капитала, отождествляет его со способностью социальных сетей предоставлять индивидам доступ к ресурсам, удерживать и распределять эти ресурсы [5]. Ресурсы, в его работе, определяются как совокупность благ, которые могут быть использованы для достижения разнообразных целей акторов. Нормативно-ценностная интерпретация социального капитала, подразумевает, рассмотрение мезо- и макроуровней функционирования социального капитала. Исследователь выделяет общую теоретическую основу, состоящую из двух компонент:

- а) доверие и отношения взаимности (нормативный и ценностный аспект);
- б) вовлеченность индивида в различные неформальные и формальные общественные организации.

Единого мнения по поводу определения социального капитала в современной российской науке не существует. Однако, большинство исследователей соглашается с тем, что социальный капитал включает в себя как количественные, так и качественные характеристики социальных отношений в обществе. Он воспроизводится и передается через культурные механизмы – такие, как традиции, общепринятые нормы и ценности. Величина социального капитала зависит от интенсивности взаимосвязей между людьми. Таким образом, социальный капитал имеет скорее общественную, а не личностную природу.

В силу недостаточной разработанности методик измерения социального капитала современные исследователи сталкиваются с проблемой поиска количественных критериев. Наиболее часто встречаются индексы, построенные на основании следующих показателей: уровень доверия к правительству, тенденции голосования, членство в гражданских организациях, часы, отданные волонтерской работе.

В нашем исследовании в качестве эмпирических индикаторов социального капитала были использованы доверие, нормы взаимности и вовлеченность индивидов в различные типы формальных и неформальных объединений.

При измерении уровня доверия в обществе нередко используется вопрос, применяемый в регулярно проводимом международном исследовании ценностей: «Говоря вообще, считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или с людьми надо быть осторожным?».

Использование данного индикатора позволяет проводить межнациональные и межгрупповые сравнения, поэтому данный прием измерения уровня социального капитала является очень распространенным. Но, наряду с простой использованием данного индикатора имеет существенные ограничения. Он не позволяет изучить основу доверия, то есть в каких случаях респонденты готовы или не готовы доверять другим людям. Очевидно, что высказывая готовность доверять большинству людей в целом, в каждой конкретной ситуации могут выражать осторожность или недоверие. Например, человек может высказывать доверие незнакомым людям через ощущение безопасности при прогулках в позднее время суток, однако это совсем не означает, что в случае поручения им воспитания своих детей незнакомым людям он будет доверять им в той же мере. Также использование этого индикатора не показывает степень его выраженности по отношению к разным людям: знакомым и незнакомым, родственникам или представителям сферы обслуживания.

Существует ограничение, связанное с силой этого доверия – два человека высказавшие доверие к другим людям совершенно не одинаково действуют на практике. Так, первый мо-

жет доверять всем людям, не испытывая при этом сомнений, а второй – долго колеблется перед принятием решения, стоит ли доверять конкретному человеку, но при этом может доверять большинству людей. В своем исследовании, для снятия этого ограничения респондентам, при ответе на вопрос, было предложено не два противоположных варианта ответа, а шкала от 0 («Даже излишняя осторожность не помешает») до 10 («Большинству людей можно доверять»).

Для оценки уровня институционального доверия респонденту предлагался список основных социальных институтов (суд, губернатор, правительство и законодательное собрание края, региональные профсоюзы, прокуратура, полиция, региональные отделения политических партий и СМИ), играющих важную роль в жизни индивида и общества. Респонденту необходимо было оценить, насколько он доверяет или не доверяет каждому из них по шкале от 0 («Совершенно не доверяю») до 10 («Полностью доверяю»). Критерий Альфа Кромбаха равный 0,92 указывает на очень высокую внутреннюю согласованность субшкал.¹⁸ Это дает основания полагать, что ответы респондентов обусловлены влиянием общей латентной переменной. На наш взгляд, такой переменной выступает институциональное доверие респондентов.

Еще одной важной составляющей социального капитала является формальное членство индивида в различных ассоциациях, социальных организациях, клубах по интересам. Однако прямое измерение этого индикатора создает ряд проблем. Так, использование официальной статистики для измерения организационной активности населения не является достаточно надежным. Официальные статистические данные могут неверно отражать существующую действительность, во-первых, по причине сознательного завышения показателей членства различного рода политическими партиями, профсоюзами и другими общественными организациями. Во-вторых, перечень организаций, требующих обязательный учет членов может меняться в зависимости от изменений в законодательстве. Также официальная статистика никак не может разграничить участие в списке организации «для галочки» и идейных активистов, принимающих реальное участие в деятельности организации. И, наконец, традиционным формам социальных организаций (профсоюзам, церковным общинам, политическим партиям) свойственен определенный уровень формализации, наличие бюрократического аппарата, иерархическая структура, в то время как новые социальные движения (феминистки, защитники природы, антиглобалисты, и т.п.) являются преимущественно неформальными сетями без иерархических структур и формального членства, и, следовательно, не учитываются органами официальной статистики.

В проведенном исследовании измерение членства в организациях осуществлялось через два индикатора: принадлежность к организации (или нескольким) и выполнение безвозмездных действий для организаций в течение последнего года.

Последним индикатором, использованным для измерения социального капитала, является степень развитости гражданского сознания и навыков кооперации. В качестве показателей используются регистрируемые состояния гражданского общества, такие как отношение опрашиваемых к неуплате налогов, необоснованному пользованию общественными льготами, безбилетному проезду в общественном транспорте и другие. С одной стороны, ответы на такие вопросы показывают отношение индивидов к общественным институтам и готовности следовать институциональным требованиям. С другой – они не дают представления о собственных действиях опрашиваемых. Использование данного индикатора позволяет изучать когнитивный аспект социального капитала – отношение к действиям других, но не дает возможности получить представление о поведенческом аспекте.

Для того, чтобы нивелировать этот недостаток, при проведении исследования респондентам сначала было предложено оценить поведение других людей, а затем рассказать о своем поведении в подобных ситуациях.

¹⁸ Эксплораторный фактор анализ по методу главных компонент не позволил разделить суждения по группам, так как была выделена только одна компонента.

Полученные в результате были проанализированы при помощи программного пакета SPSS, что позволило сделать следующие выводы.

Уровень образования влияет на межличностное доверие жителей пермского края. Для представителей групп со средним и средним специальным образованием эта разница невелика, однако люди с высшим образованием, в среднем, демонстрируют более высокий уровень доверия, отличающийся более чем на один балл шкального значения. Также стоит отметить, что люди с высшим образованием в три раза реже отмечали низкий уровень доверия к окружающим.

Возраст также влияет на межличностное доверие респондентов. И если среднее значение для всех возрастных групп отличается в пределах одного шкального балла, то частота выбора крайних положений среди молодежи в возрасте от 18 до 23 лет в полтора-два раза ниже частоты в других группах. Люди старшей возрастной группы (45-60 лет) в 2-2,5 раза чаще отмечали максимальный уровень доверия к окружающим чем другие группы респондентов.

Пол не оказал существенного влияния на уровень межличностного доверия респондентов.

На институциональное доверие образование оказывает схожее влияние: люди с высшим образованием в большей степени доверяют социальным институтам. Однако, рассматривая доверие к каждому конкретному институту в отдельности можно выделить тенденцию: люди с высшим образованием в меньшей степени доверяют персонализированным институтам (губернатору, правительству края). В тоже время суду в большей степени доверяют более половины респондентов с высшим образованием, тогда как для людей со средним и средним специальным образованием эта оценка ниже на два шкальных балла.

С возрастом уровень институционального доверия респондентов снижается. В целом это тенденция сохраняется для всех предложенных институтов за исключением института полиции и региональных средств массовых коммуникаций. Так, молодые люди в возрасте от 18 до 23 лет в меньшей степени доверяют полиции чем респонденты в возрасте от 24 до 30 лет, однако для стальных возрастных групп тенденция сохраняется. Для института региональных СМИ тенденция имеет обратный эффект: с увеличением возраста респондента уровень институционального доверия повышается.

Женщины, в среднем, обладают более высоким уровнем институционального доверия. Максимальная разница уровня институционального доверия была зафиксирована по отношению к суду, полиции и прокуратуре. Более трех четвертей респондентов женского пола выразили меньший уровень доверия к региональным СМИ, чем аналогичное количество респондентов мужского пола. Однако, в связи с высоким разбросом среди респондентов-женщин, средние значения для обеих групп оказались примерно равными.

Более четверти респондентов с высшим образованием являются членами каких-либо общественных организаций (15% и 17% респондентов со средним и средним специальным образованием, соответственно). Этот показатель сохраняется и при изучении безвозмездной помощи общественным организациям, однако направленность этих организаций неодинакова. Так, религиозным организациям безвозмездную помощь чаще других оказывают люди со средним специальным образованием, реже – с высшим. Люди с высшим образованием предпочитают взаимодействовать с политическими и профсоюзными организациями.

Четверть респондентов старшего трудоспособного возраста (45-60 лет) является членами общественных организаций, для других возрастных групп этот показатель находится в диапазоне 15%-17%. Однако, возраст не влияет на оказание помощи этим организациям (разница не превышает 2,5%). Респонденты в возрасте 18-23 лет предпочитают спортивные, волонтерские организации (в 2-2,5 раза чаще остальных групп). Молодежь в возрасте 18-30 лет не считает себя членами религиозных организаций, в то время как для других групп этот показатель равен примерно двум процентам. Также следует отметить, что с увеличением возраста растет количество членов политических организаций.

Пол не влияет на членство в общественных организациях. Но, мужчины чаще вступают в политические партии, а женщины – в профсоюзы (в два раза чаще, чем представители другой группы по обоим показателям). Также не удалось выявить различия, связанные с оказанием безвозмездной помощи в зависимости от пола респондентов.

Уровень образования, в целом, не влияет на уровень гражданского сознания и навыки кооперации респондентов. Можно отметить, что респонденты с высшим образованием избегают крайних оценок при своих ответах, однако средние оценки в группах примерно одинаковы.

Возраст оказывает вполне однозначное влияние на уровень гражданского сознания. Так, например, покупку краденного считают вероятной порядка 50% респондентов старшего трудоспособного возраста (45-60 лет), в то время как для молодежи в возрасте от 18 до 23 лет такая вероятность существует лишь у 25%. Отношение к поступкам других людей в меньшей степени зависят от возраста: нет единой тенденции для каждой конкретной ситуации.

Женщины чаще оценивали нарушение правил дорожного движения как вероятный для себя поступок. В тоже время, именно женщины негативно и крайне негативно оценивали такой поступок (более 70%). На наш взгляд, это скорее связано с особенностями восприятия ситуаций у респондентов-женщин.

На основании полученных результатов мы можем сделать вывод о том, что социальный капитал зависит от социально-демографических характеристик населения. Пол, возраст и уровень образования неодинаково влияют на различные показатели, входящие в структуру социального капитала, соответственно нельзя выделить один показатель, изменение которого позволит повысить уровень социального капитала населения. Однако можно выделить характеристики, присущие группе с более высоким или низким уровнем социального капитала.

Модернизация российской экономики и всего российского общества возможна, в том числе, на основе социального капитала населения. При реализации региональной социальной политики необходимо учитывать социально-демографические особенности населения. Взаимодействуя определенным образом с группами, обладающими наиболее высоким или наоборот – низким уровнем социального капитала можно добиться лучших результатов.

Список литературы

1. Стрельникова Л.В. Социальный капитал: типология зарубежных подходов // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2.
2. Дискин И.Е. Социальный капитал в глобальной экономике // *Общественные науки и современность*. 2003. № 5.
3. Аузан А., "Социальный контракт как обмен ожиданиями", *New Scientist*, №1, 2010.
4. Сысоев С.А. Дискуссионные вопросы исследования социального капитала// *Теоретическая экономика*, 2014. №2. С. 84-108.
5. Коньков А.Т. Социальный капитал и экономическое взаимодействие. М.: Изд-во РУДН, 2006.

**ДОВЕРИЕ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ¹⁹**

**TRUST IN LABOR RELATIONS
AS A SOCIO-CULTURAL FACTORS MODERNIZATION**

А.Н. Тарасова
Anna Tarasova

ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет», Тюмень, Россия
Tyumen State University, Tyumen, Russia

Рассматривается динамика уровня доверия и обмана в отношениях между работником и работодателем. На примере результатов социологических исследований в Тюменской области установлена корреляционная зависимость между уровнем доверия к работодателю и участием в создании новаций. Показан потенциал доверия в трудовых отношениях как социокультурного фактора модернизации.

The article shows the changes in the level of trust and cheating in the relationship between employee and employer. According to the results of sociological research in the Tyumen region established correlation between the level of trust to the employer and participation in the creation of innovations. The author shows the potential of trust in labor relations as a factor of socio cultural modernization.

Ключевые слова: Доверие, обман, социальный капитал, трудовые отношения, модернизация, инновационная активность.

Keywords: Trust, deception, social capital, labor relations, modernization, innovation activity.

Многими исследователями отмечалось влияние доверия и порожденного им социального капитала на характер и уровень экономического развития. Фукуяма Ф. показал, что при прочих равных условиях, чем больше радиус доверия в стране, тем более успешно развитие экономики [1]. В исследованиях Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко подчеркивается влияние социального капитала на экономические представления рыночных агентов и на экономику страны [2]. Рассматривая неэкономические факторы модернизации экономики страны, Седюкова Е.А. и Бесгласная Е.А. даже выстроили причинно-следственную связь между социальным капиталом и условиями модернизации: развитие социального капитала → степень развития гражданского общества → необходимость повышения качества политических и экономических институтов → выход на траекторию устойчивого экономического роста [3]. Действительно доверие, являясь основой кооперативных действий и успешной командной работы, способно дать значительные преимущества, как отдельному человеку, организации, так и обществу в целом. Однако, выделяя доверие как социокультурный фактор модернизации экономики, многие исследователи акцентируют свое внимание на доверии к власти и социально-политическим институтам, мало обращаясь к проблеме доверия в трудовых отношениях. Например, Ерохина Е.В. говорит, что проблема мотивации, рост инновационной активности хозяйствующих субъектов неразрывно связаны с уровнем доверия населения к власти [4]. Упомянутые выше Седюкова Е.А. и Бесгласная Е.А. также отмечают, что «в условиях формирования «новой экономики» возрастают требования к качеству институционально-политического фактора экономического роста» [3]. Признавая огромную значимость институционально-политического фактора (определяющего доверие к власти) как катализа-

¹⁹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект №16-03-00500.

тора модернизационных преобразований в стране, стоит также учесть и мезоуровень проявления инновационной активности, т.е уровень организации. Как правило, новшества (новый товар, услуга или технология) создаются, развиваются и предлагаются конкретными фирмами. Соответственно проявляемая работниками этих организаций инновационная активность зависит от сложившихся в трудовом коллективе (рабочей группе) отношений, и, в первую очередь, от уровня доверия работников к руководству компании.

Таким образом, можно предположить, что доверие к власти определяет готовность хозяйствующих субъектов (организаций, предпринимателей) к внедрению инноваций, в то время как доверие к работодателям и предпринимателям стимулирует (либо, напротив, ограничивает) готовность к инновационной деятельности индивидов (работников), создавая условия для взаимовыгодного сотрудничества сторон.

В качестве исходной гипотезы было выдвинуто предположение о наличии статистически значимой корреляционной зависимости между уровнем доверия к работодателю, наличием взаимопонимания на работе и участием в создании и/или внедрении каких-либо новшеств. Целью исследования было определить уровень доверия и обмана в отношениях между работником и работодателем и оценить мотивационный потенциал доверия, как социокультурного фактора модернизации.

Проверка гипотезы проводилась на данных социологического опроса 2016 года в Тюменской области (без автономных округов) по методологии Н.И. Лапина «Социокультурный портрет региона России» [5], где в исходный инструментарий добавлены вопросы о доверии руководству своего предприятия и о доверии предпринимателям и бизнес-сообществу в целом. Объем выборки составил 1514 человек, ошибка 2,6% по одному признаку. Структура выборки по полу, возрасту и типу поселения (город/село) соответствует структуре генеральной совокупности.

В целом уровень доверия к работодателю относительно высок в сравнении с остальными институтами, хотя доверяют своим работодателям лишь около половины работающих респондентов, не доверяют - 15% опрошенных. Отмеченная нами ранее тенденция роста доверия в трудовых отношениях [6], несмотря на развивающийся в экономике кризис, сохраняется. Хотя и очень медленно, но проблема доверия постепенно решается. В 2004 году не доверяющих работодателю в Тюменской области было на 6% больше доверяющих. Спустя 10 лет, в 2013 году на вопрос о доверии работодателю дали положительный ответ уже почти в 2 раза больше респондентов, хотя по-прежнему каждый пятый работающий сказал о своем недоверии. На сегодняшний день (2016 год) доверяющих почти в 3 раза больше не доверяющих.

Отмеченный выше рост доверия к работодателю сопровождается ростом инновационной активности населения. Так с 2013 по 2016 годы доля новаторов в Тюменской области возросла с 13% до 17%, где в качестве новаторов выделены все те, кто отметил свое участие как организатор или наравне с другими в создании каких-либо новшеств (фирмы/услуги/продукта/технологии), данное изменение хоть и невелико, но уже выше ошибки выборки по исследованию, что говорит о закономерности данного процесса. Для проверки гипотезы о наличии связи между этими показателями рассчитаны коэффициенты корреляции Спирмана (представлены в таблице 1).

Таблица 1.

**Корреляция между инновационной активностью и показателями доверия.
Correlation between innovation activity and an indicator of confidence.**

	Участие в создании и/или внедрении каких-либо новшеств за последний год	
	Коэффициент корреляции Спирмана	Знач. (2-сторонняя)
Взаимопонимание на работе	0,112**	0,000
Доверие работодателям	0,079**	0,006

	Участие в создании и/или внедрении каких-либо новшеств за последний год	
	Коэффициент корреляции Спирмана	Знач. (2-сторонняя)
Доверие предпринимателям, бизнес-сообществу	0,101**	0,000
Доверие суду	0,035	0,190
Доверие губернатору	0,054†	0,042
Доверие профсоюзам	0,020	0,460
Доверие прокуратуре	0,026	0,334
Доверие полиции	0,019	0,481
Доверие правительству	0,001	0,958
Доверие региональным отделениям политических партий	0,010	0,712
Доверие Думе региона	-0,006	0,823
Доверие СМИ	-0,008	0,756
Доверие муниципальным, местным органам управления	-0,032	0,232

Переменные «участие в создании каких-либо новшеств» и «взаимопонимание на работе» преобразованы из категориальных в дихотомические со шкалой: 0 – не участвовал / не отметил наличие взаимопонимания на работе и 1 – участвовал в создании и/или внедрении хотя бы одного новшества / отметил наличие взаимопонимания на работе. Показатели доверия представляют собой порядковые переменные с преобразованной шкалой от 0 (совсем не доверяю) до 1 (полностью доверяю).

Как видно из таблицы, участие в создании новшеств не коррелирует с показателями доверия к власти (кроме доверия к губернатору, значимой на уровне 0,05), но максимально значимо (<0,01) связано с показателями: взаимопонимание на работе и доверие своему работодателю в частности и предпринимателям в целом, что подтверждает наше предположение о стимулирующей роли организационного доверия при создании и/или внедрении инноваций.

Почему же доверие в трудовых отношениях столь важно для реализации процесса модернизации? Проявление недоверия в отношениях работодатель - работник приводит к различным издержкам, что проявляется в готовности к обману своих контрагентов. Как уже неоднократно отмечалось, обман и нарушение прав работников со стороны работодателей, те компенсируют обманом и нарушением прав работодателя (использование оборудования и рабочего времени в личных целях, вынос имущества и/или продукции предприятия и др.). Как показало наше предыдущее исследование, готовность к обману работодателя максимально значимо коррелирует (связь обратная) с показателем доверия к нему (Sig.=0,000, т.е. <0,01 при коэффициенте Спирмана – 0,12) [6]. Естественно в таких условиях инновационная активность ограничена. Только успешный личный опыт взаимодействия с работодателем постепенно способствует формированию общей атмосферы доверия, в которой работники осознанно принимают на себя обязательства быть честными по отношению к работодателю и готовы брать на себя ответственность при создании/внедрении инноваций.

Однако, чтобы данный фактор действовал не только в рамках отдельной конкретной организации, а выступал как универсальный социокультурный фактор модернизации экономики страны, доверие к работодателю должно быть выведено за плоскость персонализированных отношений, т.е. важно, чтобы «индивидуальное (или личное) доверие», как доверие к конкретному человеку – работодателю в лице руководителя предприятия переходило в «доверие социальное» («абстрактное доверие»), т.е. доверие как обобщенная вера в честность и порядочность других работодателей. Как отмечает Ю.В. Веселов, «накопленное личное доверие представляет форму индивидуального капитала», а «накопленное социальное доверие составляет социальный капитал общества», в этом случае «в целом в обществе формируется атмосфера доверия, что дает значительные преимущества» [7, с. 22].

Стоит обратить внимание, что участие в создании и/или внедрении каких-либо новшеств сильнее коррелирует с показателем доверия предпринимателям и бизнес-сообществу, чем с показателем доверия конкретному работодателю (см. таблицу 1), что косвенно подтверждает тот факт, что для стимулирования процесса модернизации в обществе важно не просто накапливать персонализированное доверие к работодателю, а трансформировать его в обобщенное доверие к предпринимателям в целом, как потенциальным работодателям. А вот здесь-то имеются определенные проблемы.

Как показывают результаты исследования, личное доверие в целом значительно выше и накапливается быстрее, чем доверие абстрактное (социальное). Если своему работодателю доверяет почти половина опрошенных, то частным предпринимателям и бизнес-сообществу в целом доверяют значительно меньше (лишь 22% опрошенных отметили наличие доверия и 25% - выразили не доверие). Динамика индексов личного и социального доверия работодателям представлена на рис. 1, где индекс доверия рассчитывается как разница между положительными и отрицательными ответами, т.е. долей ответов «доверяю», «скорее доверяю» и «не доверяю», «скорее не доверяю».

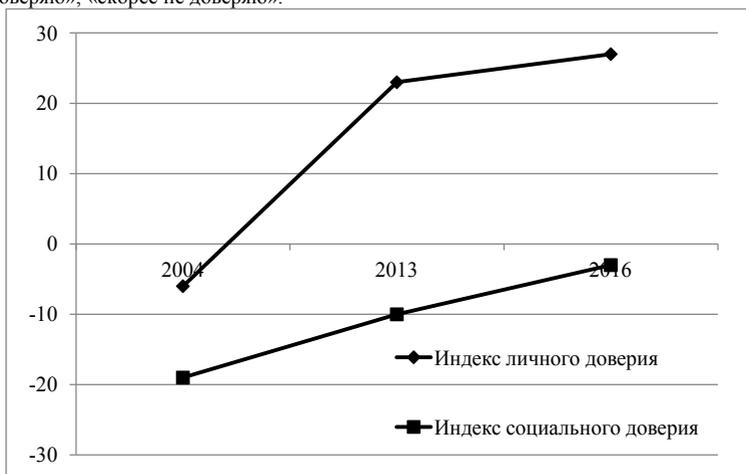

Рис. 1. Динамика индексов личного и социального доверия работодателям.
Dynamics of indexes of personal and social trust by the employer.

Учитывая, что индекс социального доверия в Тюменской области по-прежнему в зоне отрицательных значений, стимулирующая роль доверия к работодателю как социокультурного фактора модернизации не проявляется в полной мере. Несмотря на относительно высокие значения персонализированного доверия, значимых преимуществ для развития социально-экономической системы это пока не дает, поскольку личное доверие трансформируется в социальное достаточно медленно.

Дисбаланс между личным и социальным доверием к работодателю приводит к рассогласованию ожиданий и обязательств в отношениях работодателя и работника, формированию "двойных стандартов". Согласно прежним нашим исследованиям (2013 год), работники предъявляют к работодателю требования более высокие, чем их готовность соблюдать свои обязательства, допуская в определенных случаях обман работодателя, но при этом считая неприемлемым такое поведение с его стороны [6].

Таким образом, рост персонализированного доверия к работодателю, хоть и отражается на показателях участия в создании и/или внедрении новшеств, сам по себе не является социокультурным фактором модернизации. В качестве доказательства данного утверждения можно рассчитать показатель частной корреляции между инновационной активностью и до-

верием своему работодателю, исключив влияние "доверия социального", который оказывается совершенно не значим (коэффициент корреляции 0,016 при значимости 0,595, т.е. $>0,05$). Чтобы доверие в трудовых отношениях стало фактором модернизации не только отдельной организации, но и всей экономики региона (страны), необходимо преобразование персонализированного доверия к руководству своей организации в обобщенное доверие предпринимателям и бизнес-сообществу, как потенциальным партнерам. Закономерно, что связь данного показателя с инновационной активностью сохраняется даже при исключении влияния "доверия личного" (значимость частной корреляции 0,017, т.е. $>0,01$, но $<0,05$).

На сегодняшний день, потенциал доверия в трудовых отношениях как социокультурного фактора модернизации не высок, о чем свидетельствует низкий уровень социального доверия работодателям, связанный с нарушением баланса ожиданий и обязательств в трудовых отношениях. Даже единичные случаи нарушения прав работников работодателями провоцируют ответную реакцию, формируя недобросовестное отношение к работе, допускающее возможность обмана и нарушений интересов работодателя. Все это снижает темпы накопления социального доверия, что в свою очередь тормозит процесс модернизации в регионе и стране.

Заключить хотелось бы на позитивной ноте. Даже развивающийся в настоящее время социально-экономический кризис не изменил положительную тенденцию накопления доверия в обществе, что дает определенные надежды на оптимизм: доверие создает новое качество доверия, постепенно накапливаясь в форме успешного личного опыта взаимодействия с работодателем, оно может быть в будущем использовано как социальный ресурс модернизационных изменений.

Список литературы

1. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М.: АСТ: Хранитель, 2006. С. 179-181.
2. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности и социальный капитал как основа социально-экономического развития // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2, № 1. С. 17-35.
3. Седюкова Е.А., Безгласная Е.А. Неэкономические факторы и их влияние на успешность модернизации экономики // Научный электронный архив. URL: <http://econf.rae.ru/article/6442> (дата обращения: 11.04.2016).
4. Ерохина Е.В. Инновационная активность региона: проблема, оценка и возможности стимулирования // Общество: политика, экономика, право. 2015. № 2. С. 22-27.
5. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация - 2010). М., МФРАН, 2010.
6. Тарасова А.Н., Андрианова Е.В. Проблемы доверия в отношениях работодатель - работник // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 647.
7. Экономика и социология доверия / [под. ред. Ю.В. Веселова]. – СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2004. – 192 с.

**РОЛЬ МАЛОГО БИЗНЕСА В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ²⁰**

**THE ROLE OF SMALL BUSINESSES IN THE DEVELOPMENT
OF THE CENTRAL CHERNOZEM REGIONS**

А.В. Хорошилова
Anastasia V. Khoroshilova

Курский государственный университет, Курск, Россия
Kursk State University, Kursk, Russia

Статья посвящена состоянию малого бизнеса в Центрально-Черноземном регионе и выявлению проблем, с которыми сталкиваются руководители малых предприятий. Приводятся результаты экспертной оценки руководителей малых предприятий Курской области 2016 г.

The article is devoted to the state of small business in the Central Chernozem region and identifying problems faced by managers of small businesses. The results of expert assessment of managers of small enterprises of Kursk region in 2016.

Ключевые слова: *малый бизнес, предпринимательство, модернизация, Центральное Черноземье.*

Keywords: *small business, entrepreneurship, modernization, Central Chernozem region.*

Развитие малого предпринимательства в регионе способствует оздоровлению экономики не только региона, но и страны в целом. Ведь именно в этом секторе бизнеса формируется и функционирует значительный объем ресурсов, он оказывает влияние на темпы экономического роста страны, структуру валового внутреннего продукта, занятость населения.

Как самостоятельный и незаменимый элемент рыночной экономики малое предпринимательство способствует структурной перестройке экономики, укреплению экономической базы регионов, увеличивает общие объемы производства и розничного товарооборота, создает благоприятную среду для развития конкуренции, обеспечивает занятость значительной части населения, стимулирует внедрение достижений научно-технического прогресса [1]. По справедливому мнению О.Н. Бочаровой, несмотря на проводимый государством комплекс мероприятий по поддержке российского предпринимательства, их недостаточно, чтобы вывести малый и средний бизнес на тот уровень, который представлен в экономически развитых странах. Поэтому в перспективе необходимо увеличение финансовых ресурсов государственной поддержки, понижение ставки налогооблагаемой базы, привлечение инвесторов, повышение мотивации для создания собственного бизнеса [2].

Перед малыми предприятиями стоят такие цели, как открытие новых сегментов рынка, освоение и внедрение новых продуктов и технологий. Также они должны играть роль главных поставщиков продукции, повышая тем самым наукоемкость и конкурентоспособность производства, что задает основы для формирования нового технологического уклада.

Проблема нашего исследования состоит в противоречии между необходимостью повышения роли малых предприятий в процессе развития и модернизации российских регионов и реальными практиками функционирования данных предприятий. Проблема находит

²⁰ Работа выполнена в рамках проекта «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья» (№ 15-03-00506).

проявление в наличии ряда факторов, препятствующих благополучному развитию малого предпринимательства.

Базовая гипотеза заключается в предположении, что субъекты малого бизнеса играют существенную роль в развитии региона, но осуществлению их модернизационной деятельности мешают определенные препятствия. Данная базовая гипотеза конкретизируется в следующих гипотезах-следствиях:

1. Малый и средний бизнес обладает способностью повышения конкурентоспособности региона.

2. В процессе своей деятельности малые и средние предприятия сталкиваются с рядом препятствий, среди которых наиболее значимы проблемы взаимоотношений с органами власти, недостаток квалифицированных кадров, повышающееся налогообложение.

С целью проанализировать текущее состояние малого бизнеса региона, а так же выявить его модернизационные возможности и проблемы развития, в июле 2016 года нами была проведена экспертная оценка роли малого и среднего бизнеса в модернизации региона. В экспертной оценке приняли участие 30 руководителей малых и средних предприятий Курского региона. Помимо того, нами использованы материалы регионального полевого социологического исследования, проведенного Комитетом потребительского рынка, развития малого предпринимательства и лицензирования Курской области в 2016 году. Этот опрос был посвящен оценке доступности мер государственной поддержки малого и среднего предпринимательства на территории Курской области, в нем приняли участие 480 предпринимателей, в подавляющем большинстве представители малого бизнеса (99% опрошенных ответили, что численность работников в бизнесе не превышает 100 человек).

Также нами привлечены результаты исследования, проведенного в 2013 году липецким исследователем С.В. Владимировой, в ходе которого был дан анализ эволюции форм и видов государственной поддержки малого бизнеса в Липецкой области, показан вклад субъектов малого бизнеса в инновационный потенциал региона [5]. Обратимся к анализу результатов проведенных исследований.

В проведенном нами экспертном опросе приняли участие, в большей мере, руководители предприятий, занимающихся оптовой и розничной торговлей (40%) и сферой услуг (23,3%). В сфере строительства задействованы только 13,3%. В наименьшей степени опрошенные руководители заняты в обрабатывающей (6,7%), пищевой промышленности (6,7%) и сельхозпроизводстве (3,3%). Стоит заметить, что 13,3% респондентов, выбравших вариант «Другое», заняты в активно развивающихся сегодня отраслях: гостиничном туризме, IT-отрасли и консалтинговой деятельности.

Как показали полученные нами данные, 66,7% респондентов стали предпринимателями в результате собственного осознанного решения, 20% пришли к предпринимательству в связи с невозможностью устроиться на работу, 10% приобрели уже готовый бизнес и только 3,3% готовый бизнес достался по наследству. Отметим, что в результате приватизации предпринимателем не стал ни один респондент. Мы можем сделать вывод, что в большинстве случаев решение быть предпринимателем является самостоятельным и осознанным выбором. При этом большинство руководителей, принявших участие в опросе, занимаются бизнесом более 4 лет (73,3%).

56,7% респондентов поделились, что в настоящее время их предприятия переживают некоторый спад своей активности, у 36,7% руководителей предприятия работают ровно и стабильно, и только у 6,6% организация переживает подъем в своей деятельности. Это говорит о том, что сегодня существуют проблемы, препятствующие развитию большей части субъектов малого и среднего бизнеса.

Что касается перспектив развития предприятий, 40% руководителей считают их удовлетворительным, 36,6% хорошими, и только 6,6% отличными. 16,7% предпринимателям трудно сказать, какие перспективы у их предприятия. Стоит отметить, что вариант «Не вижу перспектив развития» не выбрал ни один предприниматель.

Мы спросили руководителей предприятий, с чем они связывают перспективы развития своей организации. Ответы разделились в соответствии с оценкой предпринимателями своих перспектив. Те, кто оценивали их как «хорошие» и «отличные», связывают это с ростом спроса на предлагаемые ими товары и услуги, например, на IT-продукцию, а так же с уменьшением числа иностранных конкурентов. Напротив, те предприниматели, которые видят свои перспективы удовлетворительными, объясняют это кризисом в стране, подорожанием закупок, высокой конкуренцией, а так же тем фактом, что у жителей региона «нет денег».

Создание нового бизнеса нуждается в стартовом капитале, поэтому проблема финансирования нового дела на начальном этапе является очень важной. По мнению опрошенных экспертов, минимальный стартовый капитал для начала ведения бизнеса в среднем – 1,7 млн рублей. При этом большинство экспертов (36,7%) назвали минимальным стартовым капиталом 1 млн рублей. При этом поддержку от государства при старте бизнеса получали только 10% респондентов, остальные 90% ответили, что данной поддержки они не имели.

Мы задали руководителям малых и средних предприятий вопрос о том, каков основной источник начального финансирования их бизнеса. Большинство предпринимателей начинали свое дело на собственные средства (43,3%), немного реже на средства семьи (23,3%). Краткосрочными и долгосрочными кредитами респонденты пользовались редко (13,3% и 10% соответственно). Иногда начальным источником являлась заработная плата в другой организации (6,7%) или займы у знакомых (3,3). Мы можем сделать вывод, что по большей части предприниматели рассчитывают на собственные силы средства, нежели на помощь государства. Кредит для начала ведения деятельности использовали только 30% респондентов.

На вопрос о том, получали ли предприниматели гарантии по кредиту, 100% дали отрицательный ответ. Что касается доступности получения финансовых ресурсов для начала ведения бизнеса, мы попросили руководителей организаций оценить ее по 10-бальной шкале, где 1 – получение финансовых ресурсов практически невозможно, 10 – не составляет труда. Средняя оценка респондентов составила 4,9, что говорит о том, что по мнению предпринимателей финансовые ресурсы возможно получить, но для этого придется приложить достаточно усилий.

Малый и средний бизнес сегодня страдают от высокой налоговой нагрузки. Мы попросили руководителей предприятий оценить справедливость налоговой нагрузки и взносов в фонд социального страхования по 10-бальной шкале. По результатам оценки лишь 6,7% респондентов ответили, что все налоги справедливы. Согласно оценке подавляющего большинства респондентов (93,3%), средняя оценка справедливости налогов составила 4,7, а взносов в фонд социального страхования – 4. Как мы видим, обе оценки справедливости налоговой нагрузки находятся на уровне ниже среднего. По нашему мнению, развитие малого бизнеса будет проходить намного эффективнее в комфортных условиях жизнедеятельности, созданных государством, без постоянного увеличения налоговой нагрузки.

Что касается вхождения на региональный рынок, то средняя оценка респондентами его доступности по 10-бальной шкале составила 5,2. При этом большинство опрошиваемых (76,7%) не сталкивались со случаями платы за вхождение на региональный рынок. Оценивая по 10-бальной шкале влияние административных барьеров на условия ведения предпринимательской деятельности в Курском регионе, предприниматели так же оценили его в среднем баллом 4,83. Это говорит о том, что не смотря на существующие трудности вхождения на рынок и административные барьеры, ведение бизнеса в регионе все же возможно на должном уровне.

Такой вывод мы можем так же сделать из результата оценки респондентами уровня действия региональной власти развитию бизнеса (также по 10-бальной шкале). Средняя оценка составила 4,53. При этом, отвечая на вопрос о том, какие конкретные методы поддержки от государства получали предприниматели, 70% ответили, что никакой поддержки они не получали. 13,3% были оказаны правовые и консультационные услуги, 6,7% предоставили муниципальное помещение. Остальные методами поддержки – такие, как налоговое

консультирование, микрофинансирование, налоговые льготы и субсидии на начало бизнеса – получили по 3,3% респондентов. Стоит отметить, что субсидии по модернизации и на инновации не получал ни один респондент.

Что касается разработки инноваций, только 20% руководителей ответили, что их компания является инновационной. При этом из этих 20% поддержку как инновационное предприятие не получала ни она компания (ответ «нет» на вопрос «Получали ли Вы поддержку как инновационное предприятие?») выбрали 100% респондентов). Что касается инноваций, разрабатываемых на инновационно-ориентированных предприятиях, 50% составляют продуктовые инновации. По 33,3% респондентов отметили разработку процессных, организационных и маркетинговых инноваций. Один руководитель малого предприятия, выбравший вариант «Другое» (16,7%), указал, что его организация занимается культурно-туристическими инновациями.

Вместе с тем заметим, что подавляющее большинство респондентов отметили, что за последние два года на их предприятиях произошли изменения, чаще всего позитивные. По большей мере эти изменения относятся к улучшениям условий труда (60%), расширению рынков сбыта и повышению профессионального уровня персонала (по 56,7%), повышению прибыли (46,7%), изменению дизайна товаров и услуг (43,3%). Руководители предприятий также отмечают увеличение объемов продаж (30%) и реализацию современных методов управления (30%). Только 10% предпринимателей отметили, что на их предприятии не произошло никаких изменений.

Оценивая внутренние причины, мешающие предпринимателям заниматься новыми видами деятельности, 10% респондентов ответили, что им ничего не мешает. По результатам оценки подавляющего большинства респондентов можно сказать, что в наибольшей степени им препятствуют сложности с поиском потенциальных инвесторов инновационного проекта (3,5), отсутствие технических возможностей для проведения научно-исследовательских работ (2,8), недостаток собственных денежных средств (2,4) и недостаток информации о потенциальных покупателях инноваций (2,4).

Что касается внешних факторов, препятствующих занятием новыми видами деятельности, также 10% респондентов ответили, что им ничего не мешает. По оценке остальных 90% респондентов мы можем сделать вывод, что в наибольшей степени руководителей малых предприятий волнует риск не окупить инвестиции (3,6), недостаточная финансовая поддержка (3,2), недостаточно льготные условия получения кредита (3,1), а также несовершенство федеральных и региональных нормативно-правовых документов, регламентирующих деятельность МСП (2,4 и 2,3 соответственно).

Результаты опроса комитета потребительского рынка, развития малого предпринимательства и лицензирования Курской области также показали, что по мнению предпринимателей в Курской области необходимо создавать дополнительные объекты инфраструктуры поддержки субъектов МСП, и в наибольшей степени предприниматели нуждаются в производственных и технологических парках (52%). Респонденты также отметили, что в регионе необходимо создавать офисы лицензирования (27%), центры трансфера технологий (12%) и инновационные центры (9%) [3].

Что касается кадровых ресурсов, то по результатам проведенной нами экспертной оценки, оценивая их доступность по 10-бальной шкале, руководители предприятий региона дали среднюю оценку 4,7. Каждый второй опрошенный руководитель (53,3%) также считает, что подготовка специалистов вузами и учебными заведениями недостаточно высока. При этом треть (33,3%) все же считают подготовку достаточной, 13,4% затруднились ответить на этот вопрос. Выиграть в конкурентной борьбе малому бизнесу возможно только за счет повышения производительности и интенсивности труда и эффективного управления, а для реализации этого условия необходимы грамотные, подготовленные кадры. Следует согласиться с Ж.К. Леоновой, которая замечает, что недостаточное финансовое обеспечение для организации и проведения подготовки и переподготовки кадров является одной из причин, препятствующей активному развитию предпринимательства. Она так же приходит к выводу, что

выходом из данной ситуации может стать государственно-частное партнерство в сфере подготовки и переподготовки кадров для предпринимательства, эффективность которого иллюстрирует опыт мировой практики при реализации социальных и экономических проектов [4].

Сами же предприятия не принимают активного участия в программах обучения предпринимателей. Только 16,7% опрошенных ответили, что участвовали в подобных программах, остальные же 83,3% отметили, что участия в них не принимали. Для существенного роста и развития предпринимательства региона требуется общая ориентация профессионального образования на подготовку кадров, отвечающих требованиям формирующейся новой экономики. Сам характер деятельности современного предпринимателя в рыночных условиях требуют от него постоянного повышения квалификации.

Мы видим, что субъекты МСП нуждаются в широком спектре ресурсов, прежде всего, финансовых, необходимых для благополучного развития предприятий. Согласно опросу комитета потребительского рынка, развития малого предпринимательства и лицензирования Курской области, 49% предпринимателей оценивают уровень доступности финансово-кредитных ресурсов как средний, 43% считают его низким и только 8% предпринимателей считают уровень доступности высоким. Уровень же информационно-консультационных и обучающих услуг для предпринимателей 47% респондентов считают средним и 42% высоким, только 11% назвали его низким. Также стоит заметить, что 74% респондентов считают, что они в достаточной мере проинформированы о направлениях и формах государственной поддержки в Курской области. Безусловно, добиться успеха сегодня могут те предприниматели, которые хорошо владеют нормативно-правовой информацией и те, кто постоянно пополняют свои знания, но важнейшим направлением по-прежнему является финансово-кредитная поддержка малого предпринимательства. Несмотря на предусмотренные всеми федеральными программами меры, механизм оказания финансовой поддержки малому бизнесу следует сделать более доступным. Но в Центральном Черноземье продолжают существовать и другие проблемы, тормозящие развитие малого предпринимательства. Так в 2013 году в Липецкой области С.В. Владимировой был проведен анализ форм и видов государственной поддержки малого бизнеса. На основе своих наблюдений автор выявила такие проблемы, как отсутствие должной деловой этики, хозяйственной культуры, структурные и технологические изменения в экономике, недостаток управленческого опыта [5].

Что касается нормативно-правовой информированности, то, как выявил социологический опрос Курской торгово-промышленной палаты, курским предпринимателям практически недоступна (особенно в сельской местности) информация об изменениях законодательства в части защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, о введении в действие уведомительного порядка начала отдельных видов деятельности, информация о мерах государственной поддержки малого бизнеса [6]. Поэтому молодым предпринимателям приходится прибегать к услугам платных юристов для грамотного составления документов регистрации предприятия или ИП.

Таким образом, субъекты малого бизнеса способны принимать участие в модернизации региона и могут сыграть в ней очень важную роль, но продолжает существовать ряд проблем, препятствующих развитию малого предпринимательства. В большей степени это экономическая проблема – недостаток собственных средств предпринимателей, высокая налоговая нагрузка. Уровень стимулирования и поддержки малого бизнеса со стороны государства также продолжает оставаться недостаточным. Также очень немногие представители малого бизнеса вовлечены в систему инноватики. Инновационность всегда была присуща именно малым предприятиям, поэтому стоит вопрос о создании эффективной системы поддержки предпринимателей, включенных в этот процесс.

Для развития предпринимательской деятельности также необходимы определенные государственные преференции относительно малого бизнеса. Так же администрации региона необходимо предпринять меры, способствующие созданию благоприятного как инвестиционного климата в регионе. Наряду с этим необходимо проводить мероприятия, информи-

рующие предпринимателей о возможных источниках ресурсов, активнее привлекать предпринимателей к участию в обучающих программах.

Список литературы:

1. Казыбайкызы А., Смагулова Ж. Б., Берикболова У., Муханова А. Е. Роль малого и среднего бизнеса в современной экономике // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 3-3. С. 424-427.
2. Бочарова О.Н. Перспективные направления развития малого и среднего бизнеса в новых условиях // Социально-экономические явления и процессы. 2014. №6 С.11-15.
3. Оценка доступности мер государственной поддержки малого и среднего предпринимательства на территории Курской области. Курск, 2016 г.
4. Леонова Ж.К. Формирование стратегии развития государственно-частного партнёрства // Известия МГТУ. 2014. №2 (20). С.74-80.
5. Владимирова С.В. К вопросу о значении малого бизнеса в развитии региональной экономики // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 9 (055). С.17-21.
6. Курская торгово-промышленная палата: https://kursk.tpprf.ru/ru/small_business/ (дата обращения 10.07.2016 г.).

Часть 3.
Жизненные миры населения, здоровье, экология и
процессы модернизации в местных сообществах
(муниципальных образованиях)

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА «ЖИЗНЕННЫХ МИРОВ», «ПЕРВИЧНЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ», «ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ» И «РАДИУСОВ ДОВЕРИЯ»:
ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ²¹**

**ANTHROPOLOGICAL PARADIGM OF "LIFE-WORLDS", "THE PRIMARY TERRITORIAL COMMUNITIES", "SETTLEMENT IDENTITY" AND "RADIUS OF TRUST":
THE PHILOSOPHICAL AND SOCIOLOGICAL ASPECTS**

В.А. Давыденко, Г.Ф. Ромашкина
Vladimir A. Davydenko, Gulnara F. Romashkina

Тюменский государственный университет, Финансово-экономический институт
State educational institution of higher professional education Tyumen state University

В статье проведена попытка представить антропологическую парадигму жизненных миров в сопряжении с такими понятиями, как первичные территориальные общности, поселенческие идентичности, радиусы доверия, рассмотренные в различных философских и социологических аспектах.

In this article the author attempts to present anthropological paradigm of life worlds in conjunction with such concepts as primary territorial community, location identity, radii of trust are considered in various philosophical and sociological aspects.

Ключевые слова: антропологическая парадигма жизненных миров, первичные территориальные общности, поселенческие идентичности, радиусы доверия.

Keywords: Anthropological paradigm of life worlds, primary territorial community, location identity, radii of trust.

Введение. Термин *жизненный мир (Lebenswelt)* переместился из специфического феноменологического поля философской науки в семантическое пространство как других наук, так и социальных практик и, в частности, стал предметным основанием одного из ключевых тематических направлений конференции: «Социокультурное исследование и проектирование этапов модернизации российских регионов и муниципалитетов». В своём английском варианте термин *жизненный мир (life-world)* употребляется в нефилософских науках, политике, mass media; социологический инвариант этого концепта используется в России [1], новые версии операционализации и верификации убедительно прозвучали в научных работах недавнего времени, выполненные Н.И. Лапиным [2] и Ж.Т. Тошенко [3]. *Цель*, которую авторы преследует в статье, состоит в том, чтобы обнаружить сопряжённые теоретико-методологические конструкты философской парадигмы «жизненные миры» с социологическими концепциями и подходами: первичные территориальные общности, поселенческие идентичности, радиусы доверия, интенции и мотивации действия – с тем, чтобы на базе выявленных семантических и смысловых единиц попытаться объединить на общей научной платформе. *Задачи*, решение которых приводит к поставленной цели – это выявление и представление новой социологической концепции – сопряжённой парадигмы первичных территориальных общностей и акторов жизненных миров, соотносимых между собой как таких, которые повсеместно сохраняют и отстаивают свои базовые функции по символическому, институциональному и социально-экономическому воспроизводству на уровне поселения, или муниципалитета (регион в целом, страна – другие «территории»).

²¹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект №16-03-00500.

Жизненный мир понимается нами, в первом приближении, как сопоставление опыта и действий человека и его референтной группы в их повседневной жизнедеятельности в виде смыслового контента как содержания информационного ресурса, определяющего специфику актуальных форм жизнедеятельности акторов и их эвристической активности. Высокие значения приобретают такие смысловые образования, которые продуцируются акторами разных уровней в рамках специализированной социокультурной деятельности.

На базе представленного концептуального подхода обосновывается необходимость критического осмысления жизненных обстоятельств, которые становятся предпосылками обретения как достоверного знания, так и понимания структур и компонентов жизненного мира. Ключевые моменты, теории и парадигмы «жизненного мира» разрабатывались в феноменологической философии и феноменологической социологии (П. Бергер [5], Э. Гуссерль [4], Т. Лукман [5], Ю. Хабермас [6-14], П. Филмер [15], А. Шюц [16, 17] и в социологии (Н.И. Лапин [2], Ж.Т. Тощенко [1, 3], Г.Ф. Ромашкина [18], В.А. Давыденко [18]). В частности, как показали наши эмпирические исследования, уровни идентичности и интенции (мотивации) жителей, сопряжённые со своим «поселением» - в 4-5 раз выше, чем их идентичности / интенции в их «регионах» и «страной в целом» [18].

Обзор литературы. Антропологическая проблематика *жизненного мира* составляет одно из важнейших направлений современных философских, культурологических и социологических исследований. В научный оборот понятие *жизненный мир*, как известно, ввёл Э. Гуссерль [4], как мир, на который направлено интенциональное сознание. Хотя это понятие обладает кажущейся простотой, вызывающей комбинацией употребительных слов: «жизнь» [*das Leben*] и «мир» [*die Welt*], тем не менее, оно имеет достаточно глубокие смыслы, структуры и значения. Если «жизненный мир» – это intersубъективный мир, и именно в понятии intersубъективности кристаллизуются возможности более тесного союза между феноменологией и социологией; то «социальный мир» – это «другой мир», конституированный смыслом, который имеет значение и структуру релевантностей. Люди определенным образом расчлениают и переосмысливают «социальный мир» при помощи набора обыденных конструкций, детерминирующих их поведение, определяющих цели их деятельности, включающие те доступные средства, которые помогают им определиться – с тем, чтобы жить и действовать в согласии с этим миром. Intersубъективность – ключевое понятие феноменологического объяснения социального мира. Этим термином обозначаются социальные процессы, служащие конституированию повседневного мира как мира значений о самом этом мире, существующих в форме взаимосогласованных типических представлений индивидов. Наиболее глубоко это понятие анализируется в фундаментальных работах и статьях М.В. Мотрошиловой [19-22], ведущим специалистом по философии Э. Гуссерля. А. Шюц, как последователь Э. Гуссерля, стал говорить уже не столько о *жизненном мире* «*Lebenswelt*», сколько о *повседневном жизненном мире* «*alltägliche Lebenswelt*», об *обыденной жизни* «*Alltag*» и о *повседневности* «*Alltäglichkeit*» [16, 17]: феноменолог должен описать не просто и не только свое собственное сознание, он должен описать также и жизненный мир, когда «адекватность» объяснения достигается показом того, что социологическая модель согласуется с тем, как мыслят действующие лица. Для своего феноменологического подтверждения те или иные социологические данные и их интерпретации должны быть вновь возвращены в жизненный мир. Уточняя эту позицию, П. Филмер [15] отмечал, что социологи редко отчетливо формулируют или эксплицируют процедурные правила, которыми они руководствуются при выработке или практическом использовании понятий, и отношения между социологическими понятиями и жизненным миром приобретают некий проблематичный характер. Феноменологический подход к прояснению своих понятий резко отличается от подходов, свойственных другим направлениям, – подчеркиванием необходимости установления связи между базовыми понятиями и жизненным миром. Прояснение понятий может увести исследователя далеко от жизненного мира, тогда как цель феноменологии – обнаружить в жизненном мире их эмпирические основания. «Феноменологическое прояснение социологических понятий – это поистине бесконечная задача, ибо постоянно возникают новые понятия (например, те,

что вводятся самой феноменологией), а существующие претерпевают постоянные, часто незаметные изменения значения. Задача, таким образом, состоит не столько в экспликации и выработке дефиниций ... сколько в описании истории значений данного понятия» [15: 231]. В философских трудах М. Хайдеггер, как известно, переосмыслил тематику жизненного мира применительно к исследованию человеческого бытия в новом контексте экзистенциализма [23]: важное место отводится изучению фундаментальных структур человеческого существования. «Повседневность», согласно М. Хайдеггеру, - это способ существования «Здесь-Бытия» («Dasein»), его важнейший модус, связанный с выработкой естественного понятия о мире, потребность в котором уже давно беспокоит философию [23: 194-210], и являясь непосредственной очевидностью человеческой жизни, «повседневность» представляет собой существование еще неосмысленное, а потому «не подлинное». В нем отсутствует элемент свободного самоопределения, конституирования экзистенции. «Повседневность» по М. Хайдеггеру – это среда обитания «усредненного человека», «не умеющего осознать» своей онтологической ответственности и вследствие этого ещё не состоявшегося в бытии («*man*»). Быть, существовать свободно и осмысленно обычному человеку мешает погруженность в череду мелких дел, а потому главным экзистенциальным определением жизненного мира («Dasein») оказывается «забота» [23: 371-376 и др.]. Понятия «жизненный мир» и «повседневность» в работах П. Бергера, Т. Лукмана, А. Шютца [5, 16-17] рассмотрены в том широком смысле, когда они выступают основой дифференциации способов отношения к миру. Предельно глубоко погружаясь в их работы, можно обнаружить имплицитную логику в развитии концепта жизненный мир от исходного философско-методологического анализа (Э. Гуссерль) к экзистенциальным (М. Хайдеггер) и социально-феноменологическим (А. Шютц) смыслам и в дальнейшем – к использованию ими эвристического потенциала в целях исследования оригинальных социально-философских стилистик жизненного мира и жизненной среды, пределов самореализации индивида и его референтных групп. Жизненные мир общества, по сути дела, создается благодаря деятельности людей, имеющих субъективные значения [Э. Дюркгейм], подобно тому, как по М. Веберу общество представляет собой объективную фактичность. Двойственный характер общества в терминах объективной фактичности и субъективных значений придает характер “реальности *sui generis*”, используя другой ключевой термин Э. Дюркгейма [5: 36]. Установки на постижение реальности жизненного мира, повседневного знания и социального конструирования реальности реализованы, как известно, в теории и практике «понимающей социологии» М. Вебера, для которого и в отношении социологии, и в отношении истории был только единый объект познания – это совокупность субъективных значений действия. Для понимания структур жизненного мира и его повседневности имеет значение веберовская концепция социального действия: как форма деятельности, которая, во-первых, содержит в себе внутреннее субъективное смысловое единство; во-вторых, по этому смыслу соотносится с действиями других людей, и, в-третьих, ориентируется на эти действия. С «социальным действием» имеем дело тогда (и только тогда), когда оно внутренне мотивировано, его субъект ожидает от других людей определенной ответной реакции, что выражается не только в наблюдаемом поведении, но и в мысленной деятельности или даже в отказе от всякого действия [24: 602-603, 625-626]. Веберовский подход к жизненному миру в экономической социологии означает, что её интересует не только наблюдаемое поведение хозяйственного агента, но и субъективная позиция: мотивы, установки, способы определения ситуации. Веберовская традиция жизненного мира ориентирует на то, что он имплицитно обладает смысловыми структурами, схемами регламентации, системами оценок, вкусов, ограничений и предпочтений, позволяющими увидеть структуру жизненного мира как организованно социально-экономическую реальность, доступную теоретическому описанию.

Достаточно сложную конструкцию из «трёх миров» предложил К. Поппер [25-29], описывая свою теорию действия: «во-первых, мир физических объектов или физических состояний; во-вторых, мир состояний сознания, мыслительных (ментальных) состояний, и, возможно, диспозиций к действию; в-третьих, мир объективного содержания мышления, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства» [28:

439]. К. Поппер таким образом полемизировал с принципом эмпиризма, согласно которому субъект непосредственно противостоит миру, получает из него благодаря чувственным восприятиям свои впечатления и воздействует посредством своих действий на состояния в нём. Анализируя данный философский подход К. Поппера с своих социологических позиций, Ю. Хабермас объяснил, почему Поппер понимал своё учение об «объективном духе» как расширение этого принципа эмпиризма, и почему ввёл понятие объективного, равно как и субъективного духа в качестве «миров», то есть особых совокупностей сущностей. По мнению Ю. Хабермаса, К. Поппер придерживался примата мира над духом и понимал второй (мир состояний сознания, мыслительных (ментальных) состояний, диспозиций к действию) и третий (мир объективного содержания мышления, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства) миры по аналогии с первым (мир физических объектов или физических состояний) – онтологически. Исходя из общего концепта мира о том, что мир является совокупностью того, что происходит; и то, что происходит, может быть зафиксировано в форме истинных высказываний, Поппер специфицировал понятия первого, второго и третьего миров через способы существования положений дел. В зависимости от того, к какому из трех миров они принадлежат, сущности обладают специфическим способом бытия: речь идет о физических объектах и событиях; о ментальных состояниях и эпизодах внутренней жизни; о семантических содержаниях символических продуктов [9: 4-5]. Эта довольно-таки сложная конструкция мира; вместе с тем, по мнению Ю. Хабермаса, она «проливает свет на интересную взаимосвязь между социологическим понятием действия и предполагаемыми им отношениями действующего субъекта к миру» [9: 6]. Подчеркнём, что в своих работах Ю. Хабермас [6-14] концепцию жизненного мира развернул в наиболее интересных контекстах для нашей тематики.

«Жизненный мир» в концепции Ю. Хабермаса сопряжён с «системами действия» (просто «системами») – первый теоретический комплекс его двойственной конструкции общества, связывающая жизненные миры и системы; теории коммуникативного действия и коммуникативной рациональности – второй его теоретический комплекс конструкции общества; «теории модерна» – третий его теоретический комплекс конструкции общества, объясняющий всё более становящиеся очевидными социальные патологии современности (для России – это особенно актуально) посредством указания на то, что коммуникативно структурированные «жизненные миры» начинают подчиняться императивам, ставшим самостоятельными, формально организованных систем действия. В том пункте, где Ю. Хабермас разработал вопрос о «патологическом воздействии» системы действий (просто «системы», связанной и с капитализмом, и с социализмом, характерной для всей цивилизации системы государства) на любые структуры и формы человеческого действия, включая жизненный мир, акцентирована на тематике «колониализации жизненного мира».

Эволюция жизненного мира приводит в парадигме Ю. Хабермаса к выделению трёх относительно независимых миров отнесения («миры отнесения» – отличны от жизненных миров) в традиции К. Поппера: объективный мир (мир, состоящий из фактов); социальный мир (социальная структура, формирующаяся вокруг коммуникации и языка, как средства человеческого общения, как источников «практического интереса», управляющего накоплением «практического знания»), и «субъективный мир» (мир культурных семантических содержаний и символических объектов, которые получают ту или иную осмысленность и которые одновременно выделяются как более высокого порядка объекты (наблюдаемых) физических и (переживаемых) ментальных событий). В парадигме Ю. Хабермаса имеют значения противоречия между системой (экономикой и государством) и жизненным миром (частной и общественной сферами), вокруг которых кристаллизуются социальные роли, например, наёмного рабочего и потребителя, клиента бюрократической общественной системы и гражданина государства [14: 130]. Уровень рационализации жизненного мира отнюдь не гарантирует отсутствие конфликтов в ходе процессов воспроизводства. По мере дифференциации структур жизненного мира в парадигме Ю. Хабермаса спектр форм проявления «общественных патологий» становится все более разнообразным – в зависимости от того, какие именно

структурные компоненты, с какой именно стороны и в какой степени недостаточно обеспечиваются: это или потеря смысла, аномальное состояние или что-то ещё. Хозяйственной и государственной сферам присущи монетаризация и бюрократизация, когда они проникают в символическое воспроизводство жизненного мира, а не только в его материальное воспроизводство: тогда неизбежно возникают «патологические побочные следствия» [12: 359]. Реконструируя в сжатом виде многообразное исследование жизненного мира у Ю. Хабермаса, мы получаем следующие ключевые моменты современной эпохи в его терминах: рационализация жизненного мира через переориентацию на деньги и власть; вычленение хозяйства и государства как систем действия, для которых жизненный мир становится внешним миром; экономический рост, с одной стороны, и автономизация управления в бюрократических обществах, с другой – углубляют «колонизацию жизненного мира»; при возникновении неравновесий и кризисов в системах действия появляются патологии, процессы овеществления коммуникативных действий и ложной демонстрации коммуникативных отношений – именно то, что воочию наблюдаем в сегодняшней России. Важно для развития нашей темы субстантивистское направление К. Поляни [30, 31], который ввёл и обосновал тезис об укоренённости (встроенности) [*embeddedness*] экономического действия в социальных структурах, при этом укоренённость напрямую связывалась с жизнедеятельностью местных сообществ; что имеет ключевое значение для обоснования нашей гипотезы. Семантика использования денег, разработанная К. Поляни, имеет значение: этот концепт углубляет и дополняет фундаментальные положения жизненного мира, разработанные Ю. Хабермасом.

Базовая гипотеза исследования. Специфика образования жизненных миров на уровне поселения (муниципалитета), состоит в том, что они возникают и функционируют на почве различных взаимодействий и коммуникаций, которые удовлетворяют антропологическую потребность во взаимной деятельности и взаимопонимании, при этом реализуется механизм региональной укоренённости [*regional embeddedness*] всех акторов деятельности.

Методы исследования. Авторами проведён философско-социологический анализ антропологической парадигмы сопряжённых понятий жизненных миров, первичных территориальных общностей, поселенческих идентичностей и радиусов доверия. Авторы статьи участвовали в отработке инструментария «Социокультурных портретов», на базе которого проводились репрезентативные социологические опросы, начиная с 2006 г. [18].

Результаты исследования. Ключевая особенность «жизненных миров», по мнению авторов, состоит в том, что они существуют в первичных (поселенческих) общностях, с которыми взаимодействуют его жители, что операционализируются на уровне территориальной идентичности [*territorial identity*] и верифицируются в категориально-понятийной паре: «идентичность» и «интенция» (мотивация) в их пространственных проявлениях. Имеет значение и то, что эти первичные территориальные общности и жизненные миры повсеместно сохраняются и совместно отстаивают свои базовые функции, иначе невозможно ни их взаимопонимание, ни их совместная деятельность. Гипотеза укоренённости жизненных миров связывается с «субстантивистской» школой [*substantivist school*] в антропологии Карла Поляни [30, 31]; есть у неё очевидная связь с веберовской и марксистской традициями. Предполагается наличие социокультурных связей, обнаруживаемых с помощью корреляций признаков региональной укоренённости [*regional embeddedness*], территориальной идентичности [*territorial identity*] и доверия, операционализируемых как *радиусы доверия* [*trust radii*] физических лиц [32], которые входят как модели смысловых структур в жизненные миры. На «своей территории» радиусы доверия, как правило, увеличиваются, выходя далеко за рамки своей семьи, и происходит это в условиях, когда помогает обретению людьми надёжных ориентиров история их интеракций, очерчивающих контуры их поведения по отношению друг к другу. Одновременно подтверждается высокий социальный уровень идентичности – внутренней солидарности человека с социальными, групповыми идеалами и стандартами. Укрепление идентичности и расширение радиусов доверия физических лиц определяют их принадлежность к целостной региональной структуре, осознание своей сопричастности и определенного положения в ней. Идентичность и радиусы доверия, встроенные в системы

жизненных миров, помогают их обладателям найти свою социальную нишу, реализовать свою потребность в самоактуализации, найти свое место в региональном социуме. Функционирующее доверие как один из компонентов жизненного мира может рассматриваться в качестве важного ресурса практической деятельности в регионе, и вместе с региональной идентичностью можно охарактеризовать в известном смысле как специфический возобновляемый ресурс социальной региональной практики. На основе региональной идентичности развиваются наиболее позитивные символические черты местного сообщества, обладающего ярко выраженными маркерами, в которых лидерами региона (местными элитами) воплощаются социальный и символический виды капиталов, жёстко позиционирующих локальные интересы и региональные практики. Региональное пространство становится тем местом, которое наполняется символическим содержанием и символическим капиталом, воплощающихся в системах эффективных символов для дальнейшего развития данной территории. Рассматриваемые категории жизненного мира работают как эмерджентные структуры, и регион становится в тех или иных границах *самовоспроизводящейся социальной общностью* [Н.И. Лапин; 33]. В теоретическое ядро предлагаемой концептуальной схемы социального воспроизводства региона и жизненных миров его жителей входит совокупность основных направлений, как региональное пространство и территориальная общность; территориальные интересы и территориальное поведение, региональная и поселенческие идентичности, радиусы доверия. Для практического продвижения концептуальной идеи проекта необходимо, на наш взгляд, выйти за рамки "упрощенных" (экономических, политических, социальных, институциональных, психологических и т. д.) моделей, ограничив поле их применения решением наиболее актуальных задач регионального регулирования жизненных миров представителей первичных территориальных общностей. Региональная и поселенческая детерминанты придают своеобразие и конкретность социально-экономическим и социокультурным моделям их поведения. Необходимость новых подходов к анализу социального поведения «первичных территориальных общностей» и «жизненных миров» их представителей диктуется сегодня не только исследовательскими поисками, но и потребностями социальной практики.

Заключение. Представленный теоретический обзор свидетельствует о достаточной концептуальной широте и теоретической глубине современных трактовок проблематики жизненного мира. Хотя на протяжении долгого времени преимущественно внимание уделялось его философским и феноменологическим аспектам, и антропологический и функционально-структурные контексты современных реалий жизненного мира оставались как бы «в тени» исследовательских интересов. *Теоретическое и практическое обоснование* реализации проекта состоит в актуальности разработки антропологического парадигмы жизненных миров и первичных территориальных общностей на уровне различных регионов России, и в современных условиях имеет большое значение как для расширения возможностей решения поставленных задач в проекте «Социокультурные портреты регионов», так и в целях воздействия на стратегические механизмы целенаправленного поведения человека, оптимизации общественного развития в целом, адекватного социального управления жизненно важными сферами (макро-, микро- и мезо- уровни), заключающихся в связи самоосуществления человека с окружающей социальной средой и его регионального пространства. Жизненный мир человека является целостной совокупностью жизненно-практических и ценностных ориентаций, установок и моделей поведения (паттернов), связывающих символику социальных отношений и природы в единый комплекс значений, смыслов и содержаний, посредством которых обеспечивается воспроизводство его бытия. Тогда жизненный мир выполняет задачу структурирования обыденного опыта и репрезентации универсальной символики культуры и действия на уровне повседневности, создавая смысловые и релевантные сопряжения, необходимые для практической реализации человеческих нужд, вкусов, запросов, потребностей.

Итак, жизненный мир является важнейшим способом человеческого существования, зримым и очевидным механизмом осуществления человека в единстве его ментальных, со-

циальных, физических компонентов. Изучая региональные сообщества, антропологи, как правило, критически оценивают местную систему смыслов и предполагают, что причинно-следственные связи и социальные категории, воплощенные в социальных обычаях, как социокультурные явления заслуживают отдельного всё более пристального внимания, на что ориентирована эта статья. Возможны и иные ракурсы анализа проблемного поля жизненных миров, иные способы систематизации. Изложенное выше представляет один из подходов к этой тематике, который, при его неизбежной своей ограниченности, намечает, тем не менее, актуальные теоретические направления исследования картины мира жителей региона и их жизненных миров.

Список литературы

1. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.): Научное издание / Под ред. Тощенко Ж.Т. – ЦСП и М., 2016. – 367 с.
2. Лапин Н.И. Новые проблемы исследований региональных сообществ // Социологические исследования. 2010. № 7 (315). С. 28–39.
3. Тощенко Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования, 2016. №1. С. 5–17.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. М.: Изд-во «Владимир Даль», 2004. – 403 с.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: “Медиум”, 1995. – 323 с.
6. Хабермас Ю. (2010) Рационализация права и диагноз современности // Социологическое обозрение. Т. 10. № 3. 2010. С. 131–155.
7. Хабермас Ю. (2009) Модернизация как общественная рационализация: роль протестантской этики // Социологическое обозрение. т. 9. № 3. 2009. С. 3–25.
8. Хабермас Ю. (2009) Теория рационализации Макса Вебера // Социологическое обозрение. Т. 8. № 3. 2009. С. 37–61.
9. Хабермас Ю. (2008) Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия // Социологическое обозрение. Том 7. № 1. 2008. С. 3–24.
11. Хабермас Ю. (2008) Проблематика понимания смысла в социальных науках // Социологическое обозрение. Том 7. № 3. 2008. С. 3–32
12. Хабермас Ю. (2003) Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. М.М. Беляева, К. В. Костина, Е.Л. Петренко, И.В. Розанова, Г.М. Северской – М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – 416 с.
13. Хабермас Ю. (2000) Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2000. – 379 с.
14. Хабермас Ю. (1993) Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 123–136.
15. Филмер П. Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978 – 392 с.
16. Шютц А. (2004) Чужак: социально-психологический очерк // Шютц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. — М.: РОССПЭН, 2004. С. 533–549.
17. Шютц А. (2003) Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.
18. Социокультурная динамика – портрет Тюменской области: колл. монография / науч. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та. 2015. – 358 с.
19. Мотрошилова Н.В. (2008) «Мир» как проблема поздней феноменологии Эдмунда Гуссерля // Историко-философский ежегодник / Коллектив авторов. Ин-т философии РАН. – М. Наука. – 2007. – 2008. – 530 с.

20. Мотрошилова Н.В. (2007а) Понятие и концепция жизненного мира в поздней философии Эдмунда Гуссерля // Вопросы философии. 2007. № 7. С. 102–112.
21. Мотрошилова Н.В. (2007b) Понятие и концепция жизненного мира в поздней философии Эдмунда Гуссерля // Вопросы философии. 2007. № 9. С. 134–144.
22. Мотрошилова Н.В. (2003) Идеи I Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М.: Феноменология–Герменевтика, 2003. – 723 с.
23. Хайдеггер М. (1997) Бытие и время / Пер. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
24. Вебер М. Избранные произведения: Перевод с немецкого / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. Москва: Прогресс, 1990 – 808 с.
25. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики (2000) / Составление Д. Г. Лахути, В.Н. Садовского и В. К. Финна; перевод с английского Д. Г. Лахути; вступительная статья и общая редакция В. Н. Садовского; послесловие В. К. Финна. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 464 с.
26. Поппер К. (1992) Открытое общество и его враги. Том 1: Чары Платона. Пер. с англ., под ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.
27. Поппер К. (1992) Открытое общество и его враги. Том 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Пер. с англ., под ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 491 с.
28. Поппер К. (1983) Эпистемология без познающего субъекта / Пер. с англ. Л. В. Блиникова // Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. – 605 с.
29. Поппер К. (1983) Логика и рост научного знания (избранные работы). М.: Прогресс. 1983. – 605 с. (Аналитическая философия)
30. Поланьи К. (2002) Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. А.А. Васильева и др.; Под общ. ред. С.Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2002. – 314 с.
31. Поланьи К. (2006) Семантика использования денег // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / Под общей ред. проф. Р.М. Нуреева – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. 2006. С. 156–172.
32. Bjørnskov Ch. Social trust and fractionalization: A possible reinterpretation // European sociological rev. – Oxford, 2008. – Vol. 4, N 3. – P. 271–283.
33. Лапин Н.И. Горизонтальная дифференциация социокультурного пространства России // Мир России. 2006. №2. С. 3–5.

ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ²²

PROBLEMS OF EMPLOYMENT AS A SOCIO-CULTURAL FACTORS MODERNIZATION

Е.В. Андрианова
Elena Andrianova

ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет», Тюмень, Россия
Tyumen State University, Tyumen, Russia

Рассматривается динамика привлекательности различных секторов экономики, уровень удовлетворённости формой собственности места работы. На примере результатов социологических исследований в Тюменской области установлено расхождение между реальным и желаемым положением дел в сфере занятости. Рассмотрены проблемы занятости как социокультурный фактор модернизации.

We consider the dynamics of attraction for workers in various sectors of the economy, the level of satisfaction with the form of the enterprise workplace property. For example, the results of sociological research in the Tyumen region found a discrepancy between the actual and the desired state of affairs in the field of employment. The problems of employment as a socio-cultural factor of modernization.

Ключевые слова: Занятость, трудовые отношения, формы собственности.

Keywords: Employment, labor relations, the form of ownership.

Социальноэкономическую сферу выделяют как одну из значимых сфер жизнедеятельности территориального сообщества [1, 29]. Рынок труда, являясь важной характеристикой регионального сообщества, отражает включенность граждан в процесс общественного производства. Поведение на рынке труда формирует и воспроизводит социально-профессиональную структуру региона, позволяющую удовлетворить потребность общества в кадрах. Важно обеспечить: взаимодействие компонентов рынка труда, сбалансированность спроса и предложения рабочей силы, реализацию права людей на труд и свободный выбор вида деятельности, создание и поддержание баланса интересов всех субъектов рынка труда как компоненты социокультурного фактора модернизации.

Несмотря на то, что в Тюменской области «развитие социальноэкономической компоненты идет опережающими темпами. Структура занятости в экономике УФО достаточно стабильна, более половины работают в обслуживающих отраслях. Однако вклад этих отраслей в ВРП крайне неравномерен, поскольку велика доля нефтегазодобывающей отрасли. В Тюменской области до 14% занятых приходится на добывающую промышленность (в ХМАО - 21% и ЯНАО - 20%). Тюменская область, ее юг - это скорее сервисный регион, слабо развита промышленность. Сильная сторона её юга - относительно высокий (по среднероссийским меркам) уровень бюджетной обеспеченности, и как следствие - наличие потенциала вторичной модернизации экзогенного типа, то есть наблюдаются высокие темпы распространения заимствованных инноваций в сфере потребления, при практически отсутствующей инновационной активности» [2, 20] результаты социологических исследований установили расхождение между реальным и желаемым положением дел в сфере занятости.

²² Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект №16-03-00500.

Исследование проводилось на данных социологического опроса 2016 года в Тюменской области (без автономных округов) по методологии Н.И. Лапина "Социокультурный портрет региона России" [3]. Объем выборки составил 1514 человек, ошибка 2,6% по одному признаку. Структура выборки по полу, возрасту и типу поселения (город/село) соответствует структуре генеральной совокупности.

Статистика распределения численности занятых в экономике Тюменской области по формам собственности более десяти лет отражает, медленное, но устойчивое сокращение доли государственности и рост частного сектора экономики (табл. 1). Что влечет определенные социальные трансформации в сфере труда. Доля населения, работающего в частном секторе экономики с 2006 г. стабильно растёт, но его темп существенно замедлился. За период с 2011 по 2014 гг. частный сектор региона вырос на 25,5 тыс. чел.

Таблица 1.

Распределение среднегодовой численности занятых в экономике Тюменской области по формам собственности (тыс. человек)

Занято в экономике по формам собственности	2011	2012	2013	2014
Российская:	647,8	651,6	654,2	662,0
государственная	113,1	115,4	114,0	112,3
муниципальная	57,9	56,6	57,0	57,7
общественных и религиозных организаций (объединений)	2,1	2,0	2,1	2,1
частная	439,1	443,7	449,4	464,6
смешанная российская	35,6	33,8	31,6	25,2
Иностранная и совместная российская и иностранная	21,5	24,7	27,3	23,2
Всего	669,3	676,3	681,5	685,1

Источник: Тюменская область без автономных округов в цифрах: Крат. стат. сб./Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. – Т., 2016. – 251с. С.26

Результаты мониторингового опроса так же демонстрируют, что тренд снижения доли государственности и роста частной продолжается. Доля работающих в госсекторе за 10 лет наблюдений снизилась на 4 пункта, доля работающих в частном секторе, испытав подъем на 10% в 2009 г., сегодня практически откатилась на 10 лет назад (рис. 1). При анализе к предприятиям государственной формы собственности отнесены: органы государственной власти или местного самоуправления, бюджетная организация или учреждение (например, школа, поликлиника и т.п.), государственные предприятия, акционерные с участием государства; к предприятиям частной формы собственности отнесены: частные, акционерные, фермерские и личные подсобные хозяйства, индивидуальная трудовая деятельность.

Рис. 1. Разделение респондентов по типу собственности предприятий, в % от числа опрошенных, 2006-2016 г.

Отдельно остановимся на распределении ответов на вопрос: «К какому типу относится предприятие (организация), где Вы работаете на основной работе?» (табл. 2).

Таблица 2.

Распределение ответов на вопрос «К какому типу относится предприятие (организация), где Вы работаете на основной работе?» (2006-2016 гг., в % от числа опрошенных)

Форма собственности		Юг Тюменской области				
годы		2006	2009	2011	2013	2016
Органы государственной власти или местного самоуправления	Государственное, муниципальное предприятие <i>(вариант формулировки в опросе 2006-2013)</i>	30	44	32	25	6
Бюджетная организация или учреждение (например, школа, поликлиника и т.п.)						15
Государственное предприятие						8
Акционерное предприятие с участием государства		11	7	5	5	6
Акционерное предприятие без участия государства		23	8	6	8	9
Предприятие, находящееся в Вашей личной собственности		4	3	2	4	3
Частное предприятие (не Ваша собственность)		13	22	21	23	19
Крестьянское, фермерское хозяйство, с/х кооператив		1	1	2	2	2
Личное подсобное хозяйство		1	1	-	1	1
Индивидуальная трудовая деятельность		1	2	5	3	3
Другое		3	1	5	0	-
Не работаю		13	8	13	6	11
Отказ от ответа		0	4	8	24	19
Итого		100	100	100	100	100

Доля граждан, работающих на основной работе на частных предприятиях «на хозяина» («не Ваша собственность») в 2006-2013 гг. демонстрировала рост, к 2016 г. произошёл откат на 4%. Индивидуальная трудовая деятельность с годами так же не становится популярнее.

Одной из характерных черт современной занятости является наличие двух или более мест работы, т.е. наряду с основной работой – дополнительная. В 2016 г. 25% имеют дополнительную работу, заметим, что в 2013 г. в области около 6% работников имели дополнительную работу. В качестве дополнительного места работы выступают все формы собственности, но индивидуальная трудовая деятельность и предприятия находящиеся в личной собственности в 2 раза чаще других выступают в качестве дополнительной работы. Скорее всего, это следствие неразвитости малого бизнеса в области и занятие индивидуальной трудовой деятельностью или частными фирмами является для населения скорее дополнительным заработком и хобби, и не рассматриваются ими как приносящие основной доход.

Целесообразно сравнить данные об основном месте работы с ответами на вопрос, где именно хотели бы трудиться работники, определив тем самым удовлетворённость работников местом работы в зависимости от формы собственности предприятия. Типы предприятий где работают люди и где хотели бы работать представлены на рис. 2.

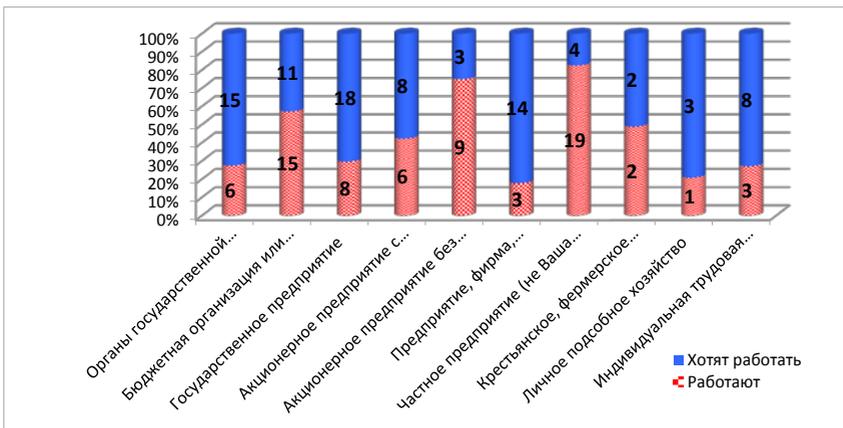

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «К какому типу относится предприятие, где Вы работаете на основной работе?» и «На предприятии какого типа Вы хотели бы работать в качестве основной работы?» (% от числа опрошенных, 2016)

Все 10 лет наблюдений фиксировалась существенная часть населения, работающего на предприятиях не той формы собственности, как желали бы. Доля желающих работать на предприятиях, находящихся в государственной собственности, более чем в 2 раза превышала работающих там. Исследование 2016 г., где государственный сектор разделен на составляющие, позволило увидеть наиболее привлекательные сектора. Так, в органах государственной власти или местного самоуправления хотят работать в 2,5 раза больше населения, чем работает. Примерно это же соотношение справедливо и для государственных предприятий (2,25 раза). А вот, в бюджетных организациях (типа школа, поликлиника) желают работать на 4% меньше населения чем работают.

Обращает на себя внимание, тот факт, что число желающих работать на предприятиях, находящихся в чьей-то частной собственности, с годами только снижается. Так в 2013 г. зафиксирована разница в 4 раза между работающими там и желающими. К 2016 г. разрыв только увеличился, уже в 5 раз меньше доля работников желающих работать на частный сектор, чем работающих там. Отметим, в секторе акционерных предприятий без государственного участия, картина аналогичная. Там работает в три раза больше населения, чем хотели бы. Скорее всего, это связано с более жесткими рамками труда, требованиями к производительности и эффективности, которые выстраивают частные работодатели, а так же с отсутствием социальных гарантий или трудностями их получения. На предприятиях находящихся личной собственности, наоборот, желало бы работать в 5 раз больше населения, чем работает.

Рассмотрим соотношение предпочтений между государственным и частным секторами экономики при выборе реального и желаемого мест работы за десятилетний период. Если доля работающих на государственных предприятиях с 2006 г. согласно наблюдениям и статистике, имеет устойчивую тенденцию к снижению, то, доля населения, желающего работать на государственных предприятиях, только растёт, и в 2016г. на 18% превышает долю населения уже работающего на госпредприятиях. Т.е. на рынке труда складывается ситуация, когда спрос на места в государственных организациях превышает предложение. В частном секторе мы наблюдаем иную картину. Доля работающих там остается стабильной (за исключением подъема в 2009 г., когда спрос практически совпал с предложением), а доля желающих там работать за 10 лет потеряла почти 10%. Причины такой динамики разные. Здесь, и следствие кризисов 2008 г., а затем и 2014-2015 гг., когда оказалось, а затем и подтвердилось дополнительно, что работать на частный бизнес менее надежно, чем на государство, и реали-

зация государственной политики повышения зарплат бюджетникам, и высокие доходы работников газового и нефтяного секторов (а в Тюменской области они составляют весомую долю рабочих мест), и привлекательность карьеры чиновника.

Сравнительный анализ полученных данных позволяет сделать выводы о степени удовлетворенности своим местом работы в зависимости от формы собственности предприятия. Закономерно, что наиболее удовлетворены формой собственности своего места работы категория собственников бизнеса (63%) (заметим, что в 2013 г. их было 55%, а в 2006 г. - 71%). На втором месте по степени удовлетворенности работники госпредприятий (40%). За ними следуют представители органов государственной и местной власти (38%). Интересно, что в группе занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью есть рост удовлетворенности с 24 % в 2009 г. до 33%. Не смотря на это, заметим, что это слишком низкий показатель удовлетворенности для дальнейшего развития этого сектора. Самыми неудовлетворенными группами являются работники акционерных предприятий без участия государства (10%) и работающие на частный сектор (не собственники) (11%). За исключением собственников предприятий, среди всех остальных групп работников, более 50%, не зависимо от типа предприятия, на котором работают - не удовлетворены своим местом работы.

Таким образом, сохраняется расхождение между реальным и желаемым положением дел в сфере занятости. За десять лет зафиксирован тренд снижения доли удовлетворенных своим местом работы практически на предприятиях всех форм собственности. Наиболее привлекательным сектором остается государственный, но не бюджетные организации и учреждения (например, школы и поликлиники). Конкурировать с ним может только собственный бизнес (но не индивидуальное предпринимательство).

Наемные работники в частных фирмах за десять лет по степени неудовлетворенности обошли такой, долгие годы малопривлекательный и трудоемкий, сектор как с/х, став самой неудовлетворенной группой. А фермерские хозяйства и личные подсобные хозяйства, напротив нарастили степень удовлетворенности более чем в 2 раза за 10 лет (с 14% до 28%).

Развитие различных форм собственности, особенно частной собственности, играет важную роль в ускорении производственного роста экономики, увеличении числа рабочих мест, повышении уровня и качества жизни. Рыночная трансформация российского общества требовала вытеснения государственной собственности частной, так как именно она является стержнем развитой рыночной экономики. Однако процесс плюрализации форм собственности привел: к перекосам между желаемым и реальным местами работы, к отсутствию удовлетворенности своим местом работы в зависимости от формы собственности предприятия у большей части населения. Таким образом, социологический анализ динамики удовлетворенности своим местом работы свидетельствует о том, что выбор между государственной или частной формами собственности не однозначен.

В 2016 г. становится очевидным риск сжатия сектора индивидуального предпринимательства. Наличие в экономике региона развитого сектора малого и среднего предпринимательства существенно дополняет перечень производимых товаров и услуг, обеспечивает занятость населения, в значительной степени способствует формированию конкурентной среды и установлению рыночного равновесия. На фоне кризиса снижается уровень самостоятельности и активности при адаптации к проблемам, возникающим в социально-экономической и трудовой сфере.

Список литературы

1. Лапин Н.И. Новые проблемы исследований региональных сообществ // Социологические исследования. 2010. № 7 (315). С. 28-39.
2. Ромашкина Г.Ф. Процессы модернизации в регионах уральского федерального округа // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 19-26.
3. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовые инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация - 2010). М., МФРАН, 2010.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЖИЗНЕННЫХ МИРОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ
СООБЩЕСТВ (НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ
И РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)**

**COMPARATIVE ANALYSIS OF REGIONAL COMMUNITIES' LIFE-WORLDS
(ON MATERIALS OF THE KRASNODAR TERRITORY AND REPUBLIC OF CRIMEA)**

А.В. Баранов
Andrew V. Baranov

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
Kuban State University, Krasnodar, Russia

Проведено сравнение жизненных миров региональных сообществ Краснодарского края и Республики Крым на основе вторичного анализа итогов анкетных опросов 2008–2015 гг. Выявлены сходства и различия ориентаций, соотношение национальной, региональной и этнических идентичностей в сообществах.

A comparison of life-worlds of the regional communities of the Krasnodar Territory and the Republic of Crimea is realized on the basis of secondary analysis of the results of questionnaires, 2008–2015. Revealed similarities and differences in orientations, the balance of national, regional and ethnic identities in this communities.

Ключевые слова: *Жизненный мир, региональные сообщества, сравнительный анализ, Краснодарский край, Республика Крым.*

Keywords: *Life world, regional communities, comparative analysis, the Krasnodar Territory, the Republic of Crimea.*

Введение. Воссоединение Крыма с Россией по-новому ставит вопрос: каковы социокультурные основания единства нашего общества? Актуальностью обладает осмысление сходств и различий жизненных миров в Краснодарском крае и Крыму, - соседних и взаимосвязанных регионах, представляющих собой российское Причерноморье.

Цель статьи – выявить сходства и различия ориентаций жизненных миров, соотношение национальной, региональной и этнических идентичностей в Краснодарском крае и Республике Крым на основе вторичного анализа итогов анкетных опросов 2008–2015 гг.

Обзор литературы. Тенденции развития ценностей и ориентаций молодежи Краснодарского края раскрыты в коллективной монографии под редакцией В.М. Юрченко [1]. Баланс национальной, региональной и локальной идентичностей на Кубани исследовала В.Н. Муха [2]. На материалах Крыма важнейшим является исследование жизненного мира, проведенное Н.В. Киселевой, А.В. Мальгиным, В.П. Петровым и А.А. Форманчуком [3]. Сохраняют свое значение итоги исследований крымского регионализма в работах Л.Л. Бунешко [4], А.С. Филатова [5], Украинского Центра экономических и политических исследований им. А. Разумкова [6]. Но сравнительный анализ жизненных миров двух региональных сообществ еще не проводился.

Гипотеза исследования. Региональные особенности жизненных миров Кубани и Крыма складываются под влиянием долгосрочных факторов: географического расположения, уровня экономического развития, этнического и конфессионального состава населения, модели стратификации. Одновременно действуют ситуативные факторы: роль региона в международных отношениях, тип политического режима, состав и диспозиция акторов политического процесса, изменения «повестки дня» жизненного самоопределения. В итоге взаимодействия данных факторов воспроизводится региональная политическая культура, индикаторами

которой выступают ориентации, установки и стереотипы поведения регионального сообщества, а также его сегментов.

Методы исследования: бинарный сравнительный анализ, вторичный анализ данных анкетных опросов. Эмпирическая основа работы: материалы социологических опросов 2008–2015 гг. в Краснодарском крае и Республике Крым, итоги переписей населения, результаты референдума 16 марта 2014 г.

Результаты исследования. Жизненный мир кубанского сообщества характеризуется устойчивым преобладанием российской национальной идентичности. Проверить это можно на материалах анкетного опроса «Информационное пространство полиэтничного социума» (2010 г., Краснодарский край, республики Адыгея, Ингушетия и Дагестан), проведенного политологами Кубанского государственного университета (выборка 323 чел., молодежь) [1, с. 127-128]. Важнейшим параметром взаимоотношений идентичностей выступает оценка респондентами российской идентичности. В Краснодарском крае гордятся ею 63% опрошенных. Желают сменить гражданство 13%. Считают себя «гражданами мира» 8,9%. До 20% молодых респондентов безразличны к российской идентичности либо затруднились выразить отношение к ней [1, с. 127-128].

Важен уровень доверия между этническими группами. В опросе индикаторами выбрали: желание вступать в родственные отношения с представителями других групп, дружить с ними, работать в одном коллективе, быть бизнес-партнерами и соседями, получать медицинские услуги. Суммарный индекс социального доверия (максимальный балл 1,0) составил в г. Краснодаре: к русским – 0,863, к адыгейцам – 0,276, к чеченцам и дагестанцам – по 0,204, к ингушам – 0,184 балла [1, с. 135].

Анкетный опрос жителей края, проведенный В.Н. Муха в декабре 2012 г. (выборка 1200 чел. старше 18 лет, квотная) доказал, что в системе идентичностей лидирует гражданская (национальная) идентичность (72,6%), на втором месте – региональная идентичность (66%), затем – этническая идентичность (45,5%). Среди особенностей сообщества опрошенные отмечали «особенности образа жизни» 30%, «особый кубанский говор, «балаканье»» (26%), «почитание казачьих традиций» (22%), «кубанский характер» (13%), «любовь к земле» (9%). В сравнении субнациональных идентичностей преобладает локальная («единство с теми, кто живет в том же населенном пункте») – 43%, далее следует соотнесение с краем («я – житель Кубани») – 38% и на третьей позиции идентичность «житель Юга России» – 19%. [2, с. 155]. Оценка кубанцами своей интегрированности противоречива: при ответе «Можно ли говорить, что жители края – это единое и сплоченное сообщество, у которого есть общие интересы и традиции» 42% согласились с высказыванием, 28% отрицают, что единство существует, а 30% затруднились ответить [2, с. 155]. Анализ демографической статистики, проведенный С.Я. Сушием, подтверждает быструю добровольную ассимиляцию украинцев на Кубани. Между переписями 1989 и 2010 гг. их численность сократилась с 182 до 83,7 тыс. чел. при слабых миграционных обменах. Украинским языком владеет 31% украинцев на Кубани, а считают его родным не более 1/6. Идет стремительное старение украинского сообщества в крае (средний возраст 57,4 лет в 2010 г.) [7, с. 74, 78, 81]. Ввиду слабых межэтнических дистанций неизбежно принятие украинцами Кубани русского самосознания.

Представление о религиозности сообщества края дает анкетный опрос, проведенный социологами Кубанского государственного технологического университета весной 2013 г. [8, с. 47-50]. Его выборка – 1200 чел., репрезентативная квотная с элементами случайного отбора населенных пунктов и респондентов. Состав респондентов соответствовал структуре жителей края старше 18 лет по признакам пола, возраста, уровня образования, урбанизации, этнического состава. 87,1% опрошенных отнесли себя к верующим («в той или иной степени»), 9,8% назвали себя «скорее неверующими» и 3,1% не считали себя верующими. Большая часть верующих респондентов (81,8%) – приверженцы православия. На втором месте – мусульмане (2,9%), на третьем – протестанты (2,5%). Приверженцы остальных конфессий суммарно составляют 2%. Не отнесли себя ни к какой конфессии 11% респондентов. Преобладающим фактором, дающим респондентам чувство принадлежности к конфессии, выступает

«склад бытия и собственные убеждения» - 45,1%, национальность и происхождение – 31,5%, семейные традиции – 21,4%. Статусный вес религии средний: 51,8% опрошенных считают религию не самым главным, но значимым аспектом жизни; 21,4% считают религию одной из важных составляющих жизни; для 8,9% религия определяет всю жизнь. Итак, 82,1% признали, что религия имеет значение в их жизни, а 17,5% полагают, что религия не имеет для них значения [8, с. 48-49].

Как показали итоги опроса, 44,5% опрошенных кубанцев обеспокоены ростом влияния иных религий. Главными мотивами обеспокоенности они назвали: представители других религий придерживаются норм поведения, которые респонденты не могут одобрить (27,9%); представители других религий вытесняют представителей «традиционных» религий (22,4%); представители других религий поддерживают только своих, игнорируя чужих (21,3%); многообразие религий способствует уменьшению уникальности нашей культуры (12,3%); затруднились назвать причины тревоги 14,8% [8, с. 48-49].

Большинство респондентов на Кубани толерантно по отношению к другим религиям. Только 15,1% предпочли бы не видеть представителей другой религии. Но большинство (45,2% респондентов) не готово принять представителей других религий в качестве близких родственников. Охотнее кубанцы готовы общаться с представителями других религий в качестве жителей одного города или села (41,6%), гражданина России (39,4%) или коллег по работе (42%) [8, с. 48-49].

Согласно данным опроса, 79,9% респондентов в крае посещают православные храмы, по 2% - мечети и протестантские молитвенные дома. Большая часть верующих делают это от случая к случаю – 48,9%, по праздникам – 22,2%, один-два раза в месяц – 8,4%, каждую неделю посещают 3,9% и несколько раз в неделю – 2,7%. Большинство верующих молятся от случая к случаю – 33,2% либо только в критических ситуациях – 21,2%, ежедневно молятся 15,8%, а 15,2% никогда не молятся [8, с. 48-49]. Уровень религиозных знаний и источники сведений поверхностны. Это открывает простор манипулятивным воздействиям на религиозную идентичность.

Перейдём к анализу жизненного мира крымского сообщества. Отметим весомые изменения баланса этнических идентичностей по переписи населения в Крыму (октябрь 2014 г.). Русские составляют 67,9% совокупного населения Республики Крым (РК) и г. Севастополя, указавших национальность (в 2001 г. – 60,2%), украинцы — 15,7% (в 2001 г. – 23,9%), крымские татары — 10,6% (в 2001 г. – 10,2%). Еще 2,05% жителей назвали себя татарами [9; 10]. В Крыму сложилась сложносоставная идентичность на основе ценностей и ориентаций русской идентичности. Её разделяют не только русские по происхождению, но и многие украинцы, белорусы, евреи, греки, поволжские татары и др. Для них русские исторические символы и язык более привлекательны, чем украинские. По переписи 2014 г., назвали русский язык родным 84% жителей Крымского федерального округа – больше, чем при переписи 2001 г. (79,1%). Считают русский язык родным 79,7% украинцев в Крыму и лишь 5,6% крымских татар [11]. Этнические дистанции между русскими и украинцами в Крыму на порядок меньше, чем между русскими и крымскими татарами. Наиболее консолидированной выступает группа русских. Татары на втором месте, а наименее сплочены украинцы. Т.е., в Крыму идёт добровольная ассимиляция украинцев русскими, вопреки навязыванию до 2014 г. «государственной мовы».

Уровень религиозности в Крыму достаточно высок. По сообщению министра культуры РК А. Новосельской от 25 июня 2015 г., в республике действует 2083 религиозных организации, из которых зарегистрированы российскими органами юстиции 1409, относящие себя к 52 конфессиям [12]. В том числе 42,7% наименований дают организации Украинской Православной Церкви (УПЦ), среди которых УПЦ Московского патриархата доминирует. На втором месте мусульманские организации – 29,0%, но 2/3 исламских организаций не прошли регистрацию (среди них – запрещенные в Российской Федерации экстремистские организации, как «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») [3, с. 245]. Третье место занимают протестантские организации – 20% наименований [13]. Опрос, проведенный Украинским центром экономи-

ческих и политических исследований им. А. Разумкова в феврале-марте 2011 г. (выборка 2020 чел.), показал, что 78,9% респондентов считали себя православными, 8,8% - мусульманами, по 5,2% назвали себя «просто христианами» или не отнесли себя ни к одному вероисповеданию [6, с. 28]. 97,8% крымских татар считали себя мусульманами, а 85,1% украинцев и 84,9% русских – православными, судя по аналогичному опросу 2008 г. [14, с. 4]. Т.е., этническая и конфессиональная идентичности в Крыму совмещаются в высокой степени.

Межэтнический конфликт в восприятии крымчан являлся весомой угрозой. Центр этносоциальных исследований в 2008 г. провёл лонгитюдный опрос жителей г. Симферополя и Симферопольского района, выборка 400 чел. коррелировалась (половозрастной и этнический состав, профессиональный и образовательный статус) со всем населением АРК. Погрешности выборки не более 4,8%. Опрос, проведенный А.С. Филатовым, показал, что респонденты всех этничностей считали наиболее вероятными в Крыму конфликт между русскими и крымскими татарами (30,1%) либо между славянами и крымскими татарами (28,9%) [5, с. 189-190]. Опрос, проведенный Центром им. А. Разумкова в феврале-марте 2011 г. по всему полуострову, доказал асимметрию межгрупповых дистанций по шкале социальной дистанции Э. Богардуса. Самый низкий уровень дистанции русских был относительно крымских украинцев (2,11), жителей Юга и Востока Украины – 2,89, жителей РФ – 3,11. Наиболее высоким был уровень дистанции в отношении крымских татар – 3,97 балла, жителей Запада Украины – 4,54, турок – 5,60 и цыган – 6,02 балла [6, с. 29].

Референдум о статусе Республики Крым (РК) и Севастополя 16 марта 2014 г. подтвердил сплоченность сообщества. Поддержали воссоединение с РФ 96,77% принявших участие в референдуме жителей РК и 95,6% жителей Севастополя при соответствующем уровне явки 83,1 и 89,5% [15]. Уровень поддержки воссоединения слабо различался по оси «русские – украинцы». Более весомы территориальные отличия в зависимости от удельного веса крымских татар, которые проявили низкую явку (менее 1/3). Но ни в одном из 25 районов РК явка на референдум не опускалась ниже 58% [15].

Итоги референдума подтверждаются материалами анкетного опроса, проведенного в марте-апреле 2014 г. Центром социологических исследований г. Севастополя (пропорциональная выборка 1500 чел., 12 городов и районов, погрешность 1,87%). У 85% респондентов Майдан вызвал резкое осуждение. Поддержали проведение референдума о статусе Крыма 84,7%, а считали необходимым воссоединение всей Украины с Россией 48,4% крымчан [4, с. 63-71].

Важные сведения об изменениях жизненных ценностей и ориентаций крымчан после воссоединения с Россией дал массовый опрос, проведенный ООО «Бизнес-сотрудничество-Юг» 14–31 марта 2015 г. Пропорциональная выборка составила 1600 чел. во всех муниципальных образованиях Республики Крым (погрешность 3,5%). По всей выборке респонденты оценили межнациональные отношения наиболее тревожно. Сочли, что улучшилась политическая ситуация после воссоединения, - 59,6% опрошенных; что улучшилось материальное положение семьи – 41,5%; что улучшилось социально-экономическое состояние – 38,2%; что улучшились межнациональные отношения – только 34,9% [3, с. 321].

Представители различных этнических групп Крыма имеют контрастные мнения об источниках межнациональной напряженности. Русские респонденты считают источниками напряженности прежде всего «провокационное поведение представителей отдельных национальностей» (43,0% ответов), социально-экономические проблемы (20,6%), «правовую безнаказанность отдельных этнических организаций» (17,8%). Мнения украинцев имеют ту же иерархию, что и у русских, отличаясь только более критической оценкой действий органов власти РК (9,1% против 3,5% среди русских) и органов местной власти (9,5% против 8,5%). Представления крымских татар об источниках напряженности иные. Основным источником они считают социально-экономические проблемы (36,5% ответов). Второе место по значимости отведено «провокационному поведению представителей отдельных национальностей» (25,8%). На третье место выходят «действия органов местной власти» (18,5%), на четвертое — «действия органов власти Республики Крым» (17,4%). 36,5% опрошенных крымских татар

(вдвое большая доля, чем среди русских и украинцев) затруднились определить источники напряженности [3, с. 322-323].

В целом по выборке при ответе на вопрос «Между какими этническими группами Крыма, на ваш взгляд, межнациональная напряженность наиболее выражена?» преобладает позитивное мнение: «нет таких групп» (37,6%). Но на втором месте – мнение о том, что наиболее выражена напряженность между русскими и крымскими татарами (30,3% ответов); на третьем – мнение о напряженности между русскими и украинцами (17,6%) [3, с. 323]. Этно-групповые представления о конфликтных линиях в крымском сообществе выражены отчетливо и мало изменились за первый год воссоединения с Россией.

Важны суждения респондентов об ущемлении их прав по сравнению с представителями других народов. Наиболее склонны признавать факты дискриминации по этническому признаку опрошенные армяне (18,2% ответов) и крымские татары (12,9%) по сравнению с 3,2% русских, 9,1% греков и 9,5% украинцев. Ситуации ущемления прав, по мнению респондентов, возникают чаще всего в области трудовых отношений, при бытовом общении, при обращениях в органы региональной и местной власти, при получении медицинской помощи. Лишь 12,3% всех респондентов в Крыму считает возможным развитие межнациональных конфликтов в ближайшее время. Причем уровень такого мнения по этническим группам различается немного (14,6% опрошенных крымских татар, 14,2% украинцев и 11,4% русских) [3, с. 324].

Заключение. Процессы формирования жизненного мира в поликультурных регионах – на Кубани и в Крыму носят альтернативный характер. Баланс национальной, региональной и этнических идентичностей в Краснодарском крае устойчив и уровень конфликта идентичностей низок. В Крыму, напротив, сохраняется этноконфессиональная сегментация сообщества, что затрудняет укрепление российской национальной идентичности.

Анкетные опросы подтверждают наличие весомой поддержки российской национальной идентичности в Краснодарском крае (до 60%), в наибольшей мере – среди пожилого и зрелого поколения. Основной линией социокультурных размежеваний субъективно считают взаимотношения этнических и конфессиональных групп. Успешный экономический рост Краснодарского края (по меркам Юга России) скорее, интегрирует регион в общероссийское социокультурное пространство, чем дистанцирует Кубань от центра. Украинский фактор региональной специфики сообщества значительно слабее, чем совокупный «кавказский», и он продолжает ослабевать.

В Крыму сохраняется с 2000-х гг. не ряд этнических и конфессиональных конфликтов между группами населения, а блоковый конфликт. Крым является многосоставным, разделённым сообществом, но этнические, лингвистические и религиозные размежевания отчасти компенсируют друг друга, что сдерживает рост конфликта. Повестка дня конфликта включает в себя такие приоритетные темы, как гарантии нового политического статуса Крыма, этническое и религиозное равноправие, многоязычие, групповое представительство в органах власти и местного самоуправления, земельную политику. Преобладают практики избегания конфликта и его вербализации. Конфликт преимущественно латентен по формам выражения, «отложен на будущее».

Для жизненных миров Кубани и Крыма приоритетны ценности мира, межэтнического и конфессионального согласия, взаимного уважения и равноправия. На поддержание таких ценностей, противодействие нетерпимости должна быть направлена как государственная информационная политика, так и деятельность научных и педагогических сообществ, национально-культурных объединений, этнических элит. Региональная идентичность должна быть переосмыслена в качестве важного ресурса укрепления российской интеграции.

Необходима последовательная политика социокультурной реинтеграции Крыма на основе российской национальной идентичности, создания диалоговых механизмов согласования и представительства этнополитических и конфессиональных интересов в пространстве публичной политики, сплочения регионального сообщества на новой, общенациональной основе.

Список литературы

1. Проблемы устойчивого развития региона: информационная безопасность полиэтничного социума (на материалах Юга России) / Под ред. В.М. Юрченко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011. 244 с.
2. Муха В.Н. Русский этнос в полиэтничной среде: особенности самосознания и структура социальной идентичности. Краснодар: Кубанский гос. технол. ун-т, 2014. 172 с.
3. Киселёва Н.В., Мальгин А.В., Петров В.П., Форманчук А.А. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. Симферополь: Салта, 2015. 352 с.
4. Бунецкий Л.Л. Особенности массового политического менталитета граждан в условиях самоопределения Крыма и Севастополя // Крым и Донбасс: год после государственного переворота на Украине / Отв. ред. В.В. Черноус. М.; Ростов н/Д: Социально-гуманитарные знания, 2015. С. 59-90.
5. Филатов А.С. Крым: этнокультурные ориентиры и политические установки // Вопросы развития Крыма. Науч.-практ. дискус.-аналитич. сб. Симферополь: СОНАТ, 2012. Вып. 16. С. 184-193.
6. Ставлення жителів Криму до імовірних загроз та допитань, які мають значний конфліктний потенціал // Національна безпека і оборона. Київ, 2011. № 4-5 (122-123). С. 27-39.
7. Суций С.Я. Украинцы Юга России – демографическая история одного регионального сообщества. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 196 с.
8. Сергиенко Н.Л., Круглик Н.В., Муха В.Н. Религиозная идентичность жителей Краснодарского края // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2013. № 8. С. 47-50.
9. Росстат: большинство крымчан считают себя русскими. Режим доступа: <http://ria.ru/society/20150319/1053370183.html#14267873405313&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration> (дата обращения: 20.03. 2015).
10. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/> (дата обращения: 20.03. 2015).
11. В Крыму живут представители 175 национальностей – предварительные итоги переписи. Режим доступа: <http://www.c-inform.info/news/id/20417> (дата обращения: 21.03.2015).
12. Треть религиозных организаций Крыма действуют без регистрации. Режим доступа: <http://news.allcrimea.net/news/2015/6/25/tret-religioznyh-organizatsii-kryma-deistvujut-bez-registratsii-39446> (дата обращения: 27.06.2015).
13. Звіт про мережу церков і релігійних організацій в Україні станом на 1 січня 2014 р. Наказ Міністерства культури України від 19.03.2014 р. № 167. Режим доступу: <http://mincult.kmu.gov.ua/mincult/uk/publish/article/354806> (дата звернення: 29.04.2014).
14. Кримський соціум: лінії поділу та перспективи консолідації (Аналітична доповідь Центру Разумкова) // Національна безпека і оборона. Київ, 2009. № 5 (109). С. 2-72.
15. Референдум о государственном статусе Крыма и Севастополя 16 марта 2014 г. Режим доступа: <http://krymology.info/index.php/%D0%A0%D0%B5%/>(дата обращения: 21.05.2014).

**МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО И ТВОРЧЕСКИЕ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ²³**

**THE LOCAL COMMUNITY AND THE CREATIVE
SOCIO-CULTURAL PROCESSES**

Н.А. Касавина – кандидат философских наук, доцент
Nadezda Kasavina – Phd, associate professor.

С.И. Кулибаба - кандидат искусствоведения, доцент
Sergey I. Kulibaba – Phd, associate professor.

Институт философии РАН.

Государственный Российский Дом народного творчества, Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования,
Москва, Россия

Культура является основой жизни и духовного развития нации. В этих условиях эффективное управление сферой культуры, формирование действенного менеджмента в области профессионального искусства и художественного образования, организация социального партнерства территорий становится основополагающим фактором модернизации общества. Статья посвящена особенностям развития культуры местных сообществ в контексте социокультурной модернизации, духовно-ценностных критериев и ориентиров социальных процессов.

Culture is the basis of life and spiritual development of the nation. Under these conditions, the effective management of the cultural sphere, the formation of effective management in the field of professional art and art education, a fundamental factor of inspiration and creation. The article deals with the particular features of cultural development of local communities in the context of the sociocultural modernization, analyzing of the reasoning of importance of spiritual and value criteria and orienteers in social processes.

Ключевые слова: Духовно-культурная среда местного сообщества, социокультурная модернизация, социальное партнерство, культура, искусство, личность, общество, социальный профессионализм.

Keywords: Culture, art, personality, society, social professionalism, the cultural development of local community.

На сегодняшний день в российском обществе сохраняются противоречия в сфере духовной жизни российского общества - между исторически сложившимися в прошлые десятилетия, условно назовём их «старыми», ценностями и идеалами, нормами социального поведения, действующими по инерции; и формирующимися новыми ценностными ориентациями, образцами общения и поведения, базирующимися уже на демократических ценностях и представлениях людей.

В 2006 году вступил в действие Федеральный закон от 06.10.2003 №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Закон предоставляет множество возможностей для социокультурной модернизации в контексте сохранения идентичности территорий, для демократической творческой инициативы регионов.

²³ Выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-03-00421а «Социокультурные факторы несбалансированности модернизации как цивилизационного процесса в современной России».

В Законе закреплены положения о том, что «местное самоуправление составляет одну из основ конституционного строя РФ, признается, гарантируется и осуществляется на всей территории РФ – это форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией РФ (...), самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций [1]. «Граждане имеют равные права на осуществление местного самоуправления независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям» [2].

В Преамбуле Конституции РФ также говорится: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенный общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем Конституцию Российской Федерации» [3]. Весьма сложная, но убедительная характеристика современного российского общества, предполагающая ответственное и сознательное отношение к актуальным социокультурным изменениям.

Исторический процесс российской модернизации в ряде исследований выступает как чередование ее имперской и либеральной моделей, причем, имперская модель является доминантной, а либеральная лишь дополнительной, компенсационной. Можно предположить, что российская модернизация на уровне призывов со стороны правящей верхушки способствует не столько модернизации России, сколько укреплению феодально-имперских оснований культурно-цивилизационной системы. «Модернизация во имя укрепления империи приводит к перераспределению жизненной энергии человека из сферы повседневности в сферу светских или религиозных мега-проектов, создает мир, где человек лишь подручное средство, а укрепление империи – великая цель. Можно ли разорвать этот порочный круг (...)?» [4].

Действительно, во все предшествующие исторические эпохи модернизация в России осуществлялась ценой сильного перенапряжения жизненных сил населения страны, частично достигался определенный технический или экономический прорыв, но впоследствии оказывалось, что истощенное социокультурное пространство не позволяло поддерживать, а тем более продолжать этот успех.

Вместе с тем, конкретные исследования показывают, что в настоящее время складывается благоприятная ситуация оптимистического развития современных сценариев модернизации российского общества с использованием ресурсов творческих социокультурных процессов. Инновации в экономике могут сформироваться только в определенных социокультурных условиях, основанных на творческой свободе, на стремлении к лучшему качеству жизни.

Муниципальное сообщество как субъект призвано оптимально и продуктивно воздействовать на соответствующий объект - муниципальные отношения и процессы. Устойчивое развитие местных сообществ и успех модернизационных процессов во многом зависит от профессионализма управленческих элит в направлении создания полнофункциональной современной духовно-культурной микросреды местных сообществ [5].

От уровня креативной культуры, управленческой в первую очередь, во многом зависит состояние социальной творческой активности личностей и корпоративных сообществ, качество регулирования экономического развития территории, содержание непосредственной демократии, рациональное использование природных, хозяйственных и социальных ресур-

сов, степень мотивационной готовности социальных субъектов воспринимать инновации, создавать новые социальные и технические технологии.

В содержание духовно-культурной среды местного сообщества входят интеллектуальные, образовательные, научные местные ресурсы, менталитет как духовно-ценностные традиции и исторический опыт, морально-психологическая атмосфера социального оптимизма и патриотизма.

Духовно-культурная среда местного сообщества, являясь творцом личности, первооткрывателем её способностей, творческой одаренности, призвана способствовать раскрытию социального модернизационного ресурса. Осуществить эту функцию социализации можно лишь во взаимодействии органов управления, семьи, образовательных и корпоративных ассоциаций, всех частно-государственных, частно-муниципальных, общественных, конфессиональных и других организаций и институтов.

Для сообщества характерны социальные отношения, отмеченные тесными личными связями, эмоциональной глубиной, продолжительностью во времени. Местное сообщество – прежде всего, сообщество интересов, которое определяется личными отношениями в рамках круга друзей и родственников, профессиональных ассоциаций, объединений по интересам, межкультурных и межнациональных коммуникаций.

Профессиональные социокультурные способности и возможности управленческих и творческих элит должны быть направлены на создание положительного социокультурного климата, на формирование культурного своеобразия муниципалитета, на развитие традиций, на содействие возможности физического и творческого совершенствования детей и взрослых.

Отношение населения к происходящим переменам в российском обществе не однозначно. В общественном сознании россиян деятельность органов государственного, муниципального управления по сохранению, воспроизводству и распространению духовно-культурных ценностей, творческого капитала, отражение этой деятельности в СМИ зачастую воспринимаются скептически.

Активно внедряемая в последнее время ущербная философия социальной замещаемости при распределении муниципальных социальных статусов и ролей по принципам местничества, родственных и приятельских связей заводит процессы модернизации в тупик.

Вместе с тем, именно креативный фон кадрового состава управленческой элиты создает важный для модернизации территории мотивационный фон социального оптимизма. Сеть и профессиональный кадровый состав учреждений образования и культуры, других профессиональных сообществ, институты общественных организаций, представляющих весь социально-стратификационный спектр должны быть управленчески сформированы как равноправно партнерские составляющие в модернизационных процессах. Возможно, это и есть главный социокультурный фактор вовлечения населения регионов и муниципальных образований в процессы модернизации.

Социальное партнерство в контексте позитивного конфликта – реальная система сотрудничества, требующая высокой степени социальной зрелости ее участников. Одной из важнейших и неотложных задач социокультурной политики сегодня является формирование новых территорий смыслов, где духовно-ценностная культура, интеллектуальный труд будут и социально, и экономически полноценным, востребованным профессиональным элементом преобразования общества, активизации населения. К сожалению, социологические исследования вновь и вновь показывают низкий уровень позитивной конфликтности россиян, а, следовательно, и недостаточный уровень готовности к преобразовательной деятельности.

Совершенствование системы образования, подготовки и переподготовки специалистов различных профессий предполагает формирование чувства национальной самодостаточности, создание системы патриотического воспитания на принципах социального партнерства позитивного конфликта, - когда подготовленный профессионал вступает в пространство социокультурного обмена, берет на себя ответственность за свою судьбу и вместе с тем, судьбу своей страны.

В целом, можно представить себе некоторый алгоритм выстраивания равномерного социального маятника, сочетания традиций и модернизационных явлений, при котором личность, как носитель ментальных традиционных социокультурных аспектов, проходит следующий путь:

- рождение в той или иной социально-стратификационной определенности;
- творческое становление в условиях социального партнерства позитивных и негативных конфликтов;
- приобретение в связи с этим того или иного социального статуса и исполнение, в меру своих креативных характеристик, своей социальной роли;
- наработка той или иной степени социального профессионализма, позволяющего осознать, позиционировать и реализовать креативные возможности без угрозы потери традиционной идентичности и в соответствии с современными социокультурными параметрами;
- и, наконец, выход социальной личности, социальной группы, местного сообщества и государства в целом на новый уровень социокультурной идентичности и креативности с использованием социальных лифтов социальной мобильности во имя и человека и цивилизации.

Модернизация в первую очередь должна быть нацелена на то, чтобы продолжить и укрепить ценность личности. Создание экспериментальных сетевых межведомственных площадок частно-государственного социального партнерства как механизмов интеграции инновационного и академического общего, дополнительного и профессионального образования является важнейшей задачей профессионального сообщества, ответственного за успешность социокультурной модернизации.

Творческое содействие прогрессивным руководителям регионов и муниципальных образований в формировании духовно-культурной среды местного сообщества должно состояться в социально консолидирующих действиях позитивного или даже провокационного социально-обусловленного негативного конфликта, исходя из целеполагания модернизации общества во имя живущих и будущих поколений россиян.

В каждом регионе, муниципалитете экономическое, хозяйственное и духовное благополучие будет напрямую зависеть от того, сколько творческих современных людей привлечет руководитель территории. Авторы известных бестселлеров Р. Флорида и Ч. Лэндри [6;7] еще в 2005 году предлагали подобные креативные подходы к модернизации и для бизнеса, и для государственного планирования, и для развития сферы культуры и досуга. Исследования авторов убедительно доказывают, что чаще всего технологии, компании и даже венчурный капитал перемещаются в места с большей концентрацией талантливых и креативных людей. Глубокие и устойчивые преобразования коренятся не в технологии, а в обществе и культуре. При этом креативность подразумевает не только творческие задатки и амбиции, но и адекватную уверенность в своих силах.

Согласно Н.И. Лапину, состояние российского общества далеко от ценностей реального гуманизма. Гуманизм преимущественно предстает в форме теоретической критики и практической критики существующего состояния. Такую форму реального гуманизма предложено называть критическим гуманизмом. Основным объектом такой критики должен стать вседозволенный авторитаризм, или авторитарная вседозволенность в любых ее проявлениях, поскольку это антипод реального гуманизма, достоинства и свободы человека [8].

Принятие на себя миссии критического гуманиста – дело личностное. Это саморекрутирование, которое осуществляется на основе определенной структуры базовых ценностей и означает формирование человеком своей новой ценностной позиции. Обычно оно следует за ростом неудовлетворенности человека как личности прежней своей жизнедеятельностью. Неудовлетворенность ведет к поиску новых ценностных ориентиров, смыслов жизни. Самоутверждение в новой ценностной позиции означает новый этап творческой эволюции личности, возвышающий достоинство человека. Он начинает поиск лучших из имеющихся или создание новых способов и форм сочетания личных интересов с интересами общества.

Процессы такого саморекрутирования постоянно идут в любом обществе. Они особенно характерны для русского менталитета. Противодействие со стороны властей, глобальные угрозы не столько подавляют, сколько усиливают эти процессы.

Следующим условием успешного развития страны по демократическому сценарию должна быть уверенность в том, что процессы организации государственного и муниципального регулирования будут регламентироваться посредством совершенствования профессионализма кадров и самой деятельности в сфере управления, образования и культуры.

Культура во всех своих проявлениях призвана способствовать изменениям личностных и общественных отношений, создавать ценностное пространство, в котором начинает действовать новая система мотиваций. И тогда изменяется и поведение людей. Их сила, энергия на всех социальных уровнях направляется по другой траектории.

В ходе реформирования представляется необходимым обратиться к демократическому корпоративизму местного самоуправления на уровне социальных институтов семьи, трудовых и образовательных коллективов, этнических и других организаций, как к традиционной социальной и духовно-нравственной идее и основе всего общественного устройства и национальной идентичности.

Модернизация во имя человека в современном обществе может и должна быть представлена в контексте актуализированной перманентной идентичности.

Список литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Статья 1.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Статья 3.
3. Конституция РФ от 25.12.1993, с изменениями от 09.01.1996, 10.02.1996, 09.06.2001 - Преамбула.
4. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004. С.7
5. Муниципальное управление / А.Г. Гладышев, В.Н. Иванов, Е.С. Савченко и др.; М., 2002. С. 180 - 185
6. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2005.
7. Лэндри Ч. Креативный город. М., 2005.
8. Лапин Н.И. К реальному гуманизму – через критический гуманизм и рефлексивное общественное мнение // Рефлексивные процессы и управление. Сб. материалов X Международного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление» 15-16 октября 2015 г. Москва. Отв. ред. В.Е. Лепский. М., 2015. С. 255-258.

СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ²⁴

THE HEALTHCARE SYSTEM IN THE ESTIMATES OF THE POPULATION OF THE TYUMEN REGION

И.Я. Арбитайло
Irina Arbitailo

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Tyumen State University, Tyumen, Russia

Качество жизни рассматривается как сложная обобщенная социально-экономическая категория, объединяющая показатели объективного (уровень жизни) и субъективного характера (удовлетворенность населения разными сторонами своей жизни). В данном конкретном случае качество жизни рассматривается через субъективное восприятие человеком уровня своего благополучия, удовлетворенности жизнью, социальным самочувствием. Рассмотрен такой индикатор, оказывающий влияние на качество жизни, как развитие социальной сферы, а именно состояние региональной системы здравоохранения.

Quality of life is seen as a complex generalized socio-economic category that combines objective indicators (standard of living) and subjective (people's satisfaction with different aspects of their life). In this particular case, the quality of life is seen through the subjective human perception of the level of well-being, life satisfaction, social well-being. Considered an indicator of impact on quality of life, as the development of the social sphere, namely the state of regional health systems.

Ключевые слова: качество жизни; медицинское обслуживание; удовлетворенность; Тюменская область.

Keywords: quality of life; health care system; satisfaction; Tyumen region.

Данная статья являет собой отражение результатов, полученных в ходе исследований Тюменского региона в рамках социокультурного портрета (2006-2016 гг.). При написании статьи автор ставит целью анализ общественного мнения по вопросам социально-экономических проблем населения. При этом предметом исследования становится отношение населения к региональной системе здравоохранения, а объектом – жители юга Тюменской области в возрасте от 18 лет. Всего было опрошено 1514 человек, структура выборки по полу, возрасту, типу населенных пунктов соответствует структуре населения Тюменской области (без автономных округов). Ошибка выборки не превышает 3%, а отклонения от планируемых частот в разрезе пол/возраст/тип поселения не превышают 1%.

Базовым предположением является то, что состояние системы медицинского обслуживания для жителей юга Тюменской области - одна из самых актуальных проблем, требующих решения со стороны властей. Это доказывает тот факт, что на протяжении десяти лет наблюдений на вопрос «Что, по Вашему мнению, необходимо сделать для улучшения жизни населения Вашей области, автономного округа?» жители юга Тюменской области на одно из первых мест ставят вопросы улучшения медицинского обслуживания (рисунок 1).

²⁴ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект №16-03-00500.

Рисунок 1. Динамика распределения ответов респондентов на вопрос «Что, по Вашему мнению, необходимо сделать для улучшения жизни населения Вашей области, автономного округа?», 2006-2016 гг.

Dynamics of distribution of answers to the question "What, in Your opinion, needs to be done to improve the lives of the people of Your region?", 2006-2016.

В исследовании 2016 года респондентам предлагалось оценить работу муниципальных поликлиник, фельдшерско-акушерских пунктов, доступность медицинских услуг и другие социальные аспекты жизни в регионе, оценив по шкале «плохо-в целом хорошо». В сфере доступности медицинских услуг негативные оценки (плохо + скорее плохо) дают 38% опрошенных, и это самый низкий результат по всем направлениям оценок качества жизни, социального благополучия и социального статуса. Стоит отметить, что если на последнем месте в оценках населения стоит «Доступность медицинских услуг» (56 баллов), то далее идет «Работа муниципальных поликлиник, фельдшерско-акушерских пунктов» (57,5 баллов). Индекс считается как средневзвешенное таким образом, чтобы 100 соответствовало варианту «все оценивают в целом хорошо», значение 0 соответствовало случаю «все оценивают «плохо»».

В исследовании 2006-2013 годов респондентам был задан вопрос «Чем Вас не удовлетворяет государственное медицинское обслуживание?». Существенным фактором, формирующим уровень общей удовлетворенности, становится трудность доступа к врачу, большие очереди. Рейтинг причин неудовлетворенности из года в год традиционно составляют: трудность доступа к врачу, большие очереди; выписка труднодоступных или дорогих лекарств; советы, рецепты врачей редко помогают. Весь период наблюдений доля тех, кто ответил: «В целом меня удовлетворяет медицинское обслуживание» составляет 19-21%. Отметим так же отсутствие динамики позитивных оценок региональной системы здравоохранения. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос «Чем Вас не удовлетворяет государственное медицинское обслуживание?», 2006-2013 гг.

Distribution of answers to the question «What are You not satisfied with public health care?», 2006-2013

Регион	Юг ТО			
	2006	2009	2011	2013
Трудно попасть к врачу, большие очереди	64	49	59	67
Советы, рецепты врачей редко помогают	29	22	22	24
Врачи выписывают лекарства, которые трудно достать или они очень дорогие	27	31	31	32
Врачи обычно стараются не выписывать больничный лист	4	7	5	6

Регион	Юг ТО			
	2006	2009	2011	2013
Годы				
Не добьешься, чтобы врач приехал на дом к тяжело больному	7	5	10	8
«Скорая помощь» обычно приезжает через несколько часов	11	8	19	17
Очень трудно получить место в больнице	13	7	12	11
В целом меня удовлетворяет медицинское обслуживание	21	19	20	19
Затрудняюсь ответить, нет ответа	–	9	10	5

При этом сельское население оценивает доступность медицинских услуг и работу муниципальных поликлиник выше, чем городское население. Доля отметивших, что оценить доступность можно положительно (ответы скорее хорошо + в целом хорошо) в сельской местности составляет 55%, среди городского населения удовлетворенность доступностью 49% опрошенного населения. Удовлетворены работой муниципальных поликлиник 62% на селе и 47% в городе. Результаты исследования показывают, что оценка доступности медицинских услуг примерно одинакова вне зависимости от возраста респондентов. Так, отрицательные оценки (плохо + скорее плохо) по всем возрастным группам составляют 36-41%, при этом наиболее неудовлетворенными являются лица в возрасте 40-49 лет. Уровень общей удовлетворенности доступностью медицинских услуг составляет 53-59% среди опрошенного населения различных возрастных групп, при этом самый высокий уровень удовлетворенности показывают лица в возрасте 18-29 лет. Доступность медицинских услуг оценена отрицательно 35% опрошенного населения мужского пола и 40% опрошенного населения женского пола, как видно, мужчины оценивают доступность медицинских услуг более положительно (59%). Доступность медицинских услуг оценивается примерно одинаково вне зависимости от уровня образования, исключение составляют люди с начальным образованием или без образования. Так, оценивают отрицательно 35-41% опрошенного населения среди лиц с разным уровнем образования (56% среди лиц без образования или с начальным уровнем образования). Наиболее позитивные оценки уровня доступности медицинских услуг характерны для лиц со средним специальным (профессиональным) образованием – 59% и высшим образованием – 59%. На оценки доступности медицинских услуг не оказывает влияния количество детей в семье: отрицательные оценки получены 36-40% опрошенного населения, положительные – 55-58%. При этом оценивают хуже всего работу муниципальных поликлиник и фельдшерско-акушерских пунктов лица, имеющие двух детей в семье на иждивении (39%), в остальных случаях уровень неудовлетворенности не превышает 34%.

Находят отличия в оценках доступности медицинских услуг люди с различным уровнем материального положения. Так, наиболее положительные оценки характерны для лиц, относящих себя к «богатым» (при ответе на вопрос «Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует материальное положение сегодня - Ваше, Вашей семьи?» выбрали ответ «практически ни в чем себе не отказываем»). Среди опрошенного населения 67%, относящих себя к «богатым» оценивают доступность медицинских услуг положительно (ответ скорее хорошо + в целом хорошо). В то же время 22% по данной категории оценивают доступность медицинских услуг отрицательно (плохо + скорее плохо). Наибольшее количество негативных оценок получено среди респондентов, относящих себя к «нищим» (при ответе на вопрос «Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует материальное положение сегодня - Ваше, Вашей семьи?» выбрали ответ «денег не хватает на повседневные затраты»). Так, 51% опрошенного населения в данной категории характеризует доступность медицинских услуг негативно, 40% - положительно. Закономерно, что при улучшении оценок материального положения семьи снижаются негативные оценки доступности медицинских услуг. При анализе взаимосвязи самооценок качества жизни (ответ на вопрос «Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?») и оценок доступности медицинских услуг, выявлено, что чем хуже стали жить респонденты по сравнению с прошлым годом, тем более негативно оценивают доступность медицинских услуг и работу муниципальных поликлиник и фельдшерско-акушерских пунктов.

Система здравоохранения является одной из самых востребованных, и одновременно критикуемых социальных систем. Необходимо отметить, что, несмотря на объемы государственных инвестиций в здравоохранение, оценка населением юга Тюменской области качества и доступности медицинских услуг в большей степени негативная. Возможная причина кроется в том, что система здравоохранения не успевает за ростом потребностей населения, что, в свою очередь, приводит к снижающимся оценкам населения системы здравоохранения. В сложившихся обстоятельствах потребитель лишен выбора и вынужден использовать либо предлагаемый товар, либо оплачивать доступ к медицинским услугам, обладающим большим качеством.

Для оценки предпочтений жителей Тюменского региона в области получения медицинских услуг, а также готовности к самостоятельной оплате, респондентам был задан вопрос «Где вы получали медицинскую помощь последний раз и платили ли Вы за это?». Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Распределение ответов на вопрос «Где вы получали медицинскую помощь последний раз и платили ли Вы за это?»²⁵, % от числа опрошенных
Distribution of answers to the question "Where did you receive medical care the last time and did You pay for it?" , % of respondents

	Платили				Не платили			
	2006	2009	2013	2016	2006	2009	2013	2016
В медпункте, поликлинике, стационаре Вашего предприятия	3	3	5	5	12	11	11	13
В поликлинике, медпункте по месту жительства	14	11	7	8	32	34	37	40
В больнице или специализированном медицинском учреждении	15	13	15	13	14	7	12	14
В кабинете частного врача	7	7	10	11	2	0	0	2
У вас дома	1	1	1	1	5	4	6	6
Всего	40	35	38	38	65	56	66	75

Исходя из результатов исследований 2006-2016 годов, отраженных в таблице, можно сделать вывод, что в настоящее время, как и десять лет назад, население по-прежнему ориентируется на получение медицинских услуг в поликлинике по месту жительства рамках системы ОМС. Процент опрошенного населения, самостоятельно оплачивающих медицинские услуги, примерно одинаков в течение последних десяти лет и варьируется в пределах 35-40%. Так же можно отметить увеличение числа лиц на период 2016 года, получающих медицинские услуги бесплатно. Одним из возможных факторов, влияющих на данный процесс, на наш взгляд, является изменение качества бесплатной медицинской помощи. В 2006 году стартовал приоритетный национальный проект «Здоровье», что отразилось и на региональной политике в области здравоохранения. Внедрены программы, призванные повысить качество и доступность медицинской помощи.

Однако, подводя итоги, можно отметить наличие противоречия. С одной стороны, жители юга Тюменской области выражают явную неудовлетворенность медицинским обслуживанием: доступностью медицинских услуг и работой муниципальных поликлиник. С другой стороны, население по-прежнему ориентируется на получение бесплатной медицинской помощи, а оплачивать самостоятельно медицинские услуги готово в случае обращения в больницу или специализированное медицинское учреждение.

²⁵ Сумма ответов на вопрос составит более 100%, т.к. респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

Список литературы

1. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). – М.: ИФРАН, 2010.

2. Социокультурная эволюция и динамика социально-экономического развития Тюменского региона : коллективная монография / сост. и общ. ред. Г.Ф. Ромашкиной, В.А. Давыденко. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2013. – 333 с.

**ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ
МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

**PROBLEMS OF REFORMING THE HEALTH SECTOR IN THE CONTEXT OF MOD-
ERNIZATION REGION (FOR EXAMPLE ULYANOVSK AREA)**

М.И.Кадничанская, Е.П.Галкина
M.I. Kadnichanskaya, E.P.Galkina

Ульяновский Государственный университет, Ульяновск, Россия
Ulyanovsk state university, Ulyanovsk, Russia

В статье рассматриваются проблемы, связанные с реформированием системы здравоохранения в Ульяновской области. Приводятся данные о результатах мероприятий по оценке эффективности деятельности учреждений здравоохранения Ульяновской области и данные социологического исследования по данной тематике.

The article examines the problems associated with the reform of the health system in the Ulyanovsk region. The data on the results of measures for evaluating the effectiveness of the health care institutions of the Ulyanovsk region and the data of sociological research on the subject.

Ключевые слова: *Сфера здравоохранения, реформирование, модернизация, регион.*

Keywords: *Health care, reform, modernization, region.*

Введение. Актуальной проблемой, вокруг которой сфокусировалось внимание ученых, общественных деятелей, политиков, а так же государственных чиновников, является здоровье населения страны. В этой проблеме сосредоточены различные стороны восприятия государства, как на глобальном уровне, так и на региональном.

За последние годы в России четко прослеживается спад по основным показателям здоровья населения: уровню смертности и средней продолжительности жизни, заболеваемости и инвалидности населения, в том числе в связи с проблемами в системе здравоохранения. В связи с этим, в основу формирования системы здравоохранения необходимо заложить принципы государственной ответственности за здоровье граждан и ответственности самих граждан за свое здоровье.

В настоящее время необходима модернизация и повышение эффективности здравоохранения исходя из главного приоритета — сохранение и укрепление здоровья человека. Здравоохранение как важный социальный институт общества, воздействуя на формирование и эффективное использование человеческого капитала, может выступать в качестве социальной предпосылки экономического роста, фактора обеспечения конкурентоспособной экономики страны.

На сегодняшний день к проблемам системы здравоохранения относят:

– конституционные гарантии бесплатной медицинской помощи, которые носят, прежде всего, декларативный характер и не сбалансированы с финансовыми ресурсами, а права граждан на ее получение четко не определены. В результате человек, имеющий низкие доходы, не может получить необходимую ему, по состоянию здоровья, медицинскую помощь. Как следствие, нарастает платность при получении медицинской помощи, в том числе в теневых формах;

– управление ресурсами здравоохранения осуществляется неэффективно, используемая бюджетно-сметная модель финансирования консервирует избыточную сеть медицинских учреждений;

- страховые принципы финансирования здравоохранения не получили должной реализации;
- работники здравоохранения относятся к одной из самых мало оплачиваемых категорий. Система и уровень оплаты труда не мотивируют их к качественной и результативной работе;
- отмечается увеличение стоимости новых медицинских технологий и рост затрат на здравоохранение;
- по-прежнему существует высокий уровень импортозависимости по лекарственным средствам, медицинской технике и оборудованию;
- отсутствие системообразующих законов, регулирующих сферу здравоохранения, не позволило сформировать единство этого социального института;
- наблюдается потеря системности и управляемости отраслью при сохранившихся органах управления всех уровней;
- отмечается нечеткость разделения компетенции РФ, ее субъектов и органов местного самоуправления. Процесс делегирования полномочий для здравоохранения прошел в двух направлениях: по вертикали по разделению компетенции — государственное и муниципальное здравоохранение, что можно рассматривать как децентрализованный вариант реализации прав и гарантий граждан, а также частное, и по горизонтали по разделению функций – общественное, ведомственное. При этом между подсистемами, нет четких границ, недостаточно конкретно содержание их деятельности и критерии оценки результатов [1].

Обзор литературы. Научные работы по проблеме статьи базируются на классических социологических и управленческих теориях следующих авторов: М.Вебера, Э.Дюркгейма, Э. Мэйо, А. Маслоу, Т.Парсонса, Ф.Тейлора, А. Файоля и др. В их научных трудах предложено теоретическое осмысление социальных явлений - системности, институциональности, специализации деятельности, что позволяет анализировать особенности государственного управления системой здравоохранения, исследовать кадровую политику в здравоохранении; изучать проблемы обеспечения конституционных прав граждан на охрану здоровья и роль в этом процессе личности, общества, государства.

Более детально это рассматривается в работах современных исследователей: Г.В. Атаманчук, И.Н. Барциц, В.Д. Володин, Н.А. Игнатюк, В.В. Лобанов, Б.А. Райзберг, М.В. Столяров и др. Теоретические вопросы и социальная практика организации и управления здравоохранением, этапы становления и развития системы охраны здоровья, проблемы обеспечения качественной медицинской помощи раскрыты в работах А.И. Вялков, В.З. Кучеренко, Ю.П. Лисицына, Ю.В. Михайловой, В.И. Стародубова и др.

Особый интерес представляют работы по социологии социальной сферы, социологии медицины, социологии здравоохранения таких авторов, как М.И. Акулич, Е.В. Дмитриева, А.С. Доронин, И.В. Журавлева, В.Н. Кузнецова, Г.И. Осадчая, А.В. Решетников, Г.И. Царегородцев. В них раскрываются вопросы формирования и развития социального страхования; федерального и регионального опыта управления системой здравоохранения; обеспечения качества жизни и работоспособности граждан; восприятия здоровья индивидуума как важнейшего компонента человеческого потенциала.

Базовая гипотеза исследования состоит в том, что недостаточное внимание государственных органов власти к сфере здравоохранения не позволили до сих пор в должной мере воплотить в жизнь конституционные права граждан в столь уязвимой по рыночным критериям бюджетодефицитной отрасли, какой является здравоохранение РФ. Врачи и медперсонал социально слабо защищены, имеют низкую зарплату. Одна из причин этого в том, что происходящие изменения не позволили сформировать систему здравоохранения как сбалансированного и эффективно действующего социального института.

Методы исследования. Теоретическую базу исследования составил анализ публикаций зарубежных и отечественных ученых, изучавших проблемы управления в социальной сфере, особенности модернизации и повышения эффективности системы здравоохранения

исходя из главного приоритета — сохранение и укрепление здоровья человека, а также анализ статистических данных по России и Ульяновской области, данные социологических исследований по Ульяновской области.

Результаты исследования. В условиях реформирования социальной сферы в России назрела потребность научного анализа практики применения и способов модернизации процессов функционирования наиболее востребованных механизмов государственного регулирования здравоохранения. Пристального внимания требуют проблемы, возникающие в регионах России. Подобного рода проблемы были зафиксированы в ходе мероприятий по оценке эффективности деятельности учреждений здравоохранения Ульяновской области.

Министерство здравоохранения Ульяновской области проанализировало результаты независимой оценки качества оказания услуг в сфере здравоохранения Ульяновской области по состоянию на 31.08.2015г.

В рамках анкетирования респондентам предлагался широкий круг вопросов, позволяющих объективно оценить работу медицинской организации.

В анкетировании приняли участие 22850 жителей региона. Основными причинами обращения граждан в лечебные организации были указаны: получение медицинской справки — 26% опрошенных, профилактический осмотр по направлению работодателя — 25%, травма — 23%, заболевание — 19%, 6% обратились в больницу с целью диспансеризации.

Оценивалась также доступность врачей при первичном обращении. Основная масса респондентов записалась на прием к врачу уже при первичном обращении в учреждение. Проблемным вопросом остается достаточно большой срок ожидания приема у врача. Лишь 38% респондентов попали к врачу менее чем за 5 дней. 41% ожидал приема врача 7 и более дней, а 5% — 10 и более дней.

Следует отметить, что 71,2% пациентов удовлетворены условиями пребывания в медицинской организации. В 38,8% в анкетах указали на отсутствие питьевой воды.

При обращении в медицинскую организацию 36% от общего числа участников анкетирования получают необходимую информацию на стендах, через инфоматы и другие источники.

Отдельный блок вопросов анкетирования был посвящен работе службы участковых врачей. Посещают врачей участковой службы один раз в квартал — 91%. 33% не знает своего участкового врача, его расписания, места приема. Удовлетворены обслуживанием и компетентностью участкового врача 99,96%.

К узким специалистам (лор, хирург, невролог, офтальмолог) по данным анкетирования пациенты обращаются раз в полугодие и реже — 39%, раз в квартал — 17%, раз в месяц — 9%. Вообще не обращаются — 35%. Уровнем обслуживания (доброжелательность, вежливость) узких специалистов довольны практически все пациенты. Вместе с тем, неудовольствие пациентов связано с тем, что недостаточно разъясняется информация о состоянии здоровья пациента, а также рекомендации по диагностике, лечению и реабилитации.

По срокам ожидания диагностического инструментального и лабораторного исследования результаты анкетирования распределились следующим образом: 44% опрошенных прошли обследование менее чем через 5 дней, 51% опрошенных ожидали диагностическое обследование более 5 дней, а 5% опрошенных ожидали 10 и более дней. Диагностическое исследование в большинстве случаев проводилось в установленное по записи время.

Сохраняется очередь на компьютерную томографию, магнито-резонансную томографию, ангиографию. Третья часть опрошенных прошла диагностику с использованием сложного, современного оборудования менее чем через 15 дней. Еще одна треть — ожидала обследование 15 дней, остальные — месяц и более. Длительность сроков ожидания такого обследования определены в рамках Территориальной программы государственных гарантий.

Подавляющее большинство пациентов, отвечающих на вопросы анкетирования, отмечают удовлетворенность оказанными услугами в медицинской организации и готовы порекомендовать ее для получения медицинской помощи своим близким и знакомым [2].

Так же в рамках работы комиссии по оценке эффективности деятельности государственных учреждений Ульяновской области Министерством экономического развития Ульяновской области были организованы и проведены мероприятия по оценке эффективности деятельности учреждений здравоохранения, подведомственных Министерству здравоохранения Ульяновской области.

У государственных учреждений здравоохранения Ульяновской области есть ряд системных проблем, препятствующих развитию данной отрасли, и, самое главное, оказанию качественной медицинской помощи населению региона.

В 2014 году расходы на содержание учреждений здравоохранения Ульяновской области составили 10,5 млрд. рублей, из них 10,1 млрд. рублей – на содержание медицинских учреждений, оказывающих амбулаторную и стационарную медицинскую помощь населению.

В 2015 году расходы на содержание учреждений были запланированы на уровне 12 млрд. рублей (на 14,5% превышают расходы 2014 года), почти 11,5 млрд. рублей – на содержание медицинских учреждений, оказывающих амбулаторную и стационарную медицинскую помощь населению, из них 9,3 млрд. рублей за счёт средств ФОМС [3].

Львиная доля расходов учреждений здравоохранения приходится на заработную плату, начисления на заработную плату, оплату коммунальных и т.п. услуг. Поэтому нередки случаи, когда пациенты, получающие стационарную медицинскую помощь, вынуждены покупать лекарственные средства за собственные средства.

Результаты анализа свидетельствуют о необходимости корректировки штатной численности и количества врачей (физических лиц) в учреждениях здравоохранения в соответствии с нормативами и потребностями населения, а также проведения масштабной работы по привлечению специалистов в сельские населённые пункты на вакантные должности в целях повышения качества и своевременности предоставления медицинской помощи [4].

По данным Министерства здравоохранения Ульяновской области не удалось достичь целевой показатель по уровню заработной платы ни по одной из категорий медицинских работников, обозначенных в указе Президента Российской Федерации № 597.

Заключение. Таким образом, в качестве основных проблем в сфере здравоохранения, требующих пристального внимания и реформирования в контексте модернизации региона можно назвать:

1. Слабо унифицированная система управленческого контроля подведомственных учреждений здравоохранения.
2. Недостаточная проработка структуры тарифов оплаты медицинских услуг в системе ОМС Ульяновской области.
3. Не системная организация работы по перераспределению объёмов медицинской помощи, в том числе коечного фонда, между учреждениями здравоохранения в целях рационального использования площадей, с учётом сохранения доступности медицинской помощи населению.
4. Неэффективность расходов учреждениями здравоохранения, в первую очередь на коммунальные услуги, и проработка вопроса о выделении целевых субсидий для них на погашение просроченной кредиторской задолженности.
5. В условиях ограниченности финансовых ресурсов недостаточная проработка закупок лекарственных препаратов и расходных материалов, при отказе от закупок импортных медикаментов (без ущерба для здоровья пациентов).
6. Проблема привлечения специалистов в сельские населённые пункты на вакантные должности в целях повышения качества и своевременности предоставления медицинской помощи.

Здравоохранение, как социальный институт, должно участвовать в формировании ответственности экономически активного населения трудоспособного возраста за свое здоровье, активной их позиции в решении социальных вопросов и ответственности за здоровье неработающих членов семьи. При этом необходимо трансформировать социальные институты таким образом, чтобы их организационные структуры были самостоятельными хозяйст-

вующими субъектами, заинтересованными в объеме и качестве произведенного ими труда и обеспечивающими достойную оплату труда и качество жизни своим работникам.

Таким образом, требуется парадигма новой социальной политики, направленной на развитие экономических основ социальных институтов, формирование активного социально-экономического поведения трудоспособных членов общества и обеспечение повышенной социальной защиты людей, в силу возраста или болезни, нуждающихся в особой заботе.

Список литературы

1. Володин В.Д. Об актуальных вопросах развития здравоохранения: идеологические и правовые аспекты // "Аналитический вестник". 2013. № 34. С.33-39.
2. Отчет за III квартал «О результатах оценки качества оказания услуг медицинскими организациями Ульяновской области» <http://www.med.ulgov.ru/deyatelnost/4062/7335/7365.html>
3. Отчёт о результатах мероприятий по оценке эффективности деятельности учреждений здравоохранения, подведомственных Министерству здравоохранения Ульяновской области. 2015. 30с.
4. Власова Н.В., Галкина Е.П., Кадничанская М.И. Эффективность деятельности учреждений здравоохранения Ульяновской области (результаты независимой оценки качества оказания услуг в сфере здравоохранения Ульяновской области) // X Международная научная конференция «Сорокинские чтения» «Здоровье российского общества в XXI веке: социологические, психологические и медицинские аспекты». Сборник материалов.– М.: Издательство МГУ, 2016. С.453-455.

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В УЛУЧШЕНИЕ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА**

**SOCIO-CULTURAL DRIVERS CONSOLIDATING THE ENVIRONMENTAL EFFORTS
OF MUNICIPAL COMMUNITIES IN TULSKAYA OBLAST IN THE COURSE OF THE
REGION'S MODERNIZATION PROCESS**

В.И. Мосин
Vasily I. Mosin

Тулский социологический центр, Тула, Россия
Tula Center of Sociology, the Russian Federation

Сохранение и рациональное использование природных богатств – задачи, которые не теряют своей актуальности в современный век индустриального развития. Они напрямую связаны с качеством жизни, безопасностью и здоровьем людей. Для Тульской области, обладающей высоким промышленным потенциалом, вопросы экологической безопасности и сохранения благоприятных природных условий имеют особое значение и находятся в центре внимания муниципальных образований.

The goals of effective preservation and responsible use of the natural wealth remain highly relevant in the settings of the modern industrial era. They directly relate to the quality of human life, health and safety issues. For Tulskaaya Oblast with its strong industrial potential, the environmental security and maintenance of the friendly natural environment are the areas of especial importance and vital concern for municipal communities.

Ключевые слова: экология, модернизация, экологические акции, защита окружающей среды, муниципальные образования.

Keywords: ecology, modernization, environmental actions, environmental protection, municipal communities.

Согласно методике измерения модернизации, разработанной ЦИМ АН Китая и адаптированной ЦИСИ ИФ РАН, Тульская область относится к регионам зрелой фазы индустриальной модернизации. В этом состоянии она находится с 2005 г, и еще не вошла в завершающую фазу индустриальной модернизации – фазу перехода ко вторичной, информационной модернизации. Как показывает мировой опыт, на зрелой фазе индустриальной модернизации и последующих этапах, передовые страны значительное внимание уделяют вопросам экологии, ведь экологические проблемы, как последствия модернизации, могут привести к глобальным катастрофам, чреватым даже гибелью всего живого на Земле.

Тульская область является одним из наиболее развитых промышленных регионов России, соответственно в регионе на протяжении последних 10 лет сохраняется высокая степень экологической нагрузки на природную среду. В регионе представлены все виды промышленности, такие как металлургия, химия, топливно-энергетический комплекс, оборонный и т.д. Высокое развитие промышленного потенциала региона не позволяет исправить экологическую ситуацию мгновенно, требуется значительное время на перегруппировку сил и средств, отработку механизмов природоохранной деятельности и экологический контроль. В Тульской области, как и во всей России, сегодня реализуется стратегия устойчивого развития, которая предусматривает одну из важнейших функций – экологическую безопасность региона. Кроме того, в рамках реализации концепции устойчивого развития накоплен достаточно большой опыт по взаимодействию власти, бизнеса и общества в решении природо-

охранных вопросов. Мы можем отметить, что ряд интересных проектов осуществляется с активным совместным участием бизнеса, власти, науки и общественности.

Базовая гипотеза. В Тульской области не только стремятся перейти ко вторичной, инновационной модернизации, но решают экологические проблемы, которые созданы зрелой фазой индустриальной модернизации, и не оставляют решать эти проблемы потомкам. Большая роль в этом принадлежит как руководству муниципальных образований, так и самостоятельная инициатива неравнодушных граждан.

Проблема, рассматриваемая в докладе. В данной статье будет рассмотрено как в промышленно развитой Тульской области проявляют большую заботу о защите окружающей среды и здоровья человека от различных вредных факторов и загрязнителей, так и воспитании подрастающего поколения в духе бережного отношения к природе, к нашей планете, к своему и чужому здоровью на примере двух промышленно развитых районов (Щёкинском и Ефремовском) и поэтому наиболее проблемных в экологическом отношении.

Методы исследования. Использованы материалы социологических отчётов и экологических акций, публикации в СМИ.

Результаты исследования, их новизна.

Большое количество промышленных предприятий, осуществляющих свою деятельность на территории МО город Ефремов и их выбросы в атмосферу, вызвали глубокую обеспокоенность населения в связи с возрастающим уровнем загрязнения окружающей среды и влиянием негативных факторов на здоровье. В частности, сложившуюся ситуацию усугубили периодически появляющиеся неприятные запахи в воздухе.

Подобная негативная экологическая ситуация требовала незамедлительного принятия комплексных мер по улучшению ситуации в сфере природопользования и защиты окружающей среды. В сложившихся условиях наиболее актуальной задачей стал поиск путей решения и консолидации усилий по улучшению экологической ситуации в Ефремовском районе. Однако эффективно решить данную задачу возможно было только при тесном взаимодействии власти, бизнеса и общественности. Вот тогда было принято решение создать в г. Ефремов первую в регионе общественную экологическую приёмную, которая была открыта 16 апреля 2013 г.

Общественная приёмная стала организатором проведения Общероссийской экологической акции «Водным объектам – чистые берега и причалы». Данная акция с каждым годом стала принимать всё большую социальную значимость среди населения Ефремовского района. Ежегодно благодаря деятельности активистов сокращается количество несанкционированных свалок, берега водных объектов становятся чище, соответственно, вредные вещества не загрязняют воду.

Специалисты общественной приёмной не только участвуют в благоустройстве территории, но и осуществляют свою деятельность на местах: в ходе личных приёмов, благодаря бдительности граждан выявляются факты нарушения природоохранного законодательства, проводят мероприятия по их выявлению и пресечению, а также проводят работу по их своевременному устранению. В деятельности общественной экологической приёмной принимают участие председатели Общественных советов Управления Росприроднадзора по Тульской области и Министерства природных ресурсов и экологии Тульской области Михаил Буденков, глава администрации МО город Ефремов Сергей Балтабаев, руководители общественных объединений, руководители предприятий, жители городского округа. Деятельность экологической приёмной на данном этапе востребована среди населения, поскольку здесь есть обратная связь: жители делятся своими проблемами со специалистами и видят результаты их работы. Проект подтверждает свою социальную значимость и является связующим звеном между властью, бизнесом и обществом.

Так на одном из недавних совместных заседаний городского Общественного Совета и экологической приёмной рассматривался вопрос раздельного сбора мусора в г. Ефремов. В своих выступлениях участники заседания рассказывали о первоочередных задачах экологического движения, среди которых – усиление разъяснительной работы в общеобразователь-

ных учреждениях и среди населения о приоритетных направлениях деятельности, в числе которых организация раздельного сбора мусора. Необходимо отметить, что в Ефремове периодически проводятся субботники, в ходе которых особое внимание уделяется очистке берегов реки Красивая Меча, организуются мероприятия по озеленению территории, а также выявлению и ликвидации несанкционированных свалок бытового и строительного мусора. И здесь вполне закономерно встаёт вопрос о сборе и утилизации твёрдых бытовых отходов. Поэтому именно в Ефремове решено было оборудовать несколько площадок по раздельному сбору бытовых отходов. К тому же, в области есть ряд предприятий, которые будут брать на переработку стекло, бумагу, пластик.

Актуальность данных мероприятий также связана с возрастанием потребности во вторичном сырье. Кроме того, переработка твёрдых бытовых отходов имеет не только экономическое значение, но и экологическое. И не случайно правительство Российской Федерации уделяет этому аспекту столь значительное внимание. Использование различных отходов в производстве позволяет значительно сэкономить природные ресурсы и очистить окрестности городов.

На данном этапе в Ефремове уже сделаны первые шаги на пути к реализации комплекса мер, направленных на улучшение экологической обстановки: на центральных улицах установлены специальные урны для раздельного сбора мусора, и это, безусловно, привлекает внимание граждан. Опыт других регионов свидетельствует, что для получения ожидаемого результата необходимо понести немалые финансовые затраты, обусловленные закупкой специализированного оборудования и оснащением контейнерных площадок. Однако со временем это позволит в полной мере реализовать намеченные планы и получить ожидаемый экономический эффект.

В ООО «Дизель», осуществляющем свою деятельность на территории Ефремовского района, осуществляется сортировка твёрдых отходов. Отбираются картон и бумага, плёночный материал для последующей отправки на переработку. Как отмечают специалисты, потребность в этом вторичном сырье сейчас очень велика, да к тому же отправка вторсырья на переработку в значительной степени снизит объём захоронений и увеличит срок эксплуатации полигона.

На данном этапе руководством администрации МО г. Ефремов прорабатываются варианты эффективного взаимодействия с населением на предмет необходимости раздельного сбора мусора. Совместная работа в данном направлении определённо принесёт свои плоды.

Ряд предприятий выступают с собственной инициативой утилизации отходов. Так предприятие «Зернопродукт» больше не вывозит отходы спиртового производства (барда) за город на поля фильтрации, а перерабатывает на сухой корм, который реализуется животноводческим хозяйствам. Специально для этих целей было закуплено за рубежом дорогостоящее оборудование.

В целом же стоит отметить, что Ефремовский район проводит работу комплексно: наряду с проблемами мусоросбора решаются вопросы благоустройства территории, в частности, озеленение. В 2014 году значительно преобразилась городские улицы, территория центрального парка им. И.А.Бунина. В 2015 г. здесь было высажено более 250 саженцев молодых деревьев и кустарников, а также произведён посев травы и цветов. Одним из значимых событий для ефремовцев стало открытие нового сквера по ул. Ленина, возведённого на месте старого полуразрушенного здания. Территорию сквера украсили газоны с цветами и молодые туи. Посадка деревьев также производится и в рамках реализации различных экологических акций. Так, в июле 2015 г. волонтеры отряда «Позитив» молодёжно-подросткового центра «Октябрьский» провели акцию «Прояви любовь» в городской роще, где убрали и вывезли мусор с территории мест массового отдыха населения. А 1 октября в Ефремове прошла акция «Кислород – городу!». В мероприятии приняли участие сотрудники администрации, волонтеры, коллективы учреждений образования и культуры. В ходе акции было посажено более 100 саженцев липы на улице Ленина. Работа в данном направлении продолжается и в 2016 г. Планируется осуществить ряд мероприятий, направленных на развитие и процвета-

ние Ефремовского края в числе которых развитие культуры и туризма. И улучшение экологической обстановки, как считают в администрации МО г. Ефремов, неперемнное условие для успешной реализации всех намеченных планов.

Необходимость заботиться как о защите окружающей среды и здоровья человека от различных вредных факторов и загрязнителей, так и о воспитании подрастающего поколения в духе бережного отношения к природе, к нашей планете, к своему и чужому здоровью понимают в администрации Щёкинского района. Администрация и жители, организации и предприятия, учебные заведения и учреждения культуры Щёкинского района принимают активное участие в различных экологических акциях и мероприятиях, проводимых правительством Тульской области, Тульским региональным отделением Общероссийской общественной организации «Центр экологической политики и культуры РФ», компанией «Зелёное движение ЭКА».

Председатель «Центра экологической политики и культуры» Михаил Буденков совместно с ООО «Эс-Си-Эй» подготовили и провели в 2015 г. экологические уроки в школах г. Советска, п. Первомайский, с. Карамышево, с. Крапивны Щёкинского района. Проведение подобных экологических уроков по согласованию с комитетом по образованию администрации МО Щёкинский район, продолжаются и в 2016 г.

Довольно много проводимых экологических акций направлено на сохранение и увеличение количества деревьев. Примерами таких мероприятий могут служить «Лес Победы», «Дай жизнь дереву» и другие. «Лес Победы» - это специальный проект, организованный Общероссийским экологическим общественным движением «Зелёный патруль». Цель его – посадить дерево в честь каждого павшего во время Великой Отечественной войны.

В реализации проекта приняли участие сотрудники администрации МО Щёкинский район, администраций муниципальных образований района и неравнодушные жители. Всего ими было высажено 216 молодых деревьев. В ходе акции «Дай жизнь дереву» на общей площади 1,2 га появились 407 саженцев. Целая рябиновая аллея из 60 деревьев была заложена в Ясной Поляне в последний день сентября 2015 г.

Не только воздух может пострадать от загрязнения – ничуть не меньше подвержена ему вода. 30 июля 2015 г. на Щёкинском водохранилище в г. Советске стартовала социально-экологическая акция «Водным объектам – чистые берега». Данная акция проводилась по инициативе «Центра экологической политики и культуры РФ» (Тульское региональное отделение) при поддержке и оказании содействия в организации ООО «Эс-Си-Эй Хайджин Продактс Раша – филиал в городе Советске» и администрации МО г. Советск Щёкинского района. Главной целью акции являлось повышение ответственности за природу родного края как части национального природного богатства, а также привлечение различных социальных слоёв к местным экологическим проблемам. В акции приняли участие 45 человек.

За чистоту родного района борются взрослые и дети. Ежегодно Щёкинский район принимает участие в общеобластных субботниках, проводимых дважды в год – весной и осенью. В них активно участвуют практически все организации, предприятия, учреждения МО, начиная с администрации. Чистоту и порядок на своей малой родине наводят и юные волонтеры. Ими был расчищен Старый парк, место для лыжни в парке «Лесная поляна».

Для поддержания порядка на территории Щёкинского района 23-25 ноября 2015 г. была проведена установка двух первых контейнерных площадок по раздельному сбору мусора. Площадки были установлены в г. Советске и муниципальном образовании Крапивенское по проекту, разработанному местными специалистами. В 2016 г. продолжена работа по установке подобных контейнерных площадок в других муниципальных образованиях района. Спонсором данной акции выступает ООО «Эс-Си-Эй».

Кроме того, в районе проходят экологические мероприятия местного уровня: экологические уроки в школах, выставки в Художественно-краеведческом музее, выставки и мероприятия в библиотеках района.

Приятно осознавать, что как предприятия и организации, так и жители Щёкинского района понимают необходимость работы об окружающей среде, проведения природоохранных мероприятий и субботников и принимают в них самое активное участие.

Следующий важный проект – проведение ежегодного Международного экологического Яснополянского Форума «Устойчивое развитие. Рациональное природопользование. Технологии здоровья», который пользуется заслуженным авторитетом не только в России, но и среди ряда наших зарубежных партнеров и коллег. За десять лет в его работе приняли участие более пяти тысяч человек. Экологи из России, США, Германии, Швейцарии, Италии, Белоруссии, Молдовы, Украины, Польши, Болгарии, Вьетнама и других стран с удовольствием делятся опытом, приобретают новых партнеров и заключают соглашения о дальнейшем сотрудничестве, знакомятся с Тульской областью, наследием Л.Н. Толстого в Ясной Поляне, достопримечательностями и брендами гостеприимного Тульского края.

24-25 марта 2016 г. в Туле состоялся X юбилейный Международный экологический Яснополянский Форум «Устойчивое развитие. Рациональное природопользование. Технологии здоровья». В рамках Форума прошла работа восьми «Круглых столов»:

- Законодательство в сфере природопользования.
- Здоровье нации – основа процветания России. Экология и здоровье.
- Современные подходы к совершенствованию системы управления в сфере обращения с ТКО.
- Корпоративная ответственность бизнеса в экологии.
- Молодежь и экология.
- Вода. Потребности и возможности.
- Экология, культура и туризм в контексте устойчивого развития.
- Продовольственная безопасность России в контексте стратегии устойчивого развития.

Форум прошел при патронате правительства Тульской области, поддержке Тульской Торгово-промышленной палаты, Общественной палаты Тульской области, ТРО ВПП «Единая Россия». В работе Форума приняли участие представители профильных государственных институтов законодательной и исполнительной власти России и регионов, Общественной палаты России, Торгово-промышленной палаты РФ, гражданские объединения Тульской области и РФ, иностранные и российские эксперты-экологи, представители бизнеса, науки и другие.

В рамках Форума прошла выставка «Экология и здоровье». Выставка предоставила участникам широкие возможности для деловых контактов потребителей и производителей.

Итоги X юбилейного Международного экологического Яснополянского Форума «Устойчивое развитие. Рациональное природопользование. Технологии здоровья» стали заделом по участию тульского региона в самом значимом российском Экологическом Форуме-выставке в апреле 2016 г. под руководством Правительства РФ.

Практическое значение результатов. На примере Тульской области очевидно, что внедрение современной национальной системы формирования экологической культуры предполагает активное включение различных групп населения в сферу экологического образования как через его дошкольные, школьные, вузовские и последипломные формы, так и через эколого-просветительскую работу, различные экологические акции, а также формирование экологической культуры средствами искусства (художественные и фото выставки, кинофильмы, литературные произведения и т.п.). Для ускорения этого процесса органы власти, и прежде всего муниципальные образования, должны возглавить это движение и сами быть в гуще масс.

ВЛИЯНИЕ ЗЕЛЕННЫХ НАСАЖДЕНИЙ НА ШУМОВУЮ ХАРАКТЕРИСТИКУ УРБАНИЗИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

NOISE-PROTECTIVE PROPERTIES OF GREEN PLANTATIONS ON URBAN TERRITORIES

Ю.А. Гордеев, Кулагин А.А.
Yu.A. Gordeev, A.A. Kulagin

ФБГОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М.
Акмуллы», Уфа, Россия
M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia,

Впервые дана акустическая характеристика насаждений города Уфа, выявлены закономерности изменения уровня шума в зависимости от типа насаждения.

For the first time the acoustic characteristic of plantings of the city of Ufa is given, regularities of change of noise level depending on planting type are revealed.

Ключевые слова: *зеленые насаждения, шумовое загрязнение, интенсивность движения, контрольная точка, шумозащитные свойства, шумомер, транспортные потоки, эквивалентный уровень звука.*

Keywords: *green plantations, noise pollution, volume of traffic, test point, noise-protective properties, sound level meter, traffic flow, equivalent sound level.*

При оценке общего санитарно-эпидемиологического состояния урбосистем необходимо отметить негативную тенденцию увеличения шумового загрязнения территории жилой застройки, отрицательно влияющего на здоровье населения и производительность труда. Основной причиной негативных тенденций является увеличение интенсивности транспортных потоков в городах. При этом технические средства, которые могут быть использованы для решения данной проблемы требуют больших организационных, инженерно-технических и материальных затрат [1].

В данной связи особую важность приобретает всестороннее изучение проблемы и способов ее решения. Общеизвестно, что растительность способна поглощать часть экотоксикантов из окружающей среды, при этом шумозащитные свойства насаждений нуждаются в исследовании. Зеленые насаждения являются одним из факторов способствующих снижению шума в городе, при этом необходимо исследовать и выявить оптимальные типы посадок, обладающих наилучшей шумозащитной способностью [2].

Материалы и методика исследования

В период с 2011 по 2013г. было произведено более 300 измерений. В данной работе приводятся результаты измерений, полученных в период летней вегетации, когда зеленая масса растений развита в наибольшей степени. Измерения проводили в местах с наиболее интенсивным движением автотранспорта вблизи мест общего пользования, учреждений, жилых зданий, а также вблизи промышленных предприятий г.Уфы, которые сами являются источником шума. Измерения проводились в два этапа. На первом этапе исследовали территорию г.Уфы для определения мест с наиболее интенсивным движением автотранспорта и, как следствие, с наибольшим уровнем шумового загрязнения. Методика заключалась в выборе точки где будут производиться измерения - за насаждениями и вблизи определенных зданий (жилых домов, строений общего пользования, промышленных объектов) или пешеходных дорог. Контрольная точка имеет своей целью измерить уровни звукового давления на том же

расстоянии от той же проезжей части с тем же составом и плотностью транспортных средств и представляет собой открытое пространство без насаждений максимально соответствующее экспериментальной точке измерения. Описывается окружение, тип дороги, которая является источником шума [3].

При выборе конкретных точек измерения дается описание видового состава насаждений, возраста деревьев и кустарников, средней высоты, формы и плотности кроны, ярусности, расстояния между деревьями, количеством рядов, обрезкой кроны и соответствия этих параметров нормативно-правовым документам [4].

На втором этапе производился инструментальный контроль уровня шумового загрязнения с использованием шумомера 2 класса точности «Октава 201» (Россия), линейный рабочий диапазон 26-138 дБ с цифровым индикатором специализированных приборов. После измерений уровней звука на основной и контрольной точках вычисляется разница в величине эквивалентного уровня звука. Эта разница является показателем звукопоглощающей эффективности зеленых насаждений. Сравнивая звукопоглощающую эффективность различных насаждений имеется возможность определить наиболее приемлемый тип посадок.

Для определения способности зеленых насаждений к шумозащите, был введен «Показатель интенсивности шумозащиты» (ПШ), который представляет собой разницу между $L_{АЭКВ}$ экспериментальной точки и $L_{АЭКВ}$ контрольной точки и также между $L_{АМАКС}$ в экспериментальном измерении и $L_{АМАКС}$ в контрольном измерении.

$$ПШ_{ЭКВ} = L_{АЭКВ}(\text{осн.т.}) - L_{АЭКВ}(\text{контр.т.})$$

$$ПШ_{МАКС} = L_{АМАКС}(\text{осн.т.}) - L_{АМАКС}(\text{контр.т.})$$

Результаты и их обсуждение

Все измерения проводились в пределах города Уфы. Площадь города составляет 765 км². При населении более миллиона плотность населения самая низкая среди всех городов миллионников в РФ. Это один из крупнейших городов Уральского региона Российской Федерации. Абсолютные высоты над уровнем моря 82 - 240 метров. Климат г.Уфы и его окрестностей относится к умеренной климатической зоне с атлантико-континентальным климатом. Среднегодовая температура составляет 2,5⁰С. Годовая амплитуда температур равна 32⁰С. Самый холодный месяц года январь (-13,7⁰С, абсолютный минимум - 48,5⁰С), самый теплый – июль (+19,0⁰С, абсолютный максимум +38,6⁰С). Среднее количество осадков – 577 мм. В среднем за год бывает 164 дня со снежным покровом, наибольшей высоты снежный покров достигает в феврале (40 см) [3].

В соответствии с описанной выше схемой эксперимента нами были определены наиболее информативные территории, характеризующие особенности загрязнения окружающей среды источниками шума, а их краткие характеристики приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Краткая характеристика территорий и насаждений г. Уфа, где производился анализ уровней шумового загрязнения

№ замера	Адрес	Кол-во полос движения автомобиля	Ширина зел. насаждений, м	Видовой состав	Тип насаждений	Сомкнутость насаждений	Высота насаждений, Н _{ср.} , м	Уровень шума, дБ			
								$L_{АЭКВ}$	$L_{АМАКС}$	$L_{АЭКВ}$ контр. точка	$L_{АМАКС}$ контр. точка
1	Ахметова 320 Лицей № 46	6	15	7БЗТ	двухрядная + солитеры	0,9	9	57	71	62	73
2	Ахметова 275 МГАВТ	46	10	1 ряд 10Л 2 ряд 10Т	двухрядная+ солитеры	0,6	8	60	73	64	77

№ замера	Адрес	Кол-во полос движения авто-та	Ширина зел. насаждений, м	Видовой состав	Тип насаждений	Сомкнутость насаждений	Высота насаждений, Н _{ср.} , м	Уровень шума, дБ			
								L _{Аэв.}	L _{А макс.}	L _{Аэв. контр. точка}	L _{А макс. контр. точка}
3	Жуковского 28 Детский сад	2		8Б2Т	однорядная посад-ка+солитеры	0,8	8	45	65	47	67
4	Ахметова, 207 ССЗ	46	15	1 ряд 10Л 2 ряд 8Т2Б	групповые посадки	0,3	6	65	74	70	77
5	«Магнетрон» ул. Кировоградская, 34	2		9Л1Е	однорядная посадка	0,8	5	50	68	52	73
6	ОАО «Уфимский завод „Пром-связь“» ул. 50 лет СССР, 39	4	20	1яр. 3Е5Т2Б 2яр. 8Л2Б	групповая посадка+ со-литеры	0,2	7	70	76	71	79
7	«Уфимский завод цветных металлов» ул. Ин-дустриальное шоссе, 112/3	6	5	10Б	двухрядная посадка	0,7	5	60	70	61	71
8	Научно-производственное предприятие «Буриптех» ул. Юбилейная, 4/1	2	20	5Б5Л	двухрядная посадка	0,3	6	34	62	36	62
9	ОАО «Уфимский лакокрасочный завод» ул. Зенцова, 93	8	15	1 яр. 4Д2Ос2 Б2К 2яр. 3К3Б2Л ещ1Ос1 Т6	массив	0,5	6	40	43	50	55
10	ОАО «Уфимский завод эластомерных материалов, изделий и конструкций» ул. Пархоменко 156	6		5Б5Л	однорядная	0,7	7	70	75	71	75
11	ОАО «Уфимский ЖБЗ-1» ул. Зеленая роща, 11/3	2	70	6К2Б1Т б	массив	0,8	7	64	69	75	80
12	Ахметова, 225 Жилой дом в 200 м от начала ССЗ	6	40		групповая посадка	0,7	6	63	68	72	80
13	ДМШ № 9, Пожарского 245	2	23	10Л	массив	0,8	5	38	43	43	47
14	Башкирский Медицинский Колледж ул. Р. Зорге, 27	2	10	5Т5Л	групповая посадка	0,8	10	39	44	50	54

№ замера	Адрес	Кол-во полос движения автомобиля	Ширина зел. насаждений, м	Видовой состав	Тип насаждений	Сомкнутость насаждений	Высота насаждений, Н _{др.} , м	Уровень шума, дБ			
								L _{Аэкв.}	L _{А макс.}	L _{Аэкв. контр. точка}	L _{А макс. контр. точка}
15	Республиканская детская клиническая больница ул. Степана Кувыкина, 98	6	40	1 яр. 5ЛЗБ2Т 6 2 яр. 8П2С	групповая, солитеры	0,7	5	38	44	48	52
16	Республиканский противотуберкулезный диспансер, пр. Октября, 155	8	25	7ТЗБ	трехрядна, групповая	0,2	10	53	57	58	61
17	СОШ №124 ул. Уфимское Шоссе, 20	4	40	1 яр. 10Т 2 яр. 8Л2Р	трехрядна, групповая	0,9	8	58	65	75	77
18	Школа 114 ул. Российская, 90 (перед зданием в 23 м от дороги)	6	10	5Л5Т	групповая	0,6	8	68	74	70	80
19	Школа 114, ул. Российская, 90 (спортивная площадка)	6	15	1ряд: 10Л 2ряд: 8Т62Р	групповая	0,8	10	52	56	71	78

Примечание: Б-береза, Д-дуб, К-клен американский, Т-тополь пирамидальный, Тб-тополь бальзамический, Лис-лиственница, Л-липа, Шип-шиповник, П-пузыреплодник, Л-лещина, Ос-осина, С-сирень, Е-ель, Р-рябина.

Анализ полученных результатов показал, что при сопоставлении полученных данных об уровне звука с санитарными нормами из 19 измерений, как по эквивалентному, так и по максимальному уровню нормам соответствует 9 измерений, в то время как в 10 случаях наблюдается превышение допустимого уровня звукового давления (табл.2).

Таблица 2.

Соответствие уровней шума санитарным нормам

Номер измерения	L _{Аэкв.}	L _{Амакс.}	L _{Аэкв. контр. точка}	L _{Амакс. контр. точка}	СН	
					LA экв.	LA макс.
1	+2	+1	+7	+3	55	70
2	+5	+3	+9	+7	55	70
3	норма	норма	норма	норма	55	70
4	+10	+4	+15	+7	55	70
5	норма	норма	норма	+3	55	70
6	+15	+6	+16	+9	55	70
7	норма		норма		80	
8	норма		норма		80	
9	норма	норма	норма	норма	55	70
10	норма		норма		80	
11	норма		норма		80	
12	+8	норма	+17	+10	55	70
13	норма	норма	норма	норма	55	70

Номер изме- рения	$L_{A_{\text{ЭКВ}}}$	$L_{A_{\text{МАКС}}}$	$L_{A_{\text{ЭКВ}}}$ контр. точка	$L_{A_{\text{МАКС}}}$ контр. точка	СН	
14	норма	норма	норма	норма	55	70
15	норма	норма	норма	норма	45	60
16	+8	норма	+13	+1	45	60
17	+8	норма	+20	+7	55	70
18	+13	+4	+15	+10	55	70
19	норма	+14	+16	+8	60	75

В результате было выявлено, что в большинстве случаев шум от движения автотранспорта является преобладающим даже вблизи производственных объектов. Таким образом в измерении 4 по ул. Ахметова 207 вблизи Судоремонтно-судостроительного завода не наблюдается каких-либо характерных изменений в уровне шума вызванных работами на его территории.

Максимальная разница наблюдалась в измерении 19 по ул. Российская 90 на спортивной площадке, где разница между уровнями шума в контрольной и основной точках составила 19 дБ для $L_{A_{\text{ЭКВ}}}$ и 22 дБ для $L_{A_{\text{МАКС}}}$, в измерении 17 по ул. Уфимское шоссе 20 - 17дБ для $L_{A_{\text{ЭКВ}}}$ и 12 дБ для $L_{A_{\text{МАКС}}}$, в измерении 15 по ул. Степана Кувыкина 98 - 10дБ для $L_{A_{\text{ЭКВ}}}$ и 8 дБ для $L_{A_{\text{МАКС}}}$, в измерении 14 по ул. Р. Зорге 27 - 11дБ для $L_{A_{\text{ЭКВ}}}$ и 10 дБ для $L_{A_{\text{МАКС}}}$, в измерении 11 во дворе ЖБЗ № 1 - 11дБ для $L_{A_{\text{ЭКВ}}}$ и 11 дБ для $L_{A_{\text{МАКС}}}$, в измерении 9 по ул. Зенцова 23 - 10дБ для $L_{A_{\text{ЭКВ}}}$ и 12 дБ для $L_{A_{\text{МАКС}}}$.

При оценке ПШ в зависимости от типа насаждения наибольшие показатели эффективности наблюдаются при разнотипной посадке и массиве. В данных случаях разница между $L_{A_{\text{ЭКВ}}}$ осн. и $L_{A_{\text{ЭКВ}}}$ контр. достигает 10, 11, 5 дБ у массивов, 12,11,10,17,6,19 дБ при разнотипных посадках в которых можно отметить наибольший разброс от 1 дБ в измерении 7 до 19 дБ в 19-ом. Наименьшие значения наблюдаются при однорядной и двурядной посадке, у которых ПШ не превышает 5 дБ.

При рассмотрении влияния ярусности на уровень звука, следует отметить преимущество насаждений с большим показателем ярусности. В большинстве случаев насаждения с большей ярусностью обладают гораздо большей поглощающей способностью, чем те, в которых присутствует только один ярус. Так из 7 точек, где $L_{A_{\text{ЭКВ}}}$ от 10 дБ меньше чем в контрольной точке, 5 приходится на насаждения, в которых представлено более одного яруса. В точках, где присутствует только первый ярус, наблюдается гораздо менее значительное снижение уровня шума от 1 до 4 дБ. В насаждениях с полной ярусностью эффективность шумозащиты значительно выше по сравнению с другими видами. Так, где присутствует только первый ярус, уровень шума не снижается ниже, чем на 5дБ в сравнении с контрольной точкой.

В зависимости от ширины насаждения данные расположились следующим образом. В самом широком 70-м насаждении 11 дБ, 40-ых 12, 10, 17 дБ, в насаждениях от 20м до 40 м на 1 – 11 дБ, кроме 19 измерения. Высокий показатель ПШ наблюдался также при 10м – 11 дБ, 15м -12дБ. Однако в других точках при такой же ширине наблюдаются небольшие изменения, как например при 15м – 2 дБ в. Поэтому основным или определяющим такой параметр как ширина насаждения являться не может.

Наилучшие показатели приходится на насаждения с сомкнутостью от 0,7 до 1. Разница между основной и контрольной точкой в таких насаждениях составляет в большинстве измерений от 5 до 19 дБ. Между тем, самый низкий ПШ наблюдается в насаждениях с точно такой же сомкнутостью. Поэтому этот показатель также нельзя считать определяющим при оценке шумозащиты насаждения.

При оценке влияния высоты насаждения видно, что максимальные значения лежат в группе 5, 6, 8, и 10м насаждений. В других точках посадки с одинаковыми параметрами по этому признаку показывают значительно меньший результат, так что не удается выявить какой-либо четкой закономерности. При оценке $L_{A_{\text{МАКС}}}$ также нет определенной зависимости

между высотой и способностью к шумозащите, данные сильно различаются, что позволяет судить только о косвенном влиянии.

В зависимости от видового состава насаждений видно, что самые большие значения ПШ наблюдаются в смешанных насаждениях. В чистых посадках березы, липы и клена ПШ не превышает 5 дБ, причем нельзя сделать однозначный вывод о преимуществах какого-либо из них, так как данные отличаются незначительно.

В процессе работы было выявлено, что в большинстве случаев расстояние между деревьями на 1,5-2 м меньше, чем того требуют соответствующие СНиП [4]. Также многие полосы насаждений расположены в среднем на 1 м ближе к проезжей части.

Заключение

Как показало сопоставление различных характеристик насаждений, наиболее значительной шумозащитной способностью обладают смешанные насаждения в которых присутствует несколько ярусов: 6. 1яр.3Е5Т2Б2яр.8Л2Б, 9. 1 яр. 4Д2Ос2Б2К 2яр. 3К3Б2Лещ1Ос1Тб, 15. 1 яр. 5Л3Б2Т б 2яр. 8П2С, 17. 1 яр. 10Т 2 яр.8Л2Р. Наилучший эффект достигается совокупностью факторов насаждений, хотя они не равнозначны по данной способности. Четкого преимущества одних видов над другими не выявлено, но видно, что насаждения из нескольких видов деревьев значительно более эффективнее чем одновидовые. Было установлено, что на показатель эффективности шумозащиты в первую очередь оказывает влияние показатель ярусности, а затем – сомкнутости крон.

Исследования выполнены при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Биологическое разнообразие», подпрограмма – Биоразнообразие: инвентаризация, функции, сохранение (2009-2013 гг.); гранта РФФИ №11-04-97025, гранта Академии наук Республики Башкортостан № 40/30-П (2011-2013 гг.), гранта МОН РФ № 01201276782 (2012-2013 гг.).

Список литературы

1. Государственный доклад «О состоянии природных ресурсов и окружающей среды Республики Башкортостан в 2010 году» / Министерство экологии и природопользования Республики Башкортостан. – Уфа, 2011. – 145 с.
2. Кулагин А.А., Шагиева Ю.А. Древесные растения и биологическая консервация промышленных загрязнителей. – М.: Наука, 2005. – 190 с.
3. Администрация города Уфы. Официальный сайт. URL: <http://ufacity.info>.
4. СНиП 2.07.01-89 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. ГУП ЦППС, 2004

**СТАНОВЛЕНИЕ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

**FORMATION, CURRENT STATUS AND PROSPECTS OF ECOLOGICAL MODERNI-
ZATION IN ENSURING SUSTAINABLE DEVELOPMENT**

Г.Э. Кудинова, А.Г. Розенберг, Г.С. Розенберг,
Kudinova G.E., Rozenberg A.G., Rozenberg G.S.

Институт экологии Волжского бассейна РАН, Тольятти, Россия
Institute of Ecology of the Volga River Basin of RAS, Togliatti, Russia

В статье рассматриваются основные этапы формирования экологической модернизации. Представлены основные направления экологической модернизации, дана схема соподчинения теоретических основ экологической модернизации в исторической ретроспективе. Проанализированы основные направления реализации экологической модернизации в России и в Китае. Сделан вывод о том, что распространение ЭМ возможно только через «озеленение» экономики, при этом будет обеспечено устойчивое развитие, направленное на улучшение состояния окружающей среды и здоровья человека, внедрение ресурсосберегающих и природоохранных технологий и обеспечение достойных условий жизни для нынешнего и будущих поколений.

Ключевые слова: экологическая модернизация, устойчивое развитие, окружающая природная среда, ресурсосберегающие и природоохранные технологии.

The article discusses the basic stages of formation of ecological modernization (EM). The authors overview the main directions of ecological modernization, give the scheme of subordination of theoretical bases of ecological modernization in historical retrospective. The authors analyze the main directions of ecological modernization both in Russia and China and conclude that the spread of EM is only possible through "greening" of the economy, which at the same time will ensure sustainable development, aimed at improving environment and human health, introduction of resource-saving and environmental technologies to ensure decent living conditions for the present and future generations.

Keywords: ecological modernization, sustainable development, environment, resource-saving and environmental technologies.

«В современном мире уже нет отдельно «человека» и «природы»: человек экологизирован, природа социализирована. Отсюда следует, что меры по сохранению и улучшению состояния среды обитания есть необходимый компонент «пакета» мер развития. Сегодня «экологический фактор» – растущий по значению ограничитель любых усилий по модернизации производства и его инфраструктуры, так как всякое превышение несущей способности локальных экосистем и биосферы в целом возвращается бумерангом обществу в форме сокращения рождаемости, роста заболеваемости и смертности, роста миграционных расходов и т. д.» [1]. С. Мосоликов [2] отмечает, что «природа не нуждается в модернизации – она нуждается в заботе и в бережном отношении к ней». А для этого необходимо модернизировать не только то, что создано человеком и непосредственно влияет на окружающую среду, но и само отношение Человека к Природе: «модернизация должна начаться с нашего сознания и мировосприятия и только после этого она перекинется на все сферы нашей жизни». При этом экологическая модернизация (ЭМ) (по своим задачам и целям) выглядит и востребованной, и экономически оправданной (экологический туризм, рекреационная охота и рыболовство,

просто отдых в окружении уникального ландшафта, неистощаемое сельскохозяйственное производство и пр.). В докладе ООН [3, 4] приводятся такие данные: переход к «зеленой» экономике позволит увеличить благосостояние населения, а также снизит риски негативного влияния на окружающую среду (при вложении, например, в лесной сектор экономики, количество рабочих мест в нем вырастет на 20% к 2050 г., в транспорте – на 10%, в энергетике – на 20%). Один из ведущих теоретиков современной социальной экологии и экоанархизма М. Букчин основал и развил идеи социальной экологии, которые легли в основу экологической модернизации, и диалектического натурализма [5]. Кроме того, М. Букчин под псевдонимом Левис Гербер (Lewis Herber) опубликовал книгу «Наша синтетическая окружающая среда» [6], которая вышла на полгода раньше знаменитой книги Рэйчел Кэрсон [7], ставшей «точкой отсчета» экологического движения.

Еще одной основой ЭМ во многих западных странах стала теория, предложенная немецким социологом Дж. Хубером [8; 9; 10.] и развитая голландским социологом А. Молом [11; 12; 13, 14]. Хубер изучал лингвистику, социологию и экономику в Германии, долгое время активно участвовал в немецком «зеленом» движении, с 1992 г. возглавляет кафедру социологии Мартин-Лютер Университета в Галле. Однако в начале 1980-х годов он кардинально изменил свою позицию: по его мнению, роль социальных движений в изменении общества в сторону «экологически сбалансированного» сосуществования в системе Человек-Природа снижается, индустриализация интерпретируется как социально и экологически приемлемая, так как содержит возможности проэкологического развития. [15]. Таким образом, «ядром» своей теории он делает замену существующих промышленных технологий на ресурсосберегающие и менее разрушительные для природы, здоровья человека и окружающей его среды.

Можно констатировать, что в 80-90-е годы XX в. в странах Западной Европы и США ЭМ была объектом изучения сравнительно небольшой группы ученых, которые исследовали социальные процессы в области охраны природы и рационального природопользования. С 1990 г. интерес к этой проблеме возрос и послужил широкой основной научной дискуссии. В дальнейшем тема ЭМ вышла за пределы только научных кругов (социальной экологии) и стала частью более широкого публичного обсуждения, и даже вошла в государственные планы. Некоторая «историческая последовательность» [начиная с классической работы Р. Кэрсон [16] по данным О.В. Аксёновой [15; 17.], Е.В. Матвеевой [18; 19.] и других представлена на схеме (рис. 1).

Уже в рамках собственно ЭМ можно выделить еще несколько направлений, которые представлены в таблице 1 (составлено по [20, 21]).

Таблица 1

Направления экологической модернизации

Авторы	Содержание направления ЭМ
Джозеф Хубер, Артур Мол	ЭМ - закономерная фаза развития индустриального общества, происходящая под воздействием экономических законов и характеризующаяся тем, что само экономическое развитие нуждается в переоценке последствий воздействия человечества на окружающую среду.
Мартин Джоник, Гарольд Монх, Томас Раннебург, Удо Симмонис	Основа ЭМ – макроэкономическая реструктуризация. Центральным элементом ЭМ считается реструктуризация национальной экономики, включая изменения технологий и отраслевой структуры, которые подразумевают сочетание высокого уровня экономического развития и низкого уровня воздействия на окружающую среду.
Альберт Вил, Соня Бомер - Кристьянсен, Гельмут Вейднер, Эндрю Гулльсон, Джозеф Мёрфи.	Базисом ЭМ является новая экологическая политика. ЭМ понимается как государственная программа действий с несколькими ключевыми элементами: собственно экологическая политика без конфликта между охраной окружающей среды и экономическим ростом; сама ЭМ через включение её целей в политику страны; поиск альтернативных инновационных подходов в экологической политике; инновации в технике и внедрение новых промышленных природосберегающих технологий.

Авторы	Содержание направления ЭМ
Мартен Хайер, Фрэнк Фишер	ЭМ рассматривается как культурная политика; ЭМ базируется на создании её привлекательного образа.
Артур Мол), Герт Спааргарин, Джо-зеф Мёрфи	ЭМ рассматривается как реструктуризация и институциональная рефлексивность. Основываясь на работах по теории рисков в модернистском обществе [Beck et al., 1994], ЭМ представляется в данном случае как эмпирический феномен.
Ярмо Кортелайнен	Представители этого направления рассматривают в качестве акторов ЭМ природные объекты, которые развиваются независимо и имеют потенциал воздействия на человека. Часто эти объекты воздействуют на людей как своим измененным негативным видом, приобретенным в результате человеческой деятельности, так и опасными для здоровья и жизни свойствами, полученными по той же причине.
Ч. Хэ (He Chuanqi)	Автор выделяет две основные стадии современной модернизации – первичную, связанную с индустриальной эрой цивилизационного процесса, и вторичную, связанную с информационной эрой (или эрой знаний). Модернизация или техническое перевооружение относится к модели эволюционного перехода общества из одного глобального состояния в другое [...охотничье-собирательское – аграрное – индустриальное – информационное – интегрированное]. Хэ предложил и третью стадию модернизации - интегрированную модернизацию, которая оптимально сочетает первичную и вторичную модернизации
Яницкий О.Н.	Социально-экологическая модернизация понимается... как модель развития ... обеспечивающая одновременное достижение нескольких целей: устойчивое поступательное развитие общества, наращивание его экономической мощи и социальной привлекательности, обеспечение его экономической и иной безопасности при минимальных рисках и необратимых потерях для - локальных экосистем и биосферы в целом. То есть социально-экологическая модернизация - системное понятие...
Кулясов И.П.	ЭМ - сознательно организованный процесс и социальная практика, которые способствуют улучшению состояния окружающей среды и здоровья человека, и реализуются через конкретные социальные институты и их взаимодействие

Анализируя современное состояние ЭМ и перспективы развития, нам хотелось бы остановиться на ситуации в Китае. Можно смело утверждать, что модернизация стала национальной задачей Китая в XXI в. и осуществляется в рамках государственной концепции «социальной гармонии», которая, по замыслу руководства КНР, может целостно связать экономический рост, традиционные китайские ценности, современные цели развития КНР и внешнюю политику страны и решить социальные проблемы, обусловленные быстрым экономическим ростом, в частности, возникновение несправедливых различий между богатыми и бедными. Модернизация в Китае рассматривается как национальная задача, сформулированы конкретные долгосрочные цели до 2100 г. [22] на основе системы формализованных показателей, к решению поставленных задач привлекается научный потенциал Китайской академии наук, имеющей высокий социальный престиж в Китае.

Рассматривая ситуацию в России, остановимся на докладе Яблокова А.В с соавторами (научно-практическая конференция «Экологическая модернизация России: роль науки и гражданского общества», 25-26 октября 2010 г) в котором отмечено, что ЭМ – это изменение экологической политики государства, в результате которой будут достигнуты, по крайней мере, три основных результата: повышение качества жизни, повышение экономической эффективности и обеспечение «зеленого роста» экономики и энергетики, и сохранение и восстановление природной среды.

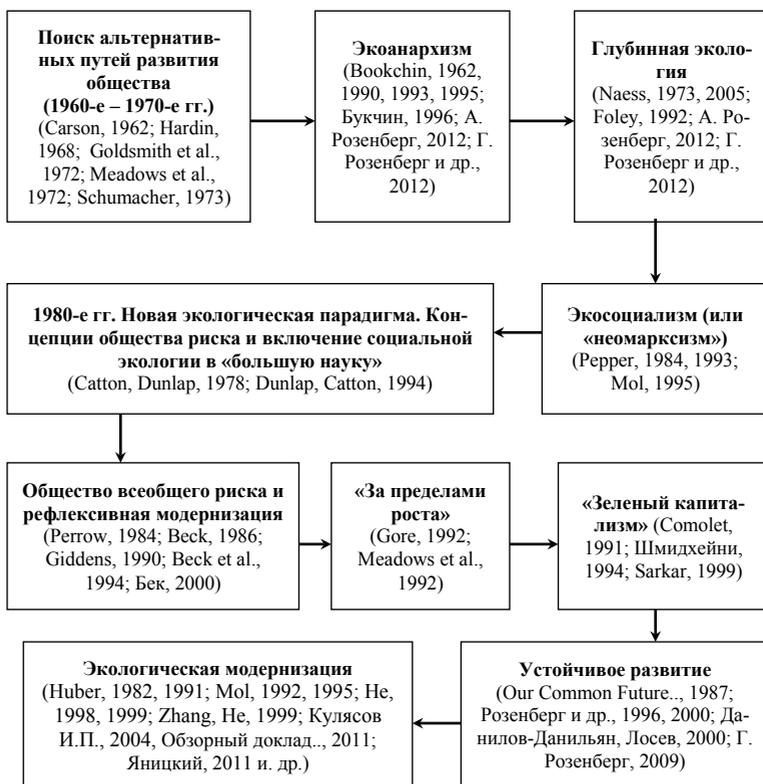

Рис. 1. Схема соподчинения теоретических основ экологической модернизации

Без гражданского общества, полагают авторы, никакая модернизация, – в том числе, и экологическая, – принципиально невозможна. Более того, именно гражданское общество может стать главной движущей силой этих процессов. «Решение экологических проблем в России требует в первую очередь утверждения единого документа, определяющего содержание федеральной политики в области экологического развития страны (стратегия «зеленого роста»), предусматривающей интеграцию социально-экономического и экологического развития» [23]. В России планируется сосредоточить усилия на получении «двойной выгоды, при которой решение социально-экономических проблем сопровождается положительным экологическим эффектом... Начать следует с «экологизации» планирования будущего развития экономики. Для этого необходимо провести стратегическую экологическую оценку/экспертизу федеральных и региональных целевых программ и крупномасштабных проектов на предмет адекватного учета экологического вреда, который может быть причинен в результате их реализации, и разработки механизмов его компенсации. Индикативные целевые показатели состояния окружающей среды, формирующие образ экологически безопасного будущего, должны быть разработаны и использоваться в качестве ориентиров политики последовательного сокращения негативного воздействия на окружающую среду».

Согласно концепции ЭМ, экономические и экологические интересы должны стать взаимозависимыми, взаимодополняющими и неотделимыми друг от друга. Несмотря на то,

что экономические интересы во многих странах (в том числе и в России) открыто выдвигаются на приоритетные позиции, отодвигая интересы охраны среды на второй план, распространение ЭМ возможно только через «озеленение» экономики. В этом случае будет обеспечено устойчивое развитие, направленное на улучшение состояния окружающей среды и здоровья человека, внедрение ресурсосберегающих и природоохранных технологий и обеспечение достойных условий жизни для нынешнего и будущих поколений.

Авторы выражают благодарность Российскому гуманитарному научному фонду «Волжские земли в истории и культуре России» (грант №15-12-63006) за частичную финансовую поддержку данной работы.

Список литературы

1. Яницкий О.Н. Экомодернизация России: проблемы, концепции, решения // История и современность. 2008. № 2, сентябрь. С. 95-116
2. Мосоликов С. Экологическая модернизация // Движение молодых политических экологов «Местные». 2010. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.mestnie.ru/node/3363>
3. Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию «Будущее, которого мы хотим». A/conf.216/L.1. Нью-Йорк: ООН, 2012. 66 с.
4. От переходного периода к трансформации: устойчивое и всеобъемлющее развитие в Европе и Центральной Азии (доклад ООН). Нью-Йорк (США); Женева (Швейцария); Москва (Россия): ЕЭК ООН и др., 2012. XII + 156 с. (From Transition to Transformation Sustainable and Inclusive Development in Europe and Central Asia. New York; Geneva: United Nations Economic Commission for Europe (UNECE) et al., 2012. XII + 156 p.)
5. Розенберг Г.С., Розенберг А.Г., Иванов М.Н. Социальная экология М. Букчина – элемент устойчивого развития? [Рецензия] // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии: Бюл. 2012а. Т. 21, № 1. С. 176-183. Рец. на кн.: Bookchin M. Social Ecology and Communalism / Ed. by E. Eighlad. Edinburgh et al., AK Press, 2007. 136 p.
6. Bookchin M. (ps: Lewis Herber). Our Synthetic Environment. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1962. 286 p.
7. Carson R. Silent Spring. Boston: Houghton-Mifflin, 1962. 368 p.
8. Huber J. Die Veriorene Unschuld der Okologie: Neue Technologien und Susperindustrielle Entwicklung. Frankfurt am Main: Fisher Verlag, 1982. 256 S.
9. Huber J. Ecological modernization. Away from scarcity, soberness and bureaucracy // Technologie en Milieubeheer / A. Mol, G. Spaargaren & A. Kalpxijk (Eds.). Den Haag (Netherlands): SDU, 1991. P. 12-41.
10. Huber J. Towards industrial ecology: sustainable development as a concept of ecological modernization // J. Environ. Policy & Planning. 2000. V. 2. P. 269-285.
11. Mol A. Sociology, environment and modernity: ecological modernization as a theory of social change // Society and Natural Resources. 1992. V. 5. P. 323-344.
12. Mol A. The Refinement of Production. Ecological Modernization Theory and the Chemical Industry. Utrecht: Van Arkel, 1995. 452 p. – Mol A. Ecological modernization and institutional reflexivity: environmental reform in the late modern age // Environmental Policies. 1996. V. 5, No 2. P. 302-323.
13. Mol A. Globalization and Environmental Reform: the Ecological Modernization of the Global Economy. Cambridge (MA); London (GB): MID Press, 2001. 288 p.
14. Mol A., Spaargaren G. Towards a sociology of environmental flows: a new agenda for 21st century environmental sociology // Paper presented at RC-24 Conference on "Governing Environmental Flows". Wageningen, the Netherlands. 2003. June 13-14. Wageningen (Netherlands): ISA, 2003. P. 1-27
15. Аксёнова О.В. Генезис социально-экологической рефлексии на западе во второй половине XX века // Социолог. исслед. 2004. № 9. С. 69-76.

16. Carson R. Silent Spring. Boston: Houghton-Mifflin, 1962. 368 p.
17. Аксёнова О.В. Социально- экологическая рефлексия на Западе // История и современность. 2006. № 2. С. 162-187.
18. Матвеева Е.В. Экологическая политика мирового сообщества во второй половине XX – начале XXI вв. // Вестн. Поволж. академии гос. службы. 2010. № 1. С. 151-157.
19. Матвеева Е.В. Межуровневые взаимодействия в общественной, государственной и мировой экологической политике: Автореф. ... докт. полит. наук. Саратов, 2012. 40 с.
20. Г.Э. Кудинова, А.Г. Розенберг, Г.С. Розенберг. Экологическая модернизация: становление, современное состояние и перспективы // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2013. – Т. 22, № 2. – С. 5-26.
21. Кулясов И.П. Экологическая модернизация: теория и практики. – СПб.: под науч. ред. Ю.Н. Пахомова. – СПб: НИИХ СПбГУ. – 2004. – с. 154
22. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010) / Под ред. Хэ Ч. / Пер. с англ. под общей ред. Н.И. Лапина. М.: Весь Мир, 2011. 256 с.
23. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. «Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика». 2012. 864 с. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://2020strategy.ru/documents/32710234.html>

**ОСОБЕННОСТЬ СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ
В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВЛИЯНИЯ АНТРОПОГЕННОЙ НАГРУЗКИ**

**THE PECULIARITY OF THE HEALTH STATUS OF THE POPULATION
DEPENDING ON THE INFLUENCE OF ANTHROPOGENIC LOAD**

Н.В. Лазарева
N.V. Lazareva

ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», г. Самара, Россия
Samara State University of Economics, Samara, Russia

Освещены основные факторы антропогенной нагрузки, влияющие на состояние здоровья населения. Проведен анализ динамики заболеваемости и смертности в зависимости от действия повреждающих факторов. Определено влияние основных вредных факторов окружающей среды на здоровье человека.

The main factors of anthropogenic pressures affecting the health status of the population. The analysis of dynamics of morbidity and mortality from the action of damaging factors. The influence of the main harmful factors of the environment on human health.

Ключевые слова: здоровье населения, антропогенная нагрузка, показатель заболеваемости и смертности.

Keywords: population health, human pressure, the rate of morbidity and mortality.

Для оценки влияния антропогенной нагрузки на состояние здоровья населения используют демографические показатели, показатели заболеваемости и показатели физического развития, включающие следующий комплекс показателей:

- демографические – естественное движение населения, средняя продолжительность жизни, младенческая (до 1 года) и детская смертность;
- медико-генетические показатели: частота различных исходов беременности и родов, спонтанные аборт, рождение детей с низкой массой тела, частота мертворождённых, перинатальной смертности, частота и структура врожденных пороков развития, патологии новорождённых;
- показатели предболезни (донозологические показатели): частота функциональных расстройств и отклонений со стороны основных органов и систем, показатели клинико-иммунологического обследования, частота обнаружения ксенобиотиков в биосубстратах;
- показатели физического развития детей, доля детей с отклонениями в физическом развитии (оценка по стандартам);
- заболеваемость разных социальных и возрастных групп, специфические заболевания, этиологически связанные с характером загрязнения окружающей среды.

Координация всей работы по обследованию и детоксикации групп повышенного риска проводится первой в России консультативно-диагностической поликлиникой института токсикологии МЗ РФ. Это позволяет объективно оценить вклад химической нагрузки на заболеваемость населения и эффективно проводить лечебно-профилактические мероприятия [3, 15].

На уровень заболеваемости влияет множество социально-экономических, гигиенических и экологических факторов. Они, в свою очередь, зависят от совокупности природных условий и социально-экономического статуса той или иной территории.

Их множества действующих факторов очень нелегко количественно выделить влияние техногенного загрязнения. По данным экспертов ВОЗ, здоровье населения, или популяцион-

ное здоровье, в среднем на 50–52% зависит от экономической обеспеченности и образа жизни людей; на 20–22% – от наследственных факторов; на 7–12% – от уровня медицинского обслуживания и на 18–20% – от состояния окружающей среды. Существуют и другие оценки, в которых влияние качества среды отводится уже 40–50% причин заболеваний [14].

С водным фактором связаны заболевания инфекционной и неинфекционной этиологии: экологически обусловленные природного происхождения и антропогенно обусловленные; экологически зависимая патология [13,16]. Так, доброкачественной питьевой водой в 2015г. было обеспечено 55,8% населения.

В структуре общей заболеваемости всего населения (расчеты на 100 тыс. всего населения) в 2012 г. преобладали: в заболеваемости по распространенности – болезни органов дыхания (23 %); болезни системы кровообращения (15%); болезни костно-мышечной системы (11%); болезни мочеполовой системы (9%); болезни глаза (7%); травмы и отравления (5%) и др.; впервые выявленной заболеваемости - болезни органов дыхания в 2012 г. составляли 44 %; травмы, отравления - 11%; болезни мочеполовой системы - 8 %; болезни кожи и подкожной клетчатки - 6 %; болезни уха и сосцевидного отростка, болезни органов пищеварения, болезни костно-мышечной системы - по 4% и др.

У всего населения Самарской области за 10 лет ежегодно фиксировался рост общей заболеваемости (Ф.12 «Отчет о числе заболеваний, зарегистрированных у больных проживающих в районе обслуживания лечебного учреждения»), как по распространенности, так и впервые выявленной [2].

Врожденные пороки развития являются индикатором качества среды обитания и генетического здоровья населения. Причинами развития врожденных аномалий являются антропогенные нагрузки (загрязнение окружающей среды - превышение гигиенических нормативов вредных химических веществ в атмосферном воздухе, воде питьевой, продуктах питания и т.п.; воздействие шума, электромагнитных полей и пр.), социально-демографические факторы (возраст матери, порядковый номер родов), медико-генетические факторы (медицинские аборты, отягощенная наследственность семьи, наличие у матери хронических заболеваний, инфекции во время беременности [12].

Анализ Ф.№ 31 «Сведения о медицинской помощи детям и подросткам-школьникам за 2012 год» по данным (за 2012 г.). Заболеваемость детей первого года жизни представлена из всех заболеваний: болезнями органов дыхания – 46%, отдельными состояниями, возникающими в перинатальном периоде – 20%, болезнями органов пищеварения – 6%, врожденными аномалиями – 4%, болезнями глаза и его придаточного аппарата – 4%, болезнями крови кровеносных органов и отдельными нарушениями, вовлекающими иммунный механизм – 3, болезнями кожи и подкожной клетчатки – 3%.

Болезни крови (в т.ч. анемии) в структуре общей заболеваемости населения в 2012 г. составляли около 1%. У детского населения уровень заболеваемости анемиями выше, чем у других возрастных групп населения.

Как видим, химические вещества оказывают влияние и на репродуктивные функции, и являются причиной раковых заболеваний, приводят к нарушениям нервной и иммунной систем и другим не менее опасным эффектам [9].

В 2012 г., по сравнению с 2011-2010 гг., отмечалось увеличение средних концентраций: в хлебе и хлебных продуктах – свинца, ртути, ДДТ; в овощах и бахчевых – ртути и мышьяка; в мясе и мясных изделиях – свинца, ртути, ДДТ; в молоке и молочных продуктах – мышьяка; в рыбе и рыбных продуктах - ртути; в сахаре и кондитерских изделиях – ртути; в масле растительном и других жирах – свинца, ДДТ [5].

Мышьяк, свинец и кадмий обладают кумулятивными свойствами, приоритетными загрязнителями пищевых продуктов. Пропорционально увеличению суммарного вклада указанных загрязнителей в экспозицию возрастают их коэффициент опасности и риск воздействия на органы и системы организма человека.

Хроническое действие малых доз соединений мышьяка способствует возникновению рака легких и кожи, так как мышьяк сильно повышает чувствительность слизистых к другим канцерогенам, а кожных покровов – к ультрафиолетовым лучам.

Оценка канцерогенных рисков при оральной экспозиции мышьяка указывает на средний уровень риска, вероятность развития злокачественных новообразований за всю предстоящую жизнь популяции всего населения [7].

Химические вещества, пыль и минеральные волокна, вызывающие заболевания раком, действуют, как правило, избирательно, поражая те или иные органы. Большинство раковых заболеваний при действии химических веществ, пыли и минеральных волокон связано, очевидно, с профессиональной деятельностью. Однако, как показали исследования риска, население, проживающее в зонах влияния опасных химических производств (например, в г. Чапаевск), также подвержено воздействию. В этих зонах выявлены повышенные уровни раковых заболеваний. Мышьяк и его соединения, а также диоксины оказывают воздействие на всё население в силу большой распространённости. Бытовые привычки и пищевые продукты оказывают воздействие на всё население.

В период с 2009 по 2013 гг. заболеваемость злокачественными новообразованиями в Самарской области имеет тенденцию прогрессивного роста – с 415,1 до 464,4 на 100 тыс. населения, или на 11,8 %. В структуре онкологической заболеваемости первые места занимают злокачественные новообразования кожи (18,6 %), колоректальный рак (10,9 %), рак молочной железы (10,8 %), легких (8,7 %), предстательной железы (7,9 %) и желудка (5,5 %).

Агрессивные экологические факторы повреждают хромосомы и вызывают мутации в генах, искажают наследственную информацию, в результате чего «больные» клетки начинают активно делиться. При этом раковые клетки не уничтожаются иммунной системой, предвительно ослабленной теми же негативными экологическими факторами.

Рак легких развивается от раздражителей дыхательных путей и легочной ткани, каменноугольной и другой пыли, паров бензина и других газов. Он чаще встречается у горожан и работников «пыльных» профессий [4,10].

Ежегодно от рака в области умирает более 6,5 тыс. пациентов, причем 30 % из них в трудоспособном возрасте. Показатель смертности в 2013 году – 211,8 на 100 тыс. населения (по РФ – 201,0 на 100 тыс. нас.). В структуре смертности лидируют злокачественные новообразования легкого (18,1 %), толстой кишки (13,6 %), желудка (10,2 %) и молочной железы (8,9 %). Больные трудоспособного возраста чаще всего умирают от рака легкого и рака молочной железы.

Свинец при определенном уровне накопления способен поражать систему кроветворения, нервную систему, печень, почки. Хронические отравления свинцом известны с глубокой древности в форме «сатурнизма» – слабости, малокровия, кишечных коликов, нервных расстройств. Широкое распространение свинца в современной техносфере (промышленные эмиссии, выхлопные газы, краски и т.п.). Невозможность вторичного использования его значительной части создает многочисленные свинцовые аномалии на плотно заселенных территориях. Поступая в организм с водой, вдыхаемым воздухом или пищей, свинец образует соединения с органическими веществами.

Вторым по степени влияния на заболеваемость, обусловленную экологическими причинами в большинстве случаев можно считать недостаток или избыток микроэлементов во внешней среде. Для новообразований пищевода, желудка и других органов пищеварения это проявляется в биогеохимических особенностях местности: недостатке или избытке магния, марганца, кобальта, цинка, редкоземельных металлов, меди, высокой минерализации почвы. Для болезни эндокринной системы, расстройств питания, нарушения обмена веществ – это избыток или недостаток свинца, йода, бора, кальция, ванадия, брома, хрома, марганца, кобальта, цинка, лития, меди, бария, стронция, железа, урочрома, молибдена во внешней среде и т.д [1].

Среди впервые выявленных заболеваний, связанных с микронутриентной недостаточностью, у всего населения (Ф. №63 «Сведения о заболеваемости, связанной с микронутри-

ентной недостаточностью») Самарской области по величине доли в 2012 и 2011 гг. занимали: диффузный эндемический зоб с йодной недостаточностью и др. формы нетоксического зоба – 35% и 37 %, соответственно; многоузловой (эндемический) зоб, связанный с йодной недостаточностью – 31% и 29%, соответственно; тиреоидит – 15% и 16 %, соответственно; субклинический гипотиреоз вследствие йодной недостаточности, др. формы гипотиреоза – 13% и 11%,

В структуре смертности всего населения в 2012 болезни системы кровообращения составили 51%; новообразования - 15%; несчастные случаи, травмы и отравления - 12%; другие причины - 11%; болезни системы пищеварения - 5%; болезни органов дыхания, инфекционные и паразитарные болезни – по 3% .

В 2012 г., по сравнению с 2011 г., уменьшилось количество смертей от болезней системы кровообращения на 2%, увеличилось количество смертей от болезней органов пищеварения на 2% и других причин на 1%; по сравнению с 2010 г., в 2012 г. увеличилось количество смертей от новообразований на 1% , болезней органов пищеварения на 1%, уменьшилось – от других причин на 2% [6].

Самарская область относится к регионам с высоким уровнем антропогенной нагрузки на природную среду. Современная экологическая ситуация сложилась исторически и обусловлена большой плотностью населения (примерно в 2 раза выше, чем в среднем по ПФО), высоким уровнем урбанизации, отраслевой специализацией и географической концентрацией хозяйства, значительной нарушенностью основных природных ландшафтов и практически полным отсутствием территорий, не затронутых хозяйственной деятельностью. Большое воздействие на степень загрязненности поверхностных вод в пределах области оказывает так называемое «транзитное» загрязнение - сформировавшийся уровень загрязнения водных ресурсов на территории регионов, расположенных выше по течению рек бассейна реки Волги.

Характерно длительное многофакторное, многокомпонентное антропогенное воздействие на окружающую среду; основными её загрязнителями являются транспорт (в первую очередь автомобильный), предприятия энергетики, нефтеперерабатывающей, нефтехимической, нефтедобывающей, химической, машиностроительной промышленности, жилищно-коммунальное и сельское хозяйство. В 2013 году (как и за ряд предыдущих лет) на территории области в целом наблюдались незначительные изменения основных показателей, характеризующих состояние окружающей природной среды, что в целом подтверждает наличие тенденции некоторой стабилизации в системе «природа - человек» [11].

Постоянное трех-, четырехкратное превышение предела опасности, обусловленное ПДК важнейших поллютантов, приводит к переходу от эпизодической экопатологии к хронизации многих экзогенных заболеваний и к проявлениям так называемых «эндоэкологических эпидемий», когда длительной экопатологией охватывается значительное количество людей.

Увеличение распространения функциональных отклонений и хронических заболеваний характеризует общее состояние здоровья в современных социально - экономических условиях. Проблемы предупреждения преждевременной смертности, сохранения здоровья подрастающего поколения и трудоспособной населения - трудового потенциала, актуальны в период современных социально-экономических условий [8].

Неблагоприятные экологические факторы в сочетании с социальными факторами определяют негативные тенденции в состоянии здоровья населения. Особенно настораживает ухудшения репродуктивного здоровья женщин и мужчин. Опасность влияния экологического неблагополучия особенно высока для здоровья и развития детей. Среди детей продолжает увеличиваться распространенность анемии, болезней мочеполовой системы, органов дыхания, пищеварения и кровообращения, врожденных пороков развития.

В воде, почве, продуктах питания местного производства отмечается недостаток (отсутствие) таких незаменимых биоэлементов, как йод, фтор и селен. Природно-обусловленные эндемические заболевания включают развитие кариеса, эндемического зоба, новообразований и других патологических синдромов и симптомов; также известно, что не-

достаточное потребление микронутриентов приводит в целом к нарушению обмена веществ и неблагоприятным изменениям функционального состояния организма.

Список литературы

1. Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Самарской области. Доклад о состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Самарской области в 2013 году. Самара, 2014.
2. Заболеваемость населения. Самарский статистический ежегодник. Здравоохранение. Самара, 2013.
3. Областная целевая программа «Профилактика неинфекционных заболеваний и формирование здорового образа жизни у населения Самарской области на 2013-2015 годы. Самара, 2013.
4. Пленум научного совета по экологии человека и гигиене окружающей среды РФ. Научно-методологические и законодательные основы совершенствования нормативно-правовой базы профилактического здравоохранения: проблемы и пути решения. Москва, 2012.
5. Рахманин Ю.А., Новиков С.М., Авалиани С.Л. и др. Основы анализа риска здоровью человека от воздействия факторов окружающей среды. Ереван, 2012.
6. Министерство здравоохранения Самарской области. [Электронный ресурс]//URL//<http://minzdravsoc.samregion.ru/>
7. Центральный НИИ организации и информатизации здравоохранения. [Электронный ресурс]//URL// <http://www.mednet.ru/ru/informatizacziya-zdravooxraneniya/>
8. Роспотребнадзор Самарской области. [Электронный ресурс]//URL//63.rospotrebnadzor
9. Самарстат. [Электронный ресурс]//URL// samarastat.gks.ru/
10. Здоровая Россия. [Электронный ресурс]//URL// <http://www.takzdorovo.ru/>
11. Здоровый образ жизни. Самарская область. [Электронный ресурс]//URL// <http://samzdorov.ru/>
12. Научно-исследовательский институт экологии человека и гигиены окружающей среды им.А.Н.Сысина.[Электронный ресурс]//URL//<http://sysin.ru/about/progress>
13. Зеленый шлюз. Факторы окружающей среды и здоровье. [Электронный ресурс]//URL//<http://zshluz.com>
14. Касьяненко А.А. Современные методы оценки экологических рисков, М: РУДН, 2008.
15. Государственные доклады о состоянии окружающей природной среды Самарской области в 2012-2013 годах. Вып. 23,24. - Самара, 2013, 2014.
16. Лазарева Н.В., Кузьмина Е.Э. Влияние качества питьевой воды и атмосферного воздуха на состояние здоровья. Региональное развитие: электронный научно-практический журнал. 2016. No 2 (14). URL: <https://regrazvitie.ru/>

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ РАСТИТЕЛЬНОГО ПОКРОВА ЕСТЕСТВЕННЫМ ПУТЕМ
НА НЕЭКСПЛУАТИРУЕМЫХ КАРЬЕРАХ ПО ДОБЫЧЕ ГЛИНЫ
НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН**

**REVEGETATION BY NATURAL MEANS IN AN UNEXPLOITED QUARRY FOR THE
EXTRACTION OF CLAY ON THE TERRITORY OF
THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN**

Л.М. Хабирова
Leysen M. Khabirova

Министерство природопользования и экологии Республики Башкортостан, Уфа, Россия
Ministry of nature management and ecology of Bashkortostan Republic, Ufa, Russia

А.А. Кулагин
Andrey A. Kulagin

ФГБОУ ВПО Башкирский государственный педагогический университет им.М.Акмоллы,
Уфа, Россия
Bashkir state pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia

В Республике Башкортостан имеется более 1000 некультивированных заброшенных карьеров по добыче строительных материалов. Растительный покров таких карьеров восстанавливается путем самозарастания.

In the Republic of Bashkortostan there are more than 1,000 preculturing abandoned quarries for extraction of construction materials. Vegetation such quarries can be restored by self-restoration.

Ключевые слова: *Карьеры строительных материалов, самозарастание, рекультивация.*

Keywords: *Career building materials, self-healing, remediation.*

Введение. Минерально-сырьевая база строительных полезных ископаемых является основой строительной индустрии Республики Башкортостан. Месторождения строительных полезных ископаемых по территории республики распределены неравномерно, что обусловлено ее своеобразным геологическим строением. Расположение территории Республики Башкортостан в пределах двух крупных тектонических структур – Волго-Уральской антеклизы (возвышенное и равнинное Предуралье) и Уральской складчатой системы (горный Урал и равнинное Зауралье) предопределило широкое разнообразие слагающих структур горных пород, обуславливающее распространение месторождений строительных полезных ископаемых [1].

В Предуралье республики преобладают наиболее крупные месторождения песчано-гравийной смеси (ПГС) и песка строительного (Бирский, Уфимский, Кармаскалинский, Дюртюлинский, Стерлитамакский, Ишимбайский и другие районы республики). Месторождения песчано-гравийных материалов в своем большинстве приурочены к четвертичным отложениям пойм и I-III надпойменных террас р. Белой, Уфы, Демы, Ик, Ай, Юрюзани, Таналыка, Урала и др. [1]. В равнинном и возвышенном Предуралье республики с комплексом осадочных верхнепалеозойских пород и широким распространением аллювиальных плиоцен-плейстоценовых отложений преобладают наиболее крупные месторождения песчано-гравийной смеси (ПГС) и песка строительного (Бирский, Уфимский, Кармаскалинский, Дюртюлинский, Стерлитамакский, Ишимбайский и др. МР РБ), кирпично-черепичного сырья (Аургазинский, Давлекановский, Калтасинский, Кармаскалинский и др. МР РБ) и гипса

(Аургазинский, Иглинский, Куяргазинский, Уфимский и др. МР РБ), а также агрохимических руд, запасы которых разведаны почти во всех районах Предуралья. Горный Урал и равнинное Зауралье Башкортостана богаты, прежде всего, запасами строительного камня для производства высокопрочного щебня, который необходим в дорожном строительстве. Подолочные и облицовочные камни ОПИ широко применяются сегодня для декоративной отделки фасадов зданий, обустройства тротуаров зон отдыха населения. В настоящее время они весьма актуальны и востребованы в ландшафтном дизайне [1].

Материалы и методы исследования. Всего на территории Республики Башкортостан на 2016 год имеется более 1000 официальных карьеров строительных материалов. Добыча полезных ископаемых ведется по территории всей республики. Масштабы карьеров различны – от площади в 0,5 га до 20,0 га, цель использования полезных ископаемых от местных локальных для собственных нужд – отсыпка местных дорог и укрепление фундамента до федеральных и региональных – для строительства трасс, а также иных важных социальных объектов на территории всей Республики Башкортостан. Наряду с официально оформленными карьерами, на которые имеется официальная разрешительная и проектная документация в соответствии с законодательством о недрах, имеется также огромное количество и незаконных карьеров на территории всей республики, деятельность которых приносит значительный вред окружающей среде. Безлицензионная добыча строительных материалов зачастую ведется варварским способом, рекультивация отработанных карьеров не осуществляется, участки недр не приводятся в состояние, пригодное для дальнейшего использования.

Предметом исследования являются неэксплуатируемые в настоящее время карьеры добычи глины на территории республики, которые в настоящее время не рекультивированы и зарастают самостоятельно на территории Республики Башкортостан, объект исследования – растительный покров карьер, который восстанавливается естественным путем самозарастания. Исследование восстановления и самозарастания карьеров проводилось в летнее время в период – июнь-август месяцы в 2014-2015 годы. За указанный период выездов по территории республики было исследовано более 40 заброшенных карьеров по добыче строительных материалов: песка, ПГС, строительного грунта, строительного камня, торфа, карьеров проявлений мрамора, магнезита и др., в том числе и глины, на предмет их актуального состояния и процесса восстановления ландшафтов карьеров (самозарастания и проведенной рекультивации карьера) на момент проведения исследования. Срок их отработки от 2 до 40 лет, в которых в настоящее время восстанавливается растительный покров исключительно процессом самозарастания, так как рекультивация рассматриваемых карьеров не проводилась. География исследования охватывает территорию всей Республики Башкортостан. Были осуществлены выезды в северо-западную часть республики (Краснокамский район и г. Нефтекамск), северо-восточную часть (Салаватский и Дуванский районы), центральную часть (Уфимский и Кармаскалинский районы - долина реки Белой), западную часть (г. Туймазы и Туймазинский район), уральскую (горную) часть (Белорецкий район), Башкирское Зауралье (Баймакский район) и южную часть (г. Стерлитамак, г. Мелеуз, г. Кумертау, Стерлитамакский и Мелеuzовский районы республики).

При описании процесса зарастания неэксплуатируемых в настоящее время карьеров мы использовали методику геоботанического описания [2].

Результаты исследования. Все рассмотренные карьеры по добыче глины имеют свои особенности зарастания, а также общее с другими карьерами по добыче остальных строительных материалов процессы самовосстановления карьера.

В первые годы карьера, когда добыча не ведется, он начинает активно зарастать однолетними растениями, среди которых преобладают рудеральные растения, такие как Крапива двудомная (*Urtica dioica* L), Дуришник обыкновенный (*Xanthium strumarium* L), Суrepка обыкновенная (*Barbarea vulgaris* W.T.Aiton), Конопля сорная (*Cannabis ruderalis* Janisch).

При изучении восстановления растительного покрова заброшенных карьеров по добыче глины, рассматривались карьеры с различными сроками их отработки – от 1 до 5 лет, от 5 до 10 лет и от 10 лет и более.

В ходе изучения зарастания карьеров выявлены следующие закономерности зарастания карьеров по добыче глины.

При рассмотрении глиняных карьеров, период их неэксплуатации которых составляет от 1 до 5 лет, выявлено, что в растительном сообществе таких карьеров представлено 34 семейства и 114 видов растений. По количеству представленных в карьерах видах преобладают представители семейств Астровые, Злаковые и Бобовые, из их числа преобладают в растительном покрове зарастающих карьеров такие виды, как - Дурнишник обыкновенный (*Xanthium strumarium* L.), Полынь обыкновенная (*Artemisia vulgaris* L.), Латук компасный (*Lactuca serriola* L.), Бодяк щетинистый (*Cirsium setosum* L.), Мать-и-мачеха обыкновенная (*Tussilago farfara* L.) из числа семейства Сложноцветные.

При изучении восстановления растительного покрова карьеров со сроком их неэксплуатации от 5 до 10 лет установлено, что в них представлены 22 семейства и 71 вид растений. Количество как семейств, так и видов уменьшается. Это объясняется тем, что в таких карьерах уже нет такого разнообразия в растительном покрове, поскольку уже появляются устойчивые ассоциации, в рассмотренных нами карьерах – это в основном польнно-бодяковые ассоциации. По количеству представленных в карьерах видах преобладают также представители семейств Астровые, Злаковые и Бобовые, из их числа преобладают в растительном покрове зарастающих карьеров такие виды, как - Дурнишник обыкновенный (*Xanthium strumarium* L.), Полынь обыкновенная (*Artemisia vulgaris* L.), Латук компасный (*Lactuca serriola* L.), Бодяк щетинистый (*Cirsium setosum* L.), Мать-и-мачеха обыкновенная (*Tussilago farfara* L.) из числа семейства Сложноцветные.

При исследовании зарастания карьеров с периодом их неэксплуатации более 10 лет, установлено, что количество семейств и видов сокращается – выявлено наличие на таких карьерах 21 семейства и 69 видов. На данных карьерах также имеются устойчивые растительные ассоциации – это также польнные, осоковые, а также ассоциация полевицы.

Рис.1. Типичный заброшенный самозарастающий глиняный карьер
A typical self-healing of an abandoned clay pit

Флора глиняных карьеров представлена видами 38 семейств, из которых преобладают Сложноцветные (Астровые) – 131 вид, из которых наиболее часто встречаются – Дурнишник обыкновенный (*Xanthium strumarium*), Пижма обыкновенная (*Tanacetum vulgare*), Пижма тысячелистная (*Tanacetum millefolium*), Полынь обыкновенная (*Artemisia vulgaris*), Латук компасный (*Lactuca serriola*), Кострец безостый (*Bromopsis inermis*), Бодяк щетинистый (*Cirsium setosum*), Ястребинка румяночная (*Hieracium echioides*), Горлоха ястребинковая (*Picris hieracioides*), Злаки - Люцерна хмелевая (*Medicago lupulina*), Донник лекарственный (*Melilotus officinalis*), Мятлик луговой (*Poa pratensis*), Пырей ползучий (*Elytrigia repens*), Полевица тонкая (*Agrostis tenuis*), и Бобовые - Люцерна серповидная (*Medicago falcata*), Клевер средний (*Trifolium medium*), Горошек мышиный (*Vicia cracca*).

Глиняные карьеры в большей части обводнены, это объясняет их видовой состав, который представлен в основном влаголюбивыми видами растений (хвощ полевой) – на участках

– наиболее приближенных к воде. Флора глиняных карьеров представлена видами близлежащей к карьере территории, в случае обводненности карьера, встречаются гигрофиты.

В карьерах значительных размеров – 2 га и более, центральная часть карьера зарастает слабее, что объясняется тем, что центральная часть карьера достаточно хорошо продувается, и нет возможности для закрепления семян на субстрате для дальнейшего прорастания. Зарастание карьеров идет от бортов и склонов по направлению к центру.

Интенсивнее всего начинают зарастать участки карьеров, которые находятся во впадинах, в которых периодически задерживается вода, а также те участки, где имеются насыпи (холмы и бугры), между которыми задерживается влага. Склоны и борта карьеров зарастают медленнее, чем основания. Это объясняется тем, что на склонах периодически происходят обвалы и оползневые процессы, в связи с этим растениям нет возможности закрепиться на склонах. Крутые склоны зарастают медленнее, чем пологие.

При террасированных карьерах активнее зарастают самые верхние террасы, которые ближе к поверхности земли, их видовой состав значительно превышает состав нижерасположенных террас карьера. В раскопках глиняных карьеров, расположенных в лесных участках, карьер начинает зарастать растительностью, деревья еще не присутствуют, ввиду того, что не образовался субстрат.

Карьеры с высокими и пологими бортами зарастать начинают и с верхней части склона, начиная от поверхности земли и по направлению вниз по склону к основанию карьера. Основание карьера зарастает не сплошным покровом растительности, а отдельными участками, отдельными группами, в различных участках рельефа основания, так как относительно выровненная поверхность основания карьера продувается ветром, не имеется возможности задерживанию пыли и семян.

Практически во всех изученных глиняных карьерах присутствуют следы ветровой и водной эрозии, происходят обвалы склонов и бортов карьера, видны временные водные потоки. В обводненных карьерах у самой кромки воды наблюдается значительный видовой состав представленной флоры. При случившихся на склонах карьера обвалов, склоны начинают зарастать в тех местах, куда осыпался строительный материал, – там, где задерживаются пылеватые частицы, семена и влага. В тех местах, с которых происходит непосредственное осыпание – процесс зарастания естественно не происходит. Также карьер первоначально начинает зарастать в тех местах, куда осыпается почва с поверхности земли на склоны и борта карьера, где она задерживается.

В случае, когда карьер обводнен, карьер начинает зарастать у кромки воды и процесс зарастания продолжает свое направление от водоема вверх по склону, если склоны достаточно пологие и растениям есть за что зацепиться и прорасти дальше. Однако зарастание происходит не по всей площади склона, так как отсутствует необходимый субстрат. У обводненных карьеров крутые склоны также не зарастают, ввиду того, что необходимого для их роста субстрата нет.

Процесс зарастания начинается именно с пониженных участков и между микровышениями в рельефе отработанного карьера (это прослеживается в подготовленном для рекультивации карьере ООО «Стройкерамика» (Гуймазинский район), где всхолмленные участки глины, уложенные в ряд, зарастают именно между этими поднятиями).

Те участки основания карьера, на которых имеются следы автомобилей, поверхность которых достаточно сильно утрамбована, не зарастает и в настоящее время. Карьеры, где рядом имеются свалки мусора и ТКО, они начинают зарастать растениями непосредственно рядом со свалкой, так как населением привозится на свалку пыль, почва, которая задерживается около свалки. Вскрышные породы карьера, лежащие рядом с карьером на поверхности земли, начинают зарастать почти сразу же теми видами, которые произрастают на поверхности земли рядом с карьером. Деревья начинают расти на участках карьера между образовавшимися холмами, в которые осыпался материал со склонов карьера – в основном это березы.

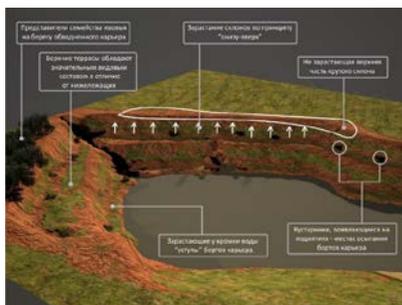

Рис.2. Особенности зарастания обводненного глиняного карьера

Features overgrowth of flooded clay pit

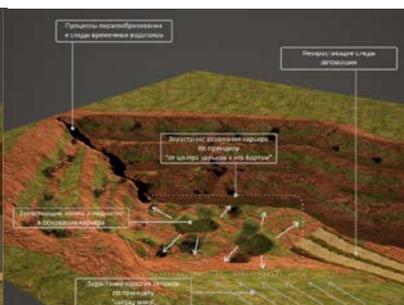

Рис.3. Особенности зарастания необводненного глиняного карьера

Features overgrowing non-flooded clay pit

Практическое значение результатов. Все исследованные карьеры имеют свои особенности самовосстановления, что необходимо использовать и учитывать при дальнейшем планировании проведения рекультивационных работ карьеров.

При планировании рекультивации карьеров необходимо индивидуально подходить к каждому карьеру, а также к выбору типа проведения рекультивации и видам растений. На рекультивируемых карьерах необходимо проводить тщательную планировку поверхности почвы, землевание (нанесение плодородного слоя почвы слоем 0,5 - 0,7 м), внесение органических и минеральных удобрений или посев сидератов.

Для ускорения процесса почвообразования на карьерах необходимо разрабатывать специальные приемы биологической рекультивации, включающие возделывание многолетних трав, применение углеродсодержащих суспензий, обогащенных штаммами микроорганизмов, что активизировало бы процессы почвообразования, и, следовательно, увеличило содержания гумуса, способствуя возрастанию стабильного состояния техногенных экосистем в целом. В настоящее время рекультивация нарушенных земель является обязательным условием при использовании недр.

Список литературы

1. Быков Б.А. Геоботаника. Издание третье, переработанное. Алма-Ата, «Наука» КазССР, 1978. 288 с.
2. Минерально-производственный комплекс неметаллических полезных ископаемых Республики Башкортостан: Изд-во Казанского Ун-та. – Казань, 1999. – 288 с.
3. Миркин Б.М., Розенберг Г.С. Фитоценология: Принципы и методы. М.: Наука, 1978. - 212 с.

**ОЦЕНКА ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОРНО-ОБОГАТИТЕЛЬНЫХ КОМБИНАТОВ ЮЖНОГО УРАЛА
НА ТРАВЯНИСТУЮ, ДРЕВЕСНО-КУСТАРНИКОВУЮ
И ДРЕВЕСНУЮ РАСТИТЕЛЬНОСТЬ**

**ENVIRONMENTAL IMPACT ASSESSMENT ACTIVITIES OF MINING AND PRO-
CESSING ENTERPRISES OF THE SOUTH URALS ON A GRASSY, TREE-
KOSTENOGLOU AND WOODY VEGETATION**

Л.Р. Хусаинова, А.А. Кулагин
L. R. Khusainov, A.A. Kulagin

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Bashkir state pedagogical University named after M. Akmulla

В статье приведен анализ экологических последствий наносимых горно-обогатительными комбинатами Южного Урала на травянистую, древесно-кустарниковую и древесную растительность. При помощи метода пробных площадей был подсчитан видовой состав растительного покрова, определено количество лекарственных видов на каждом объекте. Данный анализ помог рассмотреть экологические последствия деятельности исследуемых горно-обогатительных комбинатов, а также разработать методы снижения риска негативного воздействия.

The article presents the analysis of the environmental effects of the applied mining and processing plant southern Urals on the grassy, tree-shrub and woody vegetation. Using the sample plots were counted species composition of vegetation determine the number of medicinal species at each site. This analysis helped to consider the environmental impact of the activities of the studied mining and processing, and to develop methods to reduce the risk of adverse effects.

Ключевые слова: горно-обогатительный комбинат, отвалы, карьер, нарушение флоры

Keywords: mining plant, waste dumps, pit, disturbance of flora

Введение. Техногенная нарушенность естественных ландшафтов и растительного покрова на территории горнодобывающих предприятий и их ближайшем окружении охватывает значительные площади. В основных горнодобывающих районах это десятки квадратных километров [1]. На этих площадях наблюдается обеднение видового состава прежде всего за счет мхов, лишайников, а затем хвойных и лиственных деревьев. Чрезмерная загазованность, запыленность приводят к усыханию крон деревьев и другим болезням.

Целью работы является дать оценку состояния растительного покрова на территории исследуемых горно-обогатительных комбинатов и разработать рекомендации по сохранению и улучшению травянистой и древесно-кустарниковой растительности.

Объектами исследования являются горно-обогатительные комбинаты Южного Урала:

1. Гайский горно-обогатительный комбинат г.Гай;
2. Киёмбаевский асбестовый горно-обогатительный комбинат г.Ясный;
3. Учалинский горно-обогатительный комбинат г.Учалы;
4. Учалинский филиал «Сибайский горно-обогатительный комбинат» г.Сибай;
5. Белорецкий горно-обогатительный комбинат г.Белорецк;
6. Томинский горно-обогатительный комбинат пос. Томино.
7. Кыштымский горно-обогатительный комбинат в г. Кыштым;

Историю освоения Гайского месторождения можно отнести к середине 18 века. Именно тогда в Гайском районе и было обнаружено уникальное лечебное купоросное озеро. В 1931 году здесь был зарегистрирован выход рыхлого железняка. Анализ воды в Гайском озере показал, что здесь содержится медь. 1 января 1950 года была организована Гайская поисково-разведочная экспедиция. С 1951 года месторождение признано промышленным медно-колчеданным. В 1959 году началось строительство Гайского горно-обогатительного комбината. Уже через два года Гайский горно-обогатительный комбинат дал первый концентрат [2].

Добыча руды открытым и подземным способами в одной вертикальной плоскости, использование на подземных работах прогрессивной системы отработки месторождений с применением самоходного оборудования и закладкой выработанного пространства твердеющими смесями, позволили уже за первые 10 лет эксплуатации значительно перекрыть проектные мощности и полностью окупить капитальные вложения на строительство комбината.

Гайское месторождение, самое большое на Урале месторождение медно-колчеданных руд, отличается исключительно богатым содержанием меди (9%), в 4-5 раз большим, чем в других месторождениях Урала. Руда залегает часто неглубоко, поэтому возможна и открытая ее добыча.

В восточной части Оренбургской области расположен ещё один крупный горно-обогатительный комбинат - ООО «Оренбургские Минералы». Данный комбинат находится на территории г.Ясный, в 450 км от г.Оренбург. Комбинат ведет работу на базе Киембаевского месторождения и добывает, в основном, хризотиловое волокно.

Разработка месторождения хризотилового волокна, несомненно, наносит определенный вред окружающей природной среде. Это неизбежно, так как особенностью процессов добычи и обогащения асбестовых руд является исключительно физическое воздействие, связанное с дроблением и измельчением горной массы [3]. На всех стадиях горного и обогатительного переделов отсутствует какое-либо химическое воздействие, что исключает изменение химического и минерального составов пород и руд и попадания какого-либо реактива в отходы [4].

Основным фактором негативного воздействия комбината «Оренбургские минералы» на окружающую природную среду и здоровье человека является загрязнение атмосферного воздуха выбросами асбестосодержащей пыли, являющейся двухкомпонентной и состоящей из волокнистых частиц хризотил-асбеста и зернистых частиц вмещающих пород. Обе составляющие асбестосодержащей пыли имеют одинаковый химический состав – гидросиликат магния.

Учалинский горно-обогатительный комбинат был образован в июле 1954 года на базе нового колчеданного месторождения. В 1958 году карьеры выдали первые тонны товарной руды.

Основная деятельность связана с добычей металлосодержащих руд, которая чаще всего осуществляется открытым способом, по старой технологии далее идет разработка залежи подземным способом.

Структурные организации Учалинского ГОКа несут большую нагрузку на экологию окружающей среды. Основными источниками загрязнения являются:

- комплекс горной добычи, в состав которой входит Учалинский карьер и рудник с породными отвалами;
- комплекс переработки руды, включающий в себя обогатительную фабрику.

Основными видами экологического воздействия комбината на окружающую среду является: газо- аэрозольное и пылевое загрязнение, а также химическое, механическое, радиационное, тепловое, шумовое и сейсмическое. Немаловажным при рассмотрении экологической проблемы является и изъятие земель, ресурсов, нарушение природного ландшафта. Деятельность Учалинского ГОК влечет негативные последствия и на гидросферу, литосферу и приземные слои атмосферы на окружающей территории. Особое значение имеют выбро-

сы тяжелых металлов, которые, скапливаясь в почве, поглощаются растениями. Большим коэффициентом накопления металлов растениями характеризуются кадмий и цинк.

Сибайский филиал открытого акционерного общества «Учалинский ГОК» - крупное горно-обогатительное предприятие Республики Башкортостан, занимающееся добычей и обогащением медных и медно-цинковых руд Сибайского медно-колчеданного и других месторождений

Основным видом деятельности филиала являются добыча полезных ископаемых открытым и подземным способами, их обогащение с получением медного и цинкового концентратов;

На Сибайской обогатительной фабрике впервые в отечественной практике внедрена бесцианидная технология обогащения медно-цинковых руд, бессточная технология, позволявшая сократить сброс технологических вод в реку Туяляс [5,6].

На территории г.Белорецк расположен крупный ГОК ООО «Башкирская горнорудная компания», зарегистрированный в 2004 году.

Основной деятельностью является добыча и обогащение железных руд.

Структура предприятия включает в себя 5 основных и 4 вспомогательных подразделения. Комбинат находится вблизи п. Тукан. Добыча на карьере производится открытым способом и сразу же транспортируется по железным путям в цеха переработки. Вблизи карьера небольшую площадь занимают хвостохранилища, что наносит наименьший вред окружающей среде.

ЗАО «Томинский горно-обогатительный комбинат» - предприятие по освоению Томинского месторождения медно-порфировых руд, содержание металлов в руде самое низкое в России (содержание меди – 0,3 %). Предприятие 1 класса опасности.

Томинское месторождение является одним из крупнейших медных месторождений в России: доказанные эксплуатационные запасы руды на месторождении достигают 365 миллионов тонн, среди которых руды меди, золота, серебра.

Основные технологические решения предусматривают цикличную технологию ведения горных работ – экскаватор в комплексе с автомобильным транспортом.

Месторождение Кыштымского горно-обогатительного комбината используется с 1966 года. Основными видами добычи являются кварцевые концентраты, которые используются как базовый конструкционный материал для получения высококачистого кварцевого стекла, применяемого в микроэлектронике, силовой и ультрафиолетовой светотехнике, оптике специального назначения, кварцевой керамике и множестве других высокотехнологичных применений. Низкое содержание примесей в обогащенных концентратах, незначительное количество газово-жидких и твердых включений, стабильность поведения при плавке кварцевого стекла, большие запасы исходного сырья обуславливают коммерческую и технологическую привлекательность Кыштымского месторождения.

Для почв Кыштымского горно-обогатительного комбината характерно загрязнение такими металлами как медь, цинк, кадмий, никель, кобальт, свинец.

Методы исследования. При проведении научных исследований основным способом организации наблюдений за растительным покровом являлся метод пробных площадей [7].

На территориях ГОКов пробные площади закладывались на расстоянии 500 м, 3000 м. и 5000 м. от карьера.

Результаты исследований и их анализ. Для более глубокого анализа видового богатства был вычислен коэффициент сходства между объектами по формуле П. Жаккара (табл.1).

Таблица 1.

Коэффициент сходства видового состава растений на территории объектов.

№ объекта	Общее количество видов	Индекс Жаккара						Специфические виды, %	Лекарственные виды, %
		2	3	4	5	6	7		
1	48	0,4	0,12	0,3	0,24	0,2	0,2	6,2	25
2	40	–	0,19	0,3	0,32	0,1	0,2	1,2	27,5
3	55	–	–	0,2	0,19	0,1	0,2	14,9	12,7
4	37	–	–	–	0,26	0,2	0,3	1,5	18,2
5	54	–	–	–	–	0,1	0,3	9,2	24,1
6	69	–	–	–	–	–	0,2	24,8	14,5
7	31	–	–	–	–	–	–	1,2	32,3

На изучаемых объектах было подсчитано общее количество видов растений. Также были выделены специфические виды, встречающиеся только на определенном объекте, и виды, которые относятся к лекарственным растениям.

Распространенными видами на исследуемых объектах являлись: береза повислая (*Betula pendula* Roth), бирючина обыкновенная (*Ligustrum vulgare* L.), вяз обыкновенный (*Ulmus laevis* Pall.), лапчатка гусиная (*Potentilla anserina* L.), ель обыкновенная (*Picea abies* (L.) H.Karst.), клевер горный (*Trifolium montanum* L.), лопух большой (*Arctium lappa* L.), люнянка обыкновенная (*Linaria vulgaris* Mill.), пырей ползучий (*Elytrigia repens* (L.), тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium* L.), багульник болотный (*Ledum palustre* L.), козелец рупрехта (*Scorzonera austriaca* Willd.), горошек мышиный (*Vicia cracca* L.), вьюнок полевой (*Convolvulus arvensis* L.), щетинник низкий (*Setaria pumila* (Poir.), шиповник майский (*Rosa majalis* Herzm.), полынь обыкновенная (*Artemisia vulgaris* L.), но-ня русская (*Nonea rossica* (L.), малочай прутьевидный (*Euphorbia virgata* L.), короставник полевой (*Knautia arvensis* (L.) Coult.).

Заключение. Интенсивная разработка месторождений полезных ископаемых, их переработка в сырье для металлургии и последующее производство металлов и сплавов с выпускком товаров продуктов существенно изменили экологическое состояние окружающей среды [8]. В зоне размещения горно-обогатительных комбинатов практически не осталось природных экосистем. Устойчивое загрязнение имеет место во всех компонентах биосферы: атмосфере, гидросфере, литосфере, биоте. При этом потенциал природы по саморегуляции и восстановлению равновесия в экосистемах уже сегодня находится на грани исчерпания.

Во избежание негативного воздействия горно-обогатительных комбинатов на растительный покров необходимо произвести увеличение частоты массовых взрывов с одновременным снижением количества взрывающего вещества. А также внедрить применение взрывчатых веществ с нулевым (акватол, аммонит) и положительным (аммиачная селитра) кислородным балансом. Также необходимо провести орошение подготовленных к взрыву участков и прилегающей к ним зоны.

Главной задачей планирования мероприятий по обеспечению экологической безопасности является разработка комплексных целевых законодательных программ федерального и регионального уровней предусматривающих меры по устойчивому и безопасному природопользованию а также выполняющих предупреждающие и управленческие функции. В системе экономического механизма рационального природопользования перспективным является метод экологического страхования, который будет выполнять функцию защиты имущественных отношений как юридических, так и физических лиц при проявлении экологических неблагоприятных ситуаций. Данный вид регулирования природопользование будет возлагать ответственность на природопользователей в случае загрязнения окружающей среды [9].

Список литературы

1. Левит А.И. Южный Урал: География, экология, природопользование. Учебное пособие. 2-е изд. испр. И доп./ Александр Левит.– Челябинск: Юж.-Урал.кн.изд-во,2005.– 246 с.

2. Советский Союз. Географическое описание в 22-х томах. Урал. Отв. редактор И.В. Комар. М., «Мысль», 1968г. 460с. С илл., карт. и диагр.; 9л. Илл. 1л. Карта, текст стр 207.
3. Семячков А.И., Парфёнова Л.П., Почечун В.А., Копёнкина О.А. Теория и практика ведения локального экологического мониторинга окружающей среды меднорудных горно-металлургических месторождений./ Под ред. А.И. Семячкова. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. – 226 с.
4. Амосов Л.А., Мормиль С.И. Попутные полезные компоненты медных и железорудных месторождений Урала // Известия вузов. Горный журнал. – 1996. - № 3-4. – С. 10-26
5. Тарчевский В.В. Классификация промышленных отвалов и их освоение // Растительность и промышленные загрязнения: охрана природы на Урале. Свердловск: УрФ АН СССР, 1970. Вып.7.С. 84-89.
6. Филимонова Е.И., Уманова Е.Н., Рябухин Э.А. Начальные этапы формирования растительности на гидроотвалах Шуралино-Ягодного месторождения россыпного золота // Биологическая рекультивация нарушенных земель: материалы Международного совещания. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. С. 238-247.
7. Справочное пособие по таксации и устройству лесов Сибири / Отв. ред. Г.П. Мотовилов. – Красноярск: СТИ, 1966. 378 с.
8. Технологическая платформа «Твердые полезные ископаемые»: технологические и экологические проблемы отработки природных и техногенных месторождений: доклады научно-практической конференции 1-2 октября 2013 г. – Екатеринбург: ИГД УрО РАН, 2013. – 212 с.
9. Большаник П. В. Региональное природопользование: Учебное пособие / П.В.Большаник, - Ханты-Мансийск. РИЦ ЮГУ, 2006. – 144с.

**ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
С ПРИМЕНЕНИЕМ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ МОДЕРНИЗАЦИИ
В РЕЗУЛЬТАТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ**

ECOLOGICAL ECONOMICS AS A BASIS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT USING ENVIRONMENTAL PILLARS OF MODERNIZATION AS THE RESULT OF SOCIO-CULTURAL EVOLUTION

В.С. Юрина
Yurina Vladlena S.,

Поволжский Государственный Университет Сервиса, Тольятти, Россия
Volga Region State University Of Service, Togliatti, Russia

Необходимо теоретическое обоснование принципов и задач экологизации экономики для обеспечения устойчивого развития общества. Применение экологических основ модернизации, принципов экологии и стратегии устойчивого развития во всех сферах жизни общества возможно в условиях экологизации общественного сознания. Решение задач Справедливой Зеленой экономики позволит удовлетворить человеческие потребности. Решение экономических задач с применением экологических основ модернизации позволит внедрять инновации, направленные на достижение экологического баланса. Мировому сообществу необходимо приложить максимальные усилия в направлении глобальной экологизации экономики, экологической модернизации в результате социокультурной эволюции.

Necessary theoretical justification of the principles and objectives of greening the economy for sustainable development. The usage of ecological bases of modernization of the principles of ecology and sustainable development strategies in all spheres of society is possible under conditions of ecologization of the public consciousness. The solution of problems of Equitable Green economy will allow to satisfy human needs, solve economic tasks with the use of the environmental pillar of the modernization will introduce innovations aimed at achieving environmental balance the World community should make maximum efforts towards a global green economy, ecological modernisation as the result of socio-cultural evolution

Ключевые слова: устойчивое развитие, социокультурная эволюция, экология, зеленая экономика, концепция, модернизация, стратегия, баланс.

Keywords: sustainable development, sociocultural evolution, ecology, green economy, concept, modernization, strategy, balance

Существует ряд руководящих принципов устойчивого развития, направленных на модернизацию общественных институтов, которые необходимо осознать на всех уровнях мирового сообщества и применить практически в регионах в результате социокультурной эволюции. *Стратегия модернизации* не ограничена экономической системой. Она включает регулирование и контроль в социальной сфере, в науке, культуре и образовании, в инновационной деятельности и развитии технологий, в области обеспечения обороны и безопасности и т. д. Общие эколого-экономические проблемы общества требуют всестороннего изучения в силу их сложности и противоречивости. Необходимо теоретическое обоснование принципов и задач экологизации экономики для обеспечения устойчивого развития общества.

Принципы жизнедеятельности природных систем и Биосферы в целом формируют экологию как науку о природной экономике. Применение принципов экологии в экономике и ее секторах – имеет своей целью грамотное, бережливое обустройство искусственной среды обитания (ИСО) человека в окружении, во взаимодействии с естественной средой обитания

(ЕСО), и достижение экологического равновесия как между этими системами, так и между их составляющими. Применение *экологических основ модернизации*, принципов экологии и стратегии устойчивого развития во всех сферах жизни общества возможно в условиях экологизации общественного сознания. Необходимо стремиться к *экологическому балансу* [1]. Для понимания сути экологического баланса полезно рассмотреть глобальные интересы природы и общества, их «кредитные отношения», которые можно выразить в понятии «экологического долга» — задолженности общества перед природой. Возросшая интенсивность и масштаб человеческой деятельности приводит к нарушению экологического баланса и, соответственно к увеличению экологического долга. Интересно понятие «проценты по экодолгу», как упущенный вследствие загрязнения и разрушения природной среды национальный доход, потраченный на ликвидацию нанесенного ущерба. Его оценка дает возможность говорить о размере финансового покрытия долга, которое ляжет на будущие поколения. В рамках решения этого вопроса необходимо оценивать природный капитал, изучать последствия принятия решений, и их влияние на окружающую среду; разрабатывать мероприятия по избежанию этих последствий и рекомендации к действию. [6]. Процесс роста экономического долга (ЭД) отражает принцип «платит тот, кто загрязняет». *Важные задачи Зеленой экономики* позволяют уменьшить ЭД: оптимальное использование ограниченных ресурсов и использование природо-, энерго-, и материало- сберегающих технологий. А эти задачи – научно-технические, и решение их заключается в разработке и внедрении *инновационных технологий*. *Главной целью инноваций в рамках концепции Устойчивого развития* является уравнивание потребностей человечества с использованием ресурсов Биосферы Инновации призваны сократить техногенную нагрузку на окружающую природную среду [2]. *Повсеместное внедрение инноваций*, требует особых экономических условий, стимулирующих и не препятствующих модернизации производственной и социальной сфер общества. *Решение задач Справедливой Зеленой экономики* позволит удовлетворить человеческие потребности, исключив добычу ресурсов или производство отходов в том объёме, который превышает способность природной среды к самовосстановлению.

Необходимо решать следующие задачи: формирование экономического мышления и практики на основе физических законов, законов биологических систем и других; обеспечение социальной поддержки населения и стремление к достижению уравновешенного благополучия всех членов общества или их большинства;

- реализация долгосрочных экономических программ, нацеленных, не на добычу и отношение, а на процветание и общее развитие цивилизации;
- правовая поддержка относительно свободных и быстрых экономических процессов взаимобмена товарами и услугами;
- реализация механизмов внедрения и контроля за соблюдением природоохранных и ресурсосберегающих стратегий в промышленности;
- регулирование взаимодействия секторов малого, среднего и корпоративного бизнеса;
- принятие новой схемы приоритетов финансирования; принятие новой схемы приоритетов получения прибыли и её перераспределения;
- реализация механизмов стимулирования рынка зелёных продуктов и зелёных технологий (налоговые и кредитные льготы);
- поддержка образовательных и воспитательных программ, финансирование информационных ресурсов и мероприятий. [6].

Решение перечисленных задач с *применением экологических основ модернизации* позволит внедрять инновации, направленные на достижение экологического баланса, без которых не остановить стремительную деградацию природной среды. Поэтому у экономики, как науки, управляющей всеми процессами жизнедеятельности цивилизации, нет другого пути как стать зеленой и справедливой. [3].

Выводы. За два десятилетия развития концепции Устойчивого развития был достигнут крайне незначительный прогресс с учётом дальнейшего обострения социальных проблем и ухудшения экологической обстановки. Поэтому Мировому сообществу необходимо прило-

жить максимальные усилия в направлении глобальной экологизации экономики, *экологической модернизации* в результате социокультурной эволюции[7].

Список литературы

1. Что такое устойчивое развитие: разные взгляды и подходы. – Режим доступа к док.: <http://www.ecorussia.info/ru/ecopedia/sustainabledevelopment-views-and-approaches>.
2. Устойчивое развитие. – Режим доступа к док.: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
3. Перелет Р. Экологическая дипломатия // Международная жизнь / Р.Перелет. – 1998. – №10. – <http://www.xserver.ru/user/ekobp/>
4. Мельник Л.Г. Екологічна економіка / Л.Г. Мельник. – [3-тє вид., випр. і допов.]. – Суми: ВТД —Університетська книга, 2006. – 367 с.
5. Синякевич И. Экологизация развития: объективная необходимость, методы, приоритеты // Экономика Украины / И. Синякевич. – 2004. – №1. – С. 57-63
6. Свеженцева К.И., Руднева Е.Ю., Экологическая экономика как основа устойчивого развития / Автомобильно-дорожный институт Государственного высшего учебного заведения «Донецкий национальный технический университет», г. Горловка (Украина)
7. Юрина В.С.«Зеленая экономика» - приоритетное направление устойчивого инновационного развития россии и ее регионов// Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2015. Т. 3. № 4-3. С. 249-252.

Часть 4.
«Возмутители спокойствия» в регионах и
местных сообществах:
молодежь, ценности, образование, наука

**БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШИИ:
ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ***

**THE BASIC VALUES OF THE POPULATION OF THE CHUVASH REPUBLIC:
GENERAL TRENDS AND ETHNIC FEATURES**

И.И. Бойко, А.П. Долгова, В.Г. Харитонов
I. I. Boyko, A. P. Dolgova, V. G. Charitonova

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чебоксары, Россия
Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia

В статье анализируются материалы двух волн обследования населения Чувашии в рамках проекта «Социокультурная эволюция России и ее регионов», выполненных в 2006 и 2012 гг. Внимание уделено особенностям формирования, совмещению и переплетению традиционных, общечеловеческих и современных базовых ценностей жителей региона. Рассмотрены структура этих ценностей и влияние на их поддержку/отрицание такого фактора, как этническая принадлежность респондентов.

The article analyses the two waves of the survey of the population of the Chuvash Republic in the framework of the project "Sociocultural evolution of Russia and its regions", made in 2006 and 2012. Attention is paid to the characteristics of the formation, the combination and interweaving of the traditional, universal and basic values of modern inhabitants of the region. The structure of these values and the impact on their support/denial of such factors as gender, age, settlement features, education, material security, and ethnicity of the respondents are considered.

Ключевые слова: базовые ценности, социокультурный портрет региона, эволюция ценностных предпочтений, этнические особенности восприятия ценностей.

Keywords: basic values, socio-cultural portrait of the region, the evolution of value preferences, demographic and ethnic peculiarities of perception of values.

Основное внимание в статье уделяется общему и особенному в формировании иерархии базовых ценностей населения Чувашии, месту в этом процессе этнического фактора.

В качестве гипотезы исследования выдвинуто положение, согласно которому иерархическое распределение интегрирующих и дифференцирующих базовых ценностей населения Чувашии идентично общероссийским процессам, влияние этнического фактора возможно по отношению к весьма ограниченному набору ценностей.

Методы исследования базируются на принципах, разработанных руководителями проекта «Социокультурная эволюция России и ее регионов» Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой [1].

Проблема ценностей активно разрабатывается в ходе реализации исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Это вполне объяснимо, поскольку ценностные ориентации населения выступают одним из существенных показателей социокультурных процессов в регионе. Среди ценностей выделяются базовые, «обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм поведения людей. Ценности-цели называются терминальными, а ценности-средства – инструментальными» [2, 669]. В ходе структурирования 14 базовых ценностей достигнуто понимание того, что они в разной степени интегрируют и дифференцируют население страны. Результаты измерения уровней поддержки этих ценностей позволяют выявить их иерархию, с одной стороны, достаточно устойчивую, а с другой – не застывшую, имеющую определенные ре-

гиональные особенности, в том числе достаточно заметные. По данным, полученным в ходе реализации проектов 2006–2007 гг., из 112 позиций интегрирующего и дифференцирующего кластеров ценностей восьми регионов России выявлено 32 отличия, из которых максимальное число пришлось на Чувашию – 6 [2, 676]. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть иерархию базовых ценностей населения Чувашии по данным как 2006 г., так и второй волны исследовательского проекта, осуществленной в 2012 г. Более детально анализируется и распределение ценностей с учетом этнического фактора.

Отдельные направления влияния социально-демографического состава населения на базовые ценности россиян проанализированы В.С. Магуном и М.Г. Рудневым [3, 260–270]. В ряде исследований участников всероссийского проекта «Социокультурная эволюция России и ее регионов» также нашли отражение некоторые сюжеты данной проблемы. О взаимоотношении ценностей свободы и образования высказался Н.И. Лапин [2, 679]. Коллеги из Тюмени рассмотрели вопросы связи между составляющими социального оптимизма и поддержкой ценностей, а также между модернизацией структуры ценностей и динамики социального самочувствия населения с межпоколенным переходом [4, 77–90]. В Астраханской области рассмотрены особенности базовых ценностей молодежи [5] и т.д.

Вначале ознакомимся с эволюцией ценностных предпочтений населения Чувашии в 2006–2012 г. (табл.1).

В реализуемом проекте базовые ценности как в целом по России, так и в отдельных регионах структурированы в 4 функциональных слоя: интегрирующее ядро, интегрирующий резерв, оппонирующий дифференциал и конфликтогенная периферия. При этом изучаемые ценности представляют три культурных типа: традиционные, общечеловеческие и современные. Традиционные ценности составляют такие, как Традиции и Семья (темпоральные), а также Жертвенность и Своеволие (инструментальные). В состав общечеловеческих ценностей включены Порядок, Благополучие и Работа (темпоральные), Общительность, Нравственность и Властность (инструментальные). Современная компонента состоит из Жизни и Свободы (темпоральные), а также Независимости и Инициативности (инструментальные). Как следует из данных таблицы 1, наблюдается повышательная тенденция в величинах балльных оценок отдельных ценностей, за исключением Работы и Нравственности. Не изменился состав двух функциональных слоев – интегрирующего ядра и конфликтогенной периферии. Первый слой и в 2006, и в 2012 г. состоит из четырех темпоральных и одной инструментальной (Общительность) ценностей. При этом наблюдается некоторое иерархическое перемещение первых трех составляющих, но дистанция между ними весьма незначительна: в 2006 г. она равнялась 0,1 балла, а в 2012 г. – 0,06 балла. Состав интегрирующего резерва по количеству входящих в него ценностей остался таким же, но произошел обмен: из него в слой оппонирующего дифференциала переместилась такая ценность, как нравственность, в обратную сторону – традиции.

Подробное сравнение интегрирующего и дифференцирующего кластеров ценностей населения России в целом и 8 отдельных регионов, полученным в 2006–2007 гг., выполнено Н.И. Лапиным [2, 673–681]. Результаты обследования 2012 г. в Чувашии сопоставим с общероссийскими материалами 2010 г. Состав интегрирующего ядра по набору ценностей населения Чувашии полностью совпадает с общероссийским, наблюдается лишь их иной порядок применительно ко вторым и третьим местам, причем следует иметь в виду, что в России две ценности (Жизнь человека и Семья) по числу баллов делят 1–2 места, а на третьем – Общительность. В Чувашии на первом месте находится Жизнь человека, на втором – Общительность и на третьем – Семья. Заметна разница по составу интегрирующего резерва, но при этом следует обратить внимание на то, что все 4 ценности, отмеченные в Чувашии, по порядку совпадают с четырьмя первыми по российским данным. Но в России в составе этого слоя сконцентрированы 7 ценностей, то есть на 3 больше, чем в Чувашии (дополнительно – Инициативность, Нравственность и Жертвенность). В Чувашии все они вошли в состав оппонирующего дифференциала. Величина баллов, характеризующих отношение к ценностям,

в общероссийском исследовании практически по всем наименованиям выше, за исключением Влажности, которая в Чувашии оценена в 2,96, а в России – в 2,76 баллов.

Таблица 1.

Ценностные предпочтения населения Чувашии
(здесь и далее в табл. 2 и 3 взвешенные средние баллы по 5-балльной шкале)
Value preferences of the population of the Chuvash Republic
(hereafter in table. 2 and 3 weighted average score on a 5-point scale)

2006			2012		
Ценности	Баллы	Место	Баллы	Место	Ценности
Интегрирующее ядро (4,4 и больше)					
Семья	4,62	1	4,77	1	Жизнь человека
Жизнь человека	4,57	2	4,73	2	Общительность
Общительность	4,52	3	4,71	3	Семья
Порядок	4,47	4	4,59	4	Порядок
Благополучие	4,44	5	4,53	5	Благополучие
Интегрирующий резерв (3,91 – 4,39)					
Работа	4,24	6	4,39	6	Независимость
Независимость	4,10	7	4,24	7	Свобода
Нравственность	4,03	8	4,23	8	Традиция
Свобода	3,99	9	4,22	9	Работа
Оппонирующий дифференциал (3,0 – 3,9)					
Традиция	3,88	10	3,79	10	Инициативность
Инициативность	3,74	11	3,76	11	Жертвенность
Жертвенность	3,16	12	3,66	12	Нравственность
Конфликтогенная периферия (2,99 и меньше)					
Влажность	2,62	13	2,96	13	Влажность
Своевольность	2,09	14	2,19	14	Своевольность

Рассмотрим далее влияние на структуру функциональных слоев такого фактора, как этничность, на примере двух самых многочисленных этнических групп республики – чувашей и русских, доля которых в составе всего населения составляет около 93%, то есть подавляющее большинство (табл. 2, 3). Состав и иерархия ценностей всех четырех функциональных слоев интегрирующего и дифференцирующего кластеров позволяет утверждать, что дистанция между ценностными предпочтениями чувашей и русских минимальна. С этой точки зрения можно обратить внимание на положение такой ценности, как Традиции, которая в 2006 г. входила в интегрирующий резерв у чувашей и в оппонирующий дифференциал у русских. В 2012 г. она являлась частью интегрирующего резерва обеих этнических групп при сохранении некоторой иерархической дистанции. На наш взгляд, по крайней мере в работе министерств, ведающих образованием и культурой. Сам факт существования республики, численное преобладание чувашского населения, активная деятельность этнокультурных активистов и движений и др. приводит к тому, что в различных дискурсах речь в основном идет о проблемах чувашского этноса. Естественно, что эти вопросы острее воспринимаются самими чувашами. Материалы 2012 г. как бы нивелируют проблему, но лишь с точки зрения вхождения ценностей в разные слои. Если же сравнить дистанции в частоте выбора, то она остается в пользу чувашей при этом с более заметным отрывом (0,16 против 0,32). Эта ситуация

подтверждается и другими исследованиями. Например, в ходе мониторинговых опросов по проблемам этнокультурного развития и межэтнических отношений в республике выявлено, что чуваши чаще, чем русские не только проявляют интерес, но и реально соблюдают традиции и обычаи своего народа в семейном кругу. По данным 2011 г. об этом заявили 49,8% чувашей и 32,6% русских [6, 30]. Практически такая же дистанция зафиксирована и у молодежи. В ходе опроса студентов и учащихся республики в 2014 г. выявлено, что на этот же вопрос о соблюдении обычаев и традиций утвердительно ответили 50,6% чувашей и 35,8% русских [7, 60]. Приведенные данные подтверждают, что само понятие «традиции» для чувашей несет этническую нагрузку в большей степени, чем для русских.

Таблица 2

**Ценностные предпочтения чувашей и русских в 2006 г.
Value preferences of the Chuvash and Russians in 2006**

Чуваши, 2006			Русские, 2006		
	Баллы	Место	Баллы	Место	Ценности
Интегрирующее ядро (4,4 и больше)					
Семья	4,62	1	4,62	1	Семья
Жизнь человека	4,55	2-3	4,54	2-3	Жизнь человека
Общительность	4,52	2-3	4,53	2-3	Общительность
Порядок	4,47	4	4,44	4	Порядок
Благополучие	4,4	5			
Интегрирующий резерв (3,91-4,39)					
Работа	4,2	6	4,3	5	Благополучие
Нравственность	4,0	7	4,2	6	Работа
Независимость	4,02	8	4,17	7	Независимость
Свобода	3,96	9	4,0	8	Нравственность
Традиция	3,92	10	3,99	9	Свобода
Оппонирующий дифференциал (3,0-3,9)					
			3,81	10	Жертвенность
Жертвенность	3,76	11	3,69	11	Инициативность
Инициативность	3,73	12	3,76	12	Традиция
Конфликтотенная периферия (2,99 и меньше)					
Властность	2,62	13	2,60	13	Властность
Своевольность	2,1	14	2,06	14	Своевольность

Таблица 3

**Ценностные предпочтения чувашей и русских в 2012 г.
Value preferences of the Chuvash and Russians in 2012**

Чуваши, 2012			Русские, 2012		
	Баллы	Место	Баллы	Место	Ценности
Интегрирующее ядро (4,4 и больше)					
Жизнь человека	4,79	1	4,74	1	Жизнь человека
Общительность	4,78	2	4,7	2	Семья
Семья	4,72	3	4,69	3	Порядок
Благополучие	4,57	4	4,63	4	Общительность
Порядок	4,55	5	4,45	5	Благополучие
			4,42	6	Независимость

Чуваши, 2012			Русские, 2012		
	Баллы	Место	Баллы	Место	Ценности
Интегрирующий резерв (3,91-4,39)					
Независимость	4,39	6	4,33	7	Свобода
Традиция	4,32	7	4,25	8	Работа
Свобода	4,22	8	4,0	9	Традиция
Работа	4,21	9	3,92	10	Инициативность
Оппонирующий дифференциал (3,0-3,9)					
Жертвенность	3,8	10	3,68	11	Нравственность
Инициативность	3,75	11	3,6	12	Жертвенность
Нравственность	3,7	12			
Конфликтогенная периферия (2,99 и меньше)					
Властность	2,32	13	2,66	13	Властность
Своевольность	2,21	14	2,07	14	Своевольность

Методика анализа базовых ценностей в определенной мере дает возможность для анализа такого вопроса, как менталитет, ментальные особенности того или иного народа. В рамках настоящей статьи об этом нельзя высказаться сколь-нибудь подробно. Отметим лишь, что предпочтения представителей различных этнических групп по отношению к предложенным базовым ценностям можно использовать при попытках вычленить те или иные черты менталитета с не меньшим основанием, чем подбор, нередко достаточно предвзятый, пословиц, поговорок, мифов и других произведений устного народного творчества.

Список литературы

1. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы / под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: ИФ РАН, 2006. 328 с.
2. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / под общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2009. 808 с.
3. Магун В.С., Руднев М.Г. Сходства и отличия базовых ценностей россиян и других европейцев: межстрановые и межиндивидуальные сравнения // Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование» / под общ. ред. А.В. Андреевской и Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2009. С. 225–270.
4. Социокультурный портрет Тюменской области: -коллективная монография. Тюмень: Тюменский гос. университет, 2011. 356 с.
5. Бодров С.Ю., Каргаполова Е.В. Эволюция ценностных ориентаций современной молодежи: региональный аспект // Социокультурные портреты регионов России: опыт комплексной реализации: сб. материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. 18–22 сентября 2008 г. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук (ЧГИГН), 2008. С. 207–211.
6. Этнокультурное развитие и межэтнические отношения в Чувашской Республике: научный отчет по материалам социологического обследования 2011 г. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. 88 с.
7. Бойко И.И., Харитоновна В.Г. Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии: гражданские ценности, социокультурные ориентиры. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 124 с.

**ДИНАМИКА ЖИЗНЕННЫХ ПОЗИЦИЙ МОЛОДЕЖИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

**DYNAMICS OF LIVING POSITIONS OF YOUTH:
REGIONAL ASPECT**

М.А. Ласточкина
Maria A. Lastochkina

Институт социально-экономического развития территорий РАН
Institute of social-economic development of territories of the Russian Academy of Sciences

На образ жизни и менталитет молодежи существенное влияние оказывает территория проживания. Приводятся сведения о динамике жизненных позиций молодежи Вологодской области в зависимости от территории проживания (с 2008 по 2015 гг.).

It is undoubted that on a way of life and mentality of youth significant effect is rendered by the territory of accommodation. Data on dynamics of living positions of youth of the Vologda region depending on the territory of accommodation are provided (from 2008 to 2015).

Ключевые слова: Молодежь, ценности, жизненные ориентиры, регион.

Keywords: Youth, values, vital reference points, region.

Несомненно, что на образ жизни и менталитет молодежи существенное влияние оказывает территория проживания. Особенности географического положения региона по отношению, как ко всей стране, так и к административному центру районов, откладывает отпечатки на жизненные ценности и стереотипы молодого поколения. Учитывая, что подрастающее поколение является стратегическим ресурсом развития, то для прогнозирования региональной молодежной политики необходимо знать особенности социализации, ценностные ориентации, жизненные планы молодых людей. Исследование основывается на данных социологических опросов населения (молодежи) Вологодской области, проводимых в 2008, 2012, 2015 гг. Объект исследования – молодое население Вологодской области от 18 до 30 лет (в 2012 г. также группа 14–17 лет).

Анализируя распределение ответов на вопрос «Какие чувства Вы испытываете по отношению к региону проживания?» выяснилось, что большая часть молодежи – 65–72% удовлетворена тем, что живет в Вологодской области. В 2012 г. отмечалось снижение положительных оценок и даже появилась доля тех, кому не нравится жить в области, но они привыкли и не собираются уезжать – 4,7% (табл. 1). Подобные негативные тенденции можно объяснить финансово-экономическими потрясениями, а также низким уровнем жизни в Вологодской области по сравнению с соседними регионами (например, Москва и Санкт-Петербург). Жители г. Вологды (областная столица) более всех удовлетворены местом своего проживания – 63%, а наименее удовлетворены в Череповце (экономический центр) – 49%. Значимо больше и тех кто не испытывает особых чувств по поводу того, что живет в Череповце и также больше желающих эмигрировать. Позитивные перспективы на хорошее будущее присутствуют у каждого второго респондента Вологодской области. Вместе с тем каждый третий сомневается при оценке того насколько хорошо он будет жить через год. В городской местности молодежь более позитивно смотрит в будущее, чем в сельской: разница составляет 15%.

Таблица 1.

Распределение ответов молодежи на вопрос «Какие чувства Вы испытываете по отношению к региону проживания?», в %

Варианты ответов	2008	2012	2015
Я рад, что живу здесь	29,8	25,6	28,3
В целом я доволен, но многое не устраивает	42,5	39,9	41,5
Не испытываю особых чувств по этому поводу	14,0	13,2	13,2
Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	0,0	4,7	3,8
Хотел бы уехать в другой регион России	5,1	5,8	5,7
Хотел бы вообще уехать из России	2,0	4,1	3,5
Затрудняюсь ответить	6,5	6,6	4,1

Каждого четвертого из опрошенных молодых людей не устраивает жизнь, которую он ведет. В районах Вологодской области такой молодежи на 5% больше, чем в городах. Соответственно в Вологде и Череповце значимо больше довольных своей жизнью – разница с сельскими жителями составляет 13%. Проведенный анализ не показал значимых различий при оценке своей жизни в разрезе по гендерному признаку, уровню образования и доходным группам. Значимые отличия выявлены лишь по возрастным критериям. Так молодых людей в возрасте 14–17 больше устраивает жизнь, которую они ведут, по сравнению с возрастной группой 18–29 лет. Также возраст оказался значимым при ответе на вопрос: «Как Вы считаете, через год Вы будете жить лучше или хуже, чем сейчас?». Оценки старшей возрастной когорты оказались хуже, оценок данных младшей возрастной когортой: 54% и 62% соответственно ответили, что через год они будут жить лучше. Разделение респондентов на доходные группы выявило, что чем выше уровень материальной обеспеченности, тем оптимистичнее настрой молодежи при оценке своей жизни в предстоящем году.

Важной составляющей социального самочувствия является уверенность в будущем, которую высказали от 44 до 52% опрошенных молодых людей. В 2012 г. можно наблюдать снижение положительных оценок, по сравнению с 2008 г., и рост к 2015 г. В 2012 г. почти каждый третий молодой человек был не уверен в своем будущем. Возникновению подобной реакции способствовали «экстремальные» условия жизнедеятельности современного молодого человека, которые стимулируют не только неуверенность, но и стресс, страх и различные фобии. В сложных жизненных условиях непростой социально-экономической обстановки в стране актуализируются проблемы, связанные с решением трудных жизненных ситуаций. Городские жители чувствуют большую уверенность в завтрашнем дне (64%), чем сельские (52%). Хотя число неуверенных в целом по области велико, но их доля среди городского населения значимо меньше (23%), чем среди сельского – 30%. Велика доля затруднившихся в ответе на данный вопрос, и это говорит о сомнениях вологжан относительно улучшения социально-экономического положения в области. Проведенный анализ по доходным группам показал, что чем выше уровень материальной обеспеченности, тем увереннее молодежь смотрит в будущее. С увеличением возраста напротив растет неуверенность – разница в долях уверенных (неуверенных) составляет 10%. Данная ситуация является отражением более взвешенной и вдумчивой оценки будущего старшей когорты.

Таблица 2.

Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы сегодня уверены в своем будущем?», возраст, доходные группы, в %

Варианты ответов	2008	2012	2015
Уверен	51,7	44,1	48,1
Не уверен	19,4	30,6	21,4
Затрудняюсь ответить	29,0	25,3	30,5

Понять особенности жизненных стратегий поведения молодежи, помогает структура составляющих факторов жизнедеятельности. Доминантами жизненных ценностей и поведенческих приоритетов являются: личная безопасность, материальное положение, отношения в семье, состояние здоровья, работа, дружба и общение. Наличие этих условий важно для 90–94% опрошенных. За последнее время наблюдается следующая тенденция: молодежь в основном отдает предпочтение не столько духовным и нравственным ценностям, сколько большим деньгам. Полезность труда для большинства молодых людей определяется достижениями собственного экономического достатка (93%). Причем ставится в основном цель зарабатывать деньги, а творческая самореализация на работе (в учебе) и вне работы важна только для 75% молодых вологжан. Экологическая обстановка волнует 79% молодежи, вместе с тем наблюдается значимая разница между городами: в Вологде для 84% населения важна экологическая обстановка, тогда как доля череповецкой молодежи, отмечающей важность этого фактора, только 73%. Данный факт говорит скорее о неприязнательности последних. Последние позиции по важности занимают: экономическая и политическая обстановка в стране (71%), комфортный климат и хорошая погода (70%).

Дополняет картину оценки удовлетворенности факторами жизнедеятельности: молодые люди максимально удовлетворены: дружкой, общением и отношениями в семье – более 80% опрошенных. Наименее удовлетворены: экономической, политической обстановкой в стране и социальной инфраструктурой – 43,5% неудовлетворенных, а удовлетворенных только 25,6 и 31,1% соответственно. Сильно разнятся оценки важности фактора и удовлетворенности им по следующим аспектам: материальное положение (разница 50,2%), экология (46,1%), экономическая и политическая обстановка в стране (45,5%), социальная инфраструктура (41,6%), возможность достижения поставленных целей (41,5%). Данный список и указанные различия выступают как показатели осознания молодежью региона наличия и актуальности экологических, социально-экономических проблем. Существует включенность молодежи в социальные отношения, что обуславливает возрастание роли молодежи в общественной жизни. Растет значимость социально-политических молодежных объединений в решении социальных проблем молодежи и всего российского общества. Однако многие молодые люди не вовлечены в социальную и политическую жизнь страны, исследования, проводимые в ряде регионов России показывают, что от 55–80% молодежи изъявляет желание принять участие в каких-либо инициативах, хотя реальный уровень политического участия не высок [1]. Именно они представляют потенциал, который нужно использовать государству для повышения активизации творческих, интеллектуальных и трудовых ресурсов молодежи во благо развития страны.

Исследования общественного мнения показали, что в анализируемый период субъективное восприятие удовлетворенности своей жизнью молодежи выросло. Группа удовлетворенных увеличилась с 53,2 до 67,0%, опрошенных. В 2008 г. каждый третий молодой человек был неудовлетворен своей жизнью, спустя 7 лет – каждый десятый. При сравнении с оценками взрослого населения, можно установить меньшую удовлетворенность жизнью последних: удовлетворенных – 58,8% опрошенных, не удовлетворенных – 26,4%.

Функциональная направленность городов, как оказывается, меняет палитру социальной направленности оказывает значимое влияние на культурный капитал населения. Одним из наиболее популярных мест отдыха и развлечения в молодежной среде считается кинотеатр, однако на селе их качество и доступность оставляет желать лучшего, и скорее всего, поэтому никогда не посещают кинотеатр 27% сельской молодежи. В районах Вологодской области доля тех, кто регулярно посещает кинотеатры в 4 раза меньше, чем в Вологде и в 6 меньше, чем в Череповце. Велика численность сельских молодых людей никогда не посещают театры – 60% (Вологда – 24%, Череповец – 42%), музеев – 39% (Вологда – 22, Череповец – 32%). Библиотеки, напротив, более посещаемы в районах области – 14%. Значимых различий между городом и селом не наблюдается в посещении городских (районных) праздников – около 73% молодежи от 1 до 10 раз в год участвуют в них.

Важным условием социально-экономического развития территории является уровень обеспеченности различными услугами. По результатам проведенного опроса сельская молодежь дает более негативную оценку развитости инфраструктуры своего района. Самые отрицательные отметки по разделу ЖКХ: 42% населения оценивают его уровень «неудовлетворительно, плохо» и только 17% – «отлично, хорошо». Культура, эстетика городской среды каждым третьим респондентом обозначена негативно, каждым четвертым – позитивно. Ситуация со здравоохранением аналогичная. Лучше всех, как считают молодые люди, дело обстоит с телефонной связью – 56% отметили хороший и отличный уровень его обеспечения.

Особую значимость при оценке современной молодежью положений дел в регионе имеет место их проживания. Жители районов Вологодской области более критичны, чем городское население, и чаще характеризуют положение дел как критическое – 18%, против 10% – в крупных городах. Ретроспективные оценки, данные респондентами, свидетельствуют, что большая часть из них склоняется к тому, что положение дел в регионе не изменилось – 44%. Прогнозные оценки вологодской молодежи более оптимистичны: 30% склоняются к мысли, что ситуация в регионе через год улучшится; каждый третий – ответил, что не изменится и 13% – ухудшится (рис. 1). При ответе на вопрос в правильном ли направлении идут дела в регионе на равные доли по 37% распределились утвердительные и отрицательные ответы, а каждый четвертый затруднился с ответом.

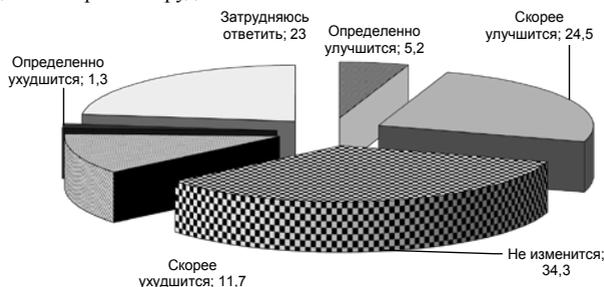

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, как изменится ситуация в регионе через год?», в %

Источник: Данные социологических опросов населения Вологодской области 2012 г.

Череповецкая молодежь более остальных ориентирована на высокий заработок, не обращая внимания при этом на вредное производство и неблагоприятные климатические условия (33%). В г. Вологде таких молодых людей меньше на 5%, а в районах – на 7%. Основная масса молодого населения области 60–67% ориентирована на то, чтобы иметь средний и даже низкий заработок, но при этом иметь собственное жилье и работать на безопасном производстве (рис. 2). За 2012–2015 годы незначительно (на 3%) увеличилась доля молодежи, желающих иметь высокие доходы и жить в неблагоприятных климатических условиях и работать на вредном производстве. Подобный факт свидетельствует о существовании такой проблемы, как низкое материальное благополучие молодых людей и невнимание к своему здоровью. С 10,7 до 13,5% возросло число молодых людей желающих жить в экологически безопасной местности, но при этом без развитой инфраструктуры, т.е. проблемы экологии и ее негативное влияние на здоровье человека заставляют задумываться молодежь о своем будущем и будущем своих детей. Выбирая подобную альтернативу они руководствуются тем, что городская среда оказывает отрицательное влияние на здоровье человека.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Какую из следующих альтернатив Вы бы предпочли, если могли бы выбирать?», в %

Источник: Данные социологических опросов населения Вологодской области 2012, 2015 гг.

Изменение социокультурных традиций – процесс продолжительный, во многом зависящий от преобладающих в обществе ценностных ориентиров. Ценности образуют ядро мировоззрения индивида. Исследование показало, что ценностное пространство молодежи Вологодской области определено общительностью, свободой и независимостью (методика определения ценностей Н.И. Лапин [2]). Значимость работы больше ценится городской молодежью, при этом 55% респондентов ответили, что только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы быть основным делом жизни; в сельской местности таких ответов меньше – 44%. Жители г. Вологды более склонны к инициативности, жертвенности, порядку, чем жители г. Череповца и районов. Обратимся к анализу динамики ценностного пространства молодежи. Итак, терминальные ценности (ценности-цели), более значимы, чем инструментальные – ценности-средства (разнице составляет 0,54 балла – в 2008 г., 0,75 – в 2015 г.). Современные типы ценностей являются более весомыми, чем общечеловеческие и традиционные. Рассмотренная 7-летняя динамика не показала резкой смены ценностного поля у молодежи, оно характеризуется стабильностью и консервативностью. Наиболее положительным моментом отметим рост ценностей порядка и соблюдения традиций (табл. 3). Уменьшилась доля людей принимающих ценность работы. В снижении власти и своевольности проявляется установка все большей части молодежи к отрицанию вседозволенности, несущую зачастую не только разрушение и трагедии в жизни людей, но самое главное моральное разложение личности изнутри.

Таблица 3.

Динамика сочетания культурных типов базовых ценностей населения Вологодской области в 2008/2015 гг. (взвешенные средние баллы по 5-балльной шкале)

Культурные типы ценностей	Терминальные (4,23 / 4,39)	Инструментальные (3,69 / 3,64)
Современные (4,24 / 4,33)	Жизнь человека (4,50 / 4,74) Свобода (4,24 / 4,32)	Независимость (4,16 / 4,34) Инициативность (4,04 / 3,92)
Общечеловеческие (3,97 / 3,97)	Порядок (4,25 / 4,58) Благополучие (4,21 / 4,49) Работа (4,24 / 3,96)	Общительность (4,31 / 4,39) Нравственность (3,85 / 3,71) Властность (2,97 / 2,72)
Традиционные (3,82 / 3,89)	Семья (4,32 / 4,41) Традиция (3,82 / 4,22)	Жертвенность (3,56 / 3,68) Своевольность (2,91 / 2,72)

Данные социологического исследования позволили выделить жизненные ориентиры молодежи Вологодской области. Она высоко ценит жизнь человека, семью и порядок, но не слишком инициативна в принятии решений, не готова рисковать. Нравственность и жерт-

венность оказались в оппозирующем дифференциале, карьерная составляющая не является прерогативой многих и занимает срединное положение в иерархии жизненных ценностей. Власть и своеволие отрицаются большинством. Для развития региона благоприятным фактором является расширение пространства базовых ценностей.

Каждый человек имеет свои социокультурные, половозрастные и индивидуальные особенности и в связи с этим будет существенно различаться то, как он использует предоставляемые социумом, городом, селом возможности. Городской образ жизни предоставляет каждому жителю огромный ряд самых различных альтернатив. Это создает потенциальные возможности для индивидуального выбора в различных сферах жизнедеятельности. Перед городской молодежью в отличие от сельской предоставляются возможности широкого выбора кругов и групп общения, существенно дифференцированы взаимодействия и взаимоотношения. Молодежь Вологодской области обладает значительным социокультурным потенциалом, однако его реализации препятствует не только социально-экономическая отсталость региона проживания – это касается в основном сельской местности, но и пессимистичные настроения. Сочетание поддержки базовых ценностей консолидирующего гуманизма (жизни человека, семьи) с отрицанием авторитарной вседозволенности – выбор населения России движения в направлении гуманистической модернизации.

Список литературы

1. Зарубина Ю.Н. Социально-политические молодежные объединения и их роль в решении социальных проблем современного российского общества. – 2011. <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/bitstream/123456789/1917/1/Зарубина.doc>.
2. Лапин Н.И. Тяжкие годы России (Перелом истории, кризис, ценности, перспективы) // Мир России. М., 1992. – № 1. – С. 30–31.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА

JUSTICE IN THE CONTEXT OF SOCIOCULTURAL MODERNIZATION OF THE REGION

М.М. Юсупов
Musa M. Yusupov

Чеченский государственный университет, Грозный, Россия
Chechen State University, Grozny, Russia

В статье рассматриваются особенности восприятия справедливости в условиях постконфликтного возрождения и социокультурной модернизации региона, выделяются основные движущие силы инновационных преобразований, определяется место справедливости в иерархической структуре ценностей. В заключении делается вывод о зависимости представлений о справедливости от социального благополучия, типа общественного устройства, историко-культурного опыта.

The article considers the peculiarities of justice perception in conditions of post-conflict revival and sociocultural region modernization, the basic motive forces of innovative transformations are allocated, the justice place in hierarchical structure of values is defined. In the end the conclusion about dependence of representations about justice from social well-being, type of a social system, historical and cultural experience is made.

Ключевые слова: справедливость, распределение, равенство, неравенство, ценность, модернизация, благополучие.

Keywords: justice, distribution, equality, inequality, value, modernization, well-being.

Справедливость эмоционально переживаемых ценность и является своеобразным индикатором типа социального обустройства общества. Существуют разные концептуальные подходы к изучению данной ценности. Исследователи выделяют присущие эгалитаристскому и меритократическому сознанию сегменты: уравнительный и пропорционально распределительный. При этом рассматривают справедливость в соотношении с понятиями равенство и свобода. В литературе осяцены теоретические и прикладные аспекты справедливости, раскрыты ее аксиологический, правовой, экономический и социальный стороны. В данной статье ставится цель рассмотреть проявление ценности «справедливость» в условиях послевоенного возрождения и социокультурной модернизации региона.

Предмет исследования: справедливость в условиях послевоенного возрождения региона.

Методы: В исследовании применялись социокультурный и конфликтологический подходы, использовались методы анализа статистических и социологических показателей, ценность справедливость рассматривалась через дихотомические понятия «справедливость-несправедливость», равенство-неравенство».

В основной гипотезе сделано предположение о зависимости восприятия справедливости от социального и экономического благополучия различных групп населения.

В толковых словарях справедливость понимается как беспристрастие, справедливое отношение к кому-чему-нибудь. Этимологию слова «справедливость» связывают с прилагательным справедливый, из польского *sprawiedliwy* «справедливый» и с общеславянским – правда (*pravda*). Справедливость называют синонимом правды, морально-этической категорией, которая должна служить объективным критерием во взаимоотношениях между людьми.

ми [1]. На чеченском языке справедливость («Нийсо») является синонимом терминов равенство, равенство и, возможно, в прошлом в коллективистской психологии и коллективной самоорганизации справедливость ассоциировалась с равным соучастием в делах и равным распределением благ, равной коллективной ответственностью групп и общности.

Справедливость представляет собой понятие о должном, связанное с исторически меняющимися представлениями о неотъемлемых правах человека. Она подразумевает требование соответствия между практической ролью человека или социальной группы в жизни общества и их социальным положением [2].

Ее также рассматривают в непосредственном отношении к социальным установлениям, оценивая их с точки зрения распределения ролей, преимуществ или потерь, испытываемых членами общества [3].

В наиболее обобщенном виде справедливость определяется, с одной стороны, как чувство, связанное с восприятием человеком самого себя в сообществе других, как определенную способность индивида к оценке людей и социальных отношений. С другой - как идея и идеал, к которому уже многие века стремится человечество [4].

В целом социальная справедливость выступает как категория, с помощью которой характеризуется объективно обусловленная уровнем материальной и духовной зрелости общества мера равенства и неравенства в жизненном положении различных социальных общностей и индивидов [5].

Итак, на понимание социальной справедливости оказывают влияние особенности социально-исторического, культурного развития народа, тип общественного строя и переживаемая конкретная социальная ситуация.

Ретроспективный взгляд на недалекое прошлое 80-90-х годов XX в. показывает, что в этот период представления о социальной справедливости среди различных слоев и групп не соответствовали социальной реальности. Что вызывало социальное недовольство и служило движущим фактором роста социально-политической активности населения, аккумуляции и артикуляции социальных требований. Социологический опрос 1991 года в республике свидетельствует, что наибольшее беспокойство, в частности, у чеченского населения вызывали социальные проблемы. [Социологическое исследование «Интересы разнонациональных групп занятого населения. Грузный. 1991. Объем выборки – 1575 чел.].

Между тем в массовом сознании сильно выражены установки на обеспечение социальной справедливости. Она понимается не как уравнительность, а как пропорциональное распределение благ, с учетом, скажем, результатов труда, создание равных возможностей конкуренции в различных сферах жизни. Межличностное и межгрупповое взаимодействие в социальном пространстве и регулирование этих отношений воспринимается через призму справедливости.

Так, опрошенные учителя чеченского языка, истории при ранжировании трех ценностей: свобода, равенство, справедливость на первое место определили справедливость. При массовом опросе также среди предложенных 19 ценностей респонденты выбрали, прежде всего, ценность – справедливость, она универсальная ценность [Социологическое исследование «Социокультурные проблемы региона». Центр социально-стратегических исследований, ЧР. 2009. Объем выборки-1000 чел.]. Однако в условиях социального кризиса доминируют групповые и индивидуальные эгоистические интересы. Во время конфликта она воспринимается, прежде всего, как необходимость обеспечения безопасности, прекращения противоправного насилия. В стабильной обстановке справедливость понимается как объективность в разрешении спорных вопросов, оценке труда, распределении благ.

Во время протекания активной фазы конфликта социальная справедливость реализовывалась через уравнительный принцип оказания гуманитарной помощи в расчете на каждого члена семьи. В постконфликтной ситуации по мере восстановления социально-экономической инфраструктуры вновь утверждается существующий в стране принцип распределения благ в виде выплат зарплаты, пенсий и т.д.

Уровень справедливости и восприятие ее различными социальными слоями зависит от общего жизненного благополучия, степени защищенности прав человека и гражданина. В свою очередь благополучие складывается на основе действия экономических, научно-технических факторов.

Решающая роль в послевоенном восстановлении социально-экономических объектов и инфраструктуры, создании условий социокультурной модернизации региона принадлежит государству, федеральной и региональной власти.

Общий уровень социокультурных показателей республики в 2 раза ниже среднероссийского. Это наглядно просматривается по вопросам удовлетворенности трудом и жизнью, уровню доходов, демократизации общественно-политической жизни. Внутренний региональный продукт на душу населения составлял в 2014 г. в ЧР – 88462,4 руб., это в 4,3 раза меньше, чем в целом в РФ, и в 1,6 раза, чем в СКФО, но темпы роста высокие, в 2005-2014 гг. ВРП вырос в стране 3 раза, СКФО - 3,6 раза, а в ЧР 4,4 раза [6].

Динамика качества жизни, складывающаяся из продолжительности жизни, младенческой смертности и других показателей, в 2005-2010 гг. имела индексное выражение (ВМ)-74 и 88, в стране – 84 и 94 [7]. В «Рейтинге регионов по качеству жизни – 2015» Чеченская Республика переместилась с последней десятки субъектов РФ и занимает 73-е место [8].

Город служит моделью общества, отражает степень справедливого общественного устройства [9]. В Грозном социально-экономический уклад в основном характеризуется наличием рынка услуг и потребления с большим весом индивидуально-коммерческого труда, сочетанием в повседневности черт современного и сельского образа жизни. Общая городская инфраструктура выступает как достояние всех горожан, но проявлением неравенства и несправедливости служат складывающиеся раздельные городские массивы проживания людей с достатком и с низким уровнем жизни.

Основными социальными движущими силами возрождения и модернизации региона являются управленческие кадры госучреждений, предприниматели, научные, технические специалисты, работники системы образования и рабочие соответствующей квалификации.

В подъем экономики и социальное обустройство наряду с государством вносят свой вклад предприниматели и труженики, занятые на предприятиях различной формы собственности. На 1 мая 2016 года преобладающей формой собственности организаций республики являлась частная собственность - 66,3 %, государственная и муниципальная собственность - 27,5 %, смешанная российская собственность - 0,6 % [10], предприятий с участием иностранного капитала было в 2014 г. - 2, в СКФО-187. Однако наиболее крупные бизнесмены находятся за пределами ЧР, из них лишь отдельные участвуют в инвестиционных проектах, создании высокотехнологичных предприятий, в основном в сфере услуг, сельскохозяйственного и пищевого производства, развитии рекреационно-туристического кластера.

Средний класс преимущественно представлен малым и средним предпринимательством, основной вид деятельности: оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, бытовых изделий - 46,0 %, сельское хозяйство - 27,5 %, транспорт и связь – 8,8 %. В то же время заняты промышленным производством – 0,5% и единицы научно-техническими изысканиями.

Воссоздание основ инноваций происходит чаще через деятельность научных учреждений и организаций. Внутренние затраты на научные разработки пока в 2 и более раза меньше по сравнению с сопредельными регионами СКФО. Объем инновационных товаров в ЧР-1,6%, СКФО – 7,6%, РФ – 8,7%. В 2014 подано заявлений на изобретения 29, получено патентов-5, на новые модели соответственно 6 и 2. Компьютеров на 1000 обучающихся в 2014 г. в вузах – 139. СКФО-212, РФ-217. Численность активных абонентов, фиксированных и мобильных с доступом к сети интернет в 2014 г. на 100 человек в РФ -17, СКФО-5,9, в ЧР-2,2.

Уровень грамотности среди взрослых в республике превышает стандартное значение (80) и равен 96%, а индекс грамотности -100, как и по всей стране. Однако существует отставание по удельному весу лиц с высшим образованием, правда, разрыв этот постепенно со-

крашается. Между последними переписями население ЧР увеличилось на 15%, а количество студентов в 2 раза. В 2002 г. на 1000 чел. старше 15 лет имели высшее образование в ЧР – 71, РФ – 157, в 2010 г. соответственно 115 и 228.

В трех высших учебных заведениях обучались в 1990/1991 г. – 16,5 тыс. студентов, в 2014/2015 – 32,9 тыс. С 2005 по 2014 год численность исследователей с научными степенями возросла с 121 до 357 чел., в том числе докторов наук с 39 до 130, кандидатов наук с 82 до 227. В республике ведется подготовка аспирантов, на начало 2010 г. в аспирантуре обучались 152 чел., в 2014 -290.

Таким образом, в регионе постепенно и последовательно наращивается потенциал экономического и социокультурного развития, принимаются меры для улучшения благополучия путем использования природных ресурсов, удобного географического расположения, наличия разветвленной транспортной сети и профессиональной подготовки молодежи.

Заключение. В республике заново построена инфраструктура, благоустроены многие населенные пункты, сократилась безработица до 12,5%, укреплена материально-техническая база системы образования и здравоохранения. Модернизационные изменения выступают как преобразование социальной действительности, предопределяют динамику иерархии ценностей. Вместе с тем, наблюдается социальное расслоение, рост разрыва в доходах богатых и бедных групп населения. В исследовании подтвердилось предположение о зависимости ощущения справедливости непосредственно от социальных условий, прозрачности механизмов распределения, поощрения и санкций. Это порождает у некоторых чувства несправедливого устройства системы социальных отношений, потребность более активного включения гражданских институтов в решение социальных задач посредством диалога, критического осмысления исполнительной и общественной деятельности.

Список литературы

1. Клименко Т.М. Справедливость как принцип права//Вектор науки ТГУ. № 1(4). 2011. С.135-137.
2. Байкин И.А. К вопросу о понятиях «социальная справедливость», «социальная защищённость», «социальная незащищённость» / Вестник МГТУ «Станкин» № 2 (21), 2012. С.26-30.
3. Пионткевич Л.Ю. Проблема справедливости в социальной философии// Философия и общество, № 2, апрель – июнь 2009, С.100–109.
4. Леонтьева Е.Ю., Мунтян Г.М. Справедливость как социальный концепт Вести. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7, Филос. 2009. № 2 (10) С.55-58.
5. Дьяльнова Т.В. Социальная справедливость и социальное неравенство в условиях современной России//Вестник РУДН, серия Социология, 2004, №6-7.С.164-168.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Р32. Стат. сб. / Росстат. М., 2015. 1266 с.
7. Проблемы социокультурной модернизации регионов России/Институт философии РАН. Составление, общая редакция: Н.И.Лапин, Л.А.Беляева.-М., Academia, 2015.– 416с. С.164
8. Электронный ресурс: <http://www.riarating.ru/infografika/20160601/630023786.html>.
9. Болтански, Л., Тевено, Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Люк Болтански, Лоран Тевено; пер. с фр. О.В. Ковене-вой; науч. ред. перевода Н.Е. Колосов. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 576
10. Социально-экономическое положение Чеченской Республики в январе – апреле 2016 года: Доклад Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чеченской Республике - Грозный, 2016 - 147 с.

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ²⁶

TRADITIONS AND NOVATIONS IN A VALYE SYSTEM OF YOUTH
OF CENTRAL CHERNOZEM REGION

Т.Л. Прокопчук
Tatyana L. Prokopchuk

Курский государственный университет, Курск, Россия
Kursk State University, Kursk, Russia

В статье поднимается проблема соотношения роли традиций и новаций в системе ценностей молодежи Курского региона. Анализируется динамика ценностных предпочтений молодежи региона, начиная с 2009 года. В ходе анализа автор делает вывод о минимизации роли традиции в жизни молодежи Курского региона и все большем ее приобщении к современным ценностям.

The article is about the problem of the role of traditions and novations in a value system of Kursk region youth. The dynamic of value preferences of regional youth science 2009 is given. The author makes a conclusion about the minimization of the role of traditional values in thr life of regional youth and the growth of the role of modern values for them.

Ключевые слова: традиции, новации, ценности, молодежь, динамика.

Keywords: traditions, novations, values, youth, dynamic.

Вопрос ценностей в современном обществе не теряет своей актуальности. Усиливающиеся глобализационные процессы в мире влияют на формирование ценностной системы, взглядов и мировоззрения человека. Больше всего подобному влиянию подвергаются молодые люди, так как их система ценностей и взгляды являются подвижными и неустойчивыми. Однако интересным для исследования представляется роль традиций и новаций именно в современном контексте формирования ценностной структуры молодежи.

Традиция – социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени [1]. Новация – особая культурная ценность (материальная или нематериальная), которая в данное время и в данном месте воспринимается людьми как новая [2].

Как показывает практика, несмотря на бурное развитие всех сфер общественной жизни, человек продолжает обращаться к традициям и обычаям прошлых поколений, но при этом возникает вопрос о том, какой смысл люди вкладывают, прибегая к опыту прошлого и с какой целью применяют его в современной жизни. Зачастую традиции в современной жизни используются с искаженным смыслом и уже не могут нести той смысловой нагрузки, которая была изначально.

Система ценностей человека не может постоянно пребывать в статичном состоянии, в связи с этим взаимодействие традиций и новаций является неотъемлемой частью развития данной системы. В современных исследованиях выделяется три типа взаимодействия новации и традиции: конфликт – оппозиция и борьба традиций и новаций, симбиоз – гармоничное существование традиций и новаций в различных сферах жизни общества, синтез – взаимодополнение и взаимоадаптация традиций и новаций [3].

²⁶ Работа подготовлена при поддержке РГНФ (проект «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья», № 15-03-00506).

Гипотезой нашего исследования является предположение о том, что в ценностной системе молодежи Курской области происходит минимизация роли традиционных ценностей и переориентация на современные ценности.

Наше исследование проведено на основе эмпирических материалов, полученных в ходе проведенного социологического опроса по методике «Социокультурный портрет региона» [4] в Курской области как типичном регионе Центрального Черноземья в мае 2016 года. Общее число респондентов в выборке исследования составило 500 человек, среди которых на долю молодежи в возрасте от 18 до 30 лет приходится 131 человек. Для отражения динамики развития ценностной системы молодежи использовались также результаты социологических опросов, проведенных в Курском регионе ранее – в 2009, 2012 и 2015 годах. Все опросы с 2009 по 2016 год проводилось по единой методике оценки системы ценностей, разработанной доктором философских наук, членом-корреспондентом РАН, руководителем Центра изучения социокультурных изменений ИФ РАН Н.И. Лапиным. Сама по себе методика включает в себя четырнадцать суждений, каждому из которых соответствует определенная ценность. Респондентам предлагалось согласиться или не согласиться с суждениями по 11-балльной шкале, где «1» – совершенно не согласен, «11» – полностью согласен.

Результаты исследования. По результатам проведенных исследований было выявлено, что в структуре ценностей региональной молодежи к 2016 году наблюдается сдвиг: расширение интегрирующего ядра и оппонирующего дифференциала, сужение интегрирующего резерва (таблица 1). Если в 2015 году структура ценностей молодежи на региональном уровне была представлена тремя основными ценностями, то к 2016 году к трем уже имеющимся ценностям: жизнь человека, общительность и порядок добавляется еще независимость, которая перешла в ядро из интегрирующего резерва. Важно также и то, что изменилась приоритетность ценностей. За год ценность жизни человека сменилась на общительность, при этом первая отошла на третью позицию, а ценность порядка с той же третьей позиции перешла на вторую. В интегрирующем резерве ценность семьи опустилась с четвертой позиции на пятую, а ценность работы с пятой на восьмую, при этом ценности благополучия и свободы поднялись выше. В оппонирующем дифференциале также произошли изменения: на место ценности жертвенности перешла инициативность. В конфликтогенную периферию добавилась ценность жертвенности.

Таблица 1.

**Ценностные предпочтения молодежи
(взвешенные средние баллы по 5-балльной шкале)**

Ценности	Курская область, 2015		Курская область, 2016		Ценности
	Баллы	Место	Баллы	Место	
Интегрирующее ядро					
Жизнь человека	4,6	1	4,86	1	Общительность
Общительность	4,3	2	4,51	2	Порядок
Порядок	4,3	3	4,50	3	Жизнь человека
			4,28	4	Независимость
Интегрирующий резерв					
Семья	4,2	4	4,25	5	Семья
Работа	4,1	5	4,20	6	Благополучие
Инициативность	3,8	6	3,99	7	Свобода
Благополучие	3,8	7	3,75	8	Работа
Независимость	3,7	8			
Свобода	3,7	9			
Оппонирующий дифференциал					
Жертвенность	3,6	10	3,61	9	Инициативность
Традиция	3,6	11	3,55	10	Традиция
Нравственность	2,7	12	3,31	11	Нравственность

Ценности	Курская область, 2015		Курская область, 2016		Ценности
	Баллы	Место	Баллы	Место	
Конфликтогенная периферия					
Властность	2,44	13	3,13	12	Жертвенность
Своевольность	2,31	14	2,58	13	Своевольность
			2,53	14	Властность

Важно сказать и то, что с 2009 года по 2015 ценностная структура была менее подвижной, что дает возможность судить об отсутствии качественных изменений не просто в системе ценностей, но и в целом в сознании молодежи. Однако к 2016 году практически все уровни ценностной системы претерпели изменения, как в приоритетности, так и в качественной смене состава этих уровней. Скорее всего, подобные трансформации обусловлены интенсификацией социальных, культурных, экономических и политических изменений как в мире в целом, так и в российском обществе в частности.

С опорой на полученные данные и классификацию ценностей Н.И. Лапина по культурным типам (таблица 2), мы можем проследить роль традиций и новаций в системе ценностей молодежи[5].

Таблица 2.

Культурные типы базовых ценностей

Тип ценностей	Традиционные	Общечеловеческие	Современные
Терминальные	Традиция Семья	Порядок Благополучие Работа	Жизнь человека Свобода
Инструментальные	Жертвенность Своевольность	Общительность Нравственность Властность	Независимость Инициативность

Исследование показало, что роль традиционных ценностей постепенно минимизируется в молодежной среде. Так, например, ценность семьи снижается на одну позицию, ценности традиции, жертвенности и своевольности занимают места в оппонирующем дифференциале и конфликтогенной периферии. Современные же ценности очень тесно взаимодействуют с общечеловеческими и конкурируют в плане приоритетности на различных уровнях структуры. Например, ценность жизнь человека уступает ценностям общительности и порядка, которые относятся к общечеловеческим. Ценность свободы переходит с девятой позиции на седьмую, при этом ценность инициативности переходит из интегрирующего резерва в оппонирующий дифференциал. Из этого следует, что однозначно сказать нельзя, что в молодежной среде региона идет строгая переориентация с традиционных ценностей на современные.

Если проследить динамику терминальных ценностей (рисунок 1), можно отметить, что с 2009 по 2015 год происходит снижение показателей по всем видам терминальных ценностей, однако по сравнению с 2015 годом, в 2016 показатели по указанным типам ценностей относительно повышаются.

Исследование показало, что среди терминальных ценностей в 2016 году приоритетными для молодых людей региона являются жизнь человека и порядок. С учетом полученных данных можно судить о постепенном снижении показателей, например, в 2009 году ценность жизнь человека составила 4,74, в 2012 году – 4,77, в 2015 году – 4,55, а в 2016 – 4,5. Ценность традиции в 2009 и 2012 годах принимала значение 3,92, в 2015 году – 3,56, а в 2016 году – 3,55.

В период с 2009 по 2016 год разница между типами ценностей не превысила единицы, а это говорит о гармоничном совмещении этих типов ценностей в молодежном сознании.

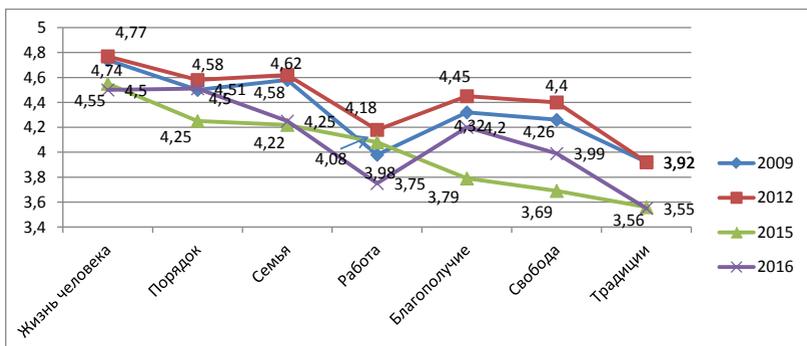

Рисунок 1. Распределение терминальных ценностей в молодежной среде Курского региона в разные временные периоды (в средних взвешенных)

Если до 2016 года отмечалось относительное отставание в соотношении развития общества и системы ценностей молодежи на региональном уровне от всероссийского, то сейчас данное отставание постепенно сокращается, что проявляется в повышении уровня показателя по различным типам ценностей в регионе.

Как показала практика, роль традиций в молодежной среде начинает отходить на второй план, при этом следует учесть, что все еще нет и четкой ориентации на современные ценности, поэтому здесь возникает вопрос можно ли считать отход от традиционных ценностей позитивной тенденцией? И готова ли региональная молодежь позитивно принимать новации? В случае закрытости молодежи к новациям, может возникнуть явление аномии, а на его фоне активизируются архаизирующие тенденции, причем не в самом позитивном варианте. Не всегда отход от традиций может позитивно влиять на развитие общества. Так, например, как следствие, может возникнуть утрата национальных корней, национальной культуры. Такому явлению в литературе дано название «манкрутизм», взятое из произведения Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» [6].

Что же касается новаций, здесь следует сказать, что само возникновение чего-то нового, в том числе и ценностей, необходимо рассматривать не как внешний фактор, а как часть социальной жизни. Многие исследователи ставят новацию и традицию в прямую оппозицию, но так ли это? Ведь часть новаций – это лишь адаптированные к новым условиям традиционные элементы. Учитывая данный факт, в философском знании выделяется два вида новаций: эндогенные и экзогенные. Первые появляются внутри самой системы в ходе потери удовлетворения потребностей традиционными способами, другими словами, это трансформированные традиции; вторые же обусловлены внешними факторами, они формируются в ходе заимствования из других систем, культур и т.д. Для системы ценностей региональной молодежи более характерными являются эндогенные новации, так как в ходе исследования было обнаружено относительное несоответствие в общественном развитии и сознании региональной молодежи, для российской же молодежи в целом характерны оба вида новаций. Таким образом, мы видим, что отдельно взятый регион, в данном исследовании – Курская область, идет по собственному пути развития, отличным от общероссийского уровня, что делает его своеобразным и неповторимым.

В связи с этим, тенденции, наблюдающиеся в развитии системы ценностей региональной молодежи нельзя рассматривать однозначно: несмотря на то, что традиции постепенно стали отходить на задний план, все же в сознании молодых людей не прослеживается жесткой ориентации на современные ценности, скорее заметно балансирование общечеловеческих и современных ценностей. Несмотря на то, что новации стали постепенно оттеснять традиции, в регионе все же отмечается наличие специфического вида новаций – эндогенных, которые имеют под собой традиционную основу. Полученные данные могут служить осно-

ванием для того, чтобы сделать вывод о самобытности и специфичности развития региона в соотношении с Россией в целом.

Список литературы

1. Традиции // Культурология. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2 / Главный редактор и автор проекта С.Я. Левит. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – С. 721.
2. Ерасов Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность. – М.: Наука, 2002. – С. 22.
3. Бажанова Л.М. Конфликт традиций и новаций в контексте глобализирующейся культуры. // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2010. – С. – 158.
4. См.: Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010). М.: ИФРАН. – 111 с.
5. Лапин Н.И. Структура ценностей россиян: всероссийский мониторинг и портрет региона // Опыт построения социокультурных портретов регионов России / Под ред. Е.А. Когай. – Курск: Изд-во Курского государственного университета, 2007. – С. 54.
6. Айтматов Чингиз. И дольше века длится день. – М.: Азбука-классика, 2008. – С.121.

**РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРИМЕНЕНИЕ ЗАПАДНЫХ КОНЦЕПЦИЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ²⁷**

**THE STATE'S ROLE IN THE MODERNIZATION OF MODERN RUSSIAN HIGHER
EDUCATION: THE USE OF WESTERN CONCEPTS OF GOVERNANCE**

К.А. Воронова
Kseniya A. Voronova

ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»,
г. Пермь, Российская Федерация
Perm State University, Perm, Russia

В статье проанализированы процессы модернизации современного российского высшего образования. Описаны особенности новой модели государственного управления высшим образованием в современной России. Основу этой модели составляют западные концепции управления: новый государственный менеджмент (New Public Management) и концепция достойного управления (Good Governance). Сделаны выводы о последствиях применения этих концепций управления для высшего образования в современной России.

The article analyzes the processes of modernization of a modern Russian higher education. It describes the features of the new model of higher education governance in modern Russia. The basis of this model are the Western concepts of governance: New Public Management and Good Governance. The conclusions about consequences of application of these concepts of management for the higher education in modern Russia are drawn.

Ключевые слова: Модернизация, высшее образование, государственное управление, новый государственный менеджмент, концепция достойного управления.

Keywords: Modernization, higher education, public administration, new public management, good governance.

Последние десять лет в России происходит модернизация высшего образования, инициатором которой является государство. Образование является одним из ключевых приоритетов государственной политики. От того какие цели и задачи поставлены, от выбранной модели государственного управления зависят изменения в высшем образовании. В середине 2000-х годов государством в нашей стране был сделан выбор в пользу западной модели государственного управления, включая управление высшим образованием. За основу были взяты западные концепции государственного управления, такие как новый государственный менеджмент (New Public Management) и концепция достойного управления (Good Governance). Кроме того, Россия в 2003 году присоединилась к Болонскому процессу, тем самым заявив о готовности к интеграции в европейское образовательное пространство.

За последние годы был принят целый ряд нормативных документов, закрепляющих принципы новой модели государственного управления. Среди них наиболее существенными являются: новый Федеральный закон об образовании в РФ, принятый в 2012 году, несколько программ развития образования до 2020 года, «дорожная карта», в которой обозначены мероприятия, направленные на повышение эффективности образования [3,6,7,10]. В этих доку-

²⁷ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательских работ ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», проведенных на основе государственного задания Министерства образования и науки РФ в 2015 г. (проект № 929, рук. Е.Б. Плотникова.

ментах обозначены цели, задачи, направления и планируемые результаты модернизации высшего образования, которые ставит перед собой государство. Основной целью является повышение эффективности высшего образования, причем, прежде всего, экономической. Для этого государство осуществляет переход к образовательным услугам, введение многоуровневой системы обучения, изменение норм и стандартов высшего образования, повышение оплаты труда, информатизацию, развитие инфраструктуры, изменение сети учреждений и проведение оценки работы ВУЗов. При этом многие инструменты, которые использует государство для реализации этих направлений, заимствуются из опыта западных стран, а принципы, которые лежат в основе всех преобразований, соответствуют западным концепциям государственного управления.

Исследование практик применения западных концепций в государственном управлении современным российским высшим образованием является малоизученным актуальным научным направлением. Поэтому в 2015-2016 годах кафедрой социологии Пермского государственного национального исследовательского университета было проведено исследование, основной целью которого было описание новой модели государственного управления высшим образованием в современной России и выявление ее особенностей. Базовая гипотеза исследования заключалась в предположении, что в управлении современным российским высшим образованием государство использует западные концепции нового государственного менеджмента (New Public Management) и достойного управления (Good Governance). При проведении социологического исследования использовались такие методы как интервью с экспертами в сфере государственного управления и высшего образования, глубинные интервью с административно-управленческими работниками высшего образования. Кроме того проводился анализ различных федеральных, региональных (Пермский край) документов, концепций, стратегий развития, дорожных карт и публичных докладов о результатах и основных направлениях деятельности в сфере высшего образования (ДРОНДы).

Анализ научной литературы и проведенные экспертные интервью позволили выявить сущность новых западных концепций государственного управления, которые государство использует для повышения эффективности высшего образования. Концепция нового государственного менеджмента появилась на Западе в 70-80-е годы и стала ответом на задачу приспособления к рыночным условиям. Как понятие она возникла уже после того, как были проведены реформы, которые впоследствии оформились в целый подход, который включал использование рыночных технологий в государственном секторе, привлечение коммерческого сектора к исполнению государственных услуг, бюджетирование с ориентацией на результат, внедрение системы количественных и качественных показателей, экономическую эффективность и стремление к прибыли, учет потребностей населения (клиентов), децентрализацию, четкое разделение функций, конкуренцию и самостоятельность, креативную организационную культуру, делегирование полномочий на нижние уровни управления и исполнения.

Концепция достойного управления появилась на Западе в 90-е годы и была связана с глобализацией и идеями об устойчивом развитии. Она включила в себя широкое участие населения в принятии управленческих решений в обществе, равноправное сотрудничество государства, бизнеса и гражданского общества, соблюдение прав граждан, доступ к информации для всех социальных групп, учет мнений граждан о предоставляемых государством услугах, использование информационных технологий, отчеты о деятельности перед населением, стремление к достижению долгосрочных целей развития общества, эффективное использование ресурсов.

В отличие от западных стран в России государство при модернизации высшего образования стало применять новый государственный менеджмент и концепцию достойного управления одновременно с середины 2000-х годов. Первые попытки модернизации высшего образования начали предприниматься в связи с присоединением России к Болонскому процессу, которое официально произошло в 2003 году на Берлинской конференции. Государство к тому моменту оказалось перед целым комплексом проблем в сфере высшего образования,

которые обострились из-за политики невмешательства Министерства образования РФ и автономизации ВУЗов, практикуемой с 90-х по 2000-е годы. Наиболее существенными кризисными явлениями были: несоответствие выпускаемых ВУЗами специалистов потребностям рынка труда, отсутствие контроля качества высшего образования, старение преподавательского состава и неспешность научной и педагогической работы, отсутствие полноценного финансирования и снижение уровня материально-технической оснащенности организаций. Все это привело к ухудшению качества и снижению конкурентоспособности российского высшего образования на международном уровне. Государство, осознав совершенные ошибки потери контроля над сферой высшего образования, предприняло усилия для изменения ситуации и формирования новой модели управления. Поэтому отличительной особенностью высшего российского образования в сравнении с европейским стало сохранение и даже укрепление в 2010-е годы контроля со стороны государства над ВУЗами. Кроме кризиса образования еще одной причиной присоединения России к Болонскому процессу являлось стремление вступить во Всемирную торговую организацию, требованием которой было соответствие российского образования международным европейским стандартам.

Болонский процесс содержит стратегию реформирования высшего образования и внедрения новых стандартов. Этот процесс связан с реформами, происходившими в европейских государствах в 80-е и 90-е годы, и объединяет принципы концепций нового государственного менеджмента и достойного управления. К новому государственному менеджменту относятся следующие цели Болонского процесса: компетентностный подход, единая методика и критерии оценки качества образования, система кредитов, вариативность образования, самокупаемость ВУЗов и привлечение инвестиций, мобильность и самостоятельность студентов, сокращение расходов государства. К концепции достойного управления относятся несколько других целей Болонского процесса: участие работодателей в составлении учебных программ, сотрудничество университетов разных стран, развитие европейских правовых ценностей и культуры, установление системы сопоставимых степеней, общественный контроль образовательного процесса и международный аудит качества образования.

Государство, в лице министра образования РФ В.М. Филлипова, присоединившись к Болонскому процессу, взяло на себя обязательства реформировать образование. Благодаря этому в высшем образовании раньше, чем в других сферах, стали применяться новый государственный менеджмент и концепция достойного управления. Были предприняты шаги по установлению «болонских» норм в российском высшем образовании. С начала 2000-х годов внедрено несколько поколений ФГОСов (федеральные государственные стандарты). С 2007 года совершен переход к системе бакалавриата и магистратуры, при этом получать второй уровень образования могут 30-50% студентов. Введена система накопления образовательных кредитов и вариативность дисциплин. В 2014-2015 гг. запущена программа «Глобальное образование», финансирующая обучение российских граждан за границей. Однако в России сохраняется настороженное отношение к Болонскому процессу, существует достаточно много критических взглядов [1,2,5]. Так, например, ректор МГУ В.А. Садовничий отмечает: «...участие России в Болонском процессе не должно превратиться в насаживание европейской системы образования в России» [2, С.4].

Помимо модернизации в рамках присоединения к Болонскому процессу, с середины 2000-х годов государство проводит реформы, которые происходят во всех общественных сферах, включая высшее образование. А именно административная, бюджетная реформы и реформа государственной службы, затронувшая всех бюджетных работников. В основе этих реформ лежат принципы нового государственного менеджмента и концепции достойного управления.

В рамках административной реформы Министерство образования и науки РФ осуществляет объединение и сокращение ВУЗов, что соответствует принципу реструктуризация и сокращения расходов нового государственного менеджмента. Слияния государственных ВУЗов проводятся по трем основным направлениям: «региональные слияния», благодаря которым в федеральных округах создаются федеральные университеты, которые включают само-

стоятельные до этого ВУЗы; интеграция среднего профессионального образования в ВУЗы, особенно по техническим специальностям; создание «университетских комплексов», посредством укрепления связей ВУЗов и научных институтов, например региональных университетов и отделений РАН [9, С. 13]. Сокращение ВУЗов происходит не только за счет реструктуризации. Благодаря применению государством нового государственного менеджмента появился такой подход, при котором высшие учебные заведения могут быть признаны неэффективными, прежде всего, экономически, и лишены лицензии на деятельность. Методику оценки эффективности ВУЗов критикуют, считают неэффективной, подчеркивая, что высшие учебные заведения обладают широким спектром индивидуальных особенностей, из-за чего сложно измерять их эффективность одним инструментом [1, С. 70]. В результате политики реструктуризации и ликвидации ВУЗов число высших учебных заведений в России по данным официальной статистики в 2015 – 2016 годах уменьшилось на 20% по сравнению с 2008-2009 годами, когда было отмечено рекордное количество ВУЗов [8]. Реструктуризация и сокращение ВУЗов привели также к массовому высвобождению профессорско-преподавательского состава. В сравнении с 2009-2010 годами в 2015-2016 году численность профессорско-преподавательского состава ВУЗов уменьшилась на 21% [8].

Государство, сталкиваясь с ограниченностью экономического ресурса и нехваткой финансирования ВУЗов, осуществляет бюджетную реформу в высшем образовании. В результате внедрены принципы нового государственного менеджмента и концепции достойного управления: экономической эффективности, прозрачности, подотчетности, управление по результатам и привлечения коммерческого сектора. ВУЗы стали получать финансирование в зависимости от их рентабельности, конкурентоспособности. Между организациями возникла острая конкуренция. С 2009 года возникли новые статусы ВУЗов, позволяющие получать большее финансирование из бюджетных средств, например, национальные исследовательские университеты, успешно сочетающие образовательную и научную деятельность. Одним из критериев соответствия ВУЗов своим особым статусам и получения дополнительного финансирования стало вхождение в мировые рейтинги. Более того, государством был создан проект «5-100», согласно которому до 2020 года пять ВУЗов из России должны войти в сотню лучших университетов в мировых рейтингах. Еще одним стратегическим критерием является увеличение публикаций в научных журналах «Web of Science» [1, С.68].

В последние десять лет государство вводит в высших учебных заведениях новую систему оплаты труда, в основе которой лежит принцип управления по результатам нового государственного менеджмента. Заработная плата в этой системе разделена на гарантированную и стимулирующую части. Последняя выстраивается по принципу выполнения определенных показателей деятельности, выполняет функцию поощрения за активную работу в учебном, научном и внеучебном направлениях. На практике повышение оплаты труда происходит, прежде всего, за счет сокращения кадров, уплотнения и перераспределения нагрузки.

Одним из ключевых изменений в ВУЗах в ближайшие годы станет полномасштабное введение государством системы контрактов с преподавателями, которые зафиксируют условия оплаты и показатели эффективности труда. Преподавателей при этом планируется разделить на исследователей, занимающихся научными проектами и грантами, и педагогов, которые больше будут заниматься учебной работой. Эти принципы основываются на западных концепциях государственного управления, когда ВУЗ сопоставим с фирмой, стимулирующей работников предоставлять качественные образовательные услуги клиентам – студентам. Эти меры закрепляет на практике принципы менеджериализации и клиентизма.

Важно отметить, что западные концепции государственного управления, такие как «новый государственный менеджмент» и «концепция достойного управления», для успешного применения требуют особых условий, развитой среды, например, сформировавшегося гражданского общества, более совершенного законодательства, определенной ценностной среды с акцентом на индивидуализм и достижение. Многие эксперты отмечают, что одним из главных барьеров успешного применения государством новой модели управления в Рос-

сии является незрелая институциональная среда, необходимо развитие гражданского общества, правового сознания и ценностной среды [1,4,5,9].

Таким образом, модернизационные процессы, происходящие в современном российском высшем образовании, обусловлены политикой государства и его выбором западной модели управления. Основу этой модели составляют концепции нового государственного менеджмента и достойного управления, которые возникли в западных странах в 80-е и 90-е годы прошлого века. С середины 2000-х годов государство усиливает контроль над процессами, происходящими в ВУЗах, проводит административную, бюджетную реформы, внедряет новую систему оплаты труда и контрактные отношения с преподавателями. В рамках присоединения к Болонскому процессу высшее образование в России перешло к многоуровневой системе обучения, обмену опытом с зарубежными ВУЗами, новым стандартам, системе кредитов и вариативности дисциплин. Однако изменения в высшем образовании приводят к возникновению новых проблем. Многие меры реализуются стихийно, поспешно. Оценка деятельности ВУЗов производится с помощью инструментов, не в полной мере учитывающих специфику различных учреждений. Реструктуризация и сокращение ВУЗов приводят к безработице преподавателей и риску разрушения научных школ. Клиентская модель отношений «студент-преподаватель» и внедрение контрактов с педагогами может привести к снижению статуса профессорско-преподавательского состава. Институциональная среда российского общества является незрелой для многих осуществляемых государством преобразований в сфере высшего образования.

Список литературы

1. Балацкий Е.В. Как из высшего образования в России раздули пузырь // Проблемы управления в социальных системах. 2014. № 11 (том 7). С.56-82.
2. Кастуева-Жан Т.В. Россия в Болонском процессе: оценки четырехлетнего опыта и перспективы // Вестник международных организаций. 2007. № 7. С.41-49.
3. Концепция федеральной целевой программы развития образования на 2016-2020 годы.
4. Мальшева М.А. Теория и методы современного государственного управления. Учебно-методическое пособие. — СПб.: НИУ ВШЭ. Санкт-Петербург, 2011. - 280 с.
5. Плаксий С.И. Болонский процесс в России: плюсы и минусы// «Знание. Понимание. Умение». № 1. 2012. С.8-12.
6. План мероприятий («дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки» от 30 декабря 2012 г.
7. Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012-2018 годы (утверждена распоряжением Правительства РФ от 26 ноября 2012 г. № 2190-р).
8. Раздел «Официальная статистика «Высшее образование»/ Сайт Федеральной службы государственной статистики
URL:http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education/#
(дата обращения: 12.06.2016).
9. Сигман К. «Новый государственный менеджмент» в российском высшем образовании». [Электронный документ] URL:
<http://www.ifri.org/fr/publications/enotes/russieneivisions/impact-nouveau-management-public-lenseignement-superieur-russe> (дата обращения: 17.06.2016).
10. Федеральный закон № 273 «Об образовании в РФ» от 29 декабря 2012 года.

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ОБРАЗОВАНИЯ
КАК КОМПОНЕНТА КОГНИТИВНОГО УРОВНЯ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА
(НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

**SOME PROBLEMS OF REFORMING EDUCATION INSTITUTE AS A COMPONENT OF
THE COGNITIVE LEVEL OF MODERNIZATION OF THE REGION
(ON THE EXAMPLE ULYANOVSK AREA)**

Е.П. Галкина, Н.В. Власова
Xelena .P.Galkina, Natalya V. Vlasova

Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия
Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

В статье рассматривается реформа образования в России как комплекс мер государственной политики, иреализация федерального закона «Об образовании» на региональном уровне на примере деятельности образовательных учреждений (школ) г.Ульяновска.

The article deals with education reform in Russia as a set of public policies, and the implementation of the federal law "On Education" at the regional level on an example of educational institutions (schools) of Ulyanovsk.

Ключевые слова: Система образования, реформирование, модернизация, платные услуги, образовательные учреждения.

Keywords: The education system, reform, modernization, paid services, and educational institutions.

Введение. Образование как социальное явление и процесс, как социальная система, наконец, как социальный институт, являясь элементом общества, испытывает на себе практически все изменения, происходящие в нем. Это вдвойне справедливо по отношению к образованию в обществе, переживающем глубокие, качественные трансформации. Именно таким и оказывается сегодня российское общество. Переходный характер процессов, происходящих в нашей стране, экономические, политические, социальные реформы, связанные с демократизацией общества, его движением к доминированию рыночных отношений, не могли не повлиять на социальный институт образования в целом, его конкретные подсистемы в частности. Поэтому, рассматривая современное состояние образования в России, методологически правильно было бы проанализировать его зависимость от общественных преобразований в стране. Такой подход подразумевает выявление места образования в системе социальных отношений и процессов, социальных институтов и структур, его социальной роли в жизни трансформирующегося общества.

Разработанность темы. Были рассмотрены основные классические подходы к пониманию образования в социологии. Э. Дюркгейм утверждал, что педагогика зависит от социологии больше, чем от других наук. Образование для него является способом, с помощью которого общество воспроизводит условия своего существования. Социальная функция образования заключается в передаче общепринятых моральных убеждений всем членам общества в процессе обучения каждого индивида специфическим профессиональным навыкам и правилам социального саморегулирования. [1] По Дюркгейму, основная цель образования - передавать ценности господствующей культуры. Так как культура каждой нации своеобразна, то и содержание образования существенно отличается.

О. Конт считал, что необходимо придать образованию универсальный, систематический характер. Он предлагал учредить общедоступные учебные заведения, выступал за де-

мократизацию системы образования, которая должна удовлетворять условиям бесплатности обучения, обязательности обучения и светскому характеру обучения.

Сторонники теории функционализма считают, что система образования предназначена для усвоения преобладающих в обществе ценностей и формирования единого национального сознания. Естественно, что школа должна обеспечивать знание родного языка, представление об истории государства и его устройстве, законодательстве, сформировать у учеников основы причастности к собственной социальной общности.

В социологии неоднократно исследовались и дискутировались такие проблемы, как воспроизводство существующего неравенства, сохранение через систему образования существующей классовой системы, неравный доступ к образованию. Образование как социальный институт, тесно взаимодействующий с институтами социальной политики, социализации и науки, исследовал К. Маннгейм. Он выделил образование в качестве «особого социального феномена», который представляет часть социального прогресса. Именно образование выступает гарантом (улучшения экономических, социальных, политических условий).

Р. Мертон акцентировал внимание на динамике изменения образовательных потребностей и задач. Ученый выделил в образовании «универсум функций», который постоянно меняется под влиянием времени, «в ситуационно-временной плоскости»; образование есть динамичный, вечно изменяющийся институт. При этом функции, как и система, подвержены постоянному изменению.

Некоторые ученые пытались применить в образовании теорию конфликта, которая рассматривает конфликт как естественное следствие человеческого взаимодействия и черту социальных процессов. Наиболее известны такие концепции позитивно-функционального конфликта Л. Козера, конфликтной модели общества Р. Дарендорфа и общей теории конфликта К. Маркса. Последний считал, что экономическая власть придает системе образования заведомо конфликтный характер, поскольку она неравно представляет интересы различных социальных слоев.

Основные подходы к образованию, перечисленные выше, используются в современном теоретическом осмыслении проблем образования и применяются на практике. Безусловно, все учёные-социологи схожи во мнении, что образование является важнейшей сферой жизнеобеспечения человека, его развития и полноценного существования.

Базовая гипотеза. Самостоятельность финансово-хозяйственной деятельности в сфере внебюджетных средств учреждений образования позволяет им повышать качество и уровень развития образовательных услуг, что в свою очередь делает школу более привлекательной для бюджетного финансирования.

Методы исследования. Для анализа теоретических источников применялся сравнительно-исторический метод. Для практической части исследования были использованы методы: анализ документов и экспертный опрос.

Результаты исследования. В период трансформации государства и экономики в глубоких реформах нуждается и российская система образования. Сегодня усиливается разрыв между конституционными гарантиями в области образования, реальным финансированием образовательных учреждений и уровнем образовательных услуг. Усиливается неравенство в возможности получения качественного образования в зависимости от доходов семьи и места жительства. Эти тенденции сформировались под воздействием изменяющихся экономических и политических условий, которые требовали адекватного им изменения характера образовательной деятельности, нового уровня знаний и навыков у членов общества. Эти и другие причины служат причиной проведения качественных реформ в образовании.

Цель реформирования состоит в том, чтобы надежно гарантировать конституционные права, свободы и интересы граждан в образовательной сфере, привести систему образования в соответствие с современными потребностями личности, общества и государства, создать предпосылки для ее дальнейшего развития, приумножения достижений и сохранения лучших традиций на основе сочетания государственной, общественной и частной инициативы, суще-

ственно улучшить подготовку представителей новых поколений к жизни и труду в демократическом гражданском обществе с рыночной экономикой.

На достижение этой цели направлена реформа образования как комплекс мер государственной политики, обеспечиваемых финансово-экономическими, организационными, административными, рекрументальными и информационными методами.

Стратегической целью государственной политики в области образования, как отмечено в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020г.» [2], является повышение доступности качественного образования в соответствии с требованиями инновационного развития экономики и современными потребностями общества, задачами геополитической конкурентоспособности России в глобальном мире.

Новым и значимым акцентом государственной политики, в том числе в сфере образования, является введение понятия «инновационное развитие экономики». Система образования должна быть модернизирована в соответствии с потребностями общества. Исходя из этой логики, в процессе модернизации системы образования необходимо переосмыслить образовательную теорию и практику, отечественную образовательную традицию, образовательную парадигму, уточнить цели, задачи и механизмы их реализации.

Реализация этой цели применительно к системам общего среднего, основного и дополнительного профессионального педагогического образования предполагает решение множества приоритетных задач, одной из которых является обеспечение доступности качественного образования, вне зависимости от доходов и местожительства, формирование системы целенаправленной работы с одаренными детьми и талантливой молодежью.

Одной из основных предпосылок укрепления финансового положения образовательных учреждений является придание школам большей экономической самостоятельности, в том числе и за счёт развития платных образовательных услуг. Речь идет о тех услугах, которые обеспечивают уровень образования сверх установленного государством минимума. Объемы бюджетного финансирования школ должны обеспечить возможность получения учащимися знаний, навыков и умения, соответствующих требованиям федеральных и региональных стандартов по различным предметным областям. В настоящее время образовательные стандарты разрабатываются в нашей стране фактически в отрыве от возможности их финансового обеспечения.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (ст.45, 47) [3] определяет правовые основания для самостоятельного получения школами дополнительных доходов, включая: оказание платных дополнительных образовательных услуг и осуществление предпринимательской деятельности с использованием вверенного школам имущества. В условиях, когда образовательные стандарты оторваны от их финансирования, понятие дополнительных образовательных услуг становится крайне размытым, что не может не служить основанием для произвольного включения обязательных образовательных услуг в состав платных.

Текущая ситуация с финансированием образования характеризуется следующими характеристиками: низким уровнем бюджетного финансирования, растущей региональной и социальной дифференциации, готовность значительной части населения оплачивать в различных формах качественное образование. Указанные факторы определяют направления модернизации механизмов финансирования.

Изменение системы финансирования образования включает три компонента: изменение методов планирования и механизмов распределения бюджетных средств; изменение форм и методов управления финансами на уровне образовательных учреждений и контроля за их использованием в целях повышения эффективности их использования; создание условий для развития механизмов привлечения внебюджетных средств и их легализации.

Средством повышения эффективности бюджетного финансирования может стать разделение финансовых потоков на институциональное финансирование, т.е. прямое финансирование учебных заведений из бюджетов всех уровней, и бюджетные средства, поступающие

в систему через учащихся. Для общего образования это означает, что учебные заведения финансируются из бюджета пропорционально количеству учащихся (подушное финансирование) в размерах, обеспечивающих предоставление образовательных услуг в объеме минимальных требований образовательного стандарта. Оставшаяся часть средств, направляемых из бюджетов на финансирование общего образования, распределяется между учащимися (их родителями) на основе оценки нуждаемости и поступает учреждениям образования в форме оплаты дополнительных образовательных услуг. В данном контексте под дополнительными образовательными услугами понимается любая образовательная деятельность, по структуре и содержанию выходящая за рамки минимальных требований, зафиксированных федеральным и региональными стандартами. При этом предполагается, что значительная часть учащихся будет оплачивать дополнительные образовательные услуги, полностью или частично, из собственных средств. Предлагаемый подход, как представляется, будет способствовать стабилизации экономического положения системы общеобразовательных учреждений базового образования и усилению гарантий реализации конституционных прав граждан на получение образования, упорядочению привлечения дополнительных средств в систему. В то же время он предполагает существенное совершенствование нормативной базы планирования финансирования образовательных учреждений, переход от «класс-комплектов» к распределению средств на подушевой основе.

В рамках затронутой темы в сентябре 2015 года на кафедре «Философии, социологии и политологии» Ульяновского государственного университета было проведено социологическое исследование «Действие федерального закона «Об образовании» в деятельности образовательных учреждений (школ) г. Ульяновска». В качестве методологического инструментария был использован метод экспертного опроса директоров средних школ города Ульяновска. Эксперты на вопрос насколько сильно на вашу школу повлиял федеральный закон «Об образовании» единогласно отвечали положительно, говорили о том, что много интересного появилось? Для самостоятельной хозяйственной деятельности конкретного образовательного учреждения. На вопросы – как воспринял закон педагогический коллектив, что показалось актуальным, современным, соответствующим требованиям сегодняшнего дня эксперты единодушно отвечали, что коллектив все воспринял с готовностью к исполнению, но еще не все новшества реализуются в школах.

Образование в нашей стране считается бесплатным. Но мы знаем, что это далеко не так. И говоря о платных кружках, секциях, дополнительных курсах, выясняется, что во всех школах присутствуют дополнительные курсы для школьников, начиная с 9-ых классов. По словам экспертов, родители к таким курсам относятся нейтрально. В средних школах города Ульяновска нет платных услуг, которые обязательны для выполнения. Предложения со стороны родительского комитета ульяновских средних школ о платных услугах не поступают.

Учителя в средних школах на себе испытывают всевозможные инновации, такие как электронные дневники, журналы, электронное или дистанционное обучение. Однако, в результате получается, что не все преподаватели могут овладеть такими нововведениями, для многих пользование ноутбуками (электронными дневниками, журналами) является затруднительным процессом. Эксперты говорили о том, что работы прибавилось, но процесс обучения стал интереснее. Различные учебники, пособия, которые входят в программу обучения предоставляются бесплатно учебными заведениями. Однако на усмотрение образовательного учреждения (школы) вводятся факультативные дисциплины, предполагающие приобретение учебно-методических материалов родителями учащихся.

В соответствии с новым законом все школы Российской Федерации должны ввести в оборот единую школьную форму. Эксперты школ города Ульяновска утверждают, что школьники и родители положительно относятся к этому нововведению, но в ходе наблюдения, можно сказать о том, что есть недопонимание со стороны школьников, так как большинство школьников не придерживаются единой школьной формы.

Материально-техническая оснащенность классных кабинетов в Ульяновске, по словам экспертов, соответствует требованиям федерального государственного стандарта и финанси-

руется из государственного бюджета. По словам экспертов города Ульяновска, в средних школах присутствуют электронные дневники, журналы, официальный сайт школы, то есть присутствует информационная открытость, так же есть макбуки, ноутбуки, компьютеры, электронные доски.

По итогам исследования можно сказать о том, что экономический фактор современных средних школ полностью определяют государственные структуры. Инновационная деятельность полностью захватила все школы, однако, при этом одни быстрее принимают изменения, другие – медленнее.

Практическое значение результатов выражено в возможности использовать итоги эмпирического исследования для повышения эффективности организационно-административной и образовательной деятельности в образовательных учреждениях. Кроме того, результаты могут быть использованы в разработке программ развития системы образовательных учреждений Ульяновской области.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. Социология образования. Пер. с фр. Т. Г. Астаховой. М., 1996. – 80 с., с. 45.
2. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 №1662-р (ред. от 08.08.2009) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134.
3. Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об образовании в Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

FEATURES PROFESSIONAL MOTIVATION OF YOUNG PEOPLE IN THE MODERNIZATION OF EDUCATION

О.В. Скворцова
O.V. Skvortsova

Сибирский государственный университет водного транспорта, Новосибирск,
Российская Федерация
Siberian State University of Water Transport, Novosibirsk, Russian Federation

В статье предлагается методика выявления структуры профессиональных мотиваций молодежи в контексте решения задач новой индустриализации. Показаны различия в портретах молодежи с разной ориентацией на творческие действия в профессиональной среде.

The paper proposes the method to identify the structure of professional motivation of young people in the context of solving the problems of the new industrialization. The differences in the portraits of young people with different orientation in the creative acts in a professional environment are shown.

Ключевые слова: новая индустриализация, модернизация образования, профессиональные ориентации молодежи, творческие действия.

Keywords: new industrialization, modernization of education, professional orientation of young people, creative action.

Проблема. В настоящее время высшее руководство нашей страны обозначило важнейшие приоритеты ее развития – создание инновационной экономики, повышение качества жизни населения и развитие человеческого капитала. Приоритетной стала задача осуществления новой индустриализации, в основе которой должна быть инновационная составляющая. [1, 2] Главной движущей силой экономики, базой новой индустриализации становятся научные разработки, при этом главным фактором развития становится человеческий капитал – профессионалы, высокообразованные люди, наука и знания во всех видах инновационной деятельности. Таким образом, наиболее ценными качествами населения становятся уровень образования, профессионализм, обучаемость и творческий подход. (Д. Белл, Э. Тоффлер, Р. Флорида) [3, 4, 5]

Шагом к решению задачи повышения качества человеческого капитала выступает Государственная программа Российской Федерации развития образования 2013-2020 гг., ответственным исполнителем которой является Министерство образования и науки РФ. Среди основных ожидаемых результатов этой программы – обеспечение потребности экономики РФ в кадрах высокой квалификации по приоритетным направлениям модернизации и технологического развития [6]. Основными направлениями являются:

- внедрение практико-ориентированных программ бакалавриата;
- реализация проектов, направленных на развитие государственно-частного партнерства, сотрудничества между системой образования и бизнесом;
- программа «Новые кадры для ОПК»;
- программа «Глобальное образование», которая дает шанс студентам пройти бесплатное обучение в ведущих зарубежных вузах по приоритетным направлениям подготовки (медицина, инженерия, наука и педагогика);

- создание многопрофильных университетов – региональных опорных вузов, основная задача которых работа с запросами реальной экономики страны и подготовка специалистов, востребованных в первую очередь на рынке труда своего региона.

Модернизация Российской экономики очевидным образом связана с модернизацией образования и, как мы видим, новый приоритет профессионального образования – это развитие практико-ориентированного инженерного образования, акцент делается на подготовку реальных специалистов для высокотехнологичных, инновационных и наукоемких областей экономики. [7]

Базовое противоречие. Наше исследование нацелено на поиск путей разрешения базового противоречия между объявленными высшим руководством страны приоритетами ее развития и фактически невысоким качеством человеческого капитала.

Как соотносятся на данном этапе эти две стороны экономического процесса, т.е. в период, обозначенный взятием курса на модернизацию экономики, на решение приоритетных задач новой индустриализации? В частности нам представляется актуальным и своевременным изучение типов и структуры мотивов выбора профессии, профессиональных ориентаций представителей молодежи. На кого опираться в решении первостепенных задач модернизации? Если действительно ориентация молодежи на творческие действия в профессиональной сфере является сверх актуальной в современный период, то имеется ли в обществе, и, особенно, в молодежной среде тот креативный потенциал, который востребован для решения поставленных задач?

При изучении социологического портрета населения регионов России [8], необходимо, на наш взгляд, разрабатывать методики, позволяющие выявить и оценить имеющиеся потенциально творческие ресурсы в составе населения, например, через призму профессиональных мотиваций непосредственных акторов процесса модернизации. В ранее опубликованных отчетах по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» подчеркивалось, что ведущим фактором экономического роста при переходе к инновационному типу развития выступает «интеллектуальный, творческий потенциал человека» [9, с.133]. Но по-прежнему в типовой методике отсутствует возможность качественно измерить этот творческий потенциал. Присутствие творческого мотива в структуре профессиональных мотиваций личности индивида отличает его от других, не имеющих такого мотива в составе своих мотиваций. [10]. При этом мы исходим из того, что творчество может быть разного содержания. С одной стороны оно может быть направлено на решение технических, производственных, научных задач, а с другой – на культурно-просветительскую деятельность (художественно-прикладная, музыкальная, литературная, актерская, танцевальная и т.п.). Вопрос не в том, какое из этих направлений хуже или лучше, несомненно, должны развиваться оба эти направления, а вопрос в том, какое именно творчество отвечает первоочередным задачам развития экономики страны.

По данным Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИЧИНБ) в период с 1987 г. по 1997 г. произошло резкое снижение творческого потенциала в молодежной среде, изменились также и самооценки интеллектуальных и творческих способностей. В конце 90-х годов молодые люди оценивали их весьма низко: 19% считали эти способности высокими, 22% называли себя талантливыми. В структуре культурных потребностей молодежи также произошли серьезные изменения. Если потребление различных видов художественной культуры (посещение театров, кино, музеев) снизилось незначительно: с 92 % (1987 г.) до 85% (1997 г.), то ориентация молодежи на творческие виды деятельности, потребность в творческих видах деятельности (технической или художественной) снижается практически в три раза: с 68-74% в 1987 г. до 18-27% в 1997 г. [11, с. 143]

К сожалению, у нас нет социологических данных о творческом потенциале современной молодежи по России в целом, но мы можем уверенно судить о творческой активности и ориентации на творческие действия в будущей профессиональной деятельности старшеклассников школ г. Новосибирска, Алтайского края, в том числе учащихся гимназий и специализированных школ, по данным опросов 2006-2007 гг. и 2015 г. Творческая активность,

измеряемая наличием творческих работ (научных, художественных, музыкальных, технических, литературных и пр.) выпускников школ в 2006-2007 гг. составляла 30% среди всех опрошенных старшеклассников и 40% – среди выпускников лицеев и гимназий. В 2015 г. в Гимназии №11 г. Новосибирска она выросла до 54%. Ориентированных на творческие действия в профессии в 2006-2007 гг. среди всех опрошенных старшеклассников оказалось 21%, среди представителей лицеев и гимназий – 28% (в частности, в гимназии №11 г. Новосибирска – 47%), среди выпускников специализированных школ (учебно-научный центр при Новосибирском государственном университете (СУНЦ НГУ – ФМШ), Текосский лицей-интернат комплексного формирования личности) – 43-48%. В 2015 г. в гимназии №11 этот показатель снизился до 39%. [12]

Методы и результаты исследования. Базой нового этапа нашего исследования являются материалы, полученные в ходе сплошного опроса старшеклассников – всех учащихся 9-х, 10-х и 11-х классов Гимназии №11 г. Новосибирска (2015 г.), одного из лучших общеобразовательных учреждений города. Основой для группировки послужили два вопроса «Анкеты школьника - 2015»: «Что тебя привлекает в профессии, когда ты думаешь о ее выборе? Какие возможности, связанные с профессией, для тебя особенно важны?» и «В какой сфере ты хотел бы работать в дальнейшем?»

Всех старшеклассников Гимназии №11 мы разделили, на две группы: творческую, ориентированную на творческие действия в профессиональной сфере и исполнительскую – не ориентированную на творческие действия в профессиональной сфере. Ведь эти две группы по разному представляют себе свою профессиональную деятельность. Затем каждую из этих групп разделили на тех, кто выражает желание работать в дальнейшем в сферах напрямую связанных с новой индустриализацией экономики, и тех, кто выбирает иные сферы для трудовых реализаций. Таким образом, получили четыре группы: к первой мы отнесли школьников, творчески ориентированных на сферы новой индустриализации (далее – *«креативные, ориентированные на сферы реиндустриализации»*, «КОР»), ко второй – школьников, творчески ориентированных на прочие сферы (далее – *«креативные прочие»*, «КП»), к третьей – школьников, ориентированных на исполнительство в сферах новой индустриализации (*«исполнители, ориентированные на сферы реиндустриализации»*, «ИОР»), и, наконец, к четвертой – школьников, ориентированных на исполнительство в прочих сферах (*«исполнители прочие»*, «ИП»). Старшеклассники Гимназии №11, опрошенные в 2015 г. разделились по этим группам следующим образом: *креативные, ориентированные на сферы реиндустриализации, КОР*, –19%, *креативные прочие, КП*, – 20% *исполнители, ориентированные на сферы реиндустриализации, ИОР*, –27%, *исполнители прочие, ИП*, – 34%.

По ряду индикаторов, а именно по полу, творческой активности, желанию быть ученым, исследователем, осознанию новых возможностей, которых не было у родителей, по отношению к разным сторонам будущей профессии, по предпочитаемым способам проведения свободного времени, по восприятию причин, способных повлиять на выполнение жизненных планов, выявленные группы заметно различаются (см. табл.1).

Таблица 1.

Различия по полу, наличию творческих работ, привлекательности научно-исследовательской деятельности, по сравнительному с родителями восприятию новых возможностей, по привлекательным сторонам будущей профессии, по предпочитаемым способам проведения свободного времени, по восприятию причин, способных повлиять на выполнение жизненных планов у разных групп старшеклассников Гимназии №11 г. Новосибирска

Differences by gender, the presence of creative works, the attractiveness of the research activities, in comparison with their parents perceive new opportunities at attractive sides of their future profession, according to the preferred way of spending free time on the perception of the causes that may affect the implementation of life plans in different groups of high school students of Gymnasium №11 in Novosibirsk

	Креативные, ориентированные		Исполнители, ориентированные		Все
	на сферы новой индустриализации КОР	на прочие сферы КП	на сферы новой индустриализации ИОР	на прочие сферы ИП	
Пол муж.	45	22	62	41	44
Имеют творческие работы	64	78	49	39	54
Хочу быть ученым, исследователем	17	–	3	4	5
Вижу для себя новые жизненные возможности, которых не было у родителей	81	82	75	59	72
Планирую учиться дальше для того, чтобы					
-развить свои способности и себя как личность	62	67	43	49	53
- в будущем приобрести высокое положение в обществе	60	38	45	34	43
- глубоко изучить предметы получить знания	38	29	18	23	26
В профессии привлекает					
- высокий денежный доход, заработок	74	51	77	53	63
-применять свои способности	67	62	53	57	59
- стать высококвалифицированным специалистом	57	24	58	47	47
- сделать карьеру, продвинуться по службе	52	36	38	57	47
- быть самостоятельным в работе	48	42	32	24	34
- организовать собственное дело	41	20	30	8	22
- приносить пользу людям, своему народу	33	47	28	44	38
- высокий престиж профессии	19	27	40	43	34
В свободное время					
- занимаюсь любимым делом, хобби	62	69	35	51	52
- читаю книги, журналы	55	60	40	48	50
- хожу в кино, театр, на концерты	48	53	35	40	43
- занимаюсь в кружке, студии, клубе, муз. шк.	26	44	12	21	24
Повлияет на выполнение жизненных планов					
- Личная инициатива и настойчивость	76	71	65	63	68
- Упорный труд, трудолюбие	71	44	45	47	51
- Профессиональная подготовленность	67	31	62	59	55
- Уровень образованности и культуры	45	29	35	36	36
- Личные связи с нужными людьми	36	27	47	35	37
- Политика государства	10	11	22	12	14

В уровнях образования родителей старшеклассников, в составе и уровне материального положения родительских семей, в качестве питания, в оценках собственного здоровья; отношения к учебе в школе и самооценке успеваемости, по уровню общественной активности в классе значимых различий во всех четырех группах не обнаруживается.

Креативные, ориентированные на сферы реиндустриализации (КОР) – это лица как мужского, так и женского пола, намеревающиеся работать в сферах промышленности, науки и предпринимательства. Они самые активные в творческом плане (имеют творческие работы 64%) и в большей степени, чем все остальные, ориентированы на научно-исследовательскую деятельность (твердо в этом уверенных 17% против 3-4%). Как и подавляющее большинство старшекласников, после окончания школы собираются получать высшее образование в институтах и университетах, но при этом среди них большая доля тех, кто планирует совмещать работу с учебой (67% против 51-57%). В трудовой деятельности их привлекает наряду с получением высокого дохода (74%), желание стать высококвалифицированным специалистом (57%), возможность быть самостоятельным в работе (48%), применять свои способности (67%). Среди них довольно большая доля по сравнению с остальными тех, кто желает иметь собственное дело (40% против 8-30%). Представителей *КОР* в большей степени, по сравнению с остальными волнует продолжение образования (81% против 73%), собственное здоровье (52% против 36%), судьбы народа, страны (24% против 7%-11%). В продолжении образования их более привлекает развитие своих способностей (62% против 43%), глубоко изучить предметы, получить знания (38% против 18%), возможность получить высокое положение в обществе (60% против 34-45%). Они чаще остальных признают широкие познания и начитанность одними из самых авторитетных качеств как юношей (63% против 43%), так и девушек (80% против 63%). На выполнение жизненных планов *креативных* в большей степени может повлиять такие обстоятельства как уровень образованности и культуры (45% против 29-35%); упорный труд, трудолюбие (71% против 45%), личная инициатива настойчивость (76% против 65%), собственная честность, принципиальность (26% против 18%), доброта, отзывчивость (36% против 12%), собственное здоровье (38% против 20%). Среди *КОР* большая доля по сравнению с *исполнителями* тех, кто в свободное время предпочитает читать (55% против 40-48%), посещать кино, театр, концерты (48% против 35%), заниматься любимым делом, хобби (62% против 35%-51%).

Креативные прочие (КП) – это лица в основном женского пола, намеревающиеся творчески трудиться преимущественно в сферах культуры, искусства. Им не так, как *КОР*, важен высокий доход (53% против 73%), высокое положение в обществе (38% против 59%), получение конкретной профессии, специальности (38% против 52%), престиж образования (33% против 55%). Для *КП*, также как и для *КОР*, высоко значимо развитие себя как личности (68% и 62% соответственно), но, в то же время, глубокое изучение предметов, получение новых знаний для них менее привлекательно (29% против 38%). В выбираемой профессии *КП*, также как и *КОР*, привлекает возможность применять свои способности (62%), быть самостоятельным в работе (42%), при этом для них гораздо менее значимо по сравнению с *КОР* сделать карьеру, продвигнуться по службе (36% против 52%), организовать собственное дело (20% против 40%). Однако для *КП* более значимо по сравнению с *КОР*, принести пользу стране и народу (47% против 34%). Выполнение жизненных планов *КП* в меньшей степени, чем *КОР*, связывают с профессиональной подготовкой (31% против 68%), с уровнем образования (29% против 45%). Показательно также, что *КП* от всех остальных отличают способы проведения ими свободного времени. Как и следовало ожидать, им более свойственно в свободное время не только читать (60%), заниматься любимым делом (хобби) (74%), посещать театры и концерты (53%), но и заниматься в кружках, студиях, клубах, музыкальных школах и т.п. (44% против 26%).

Исполнители, ориентированные на сферы реиндустриализации (ИОР) – это в основном лица мужского пола (62%), намеревающиеся работать преимущественно в сферах промышленности, науки и предпринимательства. Их, как и *КОР*, привлекает в выбираемой профессии получение высокого дохода (77% и 74% соответственно), желание иметь собственное дело (30% и 40% соответственно) и желание стать высококвалифицированным специалистом (58% и 57% соответственно). Но у них по сравнению с *КОР* и *КП* гораздо ниже творческая активность (39% против 64-78%). Среди *ИОР* самая маленькая доля, по сравнению с остальными, тех, кто видит для себя новые возможности, которых не было у родителей (59% про-

тив 75-81%), а также тех, кто связывает последующее обучение в вузе с развитием своих способностей (43% против 62-67%), с возможностью глубоко изучить предметы получить знания (18% против 29-38%). *ИОР*, чаще по сравнению с *остальными* подчеркивают влияние на жизненные планы таких обстоятельств как политика государства (22% против 10-129%), личные связи с нужными людьми (47% против 27-36%). Среди *ИОР* самые меньшие доли тех, кто в свободное время предпочитает читать (40% против 55-60%), посещать кино, театр, концерты (35% против 48-53%), заниматься любимым делом, хобби (35% против 62%).

Исполнители прочие (ИП) – лица как мужского, так и женского пола, с небольшим перевесом в пользу женского, намеревающиеся работать преимущественно в сферах здравоохранения, транспорта, аппарата государственного управления, юридических служб, финансов, милиции, при этом *ИП* имеют низкую ориентацию на научно-исследовательскую деятельность. Среди *ИП* меньше доля тех, кто имеет творческие работы, по сравнению с *КОР* и *КП*. Как и *КП*, *ИП* не стремятся к высокому заработку, однако среди них самая большая доля по сравнению с остальными тех, кто желает сделать карьеру, продвигаться по службе (57% против 35%-52%). У представителей *ИП* в сравнении с *КП* ниже ориентация на саморазвитие, самостоятельность. Среди *ИП* самая меньшая доля, по сравнению с остальными, тех, кто желал бы иметь собственное дело (8% против 20-40%).

Практическое значение результатов.

Предложенная методика позволяет определить в составе населения группы молодежи с различной ориентацией на творческие действия в профессиональной среде. На массиве старшекласников Гимназии №11 г. Новосибирска получены следующие портретные группы: школьники, творчески ориентированные на сферы новой индустриализации (*креативные, ориентированные на сферы реиндустриализации*), школьники, творчески ориентированные на прочие сферы (*креативные прочие*), школьники, ориентированные на исполнительство в сферах новой индустриализации (*исполнители, ориентированные на сферы реиндустриализации*), и школьники, ориентированные на исполнительство в прочих сферах (*исполнители прочие*).

Разделение *творческих* старшекласников по сферам выбираемой будущей профессиональной деятельности приводит к выявлению различных *творческих* групп молодежи. Одним из значимых отличий между ними является то, что они по-разному ориентированы на научно-исследовательскую деятельность: одних она привлекает, а других – нет.

По своим портретным характеристикам представители группы *креативных, ориентированных на сферы реиндустриализации*, более всего подходят для решения задач новой индустриализации. Но эта группа самая малочисленная. Рост этой группы напрямую связан с прекращением «экспериментов» с российской системой образования. Эта группа вырастет, если удастся основной акцент сделать на точные науки и подготовку специалистов в области техники, физики, химии, электроники, робототехники, космоса, ядерной физики, биологии, геномной инженерии и других перспективных специальностей, далее определить точки приложения этих профессий в национальном хозяйстве и обеспечить государственный заказ на указанные профессии с распределением специалистов в рамках не сужающегося, а приобретаемого полноценные размеры реального сектора экономики.[13]

Креативные прочие и *исполнители, ориентированные на сферы реиндустриализации* – это потенциальные акторы реиндустриализации: первые ориентированы на *другие* сферы, а вторые на исполнительство (и те и другие могут увеличить первую группу). Для того чтобы переориентировать потенциальных акторов новой индустриализацией на решение современных задач необходимо пропагандировать творчество, стимулировать занятия творчеством в технических, химическом биологическом и других подобных направлениях. Возродить кружки, студии, создавать условия для технического, инженерного, технологического творчества. Целенаправленно показывать и пропагандировать истории и судьбу научных изобретений. Пропагандировать важность саморазвития, так, чтобы оно вошло в перечень важных жизненных ценностей.

Самая многочисленная группа – группа *исполнителей прочих*, не ориентированных на сферы новой индустриализации. Мотивации этой группы неустойчивы. По результатам опроса абитуриентов 2014 г. – 34% меняют выбор при подаче заявлений в вуз, 41% при выборе альтернатив поступления указывают не согласовывающиеся друг с другом направления подготовки, 63 % не могут ответить на вопрос о специфике направления подготовки. [14, с.9] Эти данные говорят о том, что системной работы по профориентации со школьниками не ведется. Между тем, имеются опыт и новые современные теоретические разработки, концепции, основанные на принципах неоиндустриализации, позволяющие грамотно и эффективно проводить работу по профориентации молодежи [14]. При хорошо организованной профориентационной работе и пропаганде творчества представителей группы *исполнителей прочих* можно переориентировать на *нужные* сферы.

Предложенная методика выявления особенностей профессиональной мотивации среди молодежи позволяет получить количественные пропорции акторов реиндустриализации в составе респондентов, что, в свою очередь, поможет внести коррективы в профориентационную работу образовательных коллективов.

В типовом инструментарии [8] отсутствуют индикаторы, позволяющие получить структуру профессиональных мотиваций населения, выявить творческий потенциал населения, реализуемый в трудовой сфере. Чтобы скорректировать типовой инструментарий, предлагаем дополнить версии ответов на вопрос «Почему вы выбрали или поменяли профессию?» вариантом «творческая, исследовательская».

Список литературы

1. Программа реиндустриализации экономики Новосибирской области на период до 2025 года <http://main.novosibexp.ru/app/uploads/sites/.pdf>
2. Лапин Н.И. Новая индустриализация России: на региональном и муниципальном уровнях социокультурного пространства. //Вестник Омского университета серия Экономика №3, 2015, с. 15
3. Бэлл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999.
4. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004
5. Флорида Р. Люди, которые создают будущее.– Пер. с англ. Н. Яцюк; [научн. ред. Р. Хусаинов]– М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.– 384 с. © Richard Florida, 2011, 2012.
6. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы /<http://минобрнауки.рф/documents/3409>
7. Материалы форума «Образование и наука будущее России», Новосибирск 2016. <http://novosibirsk.er.ru/video/2016/6/7/partijnyj-forum-obrazovanie-i-nauka-budushee-rossii>
8. Лапин Н.И., Л.А. Беляева Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России (модификация -2010). – М.:ИФРАН, 2010. – 111 с.
9. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Л.А. Беляева, Е.А. Когай, и др., РАН. Институт философии, Центр изучения социокультурных изменений, Научно-координационный совет секции ФСПИ ООН РАН "Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов"; под рук. Н.И. Лапин ; сост. Н.И. Лапин ; общ. ред. Н.И. Лапин ; сост. Л.А. Беляева ; общ. ред. Л.А. Беляева . – М. : Academia, 2009 . – 807 с.
10. Скворцова О.В. Портретные характеристики экономически активного населения с разным типом трудовой мотивации / Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России: сборник материалов X Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Пермь, 14–17 окт. 2014 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – 459 с.
11. Социология молодежи. Учебное пособие / Под ред. Ю.Г. Волкова.– Ростов-н/Д.: Феникс, 2001. – 576 с.
12. Скворцова О.В. Социокультурные изменения в сознании новосибирских школьников (2007-2015 гг.) /Вестник Омского университета серия Экономика №3, 2015, с. 389

13. Реиндустриализация России // <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=1813&type=news>
14. Половинко В.С. Модернизация социально-трудовых отношений в период неоиндустриализации /Вестник Омского университета серия Экономика №3, 2015, с. 9

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ
СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)²⁸

STATE SOCIAL SUPPORT FOR YOUNG PROFESSIONALS EDUCATIONAL
SERVICES (FOR EXAMPLE ULYANOVSK REGION)

Л.В. Климович
Ludmila V. Klimovich

Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия
Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

В статье анализируются меры поддержки, оказываемые государством молодым специалистам в сфере образования. В рамках исследования был проведен традиционный анализ документов и полуструктурированное интервью с учителями Ульяновской области. Результаты исследования показали, недостаточность мер только материального стимулирования для привлечения выпускников ВУЗов для работы в школы.

The support measures provided by the state for young specialists in the field of education is the main object of the article. In the study, the traditional analysis of documents and semiformalized interviews with teachers of the Ulyanovsk region were carried out. Results showed insufficient measures only material incentives for attracting university graduates to work in schools

Ключевые слова: Молодой специалист, государственная поддержка, образование, эффективность, Ульяновская область.

Keywords: The young specialist, government support, education, efficiency, Ulyanovsk region.

Проблема, рассматриваемая в докладе

Одним из направлений социальной политики в современной России является государственная социальная поддержка такой специфической категории работников, как молодые специалисты. Трудности трудоустройства молодых специалистов, как особой категории трудовых ресурсов государство пытается помочь решить при помощи мер социальной поддержки.

В настоящее время не существует единого определения и четких критериев отнесения работников к категории «молодые специалисты». Неопределенными являются границы возраста и стажа трудовой деятельности, позволяющие отнести специалиста к категории «молодой», а также уровень образования, позволяющий отнести молодого человека к категории «специалист» [1, с. 185].

В данной статье, под «молодым специалистом» будет пониматься работник, в возрасте до 35 лет, получивший среднее или высшее профессиональное образование, и впервые поступивший на работу по полученной специальности в течение трех лет после окончания образовательного учреждения. Молодые специалисты обладают своей спецификой и занимают особое место на трудовом рынке. Особо остро проблема трудоустройства стоит перед выпускниками педагогических ВУЗов, при наличии вакантных должностей, выпускники не идут работать в школу.

Государственная социальная поддержка молодых специалистов в Ульяновской области реализуется на основании следующих основных нормативно - правовых актов:

²⁸ Автор выражает благодарность выпускнице специальности «социология» УлГУ А.Уразаевой, оказавшей помощь в сборе эмпирического материала.

Закон Ульяновской области от 2 мая 2012 года № 49-ЗО «О мерах социальной поддержки отдельных категорий молодых специалистов» [2];

Решение Ульяновской Городской Думы от 21.12.2012 № 223 «Об утверждении Программы дополнительных мер социальной поддержки отдельных категорий граждан в муниципальном образовании «город Ульяновск» «Забота»» [3];

Постановление администрации города Ульяновска от 04.07.2013 № 2914 «Об утверждении порядков предоставления мер социальной поддержки отдельных категорий специалистов, постоянно или преимущественно проживающих в муниципальном образовании «город Ульяновск» [4];

Данные законодательные акты регулируют отношения, связанные с наделением органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Ульяновской области государственными полномочиями по предоставлению мер социальной поддержки молодым специалистам, осуществляющим свою профессиональную деятельность в государственных учреждениях образования.

Базовая гипотеза

Основная цель мер поддержки – это привлечение и закрепление молодых кадров в сфере образования. С целью анализа эффективности реализации мер социальной поддержки, было проведено социологическое исследование «Эффективность реализации мер государственной социальной поддержки молодых специалистов в Ульяновской области». Исследование проводилось в апреле-мае 2015 года на кафедре философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

В качестве гипотез были выдвинуты следующие положения:

1. Меры поддержки молодых специалистов не являются доминирующим фактором для их трудоустройства в образовательные учреждения и дальнейшего закрепления на рабочих местах, в отличие от фактора места жительства и личной заинтересованности респондента.

2. Молодые специалисты, работающие в социальной сфере (учителя) испытывают трудности с документальным оформлением положенных мер поддержки.

3. Меры социальной поддержки не имеют значения при закреплении молодых кадров на рабочих местах.

Методы исследования

При проведении данного исследования применялся метод традиционного анализа документов и полуструктурированное интервью с молодыми учителями города Ульяновска (6 учителей) и сёл Ульяновской области (7 учителей). Подбор респондентов осуществлялся методом «снежного кома».

Результаты исследования

На первом этапе методом традиционного анализа документов были проанализированы следующие документы:

1. Закон Ульяновской области от 06.11.2013 № 210-ЗО «О мерах социальной поддержки отдельных категорий молодых специалистов на территории Ульяновской области».

В законе определяются требования, предъявляемые к «молодому специалисту»:

1. Возраст до 35 лет.

2. Наличие высшего или среднего профессионального образования, полученного в образовательных учреждениях, имеющих государственную аккредитацию.

3. Поступление на работу по специальности впервые и не позднее трех лет после получения соответствующего образования.

Этим законом определены меры социальной поддержки молодых специалистов образовательных учреждений, а именно:

– единовременная выплата в размере 10 тыс. рублей;

– ежемесячная выплата в размере 1 тыс. рублей;

Молодым специалистам, проживающим в сельской местности, рабочих поселках (поселках городского типа) Ульяновской области и поступившим на работу, дополнительно предоставляются следующие меры социальной поддержки:

1) единовременная денежная выплата за каждый год работы в следующих размерах:

а) за первый год работы – 20000 рублей;

б) за второй год работы – 40000 рублей;

в) за третий год работы – 60000 рублей;

2) ежемесячная денежная компенсация расходов на оплату занимаемых жилых помещений, а также расходов на отопление (для молодых специалистов, проживающих в жилых помещениях с печным отоплением, – расходов на оплату приобретаемого твердого топлива и услуг по его доставке) и освещение указанных жилых помещений в размере 325 рублей.

Молодым специалистам в образовательных учреждениях предоставляется возможность также:

– получения денежных вознаграждений за классное руководство в размере 1000 рублей в месяц;

– получения выплат компенсационного характера (за кабинет, за проверку тетрадей, за классное руководство);

– получения выплат стимулирующего характера.

Анализ отчетов Губернатора Ульяновской области за 2012, 2013, 2014 года позволил получить информацию с количественными данными о ситуации с поддержкой молодых учителей. Изучена информация с сайта Министерства образования Ульяновской области о вакансиях в образовательные учреждения Ульяновска и Ульяновской области за период 2012, 2013 и 2014 года [5].

Несмотря на меры поддержки и мероприятия регионального масштаба, профессия учителя является непривлекательной для выпускников. Процент выпускников педагогического вуза, поступивших на работу по полученной в вузе специальности, ежегодно находится ниже 50%, что еще раз подтверждает тот факт, что профессия учителя в школе непривлекательна для молодежи.

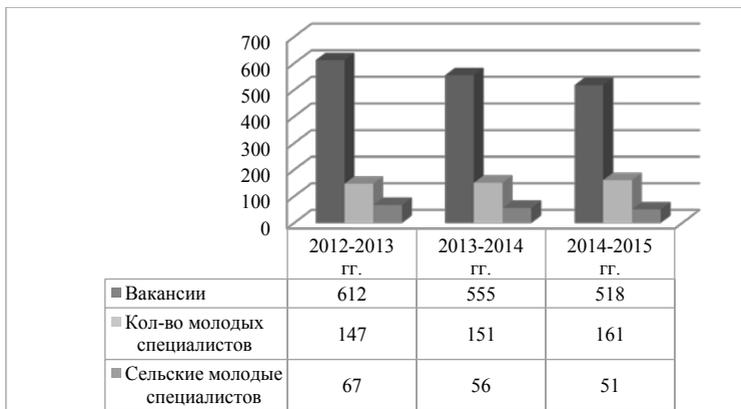

Рисунок 1. Количество вакансий, молодых специалистов, сельских молодых специалистов.

The number of vacancies, young professionals, rural young professionals.

Исходя из представленной диаграммы (рис.1) и статистических данных, можно говорить о том, что, не смотря на то, что с каждым учебным годом вакансии в сфере образования уменьшаются, количество молодых специалистов увеличивается. Но сельских педагогов становится меньше, несмотря на все меры поддержки и мероприятия регионального масштаба.

Основная цель мер поддержки – это привлечение и закрепление молодых кадров в сфере образования. Поэтому при проведении интервью на первом этапе необходимо было выяснить, что стало мотивом трудоустройства по специальности. На это во многом влияет *качество полученного образования*.

Большинство респондентов высоко оценивают полученное образование. Для молодых учителей выбор профессии во многом был обусловлен бесплатным образованием и интересом к профильному предмету.

Следующий момент – это факторы, повлиявшие на выбор места работы и роль мер социальной поддержки в процессе трудоустройства молодого специалиста.

Меры социальной поддержки имеют значение лишь для 3 респондентов из 13, принявших участие в исследовании. Эти молодые специалисты проживают в сельской местности, тогда как для городских кадров меры были лишь приятным дополнением к их заработной плате. То есть, меры поддержки имеют не доминирующее значение для респондентов, в отличие от других стимулов. Проблемы, испытываемые молодыми работниками сферы образования, связаны с «излишней» документацией и процессом складывания межличностных отношений в коллективе и с учениками.

Респонденты сами задаются вопросом, имеют ли влияние меры социальной поддержки для привлечения молодых кадров на рабочие места, ставят под сомнение достижение поставленной в программе цели. Здесь мнение сельских учителей заметно отличается от городских, которые видят в программе лишь приятное дополнение, тогда как сельские молодые кадры говорят о том, что выплаты им помогли. Учителя, работающие на селе, в основном это выпускники 2012 и 2013 года, отзываются более лестно о мерах, в отличие от городских молодых кадров, имеющие стаж менее 1 года.

Источниками получения информации о мерах государственной социальной поддержки являются:

12 человек знают о данной программе, только один учитель не имеет информации об этом. Это респондент девушка 2014 года выпуска и эта ситуация возникла у нее в связи с тем, что еще во время обучения в ВУЗе она трудоустроилась в частную школу и у нее потерялся статус молодого специалиста при трудоустройстве в муниципальную школу после окончания университета.

Наибольшее количество респондентов получило информацию о программе поддержки молодых кадров из мероприятий во время обучения в ВУЗе. Это говорит о том, что Министерство образования и руководство ВУЗов проводит активную политику в данной сфере. Руководство школ заботится о том, чтобы их работники – молодые специалисты смогли воспользоваться программой поддержки, рассказывая им об этом при трудоустройстве. Половина учителей получила информацию о программе поддержки из своего окружения: через друзей, знакомых, коллег или родственников. Так же источником информации выступил Интернет и СМИ. Но чаще всего источников несколько и они выступают в совокупности: например, респондент узнает о программе в университете, а затем читает об этом в Интернете и получает информацию от своих коллег. Не смотря на то, что меры, положенные по закону выплачиваются всем учителям, проблемой является задержка выплат, оформление документов и долгое ожидание выплат.

Предложения в дополнение программы социальной поддержки для всех респондентов, касаются материальной стороны. Это либо увеличение выплат, либо помощь в покупке жилья, либо льготный проезд в общественном транспорте. Данную тенденцию поддерживают сельские специалисты. Так же респонденты предлагают отменить налог на выплаты, положенные по закону для молодых кадров, говоря о том, что и так небольшие деньги облагают налогом.

Роль мер поддержки в закреплении молодых кадров на рабочих местах. Меры социальной поддержки как фактор закрепления на рабочем месте больше актуален для сельских молодых кадров. Но и они напрямую не связывают свои мотивы работы на нынешнем месте с мерами поддержки, ставя на первое место факторы места жительства, коллектива, условия

работы и карьерного роста. Стоит отметить, что 4 учителя хотят сменить работу, при этом они допускают возможность полностью уйти из образовательной сферы. «Недостаточный уровень заработной платы, семья растет, дети в планах, и их нужно достойно растить. Еще низкое социальное положение профессии учителя, как ее видят люди и общество». (юноша, выпуск 2013 (село), «... здесь нет перспектив для развития и карьерного роста, поэтому возможно смену работу» (девушка, выпуск 2014 (село).

Практическое значение результатов

В целом, можно говорить о том, что для молодых кадров в сфере образования меры, предусмотренные социальной поддержкой молодых специалистов в Ульяновской области, имеют весьма малое значение при планировании своей трудовой деятельности и дальнейших планов самореализации и карьерного роста. По мнению самих молодых кадров, цель привлечения молодых кадров в сферу образования не достигается при помощи мер поддержки. Однако наблюдается положительная динамика: количественное увеличение числа молодых специалистов из года в год в сфере образования, то есть социальная поддержка достигает свои результаты.

Субъективная оценка респондентов показывает, что поддержка молодых специалистов должна вестись не только в материальном плане, но и учитывать потребность молодежи к развитию и самовыражению. Учет данных потребностей может способствовать закреплению молодых кадров на месте работы: в школах Ульяновска и сельской местности.

Список литературы

1. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2007. - 495 с.
2. Закон Ульяновской области № 49-ЗО от 02.05.2012 «О мерах социальной поддержки отдельных категорий молодых специалистов на территории Ульяновской области» (с изменениями на 9 марта 2016). <http://docs.cntd.ru/document/918023246> (дата обращения 03.07.2016)
3. Решение Ульяновской Городской Думы от 21.12.2012 № 223 «Об утверждении Программы дополнительных мер социальной поддержки отдельных категорий граждан в муниципальном образовании «город Ульяновск» «Забота»» (с изменениями на 25 февраля 2016 года) / <http://docs.cntd.ru/document/463700727> (дата обращения 03.07.2016)
4. Постановление администрации города Ульяновска от 04.07.2013 № 2914 «Об утверждении порядков предоставления мер социальной поддержки отдельных категорий специалистов, постоянно или преимущественно проживающих в муниципальном образовании «город Ульяновск» (с изменениями на 13 апреля 2015). <http://docs.cntd.ru/document/463703834> (дата обращения 03.07.2016)
5. Официальный сайт Министерства образования Ульяновской области <http://mo73.ru/kadrovaya-politika/vakansii> (дата обращения 10.05.2015).

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ АЛКОГОЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ ROLE OF THE STATE IN SOLUTION OF PROBLEM ALCOHOLIZATION OF YOUTH

С.С. Гордеева
Svetlana S. Gordeyeva

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия
Perm State National Research University, Perm, Russia

Рассматривается алкогольная политика государства как фактор снижения алкоголизации российской молодежи. Раскрывается противоречивый характер политики государственных структур по снижению потребления спиртных напитков среди молодежи. Обосновывается необходимость активной поддержки антиалкогольных государственных мер со стороны широких слоев населения.

State alcohol policy as a factor of reducing alcoholization of the Russian youth is considered. The contradictory nature of the state structures policy to reduce alcohol consumption among young people is revealed. The need for active support of the state anti-alcohol measures from the general population is substantiated.

Ключевые слова: Государство, алкогольная политика, общество, молодежь.

Keywords: State, alcohol policy, society, youth.

Государство является значимым социальным институтом, деятельность которого направлена на укрепление института семьи, ценностей здорового образа жизни, социально ответственного поведения подрастающего поколения. Высокий уровень алкоголизации и неблагоприятные тенденции в изменении состояния здоровья молодежи, вызванные, в том числе, снижением возраста инициации потребления спиртных напитков, обуславливают необходимость изучения антиалкогольных мер государства с одной стороны, и отношения к проводимым государственным мерам со стороны населения, с другой.

Механизм государственного регулирования потребления алкоголя населением осуществляется посредством транслирования институциональных норм в отношении спиртных напитков и осуществления контроля за их исполнением. В настоящее время алкогольная политика РФ включает ряд мер, направленных на регулирование потребления алкоголя населением. Запрет на продажу алкогольной продукции лицам, не достигшим 18-летнего возраста – мера алкогольной политики государства, направленная на регулирование доступности спиртных напитков подросткам.

Возрастные ограничения на покупку алкогольной продукции приняты во многих странах мира. В большинстве государств, реализующих ограничительную возрастную политику по продаже алкоголя, минимальный порог продажи спиртных напитков составляет 18 лет [1]. К числу таких стран относятся Китай, Россия, Турция, Финляндия, Франция и др. В ряде стран (Австрии, Бельгии, Германии, Швейцарии и др.) применяется комбинация 16 и 18-летнего ограничения (16 лет при продаже пива или вина, и 18 – при продаже крепких спиртных напитков). Самый большой возрастной ограничительный порог установлен в Японии (20 лет), Египте (21 год), США (21 год), Индонезии (21 год), Индии (от 18 до 25 лет в зависимости от штата). Кроме того, в ряд стран (Литва, Нидерланды, Финляндия и др.) используются временные ограничения на рекламу алкогольной продукции в СМИ, которые связывают со значительной долей молодежной аудитории в дневное время. Следует сказать, что в РФ реклама алкогольной продукции в настоящее время запрещена (за исключением отечественного

вина, шампанского и пива, а также пива любых производителей во время спортивных трансляций).

В феврале 2013 г. на рассмотрение Госдумы Российской Федерации поступил проект закона о запрете продажи алкогольной продукции лицам, не достигшим 21-летнего возраста. Изменения предлагается внести в Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», а также ст. 21 Гражданского кодекса. За продажу алкоголя лицам, не достигшим 21 года, авторами законопроекта предлагается лишать лицензии на розничную продажу алкоголя. Вместе с тем, в 2015 г. из всех субъектов РФ, на обращение о возможности принятия законов, направленных на полный запрет реализации алкогольных напитков лицам, не достигшим 21-летнего возраста, власти лишь семи субъектов (Камчатка, Крым, Ставропольский край, Тульская область, Хабаровский край, Чечня, Ямало-Ненецкий АО) сообщили Общественной палате РФ о своей готовности ограничить продажу алкоголя на местном уровне [2].

Депутаты высказывали разные точки зрения относительно запрета продажи алкогольной продукции лицам, не достигшим 21-летнего возраста. Часть из них поддерживает данный проект закона, отмечая, что после 21 года человек менее подвержен алкоголизации, чем в более раннем возрасте [3]. Другая часть считает инициативу бесполезной и способной вызвать в обществе массовый протест [4]. Сторонники этой позиции называют его «антиконституционным» поскольку согласно российскому законодательству человек считается полностью дееспособным с 18-летнего возраста, а данная инициатива является ограничением его прав. В то же время Росалкогольрегулирование не поддержало законопроект о запрете розничной продажи алкогольной продукции лицам, не достигшим 21 года, направив Правительству отрицательный отзыв на данный законопроект. Вероятно, причины отсутствия поддержки данного законопроекта в большей степени связаны с возможными экономическими потерями в связи со снижением объемов продажи алкогольной продукции.

По нашему мнению, повышение возраста продажи алкогольной продукции до 21 года на территории РФ будет действенной мерой алкогольной политики государства лишь в случае соблюдения закона о возрастных ограничениях на продажу спиртных напитков работниками предприятий торговли и общественного питания.

В 2011 г. президент РФ подписал Федеральный закон № 253-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции». В частности, устанавливается повышенная административная ответственность граждан, должностных и юридических лиц за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции. Кроме того, вводится уголовная ответственность физических лиц за неоднократную розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним. Несмотря на усилия органов внутренних дел, количество случаев продажи алкоголя несовершеннолетним остается на высоком уровне [5].

По данным МВД РФ за 2009 г., в России было выявлено 27 тыс. случаев продажи алкоголя несовершеннолетним, и только за первое полугодие 2010 г. на работников предприятий торговли и общественного питания за нарушение правил продажи алкогольной продукции несовершеннолетним наложено 14 тыс. 687 административных взысканий [6]. Согласно результатам исследования употребления психоактивных веществ среди учащихся в возрасте 15–16 лет в Северо-Западном Федеральном округе РФ, более трети подростков (38,7%) все же приобретали в магазинах алкогольные напитки для своего собственного потребления хотя бы один раз за предшествующие опросу 30 дней [7]. Согласно результатам опроса ВЦИОМ 2012 г., россияне сталкиваются с фактами нарушения закона, регулирующего оборот и потребление алкоголя. Так, 31% респондентов видели, как алкоголь продается несовершеннолетним [8].

Основание данной ситуации трудно связать с неадекватностью административного наказания. С 24 ноября 2012 г. вступил в силу Федеральный закон от 12.11.2012 № 193-ФЗ «О внесении изменений в статьи 3.5 и 14.16 Кодекса Российской Федерации об административ-

ных правонарушений». Данный закон направлен на ужесточение ответственности за нарушения в сфере розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним. С 1 января 2013 г. административный штраф, налагаемый на граждан за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, составляет 30–50 тыс. руб., для должностных лиц – 100–200 тыс. руб., для юридических лиц – 300–500 тыс. руб.

По словам заместитель главного врача Петербургской городской наркологической больницы В. Григорьева в связи с ужесточением наказания за продажу алкоголя несовершеннолетним количество обращение за оказанием наркологической помощи уменьшилось на 15–20 %, но это уменьшение коснулось тех, кто имеет первичные признаки алкоголизма [9].

Вероятно, причина несоблюдения правил продажи спиртных напитков находится в сфере сознания населения, связанная с низким уровнем культуры продавцов алкоголя, т.е. обусловлена действием фактором социокультурного характера.

По мнению экспертов ВЦИОМ, среди основных причин нарушений в сфере торговли алкоголем в отношении несовершеннолетних называют равнодушие общества к случаям продажи алкоголя подросткам, безответственность продавцов при реализации алкогольной продукции и отсутствие контроля в целях исполнения законодательного запрета на продажу алкоголя несовершеннолетним [6]. Причем, по мнению экспертов, контроль над соблюдением закона должен осуществляться не только со стороны ответственных структур, но и со стороны гражданского общества. Следует отметить, что низкая готовность большей части гражданского общества осуществлять социальный контроль за исполнением законодательных антиалкогольных мер государства и непоследовательность самих государственных мер по регулированию производства и продажи алкогольной продукции, в значительной степени снижает эффективность государственной политики, направленной на предотвращение алкоголизации населения.

Мнение экспертов ВЦИОМ подтверждают результаты опроса Фонда «Социальные проекты и программы», проведенного в пяти крупных городах РФ [10]. Основными причинами нарушений в сфере торговли алкоголем в отношении несовершеннолетних, по мнению продавцов супермаркетов и магазинов, являются равнодушие граждан и безответственное отношение продавцов алкогольной продукции к исполнению закона о запрете продажи алкоголя лицам, не достигшим 18 лет. Более 59% продавцов отметили, что наиболее частой реакцией на попытку купить алкоголь подростком и даже на факт продажи, является молчаливое равнодушие окружающих.

Приведенные результаты подтверждают утверждение о низкой готовности гражданско-го общества к активному участию в осуществлении социального контроля над продажей спиртных напитков несовершеннолетним.

Эффективная антиалкогольная политика должна опираться на активную поддержку проводимых мер со стороны населения. Как показывают исследования ФОМ, 64% респондентов считают, что государственные ограничения на продажу алкоголя не способны снизить уровень пьянства в России [11]. В большей степени это связано с общим уровнем доверия населения к власти и реализуемой ею государственной политикой, а также значительном влиянии алкогольных традиций на респондентов, приверженность им.

В настоящее время в РФ власти демонстрируют так называемый прогибиционистский подход в сфере регулирования потребления алкогольной продукции, который реализуется через борьбу государства с производством, продажей и потреблением запрещенных товаров, в данном случае алкогольной продукцией. При этом сложился слабый государственный контроль этого потребления с такими издержками как коррупция и низкая эффективность осуществляемой антиалкогольной политики. Меры алкогольной политики в настоящее время, направленные на сферу производства и торговли, демонстрируют отсутствие представлений об особенностях алкогольного поведения населения в целом и отдельных социально-демографических групп, в частности, молодежи. Эффективная государственная алкогольная

политика не возможна без общественной дискуссии по проблемам потребления алкоголя, которая будет стимулировать осознание данного вопроса во всех социальных слоях.

Таким образом, можно говорить о противоречивости государственной политики по снижению злоупотребления алкоголя, выраженной в регулировании потребления алкоголя населением мерами государственной политики на разных уровнях с широкими возможностями приобретения и употребления алкогольной продукции, в том числе подростками. Меры, реализуемые государством, слабо затрагивают неформальную сторону жизни общества, повседневное общение граждан. Кроме того, российское общество ориентировано на соблюдение алкогольных традиций и неформальных правил и не готово активно поддерживать реализуемые антиалкогольные меры государственных структур.

Список литературы

1. First progress report on the implementation of the EU Alcohol Strategy [Text], 2009. – P. 48.
2. В семи регионах готовы продавать алкоголь с 21 года [Электронный ресурс] // Известия. – 2015. – 16 января. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/581826>
3. До 21 не наливать [Электронный ресурс] // Газета.ru. – 2013. – 7 февраля. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/social/2013/02/07/4957161.shtml>
4. Росалкоголь против запрета на покупку спиртного до 21 года [Электронный ресурс] // Известия. – 2012. – 11 декабря. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/541262>
5. Иванова, Т. К. Организация взаимодействия при проведении мероприятий по недопущению продажи несовершеннолетним табачных изделий, алкогольной и спиртосодержащей продукции, пива и напитков, изготавливаемых на его основе [Текст] / Т. К. Иванова, Ю. Б. Котов, А. М. Белоусов, О. Э. Стребейко. – Москва, 2012. – С. 4.
6. Задача номер один [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ, 2010. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=111239>
7. Употребление психоактивных веществ среди учащихся Москвы [Электронный ресурс] / The European School Survey Project on Alcohol and Other Drugs, 2011. – Режим доступа: <http://nncn.ru/datadepot/nncn02/000004.pdf>
8. Ограничение на продажу алкоголя: работает ли закон? [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ, 2012. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113413>
9. Эксперт: запрет продажи алкоголя за наличные может усугубить ситуацию [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2013. – 26 августа. – Режим доступа: <http://ria.ru/spb/20130826/958680942.html>
10. Итоги второго этапа информационной программы МВД России по предотвращению нарушений в сфере торговли алкогольной продукцией в отношении несовершеннолетних [Электронный ресурс] / Социальные проекты и программы, 2011. – Режим доступа: www.18zakon.org
11. Проблемы пьянства и торговли алкоголем [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФОМ, 2006. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/dd062840>

ДЕФОРМАЦИИ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОТИЗМА НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ: НЕСООТВЕТСТВИЕ ОЖИДАНИЙ И РЕАЛЬНОСТИ²⁹

DEFORMATIONS PREVENTION OF NARCOTISM AT MUNICIPAL LEVEL: A MISMATCH BETWEEN EXPECTATIONS AND REALITY

Я.Н. Нахимова
Yana N. Nakhimova

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Tyumen State University, Tyumen, Russia

Профилактика наркотизма институционально не сформировалась в России. Ее место занимает деятельность юридических институций, криминализирующая сферу наркопотребления. Социальные установки молодежи не соответствуют российскому антинаркотическому дискурсу. Приводятся данные социологических исследований, проведенных в Тюменской области с 2010-2015 гг.

Prevention of narcotism did not formed institutionally in Russia. Its place is taken by the activities of legal institutions that criminalize sphere of drug use. Attitudes of youth do not comply with Russian anti-drug discourse. The article presents the results of sociological researches conducted in the Tyumen region from 2010-2015.

Ключевые слова: Наркотизм, употребление наркотиков, профилактика, наркополитика.

Keywords: Narcotism, drug use, prevention, drug policy.

Введение

Результативность снижения уровня наркопотребления в обществе во многом зависит от позиции государства. В России зачастую усилия институций, чья деятельность направлена на предотвращение употребления наркотиков, превращаются в голословную панику, что использование наркотиков неизбежно приводит к наркомании и грозит уничтожению нации. Ущерб от общественной паники проявляется в том, что регулирование сферы наркопотребления находится в силовом ведомстве, которое борется с наркопотребителями как опасными (распространенный миф: наркопотребитель – преступник) и неизлечимо больными людьми (миф: наркопотребитель – наркоман, т.к. привыкание возникает с первой пробы), продвигает идею их социального исключения и принудительного «лечения», сеет мифы по поводу одинаковой вредности всех наркотиков. Все эти стереотипы снижают эффективность профилактических мер [1] и препятствуют созданию действенных.

Настоящая статья посвящена анализу институциональных норм, касающихся сферы наркопотребления, и социальных установок молодежи Тюменской области. Мы попытаемся показать, что на сегодня профилактика наркотизма институционально отсутствует в России, а ее место занимают институции, которые криминализируют сферу наркопотребления.

Разведем основные понятия статьи. Наркомания – это заболевание отдельного индивида, наркотизм – устойчивое социальное явление, характеризующееся потреблением частью населения наркотических веществ, следствием которого является формирование социальной проблемы. Социальная проблема состоит не столько в наркопотреблении, сколько в процессах определения этой сферы различными институциями.

²⁹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект №16-03-00500.

Впервые термин «наркотизм» введен в социологический контекст в книге Кесельмана Л.Е. «Социальные координаты наркотизма» [2]. Наркотизм включает в себя большое количество показателей: распространенность наркопотребления, структура и способы употребления, портрет наркопотребителей, формы социального контроля и т.д.

Учитывая высокий уровень латентности наркотизма, мы осознаем, что статистика не может предоставить полные данные об уровне наркопотребления. Однако, даже если судить по официальным показателям, профилактика не может быть названа эффективной. По данным Минздрава РФ за 2014 год, уровень первичной заболеваемости наркологическими расстройствами, вызванными употреблением наркотиков, вырос на 10,9% и составил 53,8 человек на 100 тыс. населения [3].

Социальная ситуация, связанная с наркотизмом, неоднородна в российских регионах. Мы рассматриваем Тюменскую область – один из регионов с высоким для России уровнем жизни населения и высоким уровнем наркопотребления. В 2014 году здесь было зафиксировано 61,2 наркопотребителя на 100 тыс. населения, что выше показателя 2013 года на 56%. Среди впервые установленных лиц с диагнозом «наркомания» наибольшее число составляют потребители синтетических психостимуляторов (как правило, «солей») – 56,6%, каннабиноидов (каннабис вместе с синтетическим каннабиноидом – «спайсы») – 22,8%, опиатов – 20,6%. В возрастной структуре больных наркоманией превалирует возрастная группа 20–39 лет.[4] В Тюменской области утверждена Государственная программа «Антинаркотическая программа» до 2020 года, но объем финансирования первичной профилактики в 2015 году составил лишь 19%. [5]

Итак, сформировались новая повестка, выходящая за рамки криминогенного восприятия проблемы наркотизма и создающая поле для актуальных мер профилактики.

Обзор литературы

Положения о том, что наркотизм – устранимое явление, а любой наркопотребитель – наркоман являются научно необоснованными. История человечества и ученые давно доказали, что наркотизм – устойчивое социальное явление, от которого обществу не избавиться, в связи с чем государству необходимо сосредоточиваться на первичной профилактике и снижении вреда от использования наркотиков в немедицинских целях.

Учеными подтверждается процесс «нормализации» молодежного наркопотребления, которое было замечено среди рекреационного потребления героина.[6] В этом видятся отражение глобализации наркорынка и различия, локализованные в местных практиках.

Так, во многих городах России, в частности, в Тюменской области, в период 1990-2010 гг. особенностью наркотизма считалось потребление опиатов. С 2010 гг. потребители перешли, главным образом, на каннабис и дизайнерские наркотики («спайсы» и «соли»). Это подтверждают данные Доклада о наркоситуации в Тюменской области по итогам 2015 года [4], в котором говорится, что среди впервые взятых на учет наркозависимых, наибольшее число составляют потребители синтетических психостимуляторов (в частности, «солей») – 52,7%, каннабиноидов (каннабис вместе со «спайсами») – 19,6%. Употребляющими опиаты среди впервые выявленных – 27,7%. Колебания наркопотребления зависят и от моды на наркотик, и от трансформации социальных ценностей.

Учеными обозначается, что проблема наркопотребления перестала быть проблемой маргиналов; в обществе распространены «компетентные» потребители, способные контролировать процесс, продолжая выполнять социальные роли.[7; 8]

Исследователями отмечается также неверный курс российских антинаркотических мер, который приводит к нарушению прав, социальному исключению реальных или бывших наркопотребителей [9; 10], стигматизации, криминализации, создает преграды в создании эффективных социальных программ. Регулирование сферы наркопотребления формировалось с 2003 по 2016 гг. преимущественно под началом полицейского органа – Федеральной Службы по Контролю за оборотом Наркотиков. Ясавеев И.Г., исследующий риторику ФСКН, отмечает, что Служба постоянно держала общество в напряжении, создавая «образ наркомании как

проблемы мирового масштаба, порождающей целый ряд других проблем» [11] (организованную преступность, экстремизм, терроризм и мн. др.).

Базовая гипотеза исследования

Социальные процессы наркотизма следует рассматривать на институциональном и социокультурном уровнях. Они взаимообусловлены и задают вектор в формировании социальных установок, которые способствуют/препятствуют наркопотреблению. На институциональном уровне проявляется архаичный и репрессивный характер антинаркотических мер, на социокультурном – формируются ценностные противоречия, воспроизводится деформированная социальная рефлексия по отношению к проблеме. Таким образом, систему профилактики логично выстраивать на уровне жизненных миров.

Методы исследования

С целью повышения эффективности профилактики на региональном уровне, мы поставили задачу выявления социальных установок тюменской молодежи по отношению к употреблению наркотиков. Нами приняты на вооружение концептуальные наработки У. Томаса и Ф. Знанецкого, выявивших, что наркотический опыт влияет на отношение к социальным ценностям и нормам. [12] Каждый индивид имеет жизненный мир, основанный на личном опыте, приобретенных ценностях и нормах. Жизненный мир потребителя наркотиков отражает специфику реальной ситуации в сфере наркотизма.

Источниками данных послужили результаты ряда социологических исследований 2010-2015 гг., проведенные в Тюменской области (юг). В опросах 2010-2013 гг. приняли участие молодые люди из Тюменской области (юг) в возрасте 18-30 лет: в 2010 – 927, в 2011 – 1025, в 2013 – 759 человек; выборка репрезентирует молодежь по признакам пол/ возраст/ образование/ тип поселения. В 2015 г. было проведено дополнительное авторское исследование, которое включило опрос в г. Тюмени (350 человек), его результаты дали представление о характере наркотизма и социальных установках молодежи по отношению к употреблению наркотиков и антинаркотической политике.

В ходе анализа были выделены 2 группы респондентов в зависимости от наличия опыта использования наркотиков: наркотизированная группа, которая включила 49% молодежи (Группа 1 – те, кто пробовал наркотики); и денаркотизированная, 51% молодежи (Группа 2 / контрольная группа – те, кто никогда не пробовали наркотики). Результаты анонимных интервью фиксируют долю наркотического опыта на уровне выше 70%.

Результаты исследования

Социологический портрет Группы 1: 55% мужчин и 45% женщин; 82% работают; 55% имеют высшее образование, 31% учатся в университете, 6% имеют образование среднее или ниже, 7% - среднее специальное/профессиональное. Оценивают свой уровень дохода как средний – 63%, ниже среднего – 23%, выше среднего – 14%.

В группу потребителей каннабиса и дизайнерских наркотиков попадают все социальные слои. Более подробный анализ факторов демонстрирует нам, что процесс легитимации наркотиков в молодежной среде не определяется гендером, социальным и/или материальным статусом. Наиболее заметны межпоколенческие различия. Частота экспериментирования со всеми видами наркотиков увеличивается с возрастом (Таблица 1).

Таблица 1.

Структура употребления наркотиков различными возрастными группами молодежи, % от числа потребляющих в Тюменской области, 2015 г.
The structure drug use of different age groups of youth,% of the number consuming in the Tyumen region, 2015

	18-24 года	25-30 лет
1. Каннабис (марихуана, гашиш)	90	93
2. Дизайнерские наркотики («спайс», «соль»)	46	49
3. Стимуляторы (амфетамин, экстази, метамфетамин)	34	53
4. Галлюциногены (ЛСД, псилоцибин и др.)	34	49
5. Лекарственные препараты, употребляемые в немедицинских целях	28	34
6. Кокаин	8	11
7. Опии	7	11

Согласно данным, каннабис современной молодежью определяется как наименее «вредный» и наиболее «легкий» наркотик, его пробовали более 90% из Группы 1. Но именно потребление каннабиса привело к росту уровня наркомании на 43,8% за 2014 год.

Предполагается, что важным фактором, препятствующим наркопотреблению, является наличие чувства ответственности за здоровье и позитивных ценностей (любовь, семья и т.д.), которые формируют модель поведения с отрицательной установкой на наркотики. Наши исследования это не подтвердили. Группа 1 и 2 одинаково высоко оценивают ценности здоровья, семейного счастья, любви, духовного развития, дружбы, любимой работы и свободы – средний балл выше 4,00. Однако в иерархии ценностных ориентаций есть одно важное отличие: в Группе 1 (по отношению к Группе 2) снижена на 0,4 баллов ценность приверженности общественным целям. Проверка на уровне корреляций, факторного анализа и дисперсионного анализа не подтвердила статистически устойчивой связи ценностных ориентаций и поддержки/отрицания употребления наркотиков.

Между Группами 1 и 2 нет различий по гендеру, образованию, группе занятости, материальному положению, самооценкам социального самочувствия, отношению к базовым ценностям. Оказалось значимым влияние социального окружения молодежи. Употребляли наркотики среди друзей у 86% респондентов из Группы 1 (у 25% из Группы 2), среди коллег по учебе/работе – 49% (у 22% из Группы 2), среди членов семьи и родственников – у 20% (у 7% из Группы 2). Таким образом, влияние друзей, при отсутствии эффективного профилактического влияния, становится единственной площадкой, где формируется социокультурный потенциал индивида, транслируются установки и нормы.

Какими мотивами обусловлено принятие решения употреблять наркотики? Ответ на вопрос позволяет определить компоненты социальных установок в связи с наркоопытом.

Основные различия между Группой 1 и Группой 2 заключены в когнитивных и аффективных компонентах социальных установок. Различия в поведенческих компонентах социальных установок между двумя изучаемыми группами менее статистически устойчивы.

Социальные установки Группы 1 характеризуются аффективной реакцией (решение об употреблении наркотика зависит от настроения и ситуации – 62%, наркотики вызывают любопытство – 53% и т.д.). Группа 1 избирательно относится к тому, какой вид наркотика употреблять (72%), каков вред от его использования (59%), считает, что человек имеет право употреблять (71%) и может контролировать процесс (50%).

Социальные установки Группы 2 показали высокий уровень приверженности социальным нормам (81%) и отрицание наркопотребления из-за возможных рисков (87%). Однако, у Группы 2 обнаружена амбивалентность в социальных установках в оправдании наркоопыта: «все зависит от ситуации и настроения», «неудовлетворенность работой может привести человека к наркотикам» и т.д.

Далее, проведен факторный анализ результатов исследования по методу главных компонент с вращением по Барлетту. Опрашиваемым было предложено отметить свое отношение к 24 положениям по 5-балльной шкале от полного согласия (1) до полного отрицания (5).

В фазе анализе используются наблюдения, для которых «Пробовали ли Вы наркотики?» = Да. Получилось 5 факторов, которые были объединены в следующие группы.

Фактор 1 описал психосоциальные факторы и включил в себя легитимацию наркопотребления, объясняет 22% суммарной дисперсии. Факторы 2 и 3 описал институциональные факторы, включающие в себя социальные риски и условия социализации молодежи. Объясняют 14% и 11% суммарной дисперсии. Факторы 5 и 6 описали социокультурные факторы и включили в себя распространенность, доступность и популяризацию в обществе наркотиков. Объясняют 9% и 8% суммарной дисперсии.

Глубина проблемы наркопотребления осознается также, как и глубина проблемы существующей профилактики. С одной стороны, молодежь легитимирует употребление некоторых видов наркотиков, с другой, – репрессивные меры не работают, поскольку не воздействуют на причины наркотизма. Проведем анализ профилактики, которая в силу своей институциональной природы, характерна почти для всех российских регионов.

Часто в истории наркополитики решения принимались людьми, далекими от проблемы. В России активным субъектом реализации профилактики был полицейский орган – ФСКН. Однако в марте 2016 г. был создан Совет по проблемам профилактики наркомании при Совете Федерации, 5 апреля упразднена ФСКН, ее функции переданы в систему Министерства внутренних дел. Во всех субъектах РФ намечена организация наркологической службы и реализация Стратегии развития воспитания в РФ до 2025 г. Переориентируются ли антинаркотические практики в меры, соответствующие реальности, покажет будущее. Однако уже сейчас требуют внимания следующие положения.

1. Запрет реализации программы снижения вреда и заместительной терапии, научно обоснованной и рекомендуемой Всемирной Организацией Здравоохранения, приводит к тому, что права потребителей наркотиков и других людей, которые могут заразиться вирусом ВИЧ, заболеть гепатитом, становятся вопросом жизни и смерти.

2. Члены Совета выступили за обязательное тестирование на наркотики в школах, аргументировав это тем, что подростки с 15 лет зачастую отказываются проходить процедуру, хотя, по мнению участников заседания, с этого возраста начинается «зона риска». Отметим, что с декабря 2013 г. принят закон о добровольном тестировании учащихся с 13 лет. Однако этот метод не прошел научную экспертизу, экономическое обоснование, его польза не очевидна, а эτικο-правовой аспект его применения спорный. Также тестирование не способно выявить зависимость, а только сам факт употребления. В случае обязательного характера диагностики, должен быть в обязательном порядке принят Федеральный закон для ограничения прав и свобод граждан (по ст. 55 Конституции РФ). По нашим результатам исследования, поддержка эффективности «процедуры с белыми стаканчиками» находит меньший отклик в зависимости от наличия наркоопыта молодых людей. 33% из Группы 1 и 42% из Группы 2 уверены, что она может помочь в снижении наркопотребления.

3. Общественная Палата РФ предложила сделать открытыми и общедоступными данные о наркопотребителях, аргументируя это тем, что каждый гражданин страны должен знать, «что его сосед наркоман» и быть в безопасности от них.

4. Насколько социальная антинаркотическая реклама эффективна в России? Лишь 16% молодежи уверены, что российская реклама является действенной. Действительно, например, существующие плакаты («Скажи НЕТ наркотикам») не достигают своей цели, имеют слишком прямолинейный характер и неглубокий смысл. Необходимо изменять акценты, выстраивая информационно-смысловой контент профессионально.

5. Неадекватная информация о наркотиках не достигает своей цели. Всего 40% доверяют информации о наркотиках, предоставляемой государственными органами, и 24% - СМИ. Антинаркотический дискурс в России десятки лет сохраняет опору на запугивание. По нашим данным, лишь 26% молодежи согласны с этими высказываниями, а большинство их игнорирует. Молодежь, которая получила наркоопыт либо узнала из личных источников о том, что описываемые в СМИ эффекты и последствия не соответствуют реальности, в дальнейшем отвергает любой антинаркотический месседж.

Наши результаты показывают негативную динамику в отношении молодежи к реализуемой профилактике (Рис. 1). В 2013 г. снизилась на 8% доля молодежи нейтрально оценивающих профилактику, но увеличилась на 8% доля тех, кто считает, что существующие меры плохие – разовые акции, которые не дают результата.

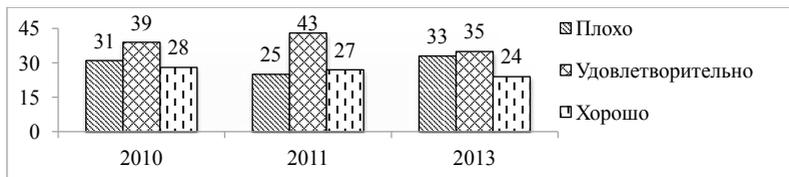

Рис. 1. Отношение молодежи к деятельности местных властей в области профилактики наркотизма, 2010-2013 гг., %

The ratio of youth to the activities of local authorities in the field of prevention of narcotism, 2010-2013, %

Заключение

В России правовой дискурс имеет приоритет над социальной профилактикой. Актуальные меры, основанные на социокультурных особенностях региона и жизненных миров его жителей, не выработаны.

Сформулируем некоторые рекомендации. Во-первых, необходимо придавать наибольшее значение сохранению здоровья и соблюдению прав человека. Как следствие, необходимо перейти от репрессивных мер по отношению к наркопотребителям в сторону рестриктивной модели, используя научно обоснованные социальные и здравоохранительные программы. Во-вторых, в регионах, отличающихся друг от друга по уровню риска наркотизма, необходимо создавать возможность предоставления целевых грантов на развитие профилактики на местном уровне. В-третьих, ключ к эффективной интеграции молодежи в систему профилактики находится внутри компетентности социальных институтов, эффективность которых зависит от правильной трансляции норм и ценностей.

Список литературы

1. Мейлахс П.А. Опасности моральной паники по поводу наркотиков // Кредо-Нью. 2003. № 1(33). – С. 216-233.
2. Кесельман Л.Е. Социальные координаты наркотизма. СПб филиал Института социологии РАН. — СПб., 1998. — 120 с.
3. Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2013-2014 годах. Статистический сборник. Москва. 2015. – С. 20.
4. Тюменская область. Доклад о наркоситуации в Тюменской области по итогам 2015 года // Антинаркотическая комиссия в Тюменской области, Тюмень. Доступно по ссылке: https://admtumen.ru/ogv_ru/society/drug_prevention/more.htm?id=11364108@cmsArticle (дата обращения: 12 апреля 2016).
5. Государственная программа Тюменской области «Антинаркотическая программа до 2020 года». – С. 18.
6. Пилкингтон Х. Журнал исследований социальной политики, 2006. №2. – С. 229-268.
7. Бартенев А.Г. (2008) Наркотизм в молодежной среде: идеологическая база наркопотребления, дифференцированность наркотических практик // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского: Серия Социальные науки. № 2 (10). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ: 77-84.
8. Дмитриева А.В. (2011) Наркотики как фактор структуриации в обществе потребления (на примере правового дискурса) // Журнал социологии и социальной антропологии. № 5: 338-347.

9. Мейлахс П.А. Человек наркозависимый: свободный преступник или больной раб? Анатомия криминального и медицинского дискурсов наркомании // Наркотизм, Наркомании, Наркополитика / Под ред. А.Г. Софронова. СПб.: Медицинская пресса, 2006. С. 103- 120.
10. Гилинский Я.И. Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд, 2009. № 3. – С. 302-311.
11. Ясавеев И.Г. Риторика контролируемого бедствия: специфика конструирования ФСКН проблемы потребления наркотиков. Журнал исследований социальной политики. 2016. Том 14, № 1. – С. 14.
12. Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Vol. 1. Second edition. N.Y. 1927.

**ЦЕННОСТЬ ИВЕНТ (EVENT)-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ³⁰**

**VALUE EVENT-ACTIVITIES OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE PROCESS OF
MODERNIZATION OF THE RUSSIAN REGIONS.**

П.Ф. Сироткин
Pavel F.Sirotkin

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия
Perm state national research University, Perm, Russia

Процесс модернизации российских регионов затрагивает широкие социальные группы, в том числе такие специфические, как религиозные. Изменения, происходящие вокруг религиозной общины не могут не сказаться на формах и методах работы религиозной организации, инновационность которых, в свою очередь, является одним из элементов модернизации духовной и общественной жизни на региональном или местном уровне.

The process of modernization of the Russian regions, a broader social group, including such specific religious. Changes occurring around religious communities cannot fail to affect the forms and methods of work, religious organizations, innovation which, in turn, is one element of the modernization of spiritual and social life at the regional or local level.

Ключевые слова: Религиозные организации, ивент-деятельность, религиозная идеология, модернизация идеологии

Keywords: Religious organizations, event activities, religious ideology, modernization ideology

В последнее время появилось достаточно много различных исследовательских работ посвященных пониманию наполнения понятий, связанных с ивентом. Зарубежными и российскими исследователями описываются понятия ивента, функции и задачи ивент-менеджера, механизмы ивент-маркетинга. Так Н. А. Андрианова отмечает, что выбор этого слова связан с заимствованием принципов работы в данной отрасли у западных аналогов. До января 2009 г. оно относилось к группе варваризмов, то есть перенесённым на русскую почву иностранным словом, употребление которого носит индивидуальный характер. [1]. Наиболее частые прямые переводы английского термина «event» дают следующие варианты: 1) событие; 2) случай; 3) происшествие.

Н.Н. Старцева определяет несколько терминологических систем «ивент», первая из которых может разрабатываться в рамках культурологи, вторая – в пределах управленческого знания, третья – в русле теории маркетинга и, наконец, четвёртая – в рамках социологического подхода. [2].

Однако понятие ивент может рассматриваться гораздо шире, исходя из практического наполнения содержания ивента. Анализируя понятия и характеристики, применяемые различными исследователями к пониманию сущности ивент-процесса можно сделать вывод о том, что все четыре подхода могут применяться в описании одного социального явления – религиозной деятельности, которое особенно показательно проявляется у представителей новых для российских регионов религиозных движений.

Если рассматривать ивент-среду как составляющую социальной среды религиозной общины или движения то можно выделить несколько её элементов. Во-первых, это созна-

³⁰ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-03-00155).

тельное программное планирование, управление и конструирование важных, с точки зрения религиозной общины, религиозных событий. Во-вторых, это проведение религиозных обрядов и церемоний с использованием символов своего культа, использование всех доступных форм и методов, в том числе и достаточно креативных, для продвижения своих религиозных идей. В-третьих, это использование для этого определенной социальной группы – религиозных деятелей, священников, лидеров, пророков.

Религиозное действо призвано удовлетворять конкретные потребности людей путем их участия в том или ином событии, которое может быть традиционным, если мы говорим о формах и методах работы представителей традиционных религиозных учений, а может быть и креативным, сконструированным под конкретную социальную среду, что присуще представителям новых религиозных движений. Под традиционными религиями мы понимаем конфессии, деноминации или культы, действующие на протяжении длительного времени (допустим около 100 лет) на определенной территории и передающиеся последующим поколениям для воспроизводства религиозных практик. В процессе социального развития общества данные религиозные практики претерпевают некоторые изменения, несущие на себе отпечаток соответствующих этнических или государственно-идеологических особенностей и являющиеся важнейшим механизмом воспроизводства моральных норм, религиозного опыта, знаний. Традиционные религии значительно укоренены в бытовом поведении жителя данной местности, системе государственных праздников и локальных обрядов, отражаются на типе и способе мышления, культуре, психологии человека.

Традиционное религиозное мышление по природе своей консервативно, а священники традиционных вероучений настороженно относятся к любым вопросам социокультурной модернизации той социальной среды, того российского региона, в котором они существуют.

Соответствующим образом термин «новые религиозные движения» применяется нами ко всем иным, не укоренным на данной территории религиозным организациям.

По мнению С.Б. Васильевой, быстрое распространение новых религиозных движений, сект и культов оказывает существенное влияние на развитие религиозной ситуации в стране, на динамику отношений между конфессиями и их взаимоотношения с государством.[3] Комплекс социокультурных и политико-экономических причин, одной из которых являлась начавшаяся социокультурная модернизация постсоветского общества привела к активному распространению новых религиозных движений. При этом можно выделить три тенденции распространения новых религиозных движений: одну связанную с модернистским направлением христианства – протестантизмом различного толка (неопятидесятники, адвентисты седьмого дня,) или около христианские культы (мормоны, свидетели иеговы), вторую – имеющую в основе своей опору на восточные культы (большей части индуистские модернизированные культы) и третью – имеющую в своем начале мифологизированное этническое родноверие – язычество (староверы-инглинги, звенящие кедры) или фантастическое наукообразием (радостя-ритмология, дианетика-саентология, откровение нового века с квантовым переходом). Появление данных организаций привело к тому, что в достаточно традиционной сфере религиозных практик российских регионов появились новые формы религиозной жизни. Произошла модернизация религиозной сферы. Различные новые религиозные движения в своей богослужебной деятельности внесли различные ивент-элементы, позволяющие современному жителю российской глубинки не только противостоять социокультурной модернизации с консервативных позиций, но и получить возможность встроиться в изменяющуюся социокультурную среду, путем своего участия в ивент-деятельности новых религиозных движений.

Распространение новых религиозных идей является определенным событийным проектом. А.Е. Назимко определяет событие (ивент) как мероприятие, изменяющее отношение целевой аудитории и бренда, событийный маркетинг как комплекс мероприятий, направленных на продвижение бренда посредством организации специальных событий, а событийный менеджмент – как управление событием (ивент-проектом) «под ключ»[4].

Анализируя миссионерскую деятельность членов новых религиозных движений можно отметить, что организация ярких событий, ивент-программ презентующих новую идеологию религиозной группы, несущие совершенно новые социокультурные послылы, соответствует целям и задачам входящей на чужое религиозное пространство новой религиозной организации. Как пример полноценного ивент-проекта в религиозной сфере можно отметить проведение пермской неопятидесятнической церковью «Новый завет» мероприятия, получившего название «картонная евангелизация». Яркое необычное событие, проводимое группой адептов данного вероучения одновременно в разных частях города, с раздачей печатной продукции, агитацией под видом проведения «социологических исследований» и расстановкой самодельных транспарантов, вырезанных из картонных коробок из под холодильников и телевизоров привлекает внимание как простых горожан, так и журналистского сообщества. Так как ивент-проектам не важна привязка к некоей традиции, например датам, «картонная евангелизация» стала с 2011 года достаточно регулярным явлением в Пермском крае, а начинается оно, как привило, с появления пророчества о необходимости усилить миссионерскую деятельность. В частности, неопятидесятники церкви «Новый завет» получают такие пророчества достаточно регулярно, на основании чего с 2009 года пермская церковь проводит целый цикл ивент-мероприятий объединенных под единым названием «Год для Иисуса». Удачное начало на пермской земле позволило Российской Церкви Христиан веры евангельской с сентября 2010 года и в масштабе страны объявить ивент-проект «Год для Иисуса» всероссийским проектом. В рамках этого проекта церковное руководство разрабатывает масштабные миссионерские действия. По данным пятидесятнического епископа А. Дербенева на 01 января 2012 года проект «Год для Иисуса» 33 агитационные команды работают в 28 регионах России. Проповедано 2,8 миллиона человек, посещено 9 тысяч населенных пунктов, начато 430 новых домашних групп и церквей [5]. Это масштабный церковный ивент-проект с одной стороны продвигает активную миссионерскую деятельность христиан веры евангельской, с другой стороны, его проведение имеет еще и рекламно-маркетинговый смысл, так как шумное проведение проекта привлекает внимание жителей к деятельности церкви. Другие христианские деноминации с 2012 года проводят ивент-мероприятия похожего содержания.

Религиозная практика, вышедшая из соответствующих культовых зданий на улицы, является ярким примером социокультурной трансформации религиозной жизни российского региона. Необычным является и сама деятельность адепта в такой ситуации. Человек не просто приходит на религиозное действо – он организует его сам, сам ищет старую коробку из под холодильника или телевизора, сам придумывает текст транспаранта, сам несет его в массы. Опыт, пережитый при такой религиозной практике, явно будет отличаться от традиционного религиозного богослужения в пассивной форме. В подобной деятельности нам видится достаточно большая ценность, когда ивент-среда, созданная новыми религиозными движениями, создает иную практику поведения верующего, закрепляет новые ценности, модернизирует консервативную среду и консервативные религиозные практики.

Список литературы

1. Андрианова Н.А. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Терминология событийного маркетинга (на материале терминологических систем Ивент/ SpecialEvent)» С-ПБ, 2012, с.11.
2. Старцева Н.Н. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук на тему «Ивент-менеджеры как профессиональная группа : процесс формирования в современной России» Екатеринбург, 2014, с 18-22
3. Васильева С.Б. Традиционная и нетрадиционная религиозность в современном мире / Вестник Бурятского университета №8, 2010, с. 6
4. Назимко Е.А. Событийный маркетинг: руководство для заказчика и исполнителей. М: Вершина, 2007, с.14-30.
5. Дербенев А. Десять тысяч церквей: перед РЦ ХВЕ стоят новые задачи// Вера и общество. Пермь. 2012. №05(261)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
(по регионам Российской Федерации)
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Москва

Беляева Людмила Александровна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Касавина Надежда Александровна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии РАН.

Латин Николай Иванович – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, председатель Научно-координационного совета Секции ФПСПП Отделения общественных наук РАН, Советник РАН.

Курская область

Когай Евгения Анатольевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии Курского государственного университета.

Пасовец Юлия Михайловна – кандидат социологических наук, доцент Курского государственного университета.

Кубикова Наталья Владимировна – аспирант Курского государственного университета.

Прокопчук Татьяна Леонидовна – аспирант Курского государственного университета.

Хорошилова Анастасия Вячеславовна – студент Курского государственного университета.

Московская область

Кулибаба Сергей Иванович – кандидат искусствоведения, заведующий отделом Государственного Российского Дома народного творчества, г. Химки.

Смоленская область

Винокуров Александр Иванович – кандидат психологических наук, доцент, проректор по научной работе Смоленского государственного института искусств.

Тульская область

Мосин Василий Иванович – кандидат философских наук, доцент, генеральный директор Тульского социологического центра.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Вологодская область

Ласточкина Мария Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН.

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Краснодарский край

Баранов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета.

Астраханская область

Ануфриев Дмитрий Петрович – канд. техн. наук, доцент, ректор Астраханского государственного архитектурно-строительного университета.

Каргаполова Екатерина Владимировна – доктор социологических наук, профессор кафедры философии, социологии и лингвистики Астраханского государственного архитектурно-строительного университета.

Волгоградская область

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой «История, культура и социология» Волгоградского государственного технического университета.

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Чеченская Республика

Осунов Муса Мовлиевич – кандидат социологических наук, доцент, директор Центра социально-стратегических исследований, г. Грозный.

ПРИВОЛЖСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Республика Башкортостан

Гордеев Юрий Александрович – аспирант кафедры экологии и природопользования Башкирского государственного педагогического университета, г. Уфа.

Кулагин Андрей Алексеевич – заведующий кафедрой экологии и природопользования Башкирского государственного педагогического университета, г. Уфа.

Лавренко Наталья Михайловна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, старший научный сотрудник Башкирского филиала Института социологии РАН, г. Уфа.

Хабирова Лейсен Марсовна – ведущий специалист-эксперт Министерства природопользования и экологии Республики Башкортостан, г. Уфа.

Хусаинова Линара Равильевна – аспирант Башкирского государственного педагогического университета, г. Уфа.

Чувашская Республика

Бойко Иван Иванович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары.

Долгова Алевтина Петровна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары.

Семедова-Полупан Нина Григорьевна – кандидат социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальных технологий Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Чебоксары.

Тарасов Владимир Тимофеевич – кандидат экономических наук, профессор кафедры экономики и корпоративного управления Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Чебоксары.

Харитонова Валентина Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары.

Пермский край

Балезина Екатерина Андреевна – старший преподаватель кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета.

Воронова Ксения Андреевна – ассистент кафедры социологии и политологии Пермского государственного национального исследовательского университета.

Гордеева Светлана Сергеевна – старший преподаватель кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета.

Маркова Юлия Сергеевна – аспирант, ассистент кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета.

Плотникова Елена Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии Пермского государственного национального исследовательского университета.

Сироткин Павел Федорович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета.

Соловьев Семен Сергеевич – ассистент кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета.

Самарская область

Исупов Андрей Михайлович – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Самарского университета.

Королева Елена Николаевна – доктор экономических наук, профессор Самарского государственного экономического университета.

Костина Маргарита Алексеевна – младший научный сотрудник Института экологии Волжского бассейна РАН, г. Тольятти.

Кудинова Галина Эдуардовна – кандидат экономических наук, руководитель группы «Экономика природопользования», старший научный сотрудник Института экологии Волжского бассейна РАН, г. Тольятти.

Кузнецова Разина Саиднасимовна – научный сотрудник Института экологии Волжского бассейна РАН, г. Тольятти.

Лазарева Наталья Владимировна – доктор медицинских наук, профессор кафедры экологии и безопасности жизнедеятельности Самарского государственного экономического университета.

Мартышкин Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Самарского университета.

Прохоров Денис Викторович – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Самарского университета.

Розенберг Геннадий Самуилович – доктор биологических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Института экологии Волжского бассейна РАН, г. Тольятти.

Розенберг Анастасия Геннадьевна – кандидат биологических наук, младший научный сотрудник Института экологии Волжского бассейна РАН, г. Тольятти.

Цлаф Виктор Михайлович – кандидат технических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Самарского университета.

Шабунин Дмитрий Михайлович – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и психологии, Самарский университет (Тольяттинский филиал).

Юрина Владлена Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» Поволжского государственного университета сервиса, г. Тольятти.

Ульяновская область

Власова Наталья Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

Галкина Елена Петровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

Дергунова Нина Владимировна – доктор политических наук, профессор кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

Кадничанская Марина Ивановна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

Климович Людмила Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Тюменская область

Андреанова Елена Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента, маркетинга и логистики Тюменского государственного университета.

Арбитаило Ирина Яновна – ассистент кафедры менеджмента, маркетинга и логистики Тюменского государственного университета.

Давыденко Владимир Александрович – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра Тюменского государственного университета.

Нахимова Яна Николаевна – аспирант, старший преподаватель Тюменского государственного университета.

Ромашкина Гульнара Фатыховна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой математических методов, информационных технологий и систем управления в экономике Тюменского государственного университета.

Тарасова Анна Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента, маркетинга и логистики Тюменского государственного университета Тюменского государственного университета.

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Новосибирская область

Дьячкова Юлия Александровна – студент Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Коломенская Анастасия Сергеевна – ассистент кафедры социологии Новосибирского государственного технического университета.

Корчагина Александра Павловна – студент Новосибирского государственного технического университета.

Крупчатникова Вера Витальевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и прикладной экономики Новосибирского государственного технического университета.

Мостовая Елена Борисовна – доктор социологических наук, профессор кафедры политической экономики Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Скворцова Оксана Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент Сибирского государственного университета водного транспорта.

Соловьева Алена Дмитриевна – студент направления «Социология» Новосибирского государственного технического университета.

Томская область

Булатова Татьяна Алексеевна – кандидат медицинских наук, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Томского государственного педагогического университета.

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОЕКТИРОВАНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ
В РЕГИОНАХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАНИЯХ РОССИИ**

**Материалы
XII Всероссийской научно-практической конференции
по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов»
26-29 сентября 2016 г., Самара-Тольятти**

Статьи печатаются в авторской редакции

Подписано в печать 12.09.2016. Формат А5.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 19,25. Уч.-изд. л. 23,8. Тираж 500 экз.
Заказ № 14
Отпечатано в типографии издательства «Глагол»
г. Самара, ул. Революционная, 128